Л.А. Дашкевич

ГОРОДСКАЯ ШКОЛА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ УРАЛА

(конец XVIII – первая половина XIX в.)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Л.А. Дашкевич

ГОРОДСКАЯ ШКОЛА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ УРАЛА

(конец XVIII – первая половина XIX в.)

ЕКАТЕРИНБУРГ, 2006

УДК 94 (470.5)
ББК 63.3 (235.55) 521

Дашкевич Л.А. **Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.).** Екатеринбург: УрО РАН, 2006. ISBN 5–7691–1747–8.

В монографии рассмотрены проблемы становления и развития государственного образования в русском провинциальном городе. По материалам Пермской, Вятской и Оренбургской губерний конца XVIII – первой половины XIX в. исследованы основные типы учебных заведений, их численность, социальный состав, инфраструктура, динамика развития. Изучена направленность политики правительства в сфере образования, отношение горожан к просвещению, а также место и роль городской школы в общественной и культурной жизни провинции.

Книга предназначена для специалистов-историков, преподавателей, студентов, а также всех, кто интересуется историей и культурой Урала.

Ответственный редактор
академик РАН *В.В. Алексеев*

Рецензенты:
доктор исторических наук *С.В. Голикова*
доктор исторических наук *О.Н. Богатырева*

Гравюра на форзаце
из книги "Зрелище природы и художеств".
СПб., 1788, ч. 8.

ISBN 5–7691–1747–8

Д $\frac{\text{ПРП-2006 – 54(06) – 251}}{\text{8П6(03)1998}}$ ПВ-2006

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2006 г.

ВВЕДЕНИЕ

Динамичное и разнонаправленное изменение социальной реальности в современной России оживило интерес науки к образованию как особой социокультурной деятельности, выполняющей в обществе системообразующую функцию. Социологические исследования свидетельствуют о том, что традиции образования остаются в целом чрезвычайно влиятельными в общественной жизни нашей страны [1]. Сохранение и развитие этих традиций – одна из главных проблем сегодняшнего дня, что актуализирует интерес к истории вопроса.

Истоки общественного образования в России тесно связаны с формированием городской культуры. Город исторически был важнейшей социокультурной средой, в которой развивалось образование. На город было обращено основное внимание образовательной политики Российского государства и в эпоху Нового времени. Школьная система России вплоть до середины XIX в. была по сути городской.

Как же складывались взаимоотношения власти и общества в процессе становления школы? Насколько соответствовали усилия государства образовательным стратегиям провинциалов? Какое место школа занимала в жизни города? Как она влияла на его общественное и культурное развитие? Представленная читателю книга – попытка ответить на эти вопросы. Конкретным предметом исследования автора является государственная общеобразовательная школа, сыгравшая исключительно важную роль в культурной и общественной жизни города. Солидное место в российской системе образования занимали также ведомственные школы. Однако они были по большей части строго сословными и недоступными для простых горожан.

Культурная среда провинциального города относится к наименее изученным сферам в пространстве национальной культуры. Недостаточное внимание к ней до недавнего времени объяснялось негативным восприятием самого термина «провинция», или «периферия». Историографическая традиция при определе-

нии термина «периферия» исходила из противопоставления ей центра как носителя институтов власти и культурных символов. Провинция рассматривалась лишь как «место действия» центральной власти, а не как равноправный участник общественно-политических и культурных процессов [2]. Интерес историков-урбанистов к «разнообразию в пространстве», к выявлению локальных городских типов возник совсем недавно. Он связан в определенной степени с нынешней переориентацией гуманитарных наук на историко-антропологический и историко-культурный подход к изучению прошлого, предполагающий достаточно полное и всестороннее исследование проблем бытования культуры в обществе.

Поиск современных подходов исследования затруднен слабой разработанностью проблем культуры «старой русской провинции» и немногочисленностью выявленных до сих пор культурно-исторических материалов [3]. В последнее время появились труды исследователей-культурологов, пытающихся обосновать методику анализа региональной культуры, найти язык ее описания [4]. Многие их выводы, однако, пока абстрактны и нуждаются в конкретизации. Детальное изучение истории провинциальной школы в связи с этим в научном отношении вполне целесообразно. Локально-исторический материал, посвященный данной теме, позволит уточнить и скорректировать бытующие представления о городской культуре, направленности и результатах усилий государства и общества в решении проблем образовательной сферы.

В поле внимания автора включены все уральские города официально называемые штатными, независимо от уровня и особенностей их социально-экономического развития. Штатные города составляют самостоятельный объект исследования, содержащий материал, достаточный для научных обобщений. Их общие черты были закреплены санкционированным государством статусом: это – «ранжированное место в штатной иерархии, обладание подведомственной в административном отношении округой, отдельные от уезда органы управления, наличие в составе жителей представителей власти, официальное признание самоуправляющейся городской общины» [5].

География исследования включила Пермскую, Вятскую и Оренбургскую губернии. Изучение образовательного пространства всех традиционно относимых к Уралу территорий дает возможность, с одной стороны, сделать обобщения законченного

регионального значения, с другой – провести сравнительный анализ, позволяющий выявить закономерности развития образования и культуры в уральских губерниях и особенности этого процесса в разных типах городов.

В монографии впервые предпринят системный анализ состояния общественного образования в уральских городах на этапе его становления и институализации, включающем конец XVIII – первую половину XIX в. Начальная граница изучения связана с преобразованиями екатерининской эпохи, заложившими основы широкой системы городских провинциальных школ (1782–1786 гг.), конечная – реформой образования 1864 г., существенно изменившей организацию школьного дела.

Цель изучения – выявление важнейших предпосылок создания системы общественного образования в уральских городах, анализ ее эффективности и динамики развития. Становление системы образования определялось целым рядом взаимозависимых факторов (степенью сформированности у горожан внутренней потребности в приобретении знаний; престижем образования в сознании общества; политическим отношением государства и правящей элиты к распространению образования; ассигнованиями на развитие школьного дела; подготовкой педагогических кадров; оптимальностью взаимодействия всех элементов системы образования; качеством обучения и состояния педагогической науки).

Комплексный анализ всех этих факторов, кроме последнего, требующего специального педагогического изучения, является первым направлением настоящего исследования. Его задача – определить общее состояние системы образования в регионе, соответствие ее запросам государства и общества изучаемого времени. Вторым направлением стало изучение общественно-культурной среды уральских городов. Основной задачей в данном направлении является выявление роли школы в жизни города. Социологи и философы признают, что образование – специфическая система социокультурной деятельности, она многообразна и по форме, и по содержанию. Развиваясь при поддержке общества, система образования оказывает на него активное обратное воздействие, формирует сущность его функционирования [6].

Историческое рассмотрение образования в социокультурном контексте обусловило применение в работе системного анализа, сочетающего исследование проблемы на макро- и ми-

кроуровнях. В качестве макрообъяснительной модели при изучении институциональных изменений в системе образования автором использованы модернизационные подходы. При разных интерпретациях понятия «модернизация» историки сходятся в том, что этот процесс был связан с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности в период перехода общества от стадии традиционного к стадии индустриального. В социологических теориях модернизации «классического» периода (1950–1960-е гг.) сам процесс перехода от традиционного к современному обществу рассматривался обыкновенно как «вестернизация», или «европеизация». Современные модификации теоретических основ модернизационного подхода отказались от подобной односторонней трактовки. Концептуальное ядро современной многолинейной версии модернизации включило признание возможностей собственных оригинальных путей развития, национальных моделей модернизации, имеющих местную социокультурную окраску [7].

В огромной поликонфессиональной Российской империи, как справедливо отмечают многие авторы, модернизация протекала неравномерно, «в различной степени охватывая экономические и социальные фрагменты общества и даже территориальные единицы» [8], что определялось сложным взаимодействием традиций и новаций. Неравномерными были модернизационные изменения и в пределах одной территории. Понять специфику модернизации вне исторически сложившегося социокультурного подтекста невозможно.

Школа, созданная «просвещенными монархами» в XVIII – начале XIX в. по образцу европейских аналогов, была, несомненно, модернизирующим фактором в истории России. Развитие ее, однако, зависело не только от воли и политики правительства, но и от оценки роли просвещения местным провинциальным обществом. В настоящей работе автор пытается представить подготовку, ход и результаты проведения школьных реформ не только в абстрактной форме статистического и количественного анализа, но и в раскрытии реальной картины повседневности. «История повседневности», оформившаяся как научное направление в недрах немецкой истории, акцентирует внимание на жизненном мире простого человека. Ее интересуют поступки, проблемы, мысли и чувства «маленьких людей», поведение которых конструирует и меняет форму идентичности коллективов [9].

Осмыслить внутренние социальные и психологические связи, проявляющиеся в реалиях повседневности, помогает также опыт школы «Анналов». Так, в исследовании Л.М. Артамоновой, посвященном истории провинциальной школы, отмечено, что один из творцов ставшего популярным в исторических исследованиях понятия «ментальности» Жорж Дюби прямо подчеркивал, что ее носителем выступает система образования [10]. С этим нельзя не согласиться. Современная социология и теория культуры признают основными функциями образования «социализацию» и «инкультурацию» обучаемого, предполагая, что в процессе подготовки к жизни человек не только проходит этап адаптации, но и формируется как личность, усваивая социокультурную информацию и преобразовывая ее в собственные ценности, установки и ориентации. «Пространство культуры не только вне человека, – пишет известный философ-социолог Л.Н. Коган, – оно и в нем самом, внутри него» [11].

Рассматривая проблему адаптации и социализации, социологи выделяют три уровня этого явления. Первый уровень составляет общество в целом, степень и характер его развития. В процессе социализации личность усваивает социокультурную информацию макроуровня как конкретно-исторические ценности общества и человечества. Второй уровень отражает жизненные условия, связанные с непосредственным окружением человека, его ближайшей социокультурной средой, с национально-этническими, региональными особенностями, а также семейными традициями, оказывающими воздействие на ценностные ориентации, нормы, привычки, стиль поведения и образ жизни. Эта микросреда непосредственно воздействует на личность и формирует ее. Третий уровень – это собственный жизненный опыт, связанный с состоянием внутреннего мира, духовным обликом, системой мотивов и ценностей, реализующихся в поведении личности и определяющих ее культурную активность [12]. Все эти факторы, оказывавшие влияние на формирование ценностных установок разных слоев горожан по мере возможности включены в сферу внимания настоящего исследования.

Методологически важным представляется также использование интеграционного, или системно-функционального, подхода к исследованию культуры, в основе которого лежат положения адаптивно-деятельностной культурологии. В отечественной историографии исследования культуры XIX в. системный подход является сравнительно новым. Достаточно активно и плодотвор-

но он разрабатывается в Лаборатории истории русской культуры исторического факультета Московского университета. Интересными и методологически ценными представляются наблюдения, высказанные в обобщающем исследовательском проекте «Очерки русской культуры XIX века», подготовленном учеными университета. Первый том исследования посвящен изучению общественно-культурной среды, или культурного пространства России [13]. Авторы отмечают единство российской культуры, признавая при этом своеобразие региональных и социокультурных элементов, ее составляющих. «Важнейшими социокультурными пластами, в которых существовала и функционировала культура, пульсировала та или иная струя многоликого, противоречивого культурного потока, были город, деревня, усадьба, составлявшие во взаимодействии культурное пространство», – пишет Л.В. Кошман. Культурная среда определяется исследователем как определенная сфера существования и взаимодействия культурных новаций и традиций [14].

Новаторским по подходу стал и третий том коллективного труда, посвященный изучению образования [15]. Авторы не ограничились традиционным для российской историографии исследованием школьного дела. Они произвели анализ деятельности других информационных и социокультурных институтов, дававших населению возможность самообразования и приобщения к профессиональным знаниям (книжное дело, периодическая печать, библиотеки, музеи). Подобный подход, дающий возможность реконструировать объемную реальную картину культурных процессов в уральских городах, использован и в нашем исследовании.

Признавая общность многих черт культуры уральских городов, историки выделяют среди них пять основных групп. К *первой* относились старые административные и торговые центры (например Вятка, Кунгур) со сложившимися городскими «мирами» и традициями, сохранявшие устойчивую традицию к росту. *Вторую* группу составляли процветавшие ранее города, которые постепенно теряли завоеванные позиции (Чердынь, Соликамск, Верхотурье, Туринск). На развитии этих городов негативно отразилось перемещение главного сухопутного тракта, связывавшего европейскую и азиатскую части страны. *Третья* группа включала южные города – административно-военные центры (Оренбург, Троицк, Челябинск, Уральск), в составе населения которых было много военных. *Четвертая и пятая* груп-

пы были представлены молодыми городами, одни из которых, являясь уездными центрами, в экономическом отношении оставались сельскими поселениями (например Оса, Оханск, Камышлов), а другие (например Пермь, Екатеринбург, Шадринск, Ирбит) оказались в числе быстро растущих торгово-промышленных центров [16]. Одной из задач настоящего исследования стало выявление особенностей развития образования в каждом типе уральских городов.

Школа как элемент общественно-культурной среды города долгое время не привлекала внимания отечественных историков. Дореволюционная историография, посвященная истории школьного дела, как правило, рассматривала историю педагогики в контексте правительственной политики. Объяснялось это, как уже отмечалось в историографии, распространенным в то время представлением о ведущем значении административной деятельности государства в российской истории. Дореволюционное наследие изучения истории российского образования составили труды П.Ф. Каптерева, Н.К. Отто, К.И. Арсеньева, М.И. Сухомлинова, И.А. Алешинцева, С.А. Князькова, Н.И. Сербова, С.В. Рождественского, Д.А. Толстого и др. [17].

В ряду историко-педагогических сочинений того времени можно отметить фундаментальный труд С.В. Рождественского «Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902» (СПб., 1902), посвященный столетнему юбилею этого ведомства. Данная работа до сих пор является, пожалуй, наиболее полным исследованием школьного законодательства XIX в. [18]. Юбилейные и ведомственные издания дореволюционных исследователей посвящались также истории других министерств, ведомств и учебных заведений. Несмотря на апологетичный характер многие из них весьма любопытны и для сегодняшнего историка, так как позволяют представить развитие российского образования в контексте профессиональных и корпоративных интересов [19].

История школьного дела Урала впервые получила свое освещение в работах местных учителей и любителей истории. Первые статистические сведения о числе школ в Пермской губернии опубликовал Никита Савич Попов, учитель, а затем директор Пермского главного народного училища. Его труд «Хозяйственное описание Пермской губернии», подготовленный в 1802–1803 гг. по приказу губернатора К.Ф. Модераха и переизданный в 1813 г. Вольным экономическим обществом, считается одним из лучших

среди подобных сочинений в России [20]. К середине XIX в. относятся труды Николая Алексеевича Фирсова, преподававшего в 1855–1859 гг. в Пермской мужской гимназии, а затем в Казанском университете. В 1858 г. Н.А. Фирсов издал в Санкт-Петербурге «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии», представляющий собой первый опыт рационального изучения истории местного образования [21]. Историки вполне справедливо отмечают демократический характер взглядов учителя [22]. В определенной мере они были близки к историософским воззрениям известного русского историка А.П. Щапова. Н.А. Фирсов был убежден, что «вопрос о воспитании есть вместе с тем вопрос о состоянии и внутреннем быте нашего народа и общества». Деятельность государства и педагогов, с его точки зрения, должна была учитывать особенности исторического развития территорий, которое накладывало «неизглаженную» печать на устройство быта обитателей, их убеждения, верования, действия. В развитии Пермского края он видел «свой, особенный от обитателей многих других стран России характер».

Историк считал, что население Пермского края сложилось из двух потоков. С одной стороны, это были «гулящие люди», беглые, преступники и прочие «противогосударственные» элементы, с другой – служилые люди и владельцы земель, стремившиеся любым путем получить «прибыток». И те, и другие долгое время, как пишет Н.А. Фирсов, «если и учились, то только тому, что могло дать в жизни копейку». Прагматический взгляд на жизнь, утвердившийся в Пермском крае, с его точки зрения, был препятствием для быстрого развития здесь «цивилизации и образованности». В условиях нецивилизованного общества, считал Н.А. Фирсов, надежда правительства улучшить русский народ, развивая здравые начала жизни и воспитания только в малом кружке населения (дворянстве), была обречена на провал.

В определенной степени взгляды Н.А. Фирсова предвосхитили социально-культурное направление в историко-педагогических исследованиях Урала. «Школа и народ, общество и воспитание, – писал он, – взаимно действуют друг на друга: и язвы общественные, и поворот народной жизни к лучшему тотчас прокладывают себе дорогу и в школу, и в классную комнату детей отца семейства, и, с другой стороны, тот скромный, не ослепляющий своим блеском, но благодетельный свет, который теплится в школе, несмотря на то, что кругом может быть тьма, и который рачительно поддерживается и мало-помалу усиливается под

страдальческою рукою вождей этой школы, разливается незаметно по темным закоулкам мысли и сердца народа» [23].

Одной из насущных потребностей Пермской губернии Н.А. Фирсов считал развитие женского образования. В обучении женщин он видел надежду на будущее «исправление общества». На основе личных впечатлений и имевшихся в его распоряжении официальных документов Н.А. Фирсов сумел создать достаточно полную и объективную картину состояния женского образования в предреформенной Перми, выделив образовательные стратегии обучения девочек в семьях богатых и бедных горожан, условия их домашнего и организованного обучения в женских пансионах.

Большое значение в историографии местной школы имела статья Н.А. Фирсова «Открытие народных училищ в Пермской губернии», появившаяся в 1859 г. в первом томе «Пермского сборника», опубликованного демократическим кружком Д. Смышляева. Работа эта получила высокую оценку известного критика-демократа Н.А. Добролюбова. Статья представляет собой подлинно научное исследование, основанное на изучении законодательных источников и делопроизводственных материалов Пермского приказа общественного призрения. Здесь впервые приводятся достаточно подробные сведения о системе управления народными школами Пермской губернии XVIII в., их финансировании, количестве учеников и учителей, работе Пермской градской школы. Достаточно высоко оценивая правительственные устремления в распространении просвещения и устройстве екатерининских школ, Н.А. Фирсов отметил множество препятствий на пути их развития: несовершенство местного управления, многопредметность обучения, нехватку учебных пособий и материальных средств, мизерность учительского жалованья и т. д. Фактический материал, представленный Н.А. Фирсовым, имеет особую ценность, так как впоследствии многие источники, с которыми он работал, были утрачены [24].

Во второй половине XIX – начале XX в. с ростом демократизации и развитием самосознания населения провинции количество исследований, характеризующих становление образования в уральских городах, многократно увеличилось. Посвящены они были по большей части истории отдельных учебных заведений. Объемные исторические очерки создавались по заданию училищных дирекций к юбилейным датам гимназий и уездных училищ. Полуофициальный характер этих изданий не уменьшает их

ценности. Многие исследования содержат выдержки из не сохранившихся до настоящего времени источников, в том числе и личного происхождения, что имеет огромное значение для исследования культурного мира провинциальных городов [25]. Особенно любопытны в этом отношении труды М.Г. Васильева и А.А. Спицына. Для того чтобы полнее представить жизнь Вятской гимназии XIX в., они провели беседы со многими ее бывшими воспитанниками, а также получили часть материалов от жителей разных городов после обращения к ним через местные газеты [26]. Важный фактический материал представлен и в других работах, издание которых не было связано с юбилеями учебных заведений [27].

Обобщающих исследований о развитии образования на Урале в дореволюционный период не было. Попытку свести воедино сведения о работе учебных заведений Пермской губернии предпринял директор местных училищ В.Н. Шишонко. На основе опубликованного законодательства, школьных архивов, личных наблюдений и трудов предшественников он создал «Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений» [28]. Наиболее подробно и достоверно они отразили состояние учебных заведений ведения министерства народного просвещения; сведения по остальным ведомствам (духовному, горному, военному) были весьма отрывочными, а иногда и ошибочными.

По Вятской губернии обобщающий труд, посвященный истории учебных заведений, выполнили губернские статистики и краеведы, которые включили в свои пространные сборники, посвященные столетию Вятской губернии, помимо хронологии основных событий, исторический обзор деятельности учебных заведений ведения министерства народного просвещения. В нем приведены историко-статистические данные о численности городских учебных заведений, их финансировании, инфраструктуре, программе обучения, сословном составе учителей и учащихся, участии городских обществ и меценатов в содержании училищ [29]. Сводные данные о числе школ, учителей и учащихся в Оренбургской губернии к 1850 г. представил в своем историко-статистическом труде преподаватель Уфимской духовной семинарии В.Н. Черемшанский [30].

В целом необходимо отметить, что дореволюционная историография уральской школы сохраняла любительский характер, в трудах профессиональных историков сведения о ней

встречались очень редко и были фрагментарными. Признавая значение исторических работ уральских авторов, а также важность введенных ими в научный оборот источников, нужно подчеркнуть, что все они оставались в русле распространенных в российской историографии и философии того времени взглядов и концепций. Изучение роста культурного уровня населения ограничивалось рамками институциональных форм, а развитие школьного дела в городах объяснялось изменением законодательно-правовых норм и мероприятиями правительства.

Вместе с тем исследователи не могли не замечать влияния социальной и культурной среды на формирование личности. Во многих исторических и этнографических описаниях уральских городов присутствует характеристика степени образованности, оценка отношения к просвещению городского «образованного» общества, купечества и мещанства [31]. Из краеведческих сочинений следует особо отметить работу П.Н. Столпянского, в которой дано достаточно подробное описание экономики Оренбурга, его социальной и общественно-культурной жизни. При создании работы автор использовал как личные впечатления, так и архивные документы Оренбургской городской думы и ученой архивной комиссии. Именно такую многостороннюю, детальную характеристику городского быта, насыщенную фактическим материалом с мелкими, разрозненными, но яркими характерными подробностями, современные исследователи считают главной заслугой дореволюционных краеведов [32].

Краеведческая литература дала начало новому локальному направлению в российской исторической науке. В начале XX в. в России сложилась оригинальная научная школа исторического краеведения, которая отводила большую роль изучению культуры провинциальных городов. Историографический интерес представляют работы Н.К. Пиксанова, который ввел в научный оборот термин «областные культурные гнезда». По мысли Н.К. Пиксанова, в областях имелись свои пласты культуры, в частности «литературные гнезда», без изучения которых невозможно описание истории литературы в целом [33].

Идеи Н.К. Пиксанова были восприняты известными историками-урбанистами И.М. Гревсом и Н.П. Анциферовым. В своих работах они сформулировали важность изучения «культурных гнезд» для исторического познания явлений духовной культуры в целом в их естественной среде [34]. Подчеркивая достоинства литературоведческого открытия Н.К. Пиксанова, исследователи

расширили понятие «культурного гнезда». В фундаментальной статье «История в краеведении» И.М. Гревс писал: «Следует захватывать в круг этого понятия не одни только поэтические и беллетристические произведения, но и журналистику, и школьное дело, историю образования на местах вообще и научные начинания» [35]. По существу И.М. Гревс и Н.П. Анциферов первыми поставили задачу «средового» изучения образования. Современный исследователь истории города XIX в. Л.В. Кошман признает методологическую важность исследований И.М. Гревса и Н.П. Анциферова в понимании общественно-культурной среды города как исторического феномена: впервые историками был поставлен вопрос о роли города как центра генерации культурных ценностей и синтеза новаций и традиций в культуре [36].

В советский период, однако, эти разработки отечественных историографов были утрачены. Изучение становления российского образования в культурно-историческом контексте продолжили русские ученые в эмиграции. В 1930–1937 гг. в Париже вышло переработанное издание книги П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры», содержавшие большой раздел об истории русской школы от древности до большевистских времен [37]. Известного историка и политика П.Н. Милюкова можно отнести к числу приверженцев детерминистских воззрений. Основные детерминанты общественного развития он искал не в экономических отношениях общества, а в области духовной культуры и психического взаимодействия индивидов [38]. С этой точки зрения им была дана и характеристика истории русской школы. Анализируя условия деятельности дореформенных школ, П.Н. Милюков уделил особое внимание политическим настроениям власти и общества. «История школы и просвещения в XIX в. – писал он, – была замаскированной историей борьбы за и против идей, которые неизбежно несло с собой образование» [39]. Политическим противоборством по преимуществу историк объяснял и все школьные преобразования.

Теорию конфликта в истории образования восприняла советская историография, задрапировав ее в марксистские одежды. Марксистско-ленинская методология исследования теории и практики образования была основана на тезисе об их отчуждении и обусловленности экономическими интересами, носящими в антагонистическом обществе взаимно конфликтный характер. Можно признать существенные заслуги советских историков в исследовании истории российского образования, однако многие

их труды были насыщены идеологическими конструкциями. Привычной для работ советских историков стала негативная интерпретация образовательной политики самодержавия. «Мы считаем, – писал в 1938 г. известный историк школы Е.Н. Медынский, – что просветительная политика царского правительства в первые годы XIX в. и, в частности, школьный устав 1804 г., ставили себе задачей, внешне оперируя просветительными идеями буржуазной революции XVIII века (и, понятно, соответствующим образом извращая их), обезвредить эти идеи и в таком искаженном виде приспособить их к укреплению самодержавной монархии» [40]. В последующие годы оценки несколько смягчились, сохранив, однако, классовую направленность [41].

Схематизм и идеологическая заданность выводов были присущи долгое время и работам уральских исследователей указанной темы. В первые послереволюционные десятилетия местные историки уделяли преимущественное внимание изучению национальной школы, трудового воспитания и обучения, что было связано с актуальными проблемами школьного строительства в новом государстве. История города ограничивалась социально-экономическими аспектами. Единичными были и труды по истории государственного образования.

В качестве начала нового этапа советской историографии принято выделять конец 1950-х–начало 1960-х гг., когда с изменением общественно-политической обстановки в стране историки стали более свободны в выборе тем и трактовке событий. Одним из новых научных направлений стало историко-этнографическое изучение русского города. Работы М.Г. Рабиновича, М.Н. Шмелевой, Л.А. Анохиной и других исследователей, появившиеся в эти годы, рассматривали различные стороны бытовой культуры горожан, в том числе и культуры духовной [42].

Исследования историков-этнографов касались в основном центральных областей России. Культура городов Урала была изучена гораздо слабее. О недостатке материалов, раскрывающих своеобразную внутреннюю жизнь уральского города, писал в 1958 г. известный исследователь дореволюционного города П.Г. Рындзюнский [43]. В первые послереволюционные десятилетия работ городоведческого направления на Урале было создано очень немного, бытовые аспекты общественных и культурных процессов в них почти не затрагивались [44]. Мало пополнилось историко-культурное направление в изучении уральского города и в течение следующего этапа историографии.

В обобщающих городоведческих и научно-популярных краеведческих работах 1960–1980-х гг. об уральских городах сведения культурно-исторического характера встречались крайне редко [45]. Исключение составляли, пожалуй, лишь книговедческие изыскания, интерес к которым возник в связи с изучением культуры уральского старообрядчества.

Большой интерес в этом плане представляют статьи и диссертационное исследование А.Г. Мосина, в которых анализируется круг чтения и рукописная традиция русского населения Вятского края XVII – первой половины XIX в. [46]. Выявляя и изучая дошедшие до нас книги с записями владельцев, а также описи библиотек крестьян, горожан и мастеровых, А.Г. Мосин пришел к выводу, что книжные запросы этих категорий населения были близки. Вместе с тем исследователь вполне основательно доказал, что по мере разложения феодальной структуры русского общества и развития секуляризационных процессов, характеризовавших становление новой культуры, интересы разных слоев вятского населения постепенно расходились: в репертуаре чтения горожан и мастеровых стал возрастать удельный вес светской литературы, созданной вне рамок традиционной культуры, крестьяне же остались верны прежнему кругу чтения.

Итоги развития историографии уральского города были обобщены в коллективном академическом труде «История Урала с древнейших времен до 1861 года» [47]. Это издание отразило общий уровень постановки и разработки темы, хотя непосредственно истории городов в нем посвящен лишь небольшой раздел, где дана характеристика их социально-экономического положения и развития. Культура городской сферы жизни отразилась в специализированных разделах, где говорится об искусстве, архитектуре и образовании [47]. Подобным образом построено изложение материалов и в обобщающем труде по истории Кировской области [48]. Структура монографий, в которых не отводилось особое место для исследования городской среды бытования культуры, показывает, что эта тема недооценивалась в региональной историографии и не выделялась в отдельное направление. Недостаточно подробно освещена в книгах также история местного образования. Анализ развития школы в них ограничивается социально-экономическими и институционально-правовыми аспектами. Сфера представлений жителей края, связанная с восприятием просвещения, оставалась неизученной и не осмысливалась теоретически.

Тем не менее следует признать, что теоретический уровень исторических исследований проблем образования в 1960–1980-е гг. заметно вырос. После Всесоюзного совещания по истории педагогики 1957 г. и дискуссий на страницах печати, указавших на недостаток внимания к опыту дореволюционной педагогики, ученые попытались уйти от вульгаризации и упрощенного подхода к изучению прошлого. Помимо общих трудов по истории школы и педагогической мысли, в этот период появилось большое количество книг и статей, содержащих богатый материал, освещающий социально-политические проблемы развития отечественной школы и педагогики [49]. В 1973–1976 гг. накопленные знания были обобщены в коллективных трудах по истории школы и педагогической мысли народов СССР [50]. Авторы материалов рассмотрели важные аспекты реформирования образования в Российской империи, динамику развития общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, подготовку педагогических кадров, деятельность и педагогические воззрения видных русских педагогов.

Конкретно-историческими трудами пополнилась в 1960–1980-х гг. и историография уральской школы. Большой вклад в изучение дореформенных школ Урала внесла Т.А. Калинина. Ее диссертационное исследование и статьи освещали на широком источниковом материале историю деятельности учебных заведений разных ведомств в Пермской губернии [51]. История государственных школ Южного Урала представлена в трудах М.М. Вольфсона, А.Х. Вильданова и Г.С. Кунафина [52].

Несомненная заслуга советских историков – тщательное исследование общественного движения конца 1850 – начала 1860-х гг., активными участниками которого были многие учителя и воспитанники школ. Общественная жизнь уральских городов и деятельность периферийных революционных организаций этих лет (расценивавшихся советской историографией как «период революционной ситуации») рассмотрены в работах Ф.С. Горового, Г.Н. Вульфсона, Я.И. Линкова, Я.Б. Рабиновича, Л.П. Бурмистровой, Н.С. Шпилевой, Ф.А. Литвиной, С.А. Орловой, В.Д. Сергеева и др. [53]. Просветительная деятельность университетов и общественная жизнь дореформенного студенчества нашли свое отражение в трудах Р.Г. Эймонтовой и С.М. Михайловой [54]. Эти авторы впервые ввели в научный оборот жандармские документы, следственные дела, материалы ревизий учебных заведений, докладные записки светских и духовных

чиновников и другие документы, характеризовавшие обстановку в учебных заведениях и движение учащейся молодежи.

Изучение событий общественной жизни провинции в эпоху «революционной ситуации» было, однако, недостаточно полным. Основное внимание в своих трудах советские исследователи уделяли деятельности демократических сил. Позиции сторонников либерального и консервативно-монархического лагеря при этом оставались в тени. Впрочем, следует заметить, что уже в советской историографии высказывалась неудовлетворенность попытками решения ряда культурологических проблем, особенно в сфере историко-культурных исследований. В 1980-е гг. история культуры выделилась в особую отрасль исторической науки, взаимосвязанную с другими культуроведческими дисциплинами. В философии, социологии, литературоведении, искусствоведении, истории интенсифицировались усилия по разработке теоретических проблем культуры и ее истории. Ученые попытались отойти от одностороннего рассмотрения культуры как системы, определяемой материальными потребностями общества, признав, что она имеет в известных пределах способность к саморазвитию и влиянию со своей стороны на общественные процессы. В отечественной исторической науке сформировалось представление о переходном характере историко-культурного процесса в России XVII – первой половины XIX в., сохранявшего и воспроизводящего традиционную культуру рядом и во взаимопроникновении с культурой Нового времени. Понимание проблемы в данном ракурсе было невозможно без изучения культуры человека. «Как бы ни определять культуру, все равно это человеческая культура, – писал в 1983 г. Б.И. Краснобаев. – Поэтому человек с его мировоззрением и эмоциями, привычками и творчеством, с устойчивыми вкусами и с приверженностью к «моде легкокрылой» должен быть в центре любого культурологического подхода. Но при этом надо иметь в виду, что предметом изучения должен быть не абстрактный человек, а человек данной страны, эпохи, народа, класса, местности – данной системы культуры» [55].

Новаторским в этом плане для того времени было исследование Г.Н. Вульфсона [56], в котором автор весьма подробно описал социально-бытовые условия, в которых протекала повседневная жизнь разночинцев Поволжья и Урала, включая учителей и учащихся разных учебных заведений. Важное значение для становления методики изучения социальной среды, в которой шло формирование личностей учителей и учащихся, их матери-

ального положения, быта и условий труда имело привлечение автором массовых источников («формулярных списков», «актов о происхождении», «свидетельств об увольнении из общества»), а также литературных и публицистических материалов. Выводы Г.Н. Вульфсона, однако, в значительной степени сохранили классовый характер. Его уверенность в том, что в среде «образованных разночинцев» предреформенного периода преобладали демократические и революционные идеи, была ошибочной [56]. Духовный мир «новых людей» не был так однозначен.

Причины и предпосылки Великих реформ Александра II вызывали интерес у зарубежных авторов. Благодаря работам в первую очередь Б. Линкольна было выявлено, что важной предпосылкой возможности осуществления модернизационных изменений середины XIX в. явилось наличие кадров высокой квалификации, готовых взять на себя грандиозный труд по преобразованию России. Ученый указал на ключевую роль в проведении реформ слоя «просвещенной бюрократии», сложившегося в недрах российского чиновничества еще в период николаевского царствования. Большую роль в формировании этих просвещенных, интеллигентных людей, по мнению исследователя, имели государственные реформы в сфере просвещения: многие деятели Великих реформ вышли из «уваровских» университетов, лицеев, институтов [57].

Важной чертой развития западноевропейской и американской историография второй половины XX в. по проблемам образования стало изменение подходов к исследованию механизма функционирования образовательных систем. Историко-педагогические труды обогатились новыми методами познания, позаимствованными у социологии, социальной истории, исторической антропологии и других общественных наук. В работах У. Германна, Б. Бейлина, П. Бурдье, М. Арчер, Ф. Рингера и других ученых, занимавшихся исследованием проблем развития образования и педагогических теорий, важное место отводилось анализу их исторического, социокультурного и психологического контекста [58]. В трудах зарубежных авторов, обращавшихся к истории российского просвещения, особое внимание уделялось факторам духовного развития российской элиты. Историки подчеркивали влияние западноевропейской общественной мысли и государственную инициативу в культурном преобразовании России [59].

Тезис о «революции сверху» в России был поддержан Б.Н. Мироновым, Н.Я. Эйдельманом, С.В. Мироненко и други-

ми отечественными историками [60]. Заметным явлением в современной российской истории и социологии стала публикация книги Б.Н. Миронова «Социальная история России...». Исследуя на огромном фактическом материале динамику социально-исторического развития империи, историк впервые обратился к углубленному анализу массового сознания. Это позволило ему совершенно по-новому взглянуть на старые проблемы, в том числе и в сфере просвещения. «Хотелось бы заметить, – пишет ученый, – что распространенное в литературе мнение о том, что царизм тормозил развитие просвещения, не соответствовало действительности». По его мнению, «не развитие народного образования отставало от потребностей народа, а наоборот, потребности народа в образовании отставали от возможностей, которые создавала существовавшая система народного просвещения» [61].

Публикация сочинений ведущих западных и российских дореволюционных ученых, представлявших различные историко-методологические концепции, дискуссии на страницах научных журналов и создание аналитических работ по проблемам теории и методологии истории способствовали обновлению исторической науки в нашей стране. Отказ от установившихся догм и переход к научному плюрализму знаменовали начало нового, постсоветского этапа отечественной историографии, характерной чертой которого стало расширение традиционных и появление новых исследовательских полей и подходов к анализу исторического материала. В частности, шагом вперед в осмыслении исторических проблем развития российского образования стала публикация результатов исследований, проведенных Лабораторией истории русской культуры исторического факультета МГУ [62]. В третьем томе «Очерков русской культуры XIX в.» авторы предприняли опыт целостного изучения истории не только учебных заведений всех типов и уровней, существовавших в России XIX в., но и других информационных и социокультурных институтов, обеспечивших населению возможность приобщения к профессиональным знаниям, самообразования. Авторы «Очерков» представили объемную реальную картину изменений в культурном потенциале российского общества.

Более реальной предстала в работах современных историков оценка образовательной деятельности российского правительства. Особенно заметно изменилась историографическая традиция в изучении николаевской эпохи, хотя, как и прежде, фигура рос-

сийского самодержца вызывает неоднозначные суждения и характеристики. Анализируя школьный Устав 1828 г., современные ученые отмечают, что он вполне отвечал сложившейся в сознании образованного общества того времени модели государственной школы. В.М. Бокова пишет о том, что в школьном Уставе 1828 г. Николай I практически воплотил почти все рекомендации, предложенные в направленных к нему проектах и записках, в том числе и пушкинской записки «О народном воспитании» [63]. М.М. Шевченко, Ф.А. Петров, Д.А. Гутнов указывают на то, что несмотря на неразумное стеснение общественных инициатив, николаевская школа стояла достаточно высоко в научном отношении [64]. Вместе с тем ученые не отрицают, что общий курс государственной власти, особенно после европейских политических событий 1848 г., привел Россию к существенному отставанию от западных соседей в техническом и культурном отношении [65].

Объектом исследования историков в последнее время стало влияние официальной идеологии и политики николаевского правительства на развитие провинциальных городов. В.Н. Козляков и А.А. Севастьянова считают, что вторая четверть XIX в., совпавшая полностью с николаевским царствованием, стала временем подъема культуры русской провинции. Немалое значение в этом, с их точки зрения, имел идеологический поворот внимания власти к провинции, выраженный знаменитой уваровской триадой «православие, самодержавие, народность». При характеристике культурного мира провинции исследователи применили интеграционный (системно-функциональный) подход, отказавшись от принятой в отечественной историографической традиции конкретно-отраслевого изучения культуры. Они попытались дать представление о культурном облике провинциального города как о целостной системе, оговорив, правда, невозможность полной ее реконструкции ввиду немногочисленности источников и историографии, созданной в местной культурной среде [66].

Определенный шаг к ликвидации этого недостатка сделали современные уральские историки, работающие с региональными материалами. В последнее десятилетие появились публикации, вполне объективно характеризующие экономическую и социальную жизнь дореформенных уральских городов [67]. Новые материалы были привлечены для анализа социокультурного облика уральского дворянства [68], интеллигенции [69], купечест-

ва [70]. Исторически более обоснованными и взвешенными стали социальные характеристики местной бюрократии [71] и общественных деятелей [72].

Расширилось и поле региональных историко-педагогических исследований. Роль просвещенных чиновников в развитии образования на Урале исследовал В.А. Шкерин [73]. Объектом его изучения стала деятельность главного начальника уральских горных заводов В.А. Глинки и оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, работавших на Урале в период правления Николая I. В своем исследовании историк привел вполне убедительные материалы, свидетельствующие о том, что эти крупные сановники, близкие к императору, во время службы в уральских губерниях проявили себя поборниками образования. Создавая школы, они руководствовались не только прагматическими интересами, стремясь подготовить необходимые кадры, но и просветительными мотивами, что было данью их прежним либеральным увлечениям (оба они в молодости состояли в «Союзе благоденствия»).

История развития государственной системы образования пополнилась в последние годы рядом статей, учебных пособий, монографий [74]. Наиболее значительны среди них работы Т.А. Калининой и С.Г. Мирсаитовой, выполненные на материалах Пермской и Оренбургской губерний. Авторы показали динамику развития в губерниях государственных школ всех министерств и ведомств, выявили источники их финансирования, объем и уровень преподавания, численность и социальный состав учителей и учащихся в первой половине XIX в. Надо отметить, однако, что эти труды выполнены в рамках традиционного для советской историографии социально-политического подхода.

Новаторской в изучении социокультурного контекста становления новой школы в провинции стала монография Л.М. Артамоновой [75], посвященная изучению школьного дела в юго-восточных губерниях России (включающих Оренбургскую губернию) [75].

Плодотворно изучались в последнее время культурные процессы и в городах близкой к Уралу Западной Сибири. Среди монографических исследований сибирских ученых можно выделить книгу А.И. Куприянова [76], в которой отношению горожан к школе и просвещению посвящен специальный раздел. Сведения, представленные в исследованиях близких к Уралу регионов, дают материал для сравнений и сопоставлений, хотя, как

вполне справедливо отмечают историки, данных для подобного осмысления пока очень мало, исследование культуры провинциальных городов только начинается.

Большое внимание уделяют историко-культурным аспектам развития теории и практики образования современные исследователи истории духовной школы XIX в. Характерные черты ее развития в первой четверти XIX в. рассмотрела, в частности, в своих трудах Е.А. Вишленкова [77]. По мнению исследователя, политика государства в сфере образования строилась, помимо всего прочего, исходя из господствовавших в обществе представлений о характере взаимодействия светской и духовной властей, о степени допустимости государственного вмешательства в вероисповедные дела подданных.

В целом можно отметить, что историографическая картина развития просвещения в уральских городах крепостного периода пока крайне неполная. В литературе отсутствуют сводные сведения о школьной сети Пермской, Вятской и Оренбургской губерний, нет целостного представления о состоянии системы образования в городах региона, соответствии ее запросам государства и общества изучаемого времени. Слабо затронута в историографии проблема взаимных влияний школы и городской среды в области культуры и быта, что, на наш взгляд, значительно обедняет городоведческие исследования на материалах Урала. Историографический обзор свидетельствует о том что, несмотря на обилие исследований по истории уральской школы крепостного периода, комплексного труда по этой теме пока не существует.

Сведения об уральской городской школе самого разного плана содержатся в значительном круге опубликованных и неопубликованных источников, среди которых можно выделить следующие виды и типы: законодательство, статистика, делопроизводственная документация, периодика, источники личного происхождения и художественная литература. Первостепенное значение для исследования имеют законодательные акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи первого и второго выпусков [78]. Сюда были включены основные правовые документы, регулировавшие работу государственных и ведомственных школ. Наиболее важные из них Высочайше утвержденные училищные Уставы 1786, 1804 и 1828 гг. Эти документы содержали (помимо декларативной части, обосновывавшей цели «воспитания юношества») правила руководства учебной и хозяйственной сферами деятельности училищ, перечень

преподающихся в них учебных предметов и необходимых для этого учебных пособий, права и обязанности служащих и воспитанников, а также нормы существования различных структурных подразделений внутри школы (пансионов, кабинетов, библиотек) [79].

В отдельную группу можно выделить источники, касающиеся финансирования учебных заведений. Штаты публиковались в приложениях к школьным Уставам и определялись общие расходы из государственного казначейства, отпускавшиеся на учебные заведения. Штаты включали нормы содержания училищных домов и библиотек, размер жалованья преподавателей и служащих, а также их количественный состав. Анализ этих данных позволяет судить об изменениях в финансовой политике правительства в отношении средней и низшей школы.

Как уже отмечали исследователи, Полное собрание законов включило далеко не все нормативные акты. Изучение правового положения школ невозможно без привлечения министерских и ведомственных циркуляров, большая часть которых определяла конкретные нормы жизнедеятельности учебных заведений. В первой половине XIX в. распорядительные документы министерства народного просвещения, касавшиеся работы государственных общеобразовательных учебных заведений, публиковались в "Журнале министерства народного просвещения", издававшемся с 1833 г. В 1860-е гг. они были дополнены изданием специальных сборников, включивших целый пласт документов, о которых прежние официальные издания умалчивали [80]. Фронтальное изучение содержания нормативных актов, касавшихся идеологии и практики школьного дела, дало возможность провести сравнение правовых норм и определить характер и направление изменений в правительственной образовательной политике.

Общее состояние школьного дела в стране отражалось в отчетах министерства народного просвещения императору. С приходом в 1833 г. на должность министра С.С. Уварова полные тексты отчетов стали публиковаться в "Журнале министерства народного просвещения". Они содержали обзор основных распоряжений по министерству, давали общее описание состояния учебного дела в разных учебных округах, а также таблицы и ведомости о развитии народного просвещения в учебных округах, оборотах определенных для того сумм, движении бумаг и документов по решенным и нерешенным проблемам. Отчеты по

учебным округам составлялись на основе данных, представленных их попечителями министру просвещения.

Важное значение для настоящего исследования имела опубликованная в отчетах информация о крупных пожертвованиях в пользу народного образования. Погодовой просмотр журналов позволил выявить динамику развития социальной благотворительности в провинции, восстановить имена людей, поддерживавших местные школы. Использовались, помимо того, декларативные заявления С.С. Уварова о направленности образовательной политики, сведения об открытии новых учебных заведений, количестве средних школ и их библиотек. После отставки С.С. Уварова публичность работы министерства народного просвещения уменьшилась. С 1850 г. в журнале стали публиковаться лишь извлечения из отчетов.

Одной из заслуг просвещенного министра стала организация работ по составлению статистического обзора состояния российской школы. Первый опыт такой работы был предпринят еще при предшественниках С.С. Уварова. В 1827 г. П.П. Кеппен опубликовал хронологический список школ, состоящих в ведении министерства народного просвещения, с датами их открытия и преобразования [81]. Список этот, однако, был далеко не полон.

В 1834 г. С.С. Уваров предпринял попытку выявить и свести воедино сведения о числе учащихся в многоведомственных российских школах. Сам министр объяснил свое решение стремлением противопоставить достоверные данные «превратным толкам» о состоянии просвещения в России, бытовавшим в трудах иностранных статистиков (министр указывал, что, по их подсчетам, число учащихся в учебных заведениях нашей страны тогда соотносилось с общим числом жителей как 1:700). По просьбе С.С. Уварова министры и главноуправляющие разных ведомств направили в министерство народного просвещения подробные сведения о количестве учеников, обучающихся в их школах. На основании этих ведомостей были составлены и опубликованы «Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей» [82]. В этом издании были указаны учебные заведения всех министерств и ведомств с общей численностью их воспитанников и служащих по губерниям на 1834 г., а также приведена таблица соотношения учащихся с общим числом жителей.

По подсчетам министерства, общая численность учащихся в России составила 244 993 чел., а соотношение учеников с числом

жителей – 1:210. Выявить процент обучавшегося в школах городского населения таблица не позволяет, так как в ней не представлено число городских школ и проживавших в городах жителей. На основании этого источника трудно судить о распространении просвещения в конкретных городах Урала. По числу учащихся уральские губернии не отставали от остальных губерний России (за исключением западных и столичных), однако по общему соотношению их числа с количеством жителей стояли почти в конце списка. В Пермской губернии соотношение учащихся с числом жителей, согласно данным таблицы, составляло 1:236, в Вятской 1:538, в Оренбургской 1:306. Это объяснялось большим превышением общей численности проживавшего здесь населения по сравнению с показателями остальных губерний. В городах данные были, наверняка, более благоприятными.

Трудно судить о достоверности этих сведений. Вполне вероятно, подсчеты были не совсем точными, во всяком случае, они не совпадали с другими данными, опубликованными почти в то же время "Журналом министерства народного просвещения". В 1837 г. здесь появились выдержки из книги А. Крузенштерна о состоянии российских учебных заведений, «не подведомых министерству народного просвещения». Ученый подсчитал, что во всех школах страны того времени обучалось 460 576 чел., что превосходит официальные сведения 1834 г. почти вдвое. Любопытно, что, по данным А. Крузенштерна, самую существенную часть российской образовательной системы составляли ведомственные школы. К 1837 г. в них обучалось 81,4 % детей, а в школах министерства народного просвещения лишь 18,6 % [83].

Следующий опыт комплексного подсчета учащихся в России был предпринят статистическим отделом министерства внутренних дел в 1856 г. В «Статистических таблицах Российской империи за 1856 год» приведены данные о числе жителей в штатных городах и их уездах, общем количестве учебных заведений и их учащихся, а также соотношении числа учащихся с населением губерний. Конкретных сведений о численности учащихся в каждом учебном заведении таблицы не давали. В конце сборника приводились общие статистические выводы по развитию народного образования, распространению его в различных местностях страны. Согласно этим подсчетам, среди европейских губерний Пермская вошла в среднюю группу, имевшую одного учащегося на 100–200 жителей. Вятская и Оренбургская губернии – в низшую группу, они имели менее одного учащегося на 200 жителей

[84]. Эти цифры, как и данные предыдущего статистического исследования, не характеризуют в полной мере состояние системы городского образования в губерниях. Общие данные о количестве учебных заведениях и учащихся в городах содержатся в «Статистических таблицах о состоянии городов Российской империи», составленных статистическим отделением министерства внутренних дел [85]. Но и они не позволяют получить конкретные сведения о численности и составе воспитанников каждой школы.

Более детальными были исследования местных статистиков и других ученых, обращавшихся к истории и статистике уральских губерний [86]. Среди них следует особо отметить работу штабс-капитана генерального штаба Х. Мозеля по статистике Пермской губернии, которая отличается подробностью и аналитическим характером. Статистические сведения о состоянии учебных заведений за 1860 г. были составлены Мозелем по данным местной дирекции училищ и других официальных учреждений. Эти сведения раскрывали сословный состав и численность воспитанников Пермской гимназии и ее пансиона, городских уездных и приходских училищ, школ, подчиненных министерствам финансов, внутренних дел, государственных имуществ, военному и удельному ведомствам, а также сведения о «магометанских» школах и домашнем обучении [87]. Подробные данные о численности учащихся в учебных заведениях Вятской губернии за 1857 и 1860 гг. представили Памятные книжки губернии [88]. По Оренбургской губернии подобные данные содержит Памятная книжка за 1865 г. [89]. Несмотря на ценность сведений, представленных в этих публикациях, они трудно сравнимы, так как составлялись по разным источникам и за разные годы.

Для более достоверного исследования темы найденный в книгохранилищах комплекс текстов был дополнен за счет документов, отложившихся в фондах попечителя Казанского учебного округа (Ф.92) и Императорского Казанского университета (Ф.977) из Национального архива Республики Татарстан в Казани; совета министра внутренних дел (Ф.1281) из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге; Оренбургского военного губернатора (Ф.6) из Государственного архива Оренбургской области в Оренбурге; Канцелярии главного начальника горных заводов хребта Уральского (Ф.43); Екатеринбургской городской думы (Ф.8) из Государственного архива Свердловской области в Екатеринбурге; Приказа общественно-

го призрения (Ф.82) из Государственного архива Пермской области в Перми.

Фонд совета министра внутренних дел сохранил отчеты губернаторов, являющиеся важным источником сведений о состоянии и развитии подведомственных им территорий. Для изучения социокультурного контекста истории городского просвещения особую ценность имеет оценка административными руководителями губерний «народной нравственности» населения, в том числе и городского. В специальных разделах своих отчетов губернаторы указывали на характерные черты быта и устройства городов, отношение городских обывателей к образованию, приводили фамилии наиболее крупных благотворителей учебных заведений. Определенную ценность имеют также приложенные к отчетам статистические таблицы о состоянии народонаселения, в том числе и городского, городских доходах и расходах, числе учебных заведений и их воспитанниках [90]. Надо признать, впрочем, что эти данные недостаточно достоверны. Историки уже указывали на большое количество ошибок в таблицах, составлявшихся на основе отчетных данных руководителей городской и уездной полиции [91].

Более точны сведения ведомственной статистики. Как правило, они составлялись по единому образцу и на основе единых правил, а потому вполне сравнимы. Ведомости о состоянии училищ уральских губерний, обнаруженные нами в фонде попечителя Казанского учебного округа, дают возможность проследить динамику развития государственных городских школ в течение всего исследуемого времени. Для сравнения в работе использовались данные, характеризовавшие период начала и завершения школьных реформ первой половины XIX в. (1803, 1825, 1854 и 1863 гг.).

Полугодовые ведомости о состоянии народных училищ за 1803 г. были составлены губернскими приказами общественного призрения для Комиссии об учреждении училищ по разработанной и утвержденной ею в 1799 г. унифицированной форме. Они содержали краткие исторические записки о школах, сведения об их местонахождении, количестве учеников и их сословном происхождении, а также именные списки учителей с указанием их образования, возраста, движения по службе и жалованья [92]. Ведомости о состоянии учебных заведений за 1825 г., представленные советом Казанского университета попечителю Казанского учебного округа, были не столь подробны. В них перечис-

лялось лишь количество учителей и учеников по классам каждой школы, а также число выпускников, закончивших и не закончивших обучение. Большой интерес представляют обозначенные в отчетах сведения о программе обучения в каждом классе и численности воспитанников, желающих продолжить учение. Данных о сословном составе учащихся в каждом учебном заведении за этот период нам, к сожалению, обнаружить не удалось. В ведомостях совета университета эти сведения даны лишь по губернским гимназиям [93]. Отчеты губернских училищных дирекций за 1855 г. вновь включили сведения о сословном составе учащихся. Кроме того, в формуляр отчетов вошла небольшая историческая справка о каждом училище, указание об их финансировании, месторасположении, численности учителей и учеников, количестве аттестованных и не закончивших обучение выпускников. Большой интерес представляют изложенные в отчетах сведения о сословном составе мужского населения городов. Сравнение сословного состава учащихся и городских жителей позволило определить отношение разных сословий к государственному образованию. Эти данные пока не привлекались исследователями [94].

Не проводилось и сравнения сведений о состоянии учебных заведений 1854 г. и 1863 г. В литературе обычно приводятся цифры, характеризующие уровень развития школьного дела к началу реформ 1860-х гг. Количественные показатели конца правления Николая I при этом игнорируются. Нам показалось интересным проследить динамику развития школьного дела в городах Урала предреформенного периода. Действительно ли в это время в городах наблюдался резкий взлет интереса к образованию, или изменения были намечены еще раньше. Для характеристики школьного дела первых лет правления Александра II были привлечены данные годового отчета губернских училищных дирекций попечителю Казанского учебного округа за 1863 г. В формуляр отчета входило описание училищных зданий, данные о численности учащихся в каждой школе с указанием их сословного состава и вероисповедания, числе выпускников, закончивших и не закончивших обучение, количестве классов и учителей, а также достаточно подробные сведения об источниках финансирования училищ (в том числе и благотворительных) [95].

Проверить достоверность всех приведенных в отчетной документации училищных дирекций цифр достаточно сложно. В основе их лежали сведения, поступившие от местного училищ-

ного начальства, нередко завышенные, о чем уже писали историки. Тем не менее в комплексе отчеты остаются ценнейшим архивным источником, так как позволяют провести сравнительный анализ данных за длительный период и выявить основные черты и тенденции развития школьного дела.

Определенные коррективы в официальные данные могут внести донесения «визитаторов» и ревизоров, направлявшихся Казанским университетом для проверки состояния подведомственных ему училищ. Материалы ревизий, сохранившиеся в фонде Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа, дают достаточно реальную картину состояния дел в учебных заведениях округа. «Визитаторы» и ревизоры сообщали о материальном состоянии проверяемых школ, их обеспеченности учебными пособиями и литературой, посещаемости, качестве преподавания и уровне профессиональной подготовки учителей.

Особый интерес среди материалов школьных ревизий представляют записки «визитатора» Сибирских училищ П.А. Словцова. В своих донесениях чиновник училищного ведомства (в будущем известный сибирский историк и краевед) не ограничился формальным перечислением достоинств и недостатков осмотренных им школ, но и дал собственные достаточно интересные статистические подсчеты. П.А. Словцов попытался определить, насколько популярным было школьное образование в городах Вятской и Пермской губерний. Для этого он сравнил число посещающих училища детей с количеством городских семей, а также численность учеников уездных училищ и гимназистов. Данные подсчетов дали «визитатору» возможность выделить отстающие местности и предложить меры для распространения в них школьного образования. Главной из них он считал повышение профессионализма учительских кадров. П.А. Словцов дал весьма нелестные характеристики многим школьным преподавателям, упомянув при этом и мнение о них местного городского общества [96].

Важность проблемы наличия кадров и профессиональной подготовки учителей осознавалась и правительством. Ее решение стало одним из важных направлений реформирования российского образования. Для изучения субъекта правительственной политики в этой сфере особую ценность имеют послужные и формулярные списки преподавателей. В последние десятилетия этот вид источника достаточно широко используется исто-

риками. Доказана достаточно большая степень достоверности приводимых в формулярах сведений [97]. Исходя из задач настоящего исследования для сравнительного анализа социального состава и образовательного уровня преподавателей использовались сведения за 1803, 1828, 1854 и 1863 гг. К сожалению, многие коллекции формулярных списков за этот период сохранились не полностью, поэтому были привлечены именные списки чиновников и учителей. Они прилагались к отчетам губернских дирекций училищ и содержали краткие сведения об учителях: их должность, возраст, сословное происхождение, образование, а также жалованье [98].

Большой интерес для изучения взаимоотношений власти, общества и работников просвещения представляют списки благотворителей и ведомости о пожертвованиях в пользу учебных заведений. Сведения о жертвователях направлялись губернскими директорами училищ попечителю Казанского учебного округа каждую треть года. Основанием было Постановление от 14 февраля 1816 г. о наградах для благотворителей училищ. Фонд попечителя Казанского учебного округа сохранил достаточно большой комплекс документов. Обращение к ним позволяет существенно расширить представление об участии общества в становлении провинциальной школы. Сведения о вкладе общественности в развитие просвещения сохранились также в делопроизводственной документации органов городского самоуправления. В настоящей работе использовались документы Екатеринбургской городской думы, неоднократно обсуждавшей вопросы состояния и финансирования городских училищ.

Источниковой базой для исследования действий училищных властей в области просвещения послужила также разнообразная делопроизводственная документация, сохранившаяся в фондах училищного комитета Казанского университета и попечителя Казанского учебного округа. Она содержит многочисленные рапорты директоров губернских училищ, жалобы и прошения учителей, донесения совета Казанского университета попечителю учебного округа, отношения попечителей учебного округа к министру народного просвещения, местных губернаторов к попечителю учебного округа и прочие документы, характеризующие внутреннюю жизнь учебных заведений, их взаимоотношения с органами губернской власти и городским обществом.

Большое количество сведений о деятельности городских школ было получено из материалов периодической печати.

В 1850–1860-е гг. корреспонденты местных губернских ведомостей, значительную часть которых составляли городские учителя, активно обсуждали вопросы о цели образования, взаимодействии государства, школы и общества в воспитании юношества. В тематических статьях и корреспонденциях с мест содержалось описание современного состояния школ, анализировались причины недостатков в системе воспитания, сообщалось об общественных инициативах в создании новых учебных заведений (женских, воскресных), указывались имена меценатов, поддерживающих развитие образования. Несмотря на лаконичность и описательный характер газетных статей многие из них содержат ценную информацию о мотивах и социокультурных условиях формирования системы местного образования. Замечания авторов, базировавшиеся на личном знании местных фактов и «живой» памяти, сами по себе представляют интерес как свидетельства современников.

Обращение к материалам прессы позволило существенно дополнить данные официальных отчетов училищных дирекций о состоянии образования в уральских городах. Газетные материалы содержат сведения о работе государственных, духовных и частных школ [99], информируют о развитии женского образования [100], деятельности воскресных и других благотворительных учебных заведений, участии в развитии школьного дела местной общественности [101].

Материалы прессы широко использовались в нашей работе и при анализе общественной и культурной жизни уральских городов. Особый интерес в этом плане представляли заметки, посвященные описанию городского быта. Некоторые из них содержат характеристику уровня местного образования, отношения городских жителей к школе [102]. Ценную информацию о жизни провинциальных городов содержат также путевые заметки ученых, литераторов и общественных деятелей, посещавших уральские губернии [103]. Они представляют взгляд со стороны на жизнь и быт провинции.

Внутреннее содержание процессов, происходящих в системе образования, раскрывает также мемуарная литература и эпистолярные документы. К сожалению, круг подобных источников невелик и не позволяет представить достаточно четко все многообразие духовного мира уральского города. Тем не менее данные источники предоставляют возможность заглянуть за страницы официальных документов. Повседневную жизнь образо-

ванного общества уральских городов рисуют в своих воспоминаниях дворяне, чиновники, офицеры, земские деятели. Их перу принадлежит большая часть сохранившихся мемуаров. Воспоминания простых горожан немногочисленны. Как уже отмечалось, источники, вышедшие из среды купеческого и мещанского «безмолвного большинства» провинциальных городов, уникальны, что во многом и объясняет слабую изученность культуры представителей городских сословий. Большую ценность в этом плане представляют записки купеческого сына Д. Смышляева, опубликованные в «Сборнике статей о Пермской губернии». Автор дает в них яркие картины деятельности Соликамского малого народного училища и пансиона при Пермском главном народном училище, в которых ему пришлось учиться. Недобрым словом бывший воспитанник народных училищ вспоминает при этом царившие в них нравы и методы обучения [104].

Очень интересны мемуары сына начальницы Оренбургского Николаевского института благородных девиц П.П. Жакмона, весьма живо описавшего условия обучения в нем дворянских и казачьих девочек [105]. Замечания о быте учителей городских школ сохранили воспоминания Н.Я. Афанасьева и Е. Мухачева [106]. Об учебе в Орловском приходском и уездном училищах 1850-х гг. рассказал сын мелкого чиновника Н.А. Чарушин [107]. Бывший казачий офицер И.В. Чернов посвятил свои воспоминания деятельности оренбургских военных губернаторов, в том числе и в сфере просвещения [108].

Мемуарную литературу, как и другие материалы личного происхождения, выделяют из среды других источников личностно-субъективное начало и обостренно-эмоциональное восприятие исторических событий. И в этом их ценность. Без знакомства с источниками личного происхождения трудно почувствовать атмосферу ушедшей эпохи и представить социальный облик населявших ее конкретных людей. Однако использование представленной в этих материалах информации требует определенных оговорок, о чем уже неоднократно писали историки [109].

Столь же своеобразными источниками являются художественные и художественно-публицистические произведения, созданные авторами-современниками ушедших событий. Наиболее весомый вклад в создание художественного образа русского провинциального города XIX в. внес знаменитый русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин. Прототипами многих персонажей сатирически изображенного им в «Губернских очерках» города

Крутогорска стали вятские чиновники, с которыми писатель был достаточно хорошо знаком. В 1848–1855 гг. он отбывал в Вятке ссылку и служил там в местном губернском правлении [110].

Вятские впечатления легли также в основу многих произведений А.И. Герцена. Жизненный опыт писателя периода вятской ссылки 1835–1837 гг. нашел свое отражение на страницах его знаменитого мемуарного и публицистического произведения «Былое и думы».Главы XIV, XV, XVI и XXI полностью посвящены Вятке. Сатирический очерк А.И. Герцена «Патриархальные нравы города Малинова», написанный в конце 1830-х гг., предварил отдельными мотивами «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Вятский период жизни и деятельности А.И. Герцена довольно хорошо освещен и в исследовательской литературе [111]. Отрывки из его произведений о Вятке и письма той поры были опубликованы профессором К.В. Дрягиным в 1940 г. [112].

Яркие образы провинциальной жизни представлены в произведениях знаменитого уральского писателя Д.Н. Мамина-Сибиряка [113]. В основе многих из них лежат реальные факты жизни уральских городов, городские легенды и предания. Понимание и видение социальных процессов в произведениях, однако, нередко отражает мировоззренческие установки самого писателя-разночинца, находившегося под влиянием демократических идей. Сведения из источников личного происхождения и художественной литературы в настоящем исследовании изложены, разумеется, с учетом авторской позиции.

Значительный потенциал информации, содержащейся в источниках и исторической литературе, позволяет достаточно полно передать сущность культурных и образовательных процессов, происходивших в уральских городах конца XVIII–первой половины XIX в.

Комплексное исследование этих поцессов и определило содержание данной монографии.

Глава I

ОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II. УСТАВ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ 1786 г.

Вплоть до начала XVIII в. образование в русских городах было монополией церкви. Навыкам письма и чтения богослужебных текстов мальчики (преимущественно из среды духовенства) обучались за стенами монастырей. Миряне, как правило, владели лишь элементарной грамотой, умение читать Псалтырь и ставить подпись под документом для них считалось пределом науки. Чтению, письму и счету горожан обучали наставницы-«черницы» или домашние учителя [1].

Первые попытки изменить традиционную систему образования власти предприняли в эпоху Петра I. Царь-реформатор, стремившийся в кратчайшие сроки утвердить Россию в статусе равной среди европейских государств, силой государственной власти намеревался насадить в стране сеть светских образовательных учреждений европейского типа. Отсчет непрерывной истории государственного светского образования большинство историков ведет с указов Петра I от 10 и 14 января 1701 г., предписавших учредить в Москве Навигацкую и Пушкарскую школы [2].

Традиционная жизнь провинции была потревожена десятилетием позже. Первые светские школы здесь появились после царского указа от 28 февраля 1714 г., повелевшего открыть арифметические («цифирные») школы для обучения в них «цифири и некоторой части геометрии» дворянских и приказного чина дьяческих и подьяческих детей. Предполагалось размещать эти школы при архиерейских домах и монастырях и содержать их за счет губернских доходов [3]. В 1716–1722 гг. для основания школ в 42 российские провинции были направлены учителя из воспитанников Навигацкой школы и Мор-

ской академии [4]. Благодаря их усилиям в 1716 г. в разных городах России было открыто 12 арифметических школ, в 1720–1722 гг. – еще 30 [5].

Уральские города не стали исключением. «Цифирные» школы были созданы в начале 1720-х гг. в двух уральских городах – Уфе и Соликамске. Обе они были немноголюдны и действовали недолго. В Соликамске «цифирная» школа открылась в 1723 г. Для преподавания туда направился учитель из Морской академии Степан Жеребцов. Работала школа недолго. В сентябре 1726 г. в докладе Морской академии Сенату было сообщено, что учителя многих «цифирных» школ «за недостатком учеников» вернулись в академию. Среди них числился и соликамский учитель С. Жеребцов [6]. В списке «цифирных» школ, представленных Адмиралтейской коллегией императрице Екатерине I в 1726 г., Соликамская школа уже не значилась [7].

Вскоре, очевидно, закрылась и Уфимская школа. В 1726 г. в ней, судя по докладу Адмиралтейской коллегии императрице, обучалось всего 8 человек – дети «приказного чина» [8]. С.В. Рождественский сообщает, что в 1726 г. по инициативе Адмиралтейской коллегии указом Верховного тайного совета «цифирные» школы были переданы в ведение Синода. Верховная духовная власть, однако, это постановление выполнять не спешила, донося, что принималось оно без ее ведома, а сами «цифирные» школы «до духовного правительства не принадлежат». Не имевшие средств школы закрывались одна за другой. Т.Г. Фруменкова считает позицию руководителей церкви одной из главных причин гибели светских школ в провинции. Она доказывает, что в начале XVIII в. церковь еще не была окончательно подчинена государству, и архиереи могли позволить себе игнорировать указы коронной власти. Синод неоднократно запрещал епархиальным властям выполнять распоряжения светского начальства о «цифирных» школах и просил «вывести» их из церковных помещений. Духовенство упорно отказывалось посылать своих детей в светские учебные заведения [9].

Источники свидетельствуют, что петровскую «цифирную» школу не приняло и население. Провинциальный люд видел в школьном деле новую обременительную повинность и разными путями стремился от нее избавиться. Известны случаи, когда школьников в городах привлекали к обучению под угрозой острога, рекрутчины и наказаний. Убегавших разыскивали и приво-

дили на уроки в кандалах, но и это не останавливало побегов [10]. В 1716 г. власти пошли навстречу требованиям дворянства и узаконили право родителей выбирать для недорослей образование как в учебных заведениях, так и у домашних учителей. В 1719 г. этого же добились и посадские люди. В 1721 г. самостоятельная «архиерейская» школа была создана для детей церковников. Тем самым «цифирные» школы по сути дела лишились контингента учеников. Долгое время их судьба была неопределенной. Правительство несколько раз пыталось передать петровские школы в различные ведомства, пока, наконец, в 1744 г. они не были соединены со школами гарнизонными.

Характеризуя отношение к образованию общества и властных структур доекатерининского периода, историки российской педагогики признают, что оно было по большей части практическим, прагматичным. Общее образование в те времена мало ценилось и правительством, и обществом. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, государство первой половины XVIII в. вовсе не было заинтересовано в распространении просвещения: расширяя сеть учебных заведений, оно желало лишь как можно раньше взять на учет всех людей, «обязанных службой», и дать им необходимые к тому знания и технические навыки. Петр I и его преемники в первой половине XVIII в. поддерживали школы лишь в том случае, если они выполняли конкретный запрос ведомства и правительства на подготовку обученного персонала [11].

Логическим следствием такой политики стало закрепление сословности и ведомственности в образовании: выходцы из духовного звания сосредоточивались в архиерейских (епархиальных) школах, дети солдат и унтер-офицеров – в гарнизонных школах, мастеровые – в горных и заводских школах. Свои школы создавались и для дворянства. Доступ в эти учебные заведения для лиц других сословий ограничивался. Сложившаяся система образования (М.Ф. Владимирский-Буданов, а вслед за ним и другие историки XIX – начала XX в. называли ее «сословно-профессиональной») не могла дать полноценных знаний [12]. Основная масса населения, не предназначенная по сословным признакам к военной, гражданской или церковной службе, оставалась за рамками государственной образовательной политики.

Новый период в истории русской школы начался с приходом к власти Екатерины II. Поиски законодательного решения проблемы российского образования второй половины XVIII в. свидетельствуют о том, что императрица была открыта в своих пе-

дагогических начинаниях и российским, и западным интеллектуальным и философским влияниям. Надо отметить, что проблемы развития народного образования интересовали императрицу на протяжении всего царствования, причем взгляды ее не оставались неизменными. Несомненно, ей хорошо были известны и планы предшественников. Недостатки сословно-ведомственной школы признавались еще советниками Елизаветы Петровны. Новым моментом, связующим политику народного просвещения первой половины XVIII в. с последующей эпохой, историки считают создание в 1755 г. Московского университета. В 1760 г. куратор Московского университета Иван Шувалов предложил императрице Елизавете Петровне план учреждения в стране широкой сети образовательных учреждений, предусматривавший объединение в одну систему высшего университетского, среднего гимназического и низшего начального образования [13]. Готовность к участию в школьной реформе тогда выразила Российская академия наук [14].

С началом царствования Екатерины II, однако, влияние И.И. Шувалова пало. Генерал-поручик был отстранен от дел, а к решению образовательных задач императрица привлекла новых людей. В 1763 г. она приблизила к себе Ивана Ивановича Бецкого, человека просвещенного и достаточно широко образованного. Именно он в течении многих лет был главным советником императрицы по вопросам воспитания и образования. И.И. Бецкой долгое время жил за границей, там он познакомился с педагогическими взглядами Я.А. Коменского, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо. Вслед за педагогами и философами Запада И.И. Бецкой выдвинул идею воспитания «новой породы» людей, свободных от невежества и пороков, распространенных в обществе, «новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям, и так следует из родов в роды в будущие веки» [15]. Для выполнения подобной задачи, считал И.И. Бецкой, необходимо поместить ребенка с младого возраста (не старше 5–6 лет) в изолированное от внешней среды воспитательное учреждение и содержать его там под неусыпным наблюдением педагога «безвыходно» до 18–20 лет.

«Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», составленное И.И. Бецким, было одобрено Екатериной II и обнародовано 12 мая 1764 г. В духе рационалистических воз-

зрений эпохи Просвещения императрица признала образование прежде всего процессом совершенствования «естественного» человека, его нравственного и умственного развития. Главной целью школы поэтому стало предпочтение общего образования специальному, забота в первую очередь о нравственном воспитании человека. В этом заключалось основное отличие педагогических идеалов и реформ конца XVIII в. от предшествующих замыслов.

Педагогические принципы «Генерального учреждения» легли в основу деятельности императорских Воспитательных домов для незаконнорожденных детей, руководителем которых был назначен И.И. Бецкой. План Бецкого включал в себя общее начальное образование воспитанников, а также их практическое обучение разного рода ремеслам и «искусствам». Наиболее способным детям, кроме того, давалась возможность получить среднее и высшее образование и продолжить свое обучение в университете или академии художеств. Программу обучения, начертанную для питомцев воспитательных домов, императрица считала образцом, своего рода манифестом для развития образования среди низших, «ремесленных» классов населения в стране. Для выходцев из дворян были открыты средние учебные заведения (Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге, Екатерининское училище в Москве, Сухопутный шляхетский корпус и др.).

Предполагалось, что подобные заведения будут содержаться за счет филантропов, «на едином самопроизольном подаянии от публики». Пример благотворителям подала сама императрица. В декабре 1763 г. она передала Московскому воспитательному дому 20 тыс рублей. Еще 20 тысяч сюда поступило от имени наследника престола Павла Петровича. В 1764 г. Екатерина II перечислила в пользу Воспитательного дома 110 тысяч рублей, в 1765 г. – 70 тысяч. Петербургская и московская знать, а также представители более широких кругов дворянства и купечества последовали за императрицей. В списке «благодетелей» воспитательных домов числились и фигуры крупных уральских заводовладельцев – П.А. Демидова, А.С. Строганова, С. Яковлева и др. Надо заметить, однако, что первый благотворительный порыв филантропов скоро иссяк. Сама Екатерина после начала русско-турецкой войны ограничила перечисление денег на содержание воспитательного дома. Существенно уменьшились и цифры других благотворительных пожертвований. Вскоре по-

сле этого воспитательные дома стали испытывать колоссальные трудности в финансировании своей деятельности.

И.И. Бецкому удалось найти достаточно остроумный выход из сложившегося положения. Еще в 1765 г. к нему обратился с просьбой о предоставлении займа из сумм Воспитательного дома под залог пермских заводов и крепостных душ граф С.Н. Строганов. После длительного обсуждения в 1766 г. сделка состоялась. Доходы от нее пошли на содержание Воспитательного дома. С этого времени практика ссудно-сберегательных операций в Московском воспитательном доме стала регулярной и вскоре была утверждена законодательно. 20 ноября 1772 г. в силу вступило «Исполнительное учреждение Вдовьей, Сохранной и Ссудной казны» при воспитательном доме. Доходы от кредитных операций, согласно законодательству, стали главной статьей пополнения бюджета не только столичных, но и прочих воспитательных домов [16]. Подобные меры были позднее использованы в организации приказов общественного призрения – первых учреждений социального управления в провинциальной России.

К концу 1760-х гг. императрица охладела к дорогостоящему проекту насаждения в стране воспитательных учреждений. Стало очевидным, что исправить мрачную картину положения дел с просвещением в провинции они не могли. Уже в «Наказе Уложенной комиссии» 1767 г. Екатерина II призналась, что «невозможно дать общего воспитания многочисленному народу и вскормить всех детей в нарочно для того учрежденных домах» [17]. Императрица попыталась несколько изменить свои подходы к плану внедрения народного образования в стране и поручила его составление одной из комиссий, которые были выделены из депутатов Уложенного собрания. «Частная комиссия об училищах и призрения требующих» обратилась к опыту английских университетов, прусской системы народного просвещения и ирландских школ.

По примеру Пруссии депутаты предложили ввести в России обязательное обучение детей. При этом предлагалось воспитывать в деревнях мальчиков, а в городах и мальчиков, и девочек. С этой целью, считали депутаты, необходимо было основать низшие школы во всех городах и селах с тем расчетом, чтобы по одной школе приходилось на каждые 100–250 семей. Постоянное содержание этих училищ проект возлагал на прихожан. Обучать же детей в школах должны были местные священники, дья-

коны и дьячки по руководствам, составленным Синодом. В круг обучения низших школ депутаты включали церковную и гражданскую азбуку, некоторые молитвы, краткий катехизис и изложение обязанностей крестьянина или горожанина. По сути дела эти низшие училища очень напоминали будущие церковно-приходские школы [18]. Екатерина II, однако, не приняла предложения депутатов. Впрочем, как полагают некоторые исследователи, к тому времени, когда деятельность «Частной комиссии» в 1771 г. окончательно заглохла, никакого документа, пригодного к представлению государыне, она составить не сумела [19].

Более серьезное значение для развития планов учебной реформы имело обращение императрицы к советам Д. Дидро и М. Гримма, посетивших Санкт-Петербург осенью 1773 г. Одна из записок Д. Дидро на тему о системе общего образования, представленная императрице, давала ясную и четкую характеристику германской системы образования – от элементарных школ до университетов. В предисловии к записке Д. Дидро доказывал, что лучшие школы Европы учреждены в странах протестантских, и именно в них России нужно искать "лучших и самых разумных учреждений для образования юношества". В католических государствах, с точки зрения философа, главным тормозом развития народного образования являлись средневековые притязания католического духовенства. К опыту германской педагогической мысли обращал императрицу и М. Гримм [20].

Несмотря на советы друзей-философов Екатерина II решила перенести в Россию так называемую «саганскую» систему обучения, распространившуюся в конце XVIII в. в католических австрийских и немецких княжествах. Об опыте школьных реформ в Австрии Екатерина II узнала лично от императора Иосифа II. После встречи с ним в Могилеве в 1780 г. она писала Гримму, что австрийские «нормальные» школы представились ей замечательным изобретением, и следует добавить только «нормальных» учителей [21]. Историки отмечают, что успех австрийской образовательной реформы, проведенной в 1774 г. в связи с роспуском ордена иезуитов, во многом был обеспечен систематичностью и продуманностью программных мероприятий правительства императрицы Марии-Терезии. Основу их составил «Всеобщий учебный устав для немецких нормальных, главных и тривиальных школ во всех австрийских наследственных владениях», в подготовке которого принял участие известный церковный деятель и педагог австрий-

ский аббат Иоганн Игнаций фон Фельбигер. Новые методы, разработанные аббатом в Прусской Силезии, предусматривали создание единых учебников и одновременное обучение тому или иному предмету нескольких детей. Классно-урочная система была новшеством в системе преподавания. Если прежде учитель занимался индивидуально с каждым учеником (одни при этом уходили вперед, другие отставали), то теперь на педагога возлагалась задача активной работы со всем классом. Подобная методика позволяла значительно увеличить число учеников. Обучение в Австрии было унифицировано и поставлено под строгий контроль государства: в школах вводились единые программы обучения, единые учебники и школьные руководства, составленные и утвержденные государственной школьной комиссией. В стране была введена всеобщая образовательная повинность [22]. Для успеха образовательной реформы в России советник Екатерины II академик Ф.У. Эпинус рекомендовал ей заимствовать австрийский опыт целиком лишь с небольшими «частичными изменениями, вызванными местными условиями русской жизни» [23].

Законодательное начало реформе было положено 7 сентября 1782 г., когда был издан указ о создании специальной Комиссии об учреждении народных училищ, которая возглавила процесс проводившихся преобразований. Во главе комиссии был поставлен сенатор П.В. Завадовский. Подлинным творцом первой русской общеобразовательной школы, однако, историки по праву считают Ф.И. Янковича-де-Мириево. Талантливый педагог был приглашен в Россию по рекомендации австрийского императора Иосифа II. К моменту приезда в Санкт-Петербург Янкович имел уже достаточно большой опыт школьной работы – в одном из округов Венгрии он организовал около ста начальных школ по методу Фельбигера. Императрица поручила австрийскому педагогу основную работу по составлению «общего плана народных училищ», переводу и сочинению новых учебников для народных школ, разработке содержания и форм обучения, что он и выполнил достаточно быстро (самостоятельно и совместно с русскими учеными-педагогами) [24].

Для проведения реформы необходимы были учителя, знакомые с новой методикой преподавания. Подготовка их началась в учрежденном в 1783 г. Ф.И. Янковичем Петербургском первом главном народном училище и соединенной с ним учительской семинарии. В 1786 г. они выпустили первых воспитанников, около

100 человек, которые были готовы начать преподавание в открывавшихся учебных заведениях.

Основой для их работы стал Устав народных училищ Российской империи, утвержденный императрицей 5 августа 1786 г. Российский Устав не был точной копией австрийского. «Частичные изменения, вызванные местными условиями русской жизни», о которых говорилось еще в начале осуществления реформы, оказались достаточно существенными. В отличие от австрийского образца, российский Устав не ставил вопрос об обязательности и всеобщности начального образования. В России создавалась двухступенчатая система народных училищ: малых и главных. Учреждались они только в городах, что практически закрывало доступ в них крестьянским детям. Историки обычно видят причину подобного решения в общем сословном направлении политики правительства Екатерины II [25]. Надо заметить, однако, что ни одна из статей училищного Устава не оговаривала сословный состав училищ. Учеников и учениц предполагалось обучать, «не требуя от них никакой платы за учение». По мнению А. Каменского, создание сети школ в деревне в это время правительству было просто не под силу хотя бы потому, что в стране не было достаточного количества учителей [26]. Недостаточным оставалось и финансирование образования. Государство в конце XVIII в., как и прежде, постоянно нуждалось в деньгах и не имело средств для содержания широкой структуры школ.

В городах, согласно закону, содержание школ было возложено на приказы общественного призрения, созданные в губерниях в ходе реформы местного областного управления 1775 г. Штатные нормы содержания школ устанавливались Уставом 1786 г. (табл. 1).

Народные школы, согласно закону, призваны были давать ученикам начальное образование. Учебный курс главных народных училищ, рассчитанный на четыре года, строился в соответствии с общими принципами универсальности образования – в духе энциклопедизма, свойственного Просвещению. Курс обучения включал грамматику, всемирную и российскую историю, географию, основы геометрии, механики, физики, гражданской архитектуры, а также иностранные языки. Помимо этого, на старшие классы главных народных училищ возлагалась задача подготовки учителей для малых народных училищ. Устав 1786 г. предусматривал создание при главных народных училищах книгохрани-

Таблица 1

Устав 1786 г. о финансировании главных и малых народных училищ*

Наименование училищ	Штатные должности	Численность служащих	Штатное жалованье в год, руб.	Другие статьи расходов	Общая сумма расходов, в год, руб.
Главное народное училище	Директор (в губернских городах)	1	500	–	500
	Учителя 2-го, 3-го, 4-го классов	3	200	–	600
	Учитель 1-го класса	1	150	–	150
	Учитель иностранного языка	1	300	–	300
				За обучение рисованию	150
				На содержание училищного дома, дрова, свечи, умножение библиотеки и учебных кабинетов, оплату сторожей и пр.	900
Итого:					2500
Малое народное училище (двухклассное)	Учитель 2-го класса	1	150	–	150
	Учитель 1-го класса	1	120	–	120
				За обучение рисованию	60
				На содержание училищного дома, дрова, свечи, умножение библиотеки, оплату сторожей и пр.	170
Итого:					500
Малое народное училище с объединенными классами	Учитель	1	150	–	150
				За обучение рисованию	60
				На содержание училищного дома, дрова, свечи, умножение библиотеки, оплату сторожей и пр.	170
Итого:					380

* Источник: ПСЗ-I. Т.44. Книга штатов. № 16421. (Согласно штатам, все учителя, помимо жалованья, имели право иметь квартиру в училищном доме, а также пользоваться казенными дровами и свечами.)

лищ и учебных коллекций «изо всех трех царств природы», а также собраний образцов, чертежей и моделей, которые давали учителям возможность усилить наглядность обучения. Предполагалось, что в главных народных училищах будут работать шесть преподавателей. Малые училища, располагавшиеся в уездных городах, имели два класса с двумя учителями. В течение двух лет педагоги обучали в них детей чтению, письму, арифметике, началам грамматики, рисованию, а также «основаниям христианского закона и добронравия». При недостатке учителей классы могли быть объединены под руководством одного преподавателя.

С характерной для законодательства XVIII в. дотошностью одна из глав Устава детально описывала требования, предъявляемые к училищным зданиям. Школы предписывалось располагать в центре города рядом с православной церковью. Для удобного размещения учебных классов и учительских квартир главное народное училище должно было иметь два этажа, верхний – для классных комнат, нижний – для квартир. Предполагалось, что в главном народном училище будет не менее четырех учебных комнат и четырех помещений для размещения библиотеки и учебных пособий. Учительские квартиры, согласно Уставу, также были достаточно просторными. В частности, для каждого учителя старших классов главного народного училища выделялась квартира из трех комнат с кухней, чуланом и погребом, а для каждого учителя нижних классов – из двух комнат с кухней, чуланом и погребом. Малые народные училища в уездных городах были несколько меньше: в них полагалось иметь две большие классные комнаты и две однокомнатные квартиры для учителей (с кухнями и чуланами) [27].

Главной задачей учителей, согласно Уставу 1786 г., было не только преподавание в соответствии с утвержденным набором предметов, но и нравственное воспитание учащихся. Специально для этого Екатерина II и И.И. Бецкой написали книгу «О должностях человека и гражданина», представлявшую собой популярное изложение идей просветителей. В книге раскрывалось содержание понятий о душе и добродетели, об обязанностях человека по отношению к Богу и ближним. Детей учили выполнять свой гражданский и семейный долг, принимать существующее разделение общества на сословия и довольствоваться выпавшей им социальной ролью.

Контроль за школьным делом на местах возлагался на губернаторов, которые значились председателями приказов общест-

венного призрения и попечителями народных училищ. Главной задачей губернаторов было распространение училищ на вверенной им территории и наблюдение за правильным течением школьной жизни. При объездах губерний они обязаны были лично осматривать народные училища и оказывать помощь их руководителям. Непосредственный надзор за ходом учебного дела осуществляли директора и уездные смотрители народных училищ, подчинявшиеся Приказу общественного призрения.

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ УЧЕБНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ. ПЕРВЫЕ ГОРОДСКИЕ ШКОЛЫ

Полномасштабная реформа учебного дела в России началась 12 августа 1786 г., когда были разосланы рескрипты об открытии народных училищ генерал-губернаторам и наместникам первых двадцати пяти регионов. В их число вошли Пермское и Вятское наместничества. Надо заметить, что к этому времени в Пермской губернии уже действовало два городских светских училища. Первое было открыто 6 июня 1775 г. в Ирбите, второе – 1 марта 1784 г. в Перми. После начала реформы их воспитанники были переведены в народные школы.

Главная народная школа в Перми была открыта 22 сентября 1786 г. Несмотря на поддержку Приказа общественного призрения она, как и многие другие школы, испытывала постоянные денежные затруднения. Судя по переписке генерал-губернатора Е.П. Кашкина с Пермским приказом общественного призрения, опубликованной Н. Фирсовым, в 1786 г. Приказ смог выделить главному народному училищу вместо положенных по штатам 2500 рублей всего 783 рубля 45 копеек [28]. Для того чтобы содержать школу, нужно было изыскать дополнительные средства. На просьбу пермского наместника о благотворительной поддержке школы в конце XVIII в. откликнулись местные чиновники и заводовладельцы. «Регистр» приношений в пользу Пермского приказа общественного призрения, составленный в 1784 г., свидетельствует о том, что пожертвования на нужды школ стали поступать в Пермь еще в 1781 г. Так, для помощи в учреждении народных училищ барон Александр Николаевич и граф Александр Сергеевич Строгановы обязались ежегодно передавать Пермскому приказу общественного призрения определенную денежную сумму. Первый взнос от барона А.Н. Строганова (100 рублей) поступил в 1781 г. В 1782, 1783 и 1784 гг. эта сумма

вновь была передана им приказу. Граф А.С. Строганов начал перечислять деньги в приказ (по 300 рублей ежегодно) с 1782 г. В 1783 г., помимо ежегодных строгановских пожертвований, на нужды школ были переведены деньги заводовладельцами Александром Григорьевичем Демидовым (200 рублей) и Никитой Акинфиевичем Демидовым (2000 рублей), а также некоторыми заводскими приказчиками и служителями (38 рублей). Общая сумма пожертвований на нужды школ, полученная Пермским приказом общественного призрения, составила к концу 1784 г. 3538 рублей. Передавались сюда и материальные подношения. В 1781 г. заводовладелец Алексей Федорович Турчанинов обязался доставить для учреждаемых училищ 750 гражданских азбук [29]. После основания в 1786 г. главного народного училища в Приказ были переданы и другие пожертвования. Управляющий пермским имением Голицыных внес «для поощрения учителей» 100 рублей. Такую же сумму передал в пользу народного образования купец Назимов [30].

И все же собранных сумм было недостаточно для нормального функционирования училища. Чтобы спасти положение, генерал-губернатор Е.П. Кашкин предложил Приказу перевести в бюджет училища капитал, остающийся от штатной суммы Екатеринбургского горного училища. Использование этих денег несколько улучшило условия работы школы, однако и после предпринятых мер финансирование не достигло необходимого размера. В 1786 г., урезав почти в два раза по сравнению со штатами жалованье учителей, Приказ смог выделить в бюджет главной народной школы лишь 1750 рублей [31]. Попечителю училищ и генерал-губернатору ежегодно приходилось прилагать огромные усилия, чтобы пополнить училищную казну.

Местное городское общество достаточно прохладно относилось к проблемам училища. Свидетельством тому может служить переписка генерал-губернатора А.А. Волкова с Пермской городской думой, приведенная в краеведческом сборнике Д. Смышляева. 23 января 1792 г. А.А. Волков, ссылаясь на то, что Приказ общественного призрения не имеет достаточных средств для содержания училища, предложил городской думе ежегодно выделять из городских доходов на эти цели по 1250 рублей. Дума ответила отказом, заметив, что весь городской поземельный сбор уходит на содержание полиции, взнос же денег на содержание училища – это новый побор или подать, и приступить к нему дума «не осмеливается». В ответ А.А. Волков 11 апреля направля-

ет в думу более строгое послание, в котором призывает думу «непременно выполнить и впредь исполнять» его предписания. Взнос суммы, предписанной для училища, с точки зрения генерал-губернатора, нельзя считать новым побором или податью, так как, согласно 152-й статье Городового положения, он является законным для города расходом. Дума попыталась оттянуть решение, воспользовавшись отъездом городского головы, но все же не решилась противоречить генерал-губернатору и 19 июля 1792 г. приняла постановление о дополнительном сборе на школу. Несмотря на это решение, в течение всего года городская управа смогла собрать с жителей всего 234 рубля 14 копеек, чего, конечно же, было совершенно недостаточно для решения училищных нужд [32].

Не удовлетворяло первоначально требованиям школьного Устава 1786 г. и выделенное для училища здание. До конца XVIII в. оно располагалось в небольшом деревянном доме, принадлежавшем Приказу общественного призрения. Строительство нового помещения началось лишь в 1795 г. [33]. Двухэтажное каменное здание с большим куполом и красивым железным балконом, возведенное по проекту губернского архитектора П.Т. Васильева, было открыто для занятий в конце XVIII в. на углу Дворянской и Сибирской улиц. Нижний этаж его был занят учительскими квартирами, верхний – четырьмя классными комнатами. Библиотека, минеральный и физический кабинеты располагались во флигеле [34]. Возводилось здание, очевидно, на казенные средства, однако участвовали в строительстве и местные заводовладельцы. По данным местного Приказа общественного призрения, Петр Савич и Иван Савич Яковлевы, Александр Григорьевич Демидов, а также заводовладельцы князья Голицыны выделили для него «безденежно» железо и некоторые другие строительные материалы [35].

Участвовали благотворители и в комплектовании учебных кабинетов Пермского главного народного училища. В 1787 г., например, заседатель верхнего земского суда, член Приказа общественного призрения, коллежский советник И.У. Ванслов подарил училищу несколько минералов. Позднее минералогический кабинет получил дар от директора училищ И.И. Панаева. Он передал сюда собрание шлифованных мраморов. Более 100 минералов поступило в коллекцию от генерал-губернатора К.Ф. Модераха, около 90 экспонатов – от екатеринбургского городничего Ф.Я. Гринберга. Гербарии пермской флоры собрали учителя главного народного училища [36].

В Вятском наместничестве главное народное училище открылось в тот же день, что и в Перми. 25 августа 1786 г. Казанский и вятский генерал-губернатор князь Платон Степанович Мещерский получил рескрипт Екатерины II и поспешил тотчас же уведомить о воле императрицы вятского наместника Ф.Ф. Желтухина. Распоряжения генерал-губернатора были выполнены в срок: наместник подыскал свободный дом для размещения училища, «силою своей власти», как записано в исторической записке, включил в число учащихся школы 30 обывательских мальчиков и представил к утверждению в должности директора одного из своих чиновников [37]. 22 сентября 1786 г. в главном народном училище в Вятке начались занятия [38].

Училище разместили первоначально в первом попавшемся помещении, сняв за 40 рублей в год дом архиерейского певчего Котлецова. Дом этот, однако, был так холоден, что через два года (в 1788 г.) пришлось перевести училище в другое помещение – сравнительно большой дом пономаря Царевской церкви Н. Окишева, находившийся в центре города. Через год (в 1789 г.) учебное заведение вновь переехало. Приказ общественного призрения получил разрешение поместить его на верхнем этаже дома, в котором ранее находился губернский магистрат. Здесь главное народное училище и находилось в последующие 11 лет. Однако и это помещение, как отмечает автор исторической записки, было тесным, школьники с трудом располагались в классах. В 1800 г. губернатор вновь приказал перевести училище. Для него был выделен верхний этаж каменного корпуса присутственных мест, в котором раньше располагался упраздненный верхний земский суд. Здание бывшего суда было просторнее, но, как и старое помещение, имело много неудобств. Зимой в нем было так холодно, что чиновники и горожане не желали ходить на зимние публичные испытания школьников. Не посещали зимой школу и многие воспитанники. Здание не было приспособлено для проведения занятий. Классы в нем не были отгорожены друг от друга, поэтому во время уроков царил невообразимый шум, в котором трудно было что-то разобрать. Избавил учеников и учителей от перечисленных трудностей пожар, который произошел в 1809 г. из-за крайней ветхости училищных печей. После этого события для училища было отведено новое помещение, в деревянном доме близ Царевской церкви. Это помещение было более удобным, но и оно не отвечало требованиям школьного Устава 1786 г. [39].

Из-за крайней тесноты помещений фундаментальная библиотека, минералогический и минц-кабинеты училища размещалась в темном чулане, экспонаты и книги хранились не только на полках, но и в сундуках. Историки отмечают богатство и разнообразие учебных коллекций вятского училища: в 1799 г. сюда поступило крупное частное собрание, состоявшее из 385 минералов, 313 монет, 127 раковин и разных морских диковинок. Библиотека была не столь обширна. К 1809 г. в ней насчитывалось всего 55 названий книг. Пополнялись кабинеты и библиотека училища в основном за счет пожертвований местных чиновников и сборов учителей. В 1804 г., например, на летнем публичном испытании училищу были переданы в дар заседателем уголовной палаты Никитиным семь образцов вятских руд и голова ископаемого животного. В 1806 г. кабинет получил 31 образец минералов от сарапульского учителя Кострова [40].

Материальное состояние главного народного училища в Вятке, как и в Перми, было крайне неустойчивым. Большую часть его бюджета составляли пожертвования городского населения. В первые годы деятельности училища вятский наместник Ф.Ф. Желтухин, зная, что собственные средства приказа общественного призрения не могут превысить 900 рублей, обратился за помощью к жителям и городским обществам губернии. В 1786 г. ему удалось собрать более 1200 рублей. В 1789 г. наместник направил просьбу о пожертвованиях «на дело благоугодное благотворительное в пользу училищ» к государственным крестьянам Вятской губернии. Крестьянские пожертвования составили достаточно внушительную сумму, более 8232 рублей, что дало возможность не только решить материальные проблемы главного училища, но и открыть в губернии несколько малых народных училищ. Однако и этих сумм хватило лишь на четыре года. Для сохранения училища губернатору и местным чиновникам пришлось вновь обращаться к милости жертвователей [41]. Сохранились известия о том, что служебное рвение местных властей в поддержании нужд государственного образования приводило иной раз и к методам насильственного выколачивания денег. Один из таких рьяных администраторов, заседатель Нолинской округи Аким Чепурных, за злоупотребления в этой области был даже публично наказан кнутом и сослан на каторгу [42].

Южный Урал попал при осуществлении школьной реформы во вторую очередь присоединившихся к ней регионов, что во многом обеспечило успешность первоначально проведенных

здесь правительственных мероприятий. Начало народным училищам в Уфимском наместничестве положил указ императрицы от 3 ноября 1788 г., последовавший на доклад Комиссии об учреждении народных училищ под руководством П.В. Завадовского. Комиссия сообщала императрице, что учительская семинария вновь подготовила для народных училищ 100 учителей, что дает возможность расширить число территорий, подключающихся к реформе.

Современный исследователь Л.М. Артамонова отметила большую роль в развитии просвещения на Южном Урале симбирского и уфимского генерал-губернатора барона Осипа Андреевича Игельстрома, который уже имел к началу преобразований в Оренбургской губернии опыт проведения школьной реформы в соседнем Симбирске. О.А. Игельстром начал подготовку к открытию народных училищ в Уфимском наместничестве еще до официального решения о расширении сферы действия реформы, весной 1788 г. В целях материального обеспечения училищ генерал-губернатор добился указа Сената о передаче на их содержание части поступлений по Уфимской губернии «в пользу городов с прибыльного питейного дохода суммы», а также дохода с привозимых и отвозимых товаров. Для работы в училищах он затребовал из Казани восемь семинаристов, которые отправились на подготовку в Симбирское главное народное училище. В Уфу были также приглашены два студента Петербургской учительской семинарии предшествующего набора. Их снабдили «нужными ко открытию на первой случай книгами» и положили выплату жалованья от уфимского приказа общественного призрения [43].

Не оставлял без внимания народные училища и уфимский гражданский губернатор князь Иван Михайлович Баратаев, назначенный руководителем гражданской администрации в 1794 г. Спустя десятилетие чиновники, служившие под его ведомством, вспоминали, что «при всяком объезде губернии в уездных училищах посещал он несколько раз училища, вникал в состояние их, поощрял чиновников и учеников и немедленно исправлял приходившее в упадок, в его управление построены были почти все для училищ приличные и удобные дома» [44]. Благодаря действиям администрации первые преобразования училищного дела в Уфимском наместничестве произошли достаточно быстро. Малое народное училище открылось в Уфе 14 сентября 1788 г., а 10 июля 1789 г., согласно рескрипту Екатерины II, оно было пре-

образовано в главное. В уездных городах Мензелинске и Челябинске малые народные училища стали работать с 21 апреля 1789 г., в Оренбурге – с 29 июня 1789 г.

В конце XVIII – начале XIX в., однако, состояние школьного дела здесь заметно ухудшилось. Губернскую администрацию возглавили люди, далеко не столь близко принимавшие к сердцу судьбу организованных ранее народных училищ. При Николае Николаевиче Бахметеве, занимавшем в 1798–1803 гг. пост военного губернатора в Оренбурге, гражданскими губернаторами были К.Н. Бартеньев, И.А. Курис, К Глазенап, А.А. Вразский. Все они не проявляли должного внимания к народным училищам.

Плохую услугу главному народному училищу оказали и территориальные административные преобразования. В 1796 г. Уфимское наместничество было переименовано Павлом I в Оренбургскую губернию, Оренбург стал губернским городом. После этого решено было переместить главную народную школу в новый губернский центр. 10 июля 1797 г. малая народная школа в Оренбурге была преобразована в главную, Уфимская же главная народная школа, напротив, превратилась из главной в малую. В 1802 г. произошел обратный процесс: Уфа восстановила свой губернский статус, а Оренбург вернулся в положение уездного города. Однако главное народное училище, согласно решениям властей, в губернскую Уфу не перебралось. Оно осталось в уездном Оренбурге и с того времени, как писали современники, «стало терпеть многие недостатки» [45]. Директор училища не смог активно защищать свои интересы, на заседаниях Приказа общественного призрения, переместившегося в Уфу, он бывал редко. Практически не занимался делами главного народного училища и его непосредственный попечитель, местный гражданский губернатор, находившийся в Уфе. К началу XIX в. Оренбургское главное народное училище находилось в плачевном состоянии. Оно имело в своем распоряжении ветхий деревянный дом, принадлежавший Приказу общественного призрения. Дело «о тесноте помещения для учителей» в этом доме тянулось годами. Правилом была и поздняя присылка денег на жалованье чиновникам и содержание училищного дома [46].

В еще более сложном положении находились малые народные училища. Главным препятствием для их развития было скудное финансирование. Как уже указывалось, приказы общественного призрения, обязанные содержать школы, направляли

почти все свои средства на содержание главных народных училищ. Малые училища были фактически лишены централизованной поддержки. Екатерина II предвидела подобное развитие реформы, поэтому в своих рескриптах генерал-губернаторам об открытии народных школ она прямо заявила: «Снабдив города наши разными выгодами, в Городовом положении изображенными, доставили мы им и доходы на их надобности, а между таковыми надобностями просвещение народное одною из первых почитаться долженствует» [47]. Таким образом, в обход школьного устава 1786 г. императрица предложила возложить содержание малых народных училищ на плечи городских обществ. Наместники активно пользовались этим указанием. Случалось, что в «увещеваниях» городским головам они заявляли, что могут лишить горожан их прав и преимуществ, если они не будут содержать все учреждения, прописанные в Городовом положении, в том числе и школы.

Многие просвещенные дворяне и купцы вполне сочувствовали «достохвальным устроениям» Екатерины II. На первых порах на призыв императрицы откликнулось достаточно много жителей уездных городов. Особенно большую активность проявили городские общества Пермской губернии. В 1789 г. Верхотурское городовое общество выделило в пользу малого народного училища 600 рублей; Соликамское – 465 рублей, Екатеринбургское – 310 рублей. Поступали пожертвования и от местных купцов: кунгурский купец первой гильдии Василий Егорович Юхнев подарил местному малому народному училищу свой каменный дом и 100 рублей, соликамский купец первой гильдии Елисей Семенович Саратовской – 300 рублей [48]. Этих денег, однако, было совершенно недостаточно для финансирования школьных нужд. Ко времени проведения второй школьной реформы 1804 г. ни одно из малых народных училищ Пермской губернии не имело положенного ему по штату бюджета. В 1803 г., например, на малое народное училище в Кунгуре было затрачено (вместо положенных по штату 380–500 рублей) 285 рублей 19 копеек, Шадринска – 240 рублей, Ирбита – 232 рубля, Соликамска – 220 рублей, Екатеринбурга – 196 рублей, Верхотурья – 156 рублей 68 копеек [49]. Судя по табели о доходах и расходах приказов общественного призрения на 1 января 1803 г., опубликованной С.В. Рождественским, общие расходы Пермского приказа общественного призрения на училища составляли в это время всего 1600 рублей 15 копеек [50].

Почти все малые народные школы ютились в неудобных, тесных, холодных помещениях. Так, Екатеринбургская малая народная школа долгое время находилась в небольшой комнате при городовом магистрате. Печка и пол в ней были худые, а потому зимой здесь было холодно и угарно. Директор училищ Н.С. Попов, ревизовавший школу в 1813 г., заметил, что несмотря на 24-летнее существование школы в ней не было ни стола, ни стула для учителя, а в помещении было так грязно, что приходилось обращаться с просьбой в городскую думу о поддержании здесь необходимой чистоты. Только после долгой переписки, в 1819 г., училищному ведомству удалось добиться от думы самых мизерных улучшений: училищу выделили дешевые стол и стул, а также поправили развалившийся шкаф [51].

Неуютно было и в других народных училищах. В Соликамской малой народной школе зимой из-за морозов приходилось останавливать обучение, а в доме Верхотурской школы, как признавал директор училищ в 1810 г., ученикам и вовсе было опасно находиться. Здание было настолько ветхим, что в любой момент могло обрушиться [52]. Как свидетельствует ведомость о состоянии училищ, к 1805 г. почти все малые народные училища Пермской губернии располагались в наемных или случайных помещениях. Собственный дом имело лишь Кунгурское малое народное училище – городское общество передало ему «общественное» каменное здание, «обращенное из бывшей богадельни» [53]. Это здание было построено в 1775 г. иждивением кунгурского купца Егора Юхнева. После открытия малого училища сын Егора Юхнева Василий передал помещение Пермскому приказу общественного призрения «в пользу наук» [54].

Всего к началу александровской реформы образования в городах Пермской губернии находилось шесть одноклассных малых народных училищ. Помимо этого на средства заводовладельца и помещика графа А.С. Строганова училище было создано в центре управления его имением – селе Ильинском.

В Вятской губернии в конце XVIII в. возникло четыре малых народных училища. Первое появилось в уездном городе Слободском 4 июля 1787 г. Особым приговором городское общество положило ежегодно выделять в бюджет училища сумму (300 рублей), а в случае недостатка этой суммы добавлять к ней определенный процент с купеческого капитала и мещанского налога [55]. Остальные училища (Сарапульское, Котельничское и Нолинское) открылись в 1790 г., после того как по инициативе

вятского наместника Ф.Ф. Желтухина с крестьян Вятской губернии были собраны достаточно большие благотворительные пожертвования на училища. К подобному средству пополнения училищных капиталов вятский наместник прибегал еще не раз. Тем не менее к 1805 г. Вятский приказ общественного призрения мог отпускать на нужды малых народных училищ лишь по 150 рублей в год. Все эти деньги шли на жалованье учителям. Устройство и содержание помещений целиком перекладывалось на попечение городских обществ [56].

Один из вятских историков XIX в. – С.А. Нурминский поместил в своей статье позаимствованное из донесений директора училищ описание школьных зданий в уездных городах. Судя по приведенным данным, в 1804 г. лишь одна из всех вятских малых народных школ (Слободская) получила от местного общества достаточно приспособленное для занятий помещение. По мнению историка, благотворное влияние на отношение городского общества к школьным нуждам оказал смотритель училища купец Андрей Жилкин. По его настоянию местные власти выделили для училища помещение во вновь построенном каменном здании городового магистрата. Училище разместилось на первом этаже здания в двух просторных комнатах. Одна из них была занята учебным классом (он вмещал 45 учеников), в другой находилась передняя и квартира сторожа. При открытии училища А. Жилкин передал ему стенные часы. Купец опекал малое народное училище и впоследствии, заботился о снабжении библиотеки книгами и учебными пособиями [57].

Нолинское училище располагалось в каменной палатке при Николаевском соборе, которую духовенство временно выделило для школьных занятий. В этом тесном помещении с низкими сводами могло поместиться всего 25 человек. Котельничское училище также занимало всего одну комнату. Она размещалась на нижнем этаже деревянного дома, занятого городовым магистратом. Сырое помещение с трудом вмещало 35 учеников. В небольшом деревянном доме, состоявшем из одной комнаты, размещалось и народное Сарапульское училище. Учебная комната в нем была рассчитана на 45 учеников. После того как число учеников увеличилось, некоторые из них вынуждены были заниматься стоя [58].

Не лучше обстояло дело и в Оренбургской губернии. В первые годы деятельности малые народные училища здесь были достаточно хорошо обеспечены. Они размещались в новых, куп-

ленных приказом общественного призрения домах. Штаты учителей были заполнены. К началу XIX в. дома обветшали, а учительский штат сократился почти в полтора раза [59]. На рубеже XVIII – XIX вв. приказ общественного призрения выделял на содержание народных училищ Оренбургской губернии 2925 рублей в год. Почти вся эта сумма шла на содержание главного губернского училища [60]. Общие сборы с питейного дохода городов, направлявшиеся, согласно указу Сената, в приказ общественного призрения для содержания малых народных школ, не превышали к этому времени 500 рублей. Этих средств не хватало даже на то, чтобы выплатить учителям положенное им по штату жалованье [61].

К началу XIX в. в Оренбургской губернии продолжали действовать лишь три малых народных училища, открытых в 1788–1789 гг., – Уфимское, Мензелинское и Бузулукское. Визитаторы училищ И.И. Запольский и П.С. Кондырев, проверявшие состояние школ в 1809 г., отмечали их весьма жалкое состояние. В полную негодность пришло к этому времени здание Бузулукского училища. По неимении в доме квартир, бузулукские учителя получали обывательские избы там, «где они должны были жить вместе с хозяевами, а зимою среди пускаемого скота и домашнего хозяев изделья». Благотворительную помощь училищу оказал учитель А.С. Адоратский. В начале XIX в. он пожертвовал в его пользу флигель собственного дома, состоявший из двух покоев, которые тоже были тесными и неудобными для учения. Мензелинская школа находилась над винным погребом, испарения из которого приходилось вдыхать ученикам во время уроков. Деревянное основание школы от этих испарений к 1809 г. совершенно подгнило. В непригодном помещении находилось к этому времени и Уфимское училище [62].

В целом можно отметить, что несмотря на все усилия властей полностью решить задачи школьной реформы к началу XIX в. не удалось. Собственными школами обзавелись далеко не все уральские города: в Пермской губернии их число составляло всего 58,3 % от общей численности штатных городов, в Вятской губернии – 45,5 %, в Оренбургской – 33,3 % (табл. 2). Впрочем, уральские губернии не были исключением. По сведениям, собранным Комиссией народных училищ, в 1799–1800 гг. народные училища действовали лишь в 236 городах Российской империи, 229 городов (49 %) вообще школ не имели [63].

Таблица 2

Количество общеобразовательных учебных заведений в штатных городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1803 г.*

Губерния	Штатные города	Главные народные училища	Малые народные училища
Пермская	12	1	6
Вятская	11	1	4
Оренбургская	12	1	3
Итого:	35	3	13

* Источники: Ведомости о состоянии народных училищ за вторую половину 1803 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 18. Л. 16–18; Д. 15. Л. 23).

О причинах неудач в реализации требований школьного Устава 1786 г. историки уже достаточно много писали. Главной из них, на наш взгляд, было отсутствие опыта практического финансирования школьных нужд. Расчет правительства на приказы общественного призрения, призванные аккумулировать благотворительные капиталы, оказался необоснованным. Приказы развивались очень медленно, средств на содержание училищ у них катастрофически не хватало.

Не оправдались и надежды на развитие инициативы и активности городских обществ. С большим трудом властям удавалось убедить местное самоуправление в необходимости школьных расходов, чему, впрочем, как считает Д. Смышляев, были объективные причины. Для уральского городского люда это была трудная эпоха «всевозможных лишений, обременительных сборов на общественные надобности, возникшие с устройством нового города» [64]. Городские думы небогатых уральских городов тяготились содержанием училищ. Училищные здания редко и плохо ремонтировались, штаты учителей сокращались, уровень образования падал.

Весьма негативно оценивали современники деятельность губернаторов как попечителей училищ. В проведении реформы очень многое зависело от личного отношения к ней местной администрации. Загруженные многими государственными обязанностями губернаторы часто не могли оказать необходимого внимания школам. Некомпетентность в школьном деле мешала и заседателям местных приказов общественного призрения. Высшего надзора за деятельностью губернских чиновников в стране практически не существовало. Хотя по Уставу

1786 г. все заводимые народные училища и должны были поступить в ведение «Главного правительств училища в Российской империи, которое состоит непосредственно под ведением Ея императорского величества» [65], такой орган управления школьным делом в стране не был создан. Его функции временно выполняла Комиссия о народных училищах, однако должных властных полномочий она не получила. Губернские чиновники напрямую комиссии не подчинялись и по сути дела управляли местными школами самостоятельно [66]. Надо заметить, впрочем, что созданная структура учебно-административных органов вполне соответствовала либеральным принципам только что проведенной Екатериной II реформы местного областного управления. Поручая местной администрации не совсем свойственные ей функции руководства школьным делом, Екатерина II, очевидно, не осознавала будущих препятствий для развития училищ.

ШКОЛА В КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX в. УЧИТЕЛЯ И УЧАЩИЕСЯ

Существенным сдерживающим фактором для развития городского образования в конце XVIII – начале XIX в. было вполне очевидное отсутствие общественной потребности в образовании. Как свидетельствуют современники, охотников учиться в уральских городах тогда было очень немного. Как уже указывалось, губернаторам часто приходилось записывать учеников в народные училища «силою своей власти». Известно, что вятский наместник для того, чтобы заполнить новую школу, распорядился закрыть все старые. Своего заработка в Вятке после открытия школы лишились отставной писец Глухих, мещанин Ланских, дьякон Луппов и другие «домашние» педагоги [67]. Положение мало изменилось и к концу XVIII столетия. Объясняя малое количество учеников в Вятском главном народном училище, служащие приказа общественного призрения 1797 г. писали: «Здешние обитатели, мало соревнуя предположенной цели просвещения, неохотно отдают детей своих в народные училища. Также многие, имея своемыслие и не имеющие наклонения ни на какие убеждения, отдают детей своих для обучения по церковным книгам к причетникам. Также многие берут в уважение причину, что дети их, приходя в училище до

учителя, портят свои нравы, поелику ни один учитель не живет при училище» [68].

Столь же неохотно приняли малую народную школу жители Челябинска. В 1794 г. она была закрыта из-за недостатка учащихся, «частию от того, что дети, выучившись всем предметам, там преподаваемым, выпущены с аттестатами, частию /.../ были взяты родителями для употребления в звании их по купеческому и мещанскому состоянию и невступления вновь других» [69]. Большинство городских обывателей, как и крестьяне, придерживались старых традиций обучения детей у духовенства и мастеров грамоты за плату. В объяснении о закрытии Челябинского малого народного училища указывалось даже, что некоторые жители города имеют «вредные от прежних времен вкравшиеся предрассуждения» и нарицают народные училища «заведением иностранным» [70].

Местным властям не удалось воплотить в жизнь и педагогические принципы, заложенные в Уставе 1786 г. Устав и сопровождавшие его всевозможные руководства и инструкции для учителей говорили о педагогах как об «особом роде людей» со свойственными им профессиональными добродетелями. Закон пытался изгонять из школы царившие в ней жестокие нравы. Учителям народных училищ запрещались любые телесные наказания учеников и принятые прежде моральные унижения («дурацкие колпаки», «ослиные уши» и пр.). Учитель должен был обладать христианским благочестием, любовью («не ребяческой, но соединенной всегда с постоянным и важным видом»), бодростью, терпением, прилежанием, беспристрастием и снисходительностью. Каждый шаг в его поведении, каждая мелочь в его общении с учениками рассчитывались на то, «чтобы поощрять чаще юношество к наблюдению должностей общественных, просвещать разум учеников и научать их, как думать, так и поступать разумно, честно и благопристойно» [71].

На деле, однако, как вспоминал в середине XIX в. купеческий сын Дмитрий Смышляев, «все было просто и не так нежно...». Семи лет Д. Смышляев был отдан в Соликамское малое народное училище, учителем в котором был Дмитрий Петрович Попов. «У учителя нашего, – вспоминает Смышляев, – была медная указка, коею он бил ослушников и лентяев по головам; в том числе и мне доставалось: как хватит по голове, то искры посыплются из глаз, и голову в кровь раскроит. Часто нас ставили также на колени на горох, на несколько часов. Был у нас один уче-

ник, с которым учитель не мог пособиться: и глуп, и туп, и дерзок, надобно было его выгнать из училища, что учитель и сделал, но предварительно высек его нещадно, потом поставил у ворот, надевши на него изорванную рогожу, и мы должны были трое суток, проходя мимо, плевать и харкать на него» [72].

Недобрым словом вспоминает Д. Смышляев и то дурное обращение, которому он подвергался в пансионе Никиты Савича Попова. В 1799 г. мальчик поступил в Пермское народное училище и поселился у учителя. «По скупости Попова, – пишет Смышляев, – я содержим был не как пансионер, а как слуга, жил в избе (т. е. на кухне) и ел с работником и работницею». Совершив как-то раз случайный проступок (мальчик нечаянно толкнул племянницу Попова и разбил тарелки, которые та несла в руках), Смышляев подвергся очень жестокому наказанию. «Учитель мой, схвативши меня за волосы, повалил и бил пинками, насколько его хватило, окровавил меня и проломил голову. Этим кончилась моя последняя ученость, – повествует бывший воспитанник, – продолжавшаяся около семи месяцев» [73].

Ревизии уральских школ констатировали приверженность многих уральских учителей к пьянству. В Вятском главном народном училище, например, в течение десяти лет было уволено «за слабость и обращение к пьянству» трое учителей. Первым из них был Тихомиров, исключенный из училища через три года после его открытия. В 1793 г. «за слабость» пострадал учитель Серебрянников. В 1796 г. был отправлен в рекруты учитель Мышкин. Директор И. Стефанович доносил приказу общественного призрения, что сей учитель «обращаясь в пьянстве, нерадив в должности своей так, что иногда недели по три и более не бывает в классах» [74]. Подобные истории, конечно же, влекли за собой грубое обращение с детьми. Впрочем, и в Европе того времени это было весьма распространенным явлением [75].

Подобное поведение провинциальных учителей вполне объяснимо тяжелыми условиями их материального и нравственного положения. Устав 1786 г. объявлял, что «все учителя, в народных училищах обучающие, получая жалованье по положению штата, считаются в действительной службе императорского величества и могут ожидать тех же воздаяний, которые рачительною службою в других званиях приобретаются» [76]. Служебное положение их и порядок чинопроизводства, однако, законом четко не оговаривались. Комиссия о народных училищах приняла за основание для решения этого вопроса указ от 16 декабря

1790 г. о производстве в чины по должностям служащих «неприказного наименования». Было признано, что старшие учителя могут быть произведены в ранг 12-го класса после 6–8 лет непрерывной «беспорочной» службы. После этого для них устанавливался 10-летний срок выслуги в высшие чины. Младшие учителя имели возможность получить после 6–8 лет службы чин 14-го класса. Далее, через 10 лет – чин 12-го класса и еще через 6 лет – чин 9-го класса. Закон разрешал только через 12 лет беспорочной службы производить служащих недворянского происхождения в чин 8-го класса, дававший статус потомственного дворянина [77]. Комиссия подсчитала, что учителя старших классов таким образом смогут получить чин 8-го класса, в лучшем случае, через 22 года службы, а учителя младших классов – через 36 лет [78]. Эти условия делали педагогическую службу одной из самых невыгодных и бесперспективных.

Для того чтобы учителя не могли сменить свою работу на другую, более привлекательную, закон по сути дела прикрепил их к должности. Даже получив классный чин, они не могли самостоятельно оставить службу и перейти в другое ведомство. В 1783 г., при открытии учительской семинарии, было принято решение о том, чтобы учителя, подготовленные за счет казны, не увольнялись и не принимались на другую службу без ведома Комиссии о народных училищах. В 1799 г. Сенат подтвердил эту норму [79].

Почти все учителя были бедны и едва сводили концы с концами. Согласно данным ведомостей о состоянии народных училищ, направленными приказами общественного призрения Комиссии об учреждении училищ в 1804 г., среднее годовое жалованье учителей Пермской губернии в это время составляло 208 рублей (от 150 до 400 рублей), Вятской – 259 рублей (от 150 до 700 рублей), Оренбургской – 206 рублей (от 120 до 400 рублей) [80]. Свидетельством унизительного материального и социального положения уральских преподавателей служат их многочисленные жалобы и прошения, сохранившиеся в фонде попечителя Казанского учебного округа. 10 апреля 1805 г., например, учителя Оренбургского главного народного училища обратились к попечителю Казанского учебного округа Степану Яковлевичу Румовскому с просьбой о покровительстве и защите. Директор сих училищ Егор Иванович Валдгрин, в присутствии училищных сторожей, жестоко избил учителя второго класса Илью Алексеевича Степанова. При этом, «ссылаясь на высочайшие именные повеления о неувольнении школьных педагогов со службы», Е.И. Валдгрин

заявлял, что он, «потому как директор, все из учителя сделать может», учителей же называл людьми крепостными, тем более что, как говорил он, произошли они из «подлого звания кутейников». На должности директора Оренбургских училищ Е.И. Валдгрин оказался случайно. Отставной капитан, бывший управляющий в имениях отца военного генерал-губернатора, генерал-майора Николая Николаевича Бахметева, он был устроен на службу 21 октября 1799 г. по протекции самого генерал-губернатора. В школу этот бывший вояка принес свои палочные представления о дисциплине. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что история с избиением учителя закончилась для Е.И. Валдгрина печально. Несмотря на заступничество высоких покровителей, он был исключен из школьной службы [81]. Как свидетельствовали учителя, за весь период своей службы Е.И. Валдгрин ни разу не совершал обозрения порученных ему училищ, и многие чиновники знали его только по имени.

Надо заметить, что Оренбургской губернии вообще не очень везло с кадрами непосредственных руководителей училищ. В течение двадцати лет в ней восемь раз менялись директора, многие из которых, как отмечают визитаторы Оренбургских училищ И.И. Запольский и П.С. Кондырев, не заслуживали этого высокого звания [82]. Воспитанники Вятского и Пермского главных народных училищ, напротив, сохранили благодарную память о первых директорах. В Вятской губернии первым директором училищ был назначен один из образованнейших людей того времени Иван Стефанович. К моменту своего назначения на должность он был уже достаточно опытным педагогом. После окончания Киевской академии И. Стефанович работал преподавателем в Псковской, а затем Казанской семинариях (здесь он даже занимал некоторое время должность префекта). Оставив духовную службу, И. Стефанович провел некоторое время на должности казначея в яранской воеводской канцелярии, а затем работал председателем вятского губернского магистрата и советником губернского правления. «С успехом и достоинством» этот человек выполнял обязанности директора вятских училищ в течение 14 лет (с небольшим перерывом) [83].

В Пермской губернии одним из первых директоров народных училищ был Иван Иванович Панаев. Это был также достаточно высоко образованный человек, известный своей литературной и общественной деятельностью. Выходец из семьи туринского воеводы, И. Панаев получил образование в Тобольске, в доме у си-

бирского губернатора Д.И. Чичерина. В 1774 г. началась его столичная военная служба при штабе П.А. Румянцева, а затем генерал-аншефа Я.А. Брюса. Талантливый молодой человек с успехом вошел в светское общество. В Санкт-Петербурге он посещал музыкальное общество, играл в домашних спектаклях. Здесь же, очевидно, началось литературное творчество И. Панаева. В столице молодой офицер познакомился с известными масонами и литераторами Н.И. Новиковым, Н.М. Карамзиным, И.В. Лопухиным. Благодаря их содействию он был введен в состав столичной масонской организации. Надо сказать, что в конце XVIII в. масонские ложи были некой модой, забавой высшего общества. Ложа служила для аристократии местом встреч, улаживания своих дел, приятного времяпровождения. И. Панаев стал достаточно активным участником масонского движения. Он не только состоял в нескольких ложах, но и выполнял ответственные поручения их руководителей. Известно, что И. Панаев был комиссионером Н.И. Новикова. Одну из масонских организаций он создал в своем пермском доме. Существовала она, правда, недолго – с 1781 по 1783 гг. [84].

Вернувшись в Пермь после женитьбы в 1786 г., И.И. Панаев получил должность губернского прокурора, а затем директора Пермского главного народного училища, которым руководил с 1790 по 1796 гг. И. Панаев уделял большое внимание благоустройству училища, оснащению его библиотеки и учебного кабинета. Заботился он и о талантливых воспитанниках училища. Именно благодаря заботам директора стали известны первые стихотворные опыты будущего известного литератора Алексея Федоровича Мерзлякова. При содействии И.И. Панаева А.Ф. Мерзляков был принят в гимназию при Московском университете. Позднее он стал студентом, а затем и профессором университета.

К началу образовательной реформы 1804 г. основным поставщиком педагогических кадров для уральских школ было духовенство (табл. 3). Директорами училищ нередко назначались выходцы из чиновничества и служилого дворянства, бывало, что происходило это по личному знакомству с губернской администрацией. В Перми в 1804 г. должность директора исправлял асессор палаты гражданского суда, «архитекторский сын» Христиан Осипович Сталмейер, в Оренбурге – «штаб-офицерский сын» Егор Иванович Валдгрин. Вятскими училищами руководил выходец из духовенства учитель Тимофей Рапинов.

Таблица 3

Численность и состав (по происхождению) учителей главных и малых народных училищ в Пермской, Оренбургской и Вятской губерниях в 1803 г.*

Губерния	Наименование учебного заведения (народное училище)**	Сословное и национальное происхождение учителей					Общая численность учителей, чел.
		Дворяне	Приказные служители	Духовенство	Башкиры	Иностранцы	
Пермская	Пермское главное	1	–	4	–	1	6
	Екатеринбургское малое	–	–	1	–	–	1
	Кунгурское малое	–	–	1	–	–	1
	Соликамское малое	–	–	1	–	–	1
	Верхотурское малое	–	–	1	–	–	1
	Ирбитское малое	–	–	1	–	–	1
	Шадринское малое	–	–	1	–	–	1
Итого:		1	–	10	–	1	12
Вятская	Вятское главное	1	1	2	–	–	4
	Слободское малое	–	–	1	–	–	1
	Нолинское малое	–	–	1	–	–	1
	Сарапульское малое	–	–	1	–	–	1
	Котельническое малое	–	–	1	–	–	1
Итого:		1	1	6	–	–	8
Оренбургская	Оренбургское главное	–	–	3	1	–	4
	Уфимское малое	–	–	2	–	–	2
	Мензелинское малое	–	–	2	–	–	2
	Бузулукское малое	–	–	1	–	–	1
Итого:		–	–	8	1	–	9
Всего, чел/%		2/7,0	1/3,4	24/82,8	1/3,4	1/3,4	29/100

* Источники: Ведомости о состоянии народных училищ Пермской, Вятской и Оренбургской губерний за вторую половину 1803 г. (НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–5; Д. 15. Л. 23; Д. 18. Л. 13–16; Д. 92. Л. 16; Д. 95. Л. 50, 147–150).

** В таблице не учтены директора народных училищ.

Как свидетельствуют ведомости о состоянии народных училищ, направленные приказами общественного призрения в Комиссию об учреждении училищ в 1804 г., по численности преподавательского состава к этому времени требованиям школьных штатов отвечало лишь Пермское главное народное училище. В нем трудилось 6 учителей, среди которых числились преподаватели истории, математики, немецкого языка и рисования. Должность учителя немецкого языка исполнял выходец из купцов прусского города Данцига Карл Коннад. Образование он получил в Данцигской гимназии. Специальное учительское образование имели три педагога. Учитель истории Никита Савич Попов выходец из духовенства Пермской губернии, был воспитанником Вятской семинарии и Петербургской учительской семинарии. Учитель математики Яким Мензеховский, выходец из дворян Малороссийской губернии, получил образование в Киевской духовной академии и Петербургской учительской семинарии. Из Малороссийской Полтавской губернии приехал учитель второго класса Михайла Гречановский, выходец из духовенства. Он обучался в Киевской духовной академии и учительской семинарии. Учитель первого класса Андрей Попов получил образование в Вятской семинарии и Пермском главном народном училище. Учитель рисования Иван Иванищевский обучался рисованию у частных учителей [85].

В Вятском главном народном училище к началу 1804 г. работало четыре учителя, учитель иностранного языка среди них не числился. Очевидно, в это время языкам детей там не учили. Специальное учительское образование имел лишь один педагог – директор училищ Тимофей Рапинов (исполнявший одновременно обязанности учителя математических наук). Выходец из духовенства Казанской губернии, он получил первоначальное образование в Казанской семинарии, а затем в Санкт-Петербургской учительской семинарии. Учитель второго класса Александр Вештомов (исполнявший одновременно обязанности недавно умершего учителя истории), выходец из духовенства Вятской губернии, обучался в Вятской семинарии и Вятском главном народном училище. Учитель рисования Федор Черепанов, выходец из приказнослужителей Вятской губернии, получил навыки «рисовального искусства и живописного художества» в Московском пансионе. Учитель первого класса Андрей Колбек, выходец из дворян Харьковской губернии, обучался в Харьковском главном народном училище [86].

Хуже всего обстояло дело с преподавательским составом в Оренбургском главном народном училище. В 1804 г. там, как и в Вятском главном народном училище, числилось четыре учителя, но в отличие от Вятки среди них не было преподавателей ведущих предметов. Поэтому в училище функционировало всего 3 класса, старший четвертый класс не был открыт за неимением учителя математики. Специальное учительское образование в Оренбурге имели три педагога. Учитель исторических и географических наук Петр Петрович Трапезонтов, выходец из духовенства Тверской губернии, получил образование в Тверской семинарии и Петербургской учительской семинарии. Учитель второго класса Илья Алексеев Степанов и учитель первого класса Василий Никитич Соколов, выходцы из духовенства Тульской губернии, были выпускниками Коломенской семинарии и Петербургской учительской семинарии. Особенностью Оренбургского училища было преподавание в нем старотюркского языка, называвшегося в то время «татарским». Язык тюрки был необходим купцам, чиновникам и офицерам Оренбургского края для общения с восточными соседями. В «татарский класс» училища родители охотно отдавали своих детей [87]. В 1804 г. татарский язык в школе преподавал «походный башкирский старшина» Улла Хутлуметьев Явшин.

Образование учителей малых народных училищ ограничивалось обычно неполным семинарским курсом. Навыкам работы по методу классно-урочной системы они учились в главных народных училищах (табл. 4).

Следуя европейским педагогическим концепциям того времени, Екатерина II создала вполне демократичную школу. Как свидетельствуют ведомости о состоянии училищ, направленные приказами общественного призрения в Комиссию об учреждении училищ в начале XIX в., в уральских народных школах учились не только дворяне и городские сословия, но и крепостные (дворовые) люди (табл. 5). К сожалению, просмотренные источники не уточняют, по чьей инициативе крепостные попадали в число учащихся народных школ. Вероятнее всего, они определялись сюда по воле господ-помещиков. Известно, например, что в 1788 г. в Пермское главное народное училище было направлено 20 детей крепостных служителей из имений князей Голицыных. Дети получали от вотчинной администрации этих имений жалованье во время учебы и жилье в городе [88]. Как правило, обучившиеся в школах за счет владельцев «господские» люди участвовали позднее в управлении помещичьими имениями.

Таблица 4

Состав (по образованию) учителей народных школ Урала в 1803 г.*

Губерния	Образование	Численность учителей, чел.**		
		главных народных школ	малых народных школ	Всего, чел/%
Пермская	Киевская духовная академия и Санкт-Петербургская учительская семинария	2	–	2/16,7
	Вятская семинария и Санкт-Петербургская учительская семинария	1	–	1/8,3
	Вятская семинария и Пермское главное народное училище	1	4	5/41,7
	Тобольская семинария и Пермское главное народное училище	–	2	2/16,7
	Гимназия в г. Данциге	1	–	1/8,3
	Обучение живописи «у приватных учителей»	1	–	1/8,3
Итого:		6	6	12/100
Вятская	Казанская семинария и Санкт-Петербургская учительская семинария	1	–	1/12,5
	Вятская семинария и Вятское главное народное училище	1	4	5/62,5
	Харьковское главное народное училище	1	–	1/12,5
	Обучение живописи в Московском пансионе	1	–	1/12,5
Итого:		4	4	8/100
Оренбургская	Тверская семинария и Санкт-Петербургская учительская семинария	1	–	1/11,1
	Коломенская семинария и Санкт-Петербургская учительская семинария	2	–	2/22,2
	Казанская семинария и Симбирское главное народное училище	–	5	5/55,6
	Обучение в мусульманском училище	1	–	1/11,1
Итого:		4	5	9/100
Всего:		14	15	29/100

* Источники: Ведомости о состоянии народных училищ Пермской, Вятской и Оренбургской губерний за вторую половину 1803 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–5; Д. 15. Л. 23; Д. 18. Л. 13–16; Д. 92. Л. 16; Д. 95. Л. 50, 147–150).

** В таблице не учтены директора народных училищ.

Таблица 5

Численность и состав (по происхождению) учащихся народных школ Пермской, Оренбургской и Вятской губерний в 1803 г.*

Губерния	Состав учащихся	Наименование народных училищ							Всего по губернии, чел/%
		Пермское главное	Кунгурское малое	Шадринское малое	Ирбитское малое	Верхотурское малое	Екатеринбургское малое	Соликамское малое	
Пермская	Дворяне	27	5	3	6	2	2	5	50/16,6
	Духовенство	–	–	–	–	–	–	3	3/1,0
	Приказнослужители	17	5	1	–	–	2	–	25/8,3
	Купцы	7	2	1	5	1	5	12	33/10,9
	Мещане	4	18	1	9	15	10	29	86/28,6
	Гос. крестьяне	–	–	1	–	1	–	–	2/0,7
	Крепостные (господские люди)	11	–	–	–	6	1	3	21/7,0
	Мастеровые и работные люди	7	2	–	–	–	–	–	9/3,0
	Солдаты	27	–	3	15	3	3	–	5/16,9
	Казаки	–	–	–	–	2	–	–	2/0,7
	Ямщики	–	–	–	–	9	–	–	9/3,0
	Незаконнорожденные-	9	–	–	–	–	–	1	10/3,3
Итого:		109	32	10	35	39	23	53	301/100

Губерния	Состав учащихся	Наименование народных училищ					Всего по губернии, чел/%
		Вятское главное	Слободское малое	Нолинское малое	Сарапульское малое	Котельническое малое	
Вятская	Дворяне	25	2	2	-	2	31/14,8
	Духовенство	-	-	3	-	1	4/1,9
	Приказнослужители	15	-	3	2	-	20/9,5
	Купцы	21	8	2	7	4	42/20,0
	Мещане	20	22	6	3	10	61/29,0
	Солдаты	8	1	8	3	3	23/11,0
	Гос. крестьяне	2	1	4	15	7	29/13,8
Итого:		91	34	28	30	27	210/100

Окончание табл. 5

Губерния	Состав учащихся	Наименование народных школ				Всего по губернии, чел/%
		Оренбургское главное	Уфимское малое	Мензелинское малое	Бузулукское малое	
Оренбургская (1804 г.)	Дворяне	13	8	9	2	32/20,5
	Духовенство	–	–	–	2	2/1,3
	Приказнослужители	3	9	2	5	19/12,2
	Купцы	–	5	–	–	5/3,2
	Мещане	3	8	–	–	11/7,1
	Мастеровые	1	–	–	–	1/0,6
	Крепостные («дворовые» люди)	2	6	17	7	32/20,5
	Солдаты	3	3	11	4	21/13,5
	Незаконнорожденные	2	–	–	–	2/1,3
	Казаки	16	7	–	–	23/14,7
	Из «малолетов»	–	–	8	–	8/5,1
Итого:		43	46	39	20	156/100

* Источники: Ведомости о состоянии народных училищ за вторую половину 1803 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Д. 18. Л. 16–18; Д. 15. Л. 23).

Как свидетельствуют данные табл. 5, к 1 января 1804 г. дети крепостных крестьян составляли в городских народных школах Пермской губернии 7 %, а в «дворянской» Оренбургской губернии – 20,5 % от общего числа учащихся. Ведомости не зафиксировали выходцев из крепостного сословия лишь в вятских училищах, что объяснялось, вероятно, малочисленностью имевшихся в губернии помещичьих имений.

Екатерининские народные школы давали образование не только мальчикам, но и девочкам. Надо отметить, правда, что в уральских школах начала XIX в. девочек было очень мало. В Вятской губернии ведомости о состоянии народных училищ в конце 1803 г. не зафиксировали среди учеников ни одной девочки. В оренбургских народных школах в это время училось всего две девочки (дворянские дочери посещали Оренбургское главное народное училище). В общем составе учеников они составляли 1,3 %. В школах Пермской губернии к началу 1804 г. числилось 9 девочек (3 % от общего числа учеников). Все они учились

в Соликамской народной школе (4 дворянки, 2 дочери купцов и 3 мещанки). Приведенные цифры намного ниже общероссийских показателей. По данным П.Н. Милюкова, из 176 730 учащихся, прошедших народную школу в 1782–1800 гг., девочек было 12 595, то есть около 7 %. Правда, большая часть их получала образование в столице [89]. Народные школы конца XVIII в. допускали для обучения и представителей нерусских национальностей, причем, гораздо охотнее, чем училища министерства народного просвещения в XIX в. По данным С.Г. Мирсаитовой, среди учеников малых народных школ Оренбургской губернии встречалось немало татар, башкир, удмуртов, марийцев [90].

Современные исследователи вполне справедливо отмечают, что несмотря на все имевшиеся недостатки екатерининские народные школы были новым явлением в культуре городов. Идеи Просвещения, вошедшие с их деятельностью в российское общество, постепенно находили себе сторонников не только в столицах, но и в захолустной провинции. По воле императрицы, а порой и против ее воли, независимо общество трансформировалось, шла «великая реформа» в области культуры [91]. Яркую характеристику итогам деятельности уральских народных училищ дал один из современников, директор Пермского главного училища Н.С. Попов. В своем «Хозяйственном описании Пермской губернии» (1804 г.) он написал: «Приметно, что со времени открытия училищ возродилась всеобщая склонность к наукам, везде полагается некоторое начало к основанию училищ, особливо в горных заводах; о науках говорят уже, как и о всех знакомых делах, наипаче же молодые люди, обучившиеся здесь оным, кои отлично любят чтение полезных книг и занимаются с любопытством предметами, к наукам относящимися, отличаясь уже во многих должностях своею в них исправностию и хорошим поведением, и чрез то доказывая, сколь полезное имеют училища влияние вообще на всех граждан, особливо искореняя застарелые, нередко вредные обычаи и постыдное суеверие» [92].

Пермский учитель, конечно, заметно преувеличил влияние училищ «вообще на всех граждан». Далеко не столь оптимистично оценивали успехи екатерининской школьной реформы на Южном Урале визитаторы Оренбургских училищ И.И. Запольский и П.С. Кондырев. В своем отчете по осмотру училищ в 1809 г. они указывали, что низшие сословия осмотренных ими городов, точнее «весьма немногие» из них, ограничивали свои запросы умением читать и писать, да и в том не испытывали

«столь большой надобности». Дворяне же и вовсе «удалялись отдавать детей своих в училище». «Сколь ни священны были учреждения по сей части верховного правительства, – писали преподаватели Казанского университета, – с какою предполагаемою пользою ни сопряжены они были, какие иждивения казны ни истощались и какие попечения начальства народного просвещения ни были употребляемы, но нельзя сказать, чтобы многие обстоятельства могли споспешествовать всему оному и чтобы в точности постановления все исполнялись» [93].

Тем не менее уральская городская школа уже в XVIII в. дала России известных выпускников. В Пермском главном народном училище начал свой путь в науку и литературу Алексей Федорович Мерзляков. Сын небогатого уральского купца, ставший впоследствии профессором Московского университета, имел среди своих учеников Ф.И. Тютчева и М.Ю. Лермонтова. Учащиеся главной народной школы, позднее гимназии, хранили память о своем выдающемся земляке. В 1837 г. один из потомков А.Ф. Мерзлякова, московский откупщик надворный советник Пономарев, передал сюда из Москвы гипсовый бюст профессора [94]. Воспитанники народных училищ пополняли ряды местных чиновников, учителей, лекарских учеников. Некоторые из них старались продолжить свою учебу.

В целом, однако, надо признать, что на рубеже XVIII – XIX вв. образованных людей в уральских городах было очень немного, общая численность учащихся екатерининских народных училищ не достигала и 670 человек. Подавляющее большинство городского населения по-прежнему тяготело к традиционным формам обучения и воспитания детей. Один из современных европейских мыслителей Исайя Берлин в своей статье «Рождение русской интеллигенции» вполне справедливо охарактеризовал раскол между образованными слоями и темным народом в русской истории того периода как пропасть, которая в России была много шире, чем в других европейских странах [95]. Надо сказать, впрочем, что это вполне понимала и сама Екатерина II. «Россия велика сама по себе, – писала она Г.А. Потемкину в 1780 г., – а я что ни делаю – подобно капле, падающей в море» [96].

Более настойчивые попытки изменить отношение общества к образованию связаны с деятельностью уже другого российского реформатора – Александра I.

Глава II

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА НАЧАЛА XIX в.: ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

РЕФОРМА 1803–1804 гг. НОВАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОВИНЦИИ

Рационализация функционирования центральной и местной администрации, задуманная в начале XIX в. молодым императором и его окружением, поставила перед правительством задачу воспитания компетентного высокообразованного чиновничества. Существовавшая к этому времени в стране система образования выполнить ее не могла: учебные заведения были немногочисленны, высшее и среднее образование в провинции практически отсутствовало. В поисках законодательного решения проблемы Александр I, подобно своим предшественникам, обратился к европейской модели формирования культурных и образованных элит. Во многих западных монархиях того времени условием, позволяющим занять высшие административные и судебные должности, была университетская степень или экзамен [1]. Именно университеты Александр I и решил сделать центрами общеобразовательной системы России. От просвещенной молодежи император ждал поддержки своих либеральных начинаний.

Осуществление преобразования народных училищ было поручено министерству народного просвещения, основанному в 1802 г. под руководством графа П.В. Завадовского. Предварительную работу по подготовке и проведению полной реорганизации всех звеньев учебного процесса в России, подобную той, что была выполнена в XVIII в. екатерининской Комиссией об учреждении училищ, взяла на себя Комиссия училищ (с 1803 г. – Главное правление училищ), созданная в качестве совета при министре. В нее вошли видные деятели народного просвещения, ученые и ближайшие сподвижники императора – профессора Московского университета Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фус, ди-

ректор Кадетского корпуса Ф.И. Клингер, генерал-майор Хитрово, а также «молодые друзья» Александра I – граф С.О. Потоцкий и князь А.А. Чарторыйский. Правителем дел был назначен В.Н. Каразин. В делах комиссии принимали участие также С. Румовский и Ф.И. Янкович-де-Мириево [2].

Главное правление училищ обсуждало проекты общего плана устройства учебных заведений в России, составляло их уставы и учебные программы, занималось вопросами подготовки педагогических кадров, снабжало вновь заводимые училища книгами и учебными пособиями. Основные направления школьной реформы в России были определены «Предварительными правилами народного просвещения» от 24 января 1803 г., предусматривавшими создание в стране преемственной системы учебных заведений – от низшего приходского училища до университета. Задачей школы, как и прежде, признавалось ее нравственное влияние на учеников. Низшая школа оставалась бессословной и бесплатной. Телесные наказания учеников строго запрещались [3].

Новая структура образования, вводимая в России, предусматривала вполне строгую и логичную схему. В январе 1803 г. вся территория страны была разделена на шесть учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Харьковский, Казанский, Виленский и Дерптский [4]. Казанский учебный округ, включивший в себя все три уральские губернии, был самым обширным. В него вошла часть центральной и практически вся восточная Россия. В 1824 г. к округу относилось 12 губерний: Казанская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Оренбургская, Вятская, Пермская, Тобольская, Томская, Иркутская и Енисейская [5]. Учебно-методическими и учебно-административными центрами округов становились университеты, наделенные, по примеру вузов протестантской Германии, правами широкого самоуправления. Подготовительной ступенью к ним были средние общеобразовательные школы-гимназии. Права университетов оговаривались университетскими уставами 1804 г.

Учебные округа имели определенную самостоятельность, хотя и находились под постоянным контролем центральной власти. Регулярное «надзирание» за деятельностью учебных заведений округа осуществляли университеты. Ежегодно они посылали для обозрения училищ одного или нескольких своих сотрудников (визитаторов). Донесения визитаторов обсуждались коллегиально в Училищном комитете и подлежали контролю совета университета. Права Училищных комитетов, создававшихся в

каждом университете под председательством ректоров, были весьма значительными. Они утверждали в должностях учителей и директоров гимназий и прочих училищ, рассматривали их хозяйственные и учебные отчеты, следили за состоянием дел на местах. Состояли комитеты из шести ординарных профессоров, ежегодно избираемых советом университета, а также секретаря из адъюнктов или магистров университета. В Казанском учебном округе Училищный комитет начал функционировать в октябре 1811 г. [6]. Совет университета ежегодно получал от Училищного комитета подробный отчет о состоянии дел и представлял его через попечителя учебного округа министру народного просвещения.

Правительственный надзор за деятельностью университетов осуществляли попечители учебных округов, назначавшиеся из высших сановников. По своему званию они считались одновременно и членами Главного правления училищ. Попечители представляли интересы округа в центре и обязаны были регулярно (как минимум один раз в два года) осматривать подведомственные им учебные заведения [7]. Высшую инстанцию учебного управления представляло министерство народного просвещения.

Учебные заведения в каждом округе были выстроены в виде строгой иерархии: приходские школы–уездные училища–гимназии–университет. Согласно «Уставу учебных заведений, подведомственных университету и попечителям учебных округов» от 5 ноября 1804 г., иерархическая связь между ними устанавливалась как в учебном, так и в административном отношении. Директора гимназий были одновременно и директорами уездных училищ, а подчиненные им смотрители уездных училищ – начальниками приходских школ.

Подобная система не была чем-то абсолютно новым и небывалым в Европе. И.А. Алешинцев отмечает, что она имела сходство с планом знаменитого министра Тюрго, разработанным при Людовике XV в 1775 г., и планом Кондорсе, представленным французскому правительству в 1792 г. Эти планы были известны членам Главного правления училищ и принимались ими во внимание при разработке школьного Устава [8]. По многим параметрам, однако, создаваемая в России система просвещения превосходила иностранный опыт. Органичность структуры образования, зависимость ее от крупных научных центров, коллегиальность в управлении восторженно оценивались зарубежными и российскими педагогами. Видный дореволюционный историк

XIX в. А. Корнилов с полным основанием писал, что учебный Устав 1804 г. «знаменовал собою самый блестящий период в истории русского просвещения» [9].

Принципиально важным для развития провинциальных городов было введение в их школьную систему среднего гимназического образования. Гимназии сыграли огромную роль в ускорении процессов культурной трансформации провинции. Они стали здесь «островами» новой культуры. Программа гимназий, согласно Уставу 1804 г., вбирала в себя расширенный курс двух высших классов прежнего Главного народного училища. Обучение длилось четыре года. Среди обязательных для изучения предметов были основы философии, изящные науки (эстетика, риторика), иностранные языки (латинский, французский и немецкий), статистика, логика, математика (алгебра, геометрия, тригонометрия), основы механики, гидравлики и других разделов физики, сокращенная естественная история, всеобщая география и история, основы политической экономии и коммерции. Кроме того, если гимназия имела дополнительные средства, она могла давать детям еще и уроки танцев, музыки и гимнастики. Русский язык и Закон Божий Устав в программу гимназий не включил. Очевидно, Главное правление училищ посчитало достаточным обучение этим предметам в уездном училище [10]. В штате гимназии было 8 учителей.

Уездное училище вбирало в себя расширенную программу второго класса малого народного училища. Обучение в нем длилось в течение двух лет. Здесь дети продолжали изучать Закон Божий и арифметику, а также получали знания по русской грамматике, геометрии, основам физики, естественной истории, всеобщей и российской географии, рисованию и некоторым правилам технологии применительно к местной промышленности. Уездные училища имели двух учителей. Их воспитанники могли поступить для продолжения обучения в среднеобразовательное учебное заведение (гимназию) либо закончить образование, получив, как было написано в Уставе, «необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности» [11].

Первый класс малого (или главного) народного училища становился приходской школой, которая учила, кроме начал Закона Божия, чтению, письму и первым действиям арифметики. Курс приходских училищ составлял один год (6–8 осенне-зимних месяцев по 18 часов в неделю). В штате училища был один учитель. Задачей низших училищ была подготовка детей к следую-

щей ступени обучения (уездным училищам). Они могли давать законченное начальное образование и тем, кто не пожелает его продолжать (преимущественно детям «земледельческого» и других низших сословий) [12]. Среднее общее образование, таким образом, становилось семилетним: приходское училище – один год обучения, уездное – два года, гимназия – четыре года. Все высшие училища работали на базе знаний, полученных на низших ступенях обучения.

Создавая обширную разветвленную школьную сеть, правительство надеялось на активизацию образовательного процесса в провинции. В «Предварительных правилах народного просвещения» 1803 г. было заявлено: «Ни в какой губернии спустя пять лет по устроении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил училищной части никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [13]. На деле, однако, проведение реформы затянулось на долгие годы, что было обусловлено рядом объективных и субъективных факторов.

Главным препятствием для широкого развития образовательных учреждений в провинции, как и прежде, было отсутствие достаточной материальной базы, включая проблемы финансирования. Реформаторы признавали необходимость выделения государственных средств на школу (в этом историки видят основное отличие реформы начала XIX в. от прежней политики финансирования образования). Но объемы финансирования были совершенно недостаточны для успешного развития общеобразовательной школы. Отчисления из государственного бюджета на нужды народного образования в первой четверти XIX в., как признают исследователи, оставались мизерными и имели тенденцию к сокращению [14]. Гарантированный необходимый минимум средств из казны получали только высшие ступени общеобразовательной школы (гимназии и уездные училища). Приходские же училища, как и прежде, могли рассчитывать только на щедрость помещиков и городских обществ.

Справедливости ради, надо заметить, что по сравнению с 1786 г. Устав 1804 г. существенно увеличил штатные нормы финансирования начальных училищ (табл. 6). Ежегодно для содержания здания уездного училища выделялось 350–400 рублей, что было почти в два раза выше прежних штатных норм (малые народные училища по Уставу 1786 г. получали на эти цели только

Таблица 6

Устав 1804 г. о финансировании гимназий и уездных училищ*

Наименование училищ	Штатные должности	Численность служащих, чел.	Штатное жалованье в год, руб.		Другие статьи расходов	Общая сумма расходов в год, руб.	
			Губернии первого разряда (Вятская, Пермская)	Губернии второго разряда (Оренбургская)		Губернии первого разряда (Вятская, Пермская)	Губернии второго разряда (Оренбургская)
Губернская гимназия	Директор	1	1000	900	–	1000	900
	Старшие учителя	4	750	650	–	3000	2600
	Учителя языков	3	400	400	–	1200	1200
	Учитель рисования	1	300	300	–	300	300
					На библиотеку	250	250
					На содержание дома, служителей и пр.	900	900
Итого:						6650	6150
Уездное училище	Смотритель	1	400	350	–	400	350
	Учителя	2	300	275	–	600	550
					За наставление в законе	100	80
					За рисование	100	80
					На содержание дома, служителей и пр.	400	350
Итого:						1600	1410

* Источник: ПСЗ-I. Т. 44. Книга штатов. № 22264. 6 сентября 1806 г.

170 рублей в год). Выросли и заработные платы учителей. В целом, однако, и новые штаты были недостаточны для нормального развития школы.

Правительство предполагало, что общая сумма, показанная в итоге штатной сметы, будет по-прежнему дополняться из средств приказов общественного призрения и городских обществ. Однако приказы и городские думы, используя положения Устава, постарались после его издания сократить свои субсидии

на училища, мотивируя это необходимостью исполнения более важных обязательств. Основная тяжесть расходов по содержанию гимназий и уездных школ легла на казну, отягощенную в то время военными и другими хозяйственными нуждами.

Большие надежды в этих условиях были возложены на частную благотворительность. В начале XIX в. правительство приняло специальные меры для поощрения благотворителей. «Предварительные правила народного просвещения» 1803 г. указали, что «все благонамеренные граждане при устроении училищ, вспомоществуя Правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе, приобретут особенное и преимущественное право на уважение своих соотчичей и на торжественную признательность учреждаемых ныне заведений» [15].

14 февраля 1816 г. было принято Постановление о наградах для благотворителей училищ, согласно которому полагалось в знак признательности к ним иметь в каждой школе специальную прошнурованную книгу в сафьяновом переплете, куда можно было бы заносить все имена жертвователей на нужды образования. О наиболее крупных благотворительных взносах предписывалось сообщать в печатных Ведомостях. Если жертвователь передавал в пользу училищного ведомства не менее 1 тысячи рублей деньгами или вещами, то он получал право именоваться почетным благотворителем, а его имя, изображенное золотыми буквами на специальной доске, изготовленной под черный мрамор с вызолоченной рамой, помещалось для обозрения в училищной зале. Если же пожертвование благотворителя превышало 3 тысячи рублей, то в зале помещался его портрет. При пожертвовании в 5 тысяч рублей на имя благотворителя поступало Высочайшее благоволение в рескрипте за императорским подписанием. Купцам и духовным лицам награды представлялись и за меньшие суммы пожертвований. Любопытно, что, согласно закону, награждались не только сами благотворители, но и лица, оказавшие своим влиянием содействие пожертвованиям в пользу училищ [16]. Постановление 1816 г. сыграло заметную роль в развитии благотворительности. Отменено оно было только в 1837 г. [17].

Наиболее щедрые меценаты «за крупные пожертвования в пользу казны и разные услуги, правительству оказанные», получали специальные золотые и серебряные медали с надписью «За полезное» и «За усердие». Медали были учреждены в декабре

1801 г., вручались они на шейной ленте одного из следующих орденов: Святой Анны, Святого Александра Невского или Святого Владимира, в зависимости от заслуг награждаемого. Поскольку эти медали служили предметом гордости, славы и содействовали в успехах предпринимательства, многие купцы и промышленники старались получить несколько таких наград и носили их на шее, располагая по старшинству – одну за другой, регулируя длиной лент [18].

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ НОВОЙ ШКОЛЫ

Несмотря на правительственное поощрение просвещение в русской провинции развивалось очень медленно. Вновь образованная в начале XIX в. Пермская гимназия, по словам одного из исследователей ее истории, директора училищ Пермской губернии В.Н. Шишонко, в первой четверти XIX в. «не пользовалась хорошей репутацией в обществе» [19]. Численность учащихся в ней к 1826 г. в несколько уступала прежнему главному народному училищу. Основной костяк гимназистов составляли дети чиновников низших рангов (обер-офицеров) и кантонисты местного военно-сиротского отделения (табл. 7). Кантонисты были допущены в гимназию после Высочайшего распоряжения 1820 г. в целях занятия ими в будущем учительских должностей по своему ведомству [20].

Небогатое купечество и мещанство Перми не видело необходимости в широком гимназическом образовании для своих детей. «Безвременно» отвлекали гимназистов от учебы и бедные семьи, особенно матери сирот. Причиной этого, как указывал директор гимназии Н.С. Попов, была потребность «снискать пособие в хозяйстве, а иногда и самое пропитание» [21]. Для богатых дворян и чиновников, живших в губернском городе, предпочтительным считалось домашнее образование. Для этого они, как пишет Н.С. Попов, призывали «студентов здешней семинарии, немногие – учителей гимназии». Чиновники стремились поскорее пристроить своих детей к службе, причем делали они это «не столько для получения жалованья, сколько для ранней заслуги чинов». Любопытно, что отвращало благородные сословия от обучения детей в гимназии, помимо прочего, еще и опасение публичных наказаний. Н.С. Попов писал, что если исключать питомцев гимназии «за все шалости и нерадение, то число

учеников чрезвычайно уменьшится, ибо многие родители, особливо благородные, не станут вовсе отдавать детей, опасаясь стыда, чтобы дети их не попали в число исключенных» [22].

Подобные причины культурно-психологического характера были обычными для провинции того времени [23]. Большое значение, помимо того, имели и факторы субъективного свойства, особенно отношение к учебному делу руководителей местной администрации. В 1810 г. директор училищ Пермской губернии Н.С. Попов жаловался попечителю Казанского учебного округа на пермского гражданского губернатора Б.А. Гермеса, уверяя, что тот знать не хочет попечителя учебного округа и его распоряжений, чем «огорчает его до слез» [24]. Надо заметить, впрочем, что и сам Никита Савич Попов не пользовался особым авторитетом в местном обществе. Его «несостоятельность» в должности директора, с точки зрения В.Н. Шишонко, и была одной из главных причин слабого притока учащихся в Пермскую гимназию.

Никита Савич Попов был одним из самых опытных педагогов в Перми. С самого момента основания училищ он работал учителем, а с начала XIX в. директором Пермского Главного народного училища. Обучался Н.С. Попов сначала в Пермской семинарии, а затем в Петербургской учительской семинарии Ф.И. Янковича-де-Мириево. Известно, что во время учебы он посещал лекции ученых Российской академии наук, что, очевидно, стало основой его научной деятельности. В 1800 г. губернатор привлек Н.С. Попова к созданию атласа Пермской губернии [25]. За успешное составление «Историко-географического описания губернии», приложенного к атласу, учитель получил досрочное повышение в чине. 37-летнего Н.С. Попова по именному указу Павла I произвели в 8-й класс по табели о рангах, что дало ему права потомственного дворянства [26]. В 1802–1803 гг. Н.С. Попов трудился над составлением «Хозяйственного описания Пермской губернии», высоко оцененного современниками. В 1807 г. Н.С. Попов был назначен за этот труд адъюнктом Казанского университета. В 1812 г. его приняли в члены Казанского Общества любителей словесности [27].

Личные качества Н.С. Попова, однако, как и его административные способности, оставили не столь приятные воспоминания у жителей Перми. Как уже указывалось, весьма нелестную характеристику Никите Савичу дал один из воспитанников его пансиона Д. Смышляев, жестоко избитый учителем за незначи-

тельный проступок. Недостаточным уважением, очевидно, директор пользовался и в среде учителей Пермской гимназии. Материалы, опубликованные В.Н. Шишонко, свидетельствуют о постоянных стычках Н.С. Попова с подчиненными, что, впрочем, имело вполне обоснованную причину. Автор исторического сочинения указывает, что директор гимназии «имел обыкновение при выдаче жалованья учителям брать себе, без достаточного законного основания, 100 рублей серебром ежемесячно». Отчеты его о расходовании казенных сумм были столь запутанными, что после ревизии по казенному взысканию Н.С. Попов вынужден был заплатить 113 рублей серебром. Нарекания по службе привели к тому, что он, прослуживший в учебном ведомстве почти 41 год, был уволен из училища без назначения пенсии и испытывал на старости такую нужду, что пермский губернатор хотел даже принять его на должность заседателя в совестном суде с годовым окладом в 300 рублей, чтобы он «не умер в нищете, не имея насущного хлеба» [28].

Гимназия была торжественно открыта в Перми 29 июня 1808 г. Разместилась она в здании Главного народного училища, которое украшало Пермь еще с конца XVIII века. Большую помощь училищному ведомству в создании местной гимназии оказали уральские заводовладельцы. Следует, правда, отметить что их благотворительные взносы на Урале никогда не достигали размеров дворянской и купеческой благотворительности в российских столицах. Богатые дворянские семьи, владевшие заводами и землями на Урале, в XIX в. в своих имениях почти никогда не появлялись, предпочитая проводить время в столицах или за границей. Именно там, вдали от Урала, многие из них (Демидовы, Строгановы, Лазаревы, Голицыны и др.) оставили о себе память как крупнейшие меценаты и благотворители. Впрочем, просьбы о финансовой помощи пермского губернатора заводовладельцы также почти никогда не оставляли без ответа.

В 1806 г. вятский и пермский генерал-губернатор К.Ф. Модерах предложил «здешней губернии господам заводчикам» сделать какое-либо пожертвование на содержание вновь создающейся гимназии. В ответ на эту просьбу поступили денежные взносы от владельцев Авзяно-Петровских и Сергинско-Уфалейских заводов М.П. Губина (1500 рублей), Верх-Исетских заводов А.И. Яковлева (1000 рублей), его ближайшего родственника подполковника С.С. Яковлева, владевшего Алапаевскими заводами

(500 рублей). 1000 рублей передал для гимназии Н.Н. Демидов, посетивший свои Нижнетагильские заводы в 1806 г. Сумма, образовавшаяся в результате благотворительных взносов (4000 рублей), была отправлена для приращения процентами в Московский опекунский совет воспитательного дома. Известие о пожертвованиях заводовладельцев решено было напечатать в периодической печати, благотворители же получили благодарственные письма лично от министра просвещения Петра Васильевича Завадовского [29].

После создания гимназии взносы на ее содержание стали поступать от представителей разных слоев населения. Список благотворителей, отправленный советом императорского Казанского университета попечителю учебного округа в 1819 г., например, числил среди них заводовладельца Григория Александровича Строганова, пермских чиновников, горных офицеров, надзирателей питейных сборов, купцов и других городских жителей. Взносы, поступавшие от жителей Перми (всего ведомость зафиксировала 17 человек) были невелики (от 5 до 50 рублей асс.), в целом, однако, и они составили достаточно солидную для того времени сумму (475 рублей 50 копеек асс.). Любопытно, что небольшие суммы пожертвований перечисляли даже весьма небогатые местные учителя: в 1819 г. это был учитель Пермской семинарии Бенедиктов, отдавший гимназии 50 копеек серебром [30].

Местная интеллигенция пополняла учебные кабинеты гимназии. В 1819 г., например, инспектор Пермской врачебной управы Федор Христофорович Граль передал директору училищ Пермской губернии «спиртовый термометр с реомюрным делением». В 1820 г. старший учитель Василий Грибовский принес гербарий, составленный им из растений, имеющих распространение в Пермской губернии и зарубежных странах. Уральские растения (340 видов) он собирал сам, зарубежные же (300 видов) приобрел в санкт-петербургских ботанических садах. По решению совета Казанского университета сообщение об этом полезном подарке было напечатано в "Московских" и "Санкт-Петербургских ведомостях" [31].

В целом, судя по заметкам историка А.В. Зверева, денежная сумма, отпускавшаяся на нужды Пермской гимназии в первой четверти XIX в., составляла около 6300 рублей ассигнациями. Это были средства из казны (3666 рублей 66 копеек), от приказа общественного призрения (2000 рублей), проценты с благотворительного капитала, хранившегося в Московском опекунском

совете, пожертвования горожан. Не отказались от своего обязательства поддерживать гимназию после издания указа 1804 г. и заводовладельцы Строгановы. Ежегодное пособие в 400 рублей они начали передавать Пермскому Главному народному училищу еще в XVIII в. [32].

Учреждение гимназии в Вятской губернии несколько затянулось, так как местное Главное народное училище ко времени реформы, в отличие от Пермского, не имело собственного дома. Однако «приверженность к просвещению» местных жителей оказалась несравненно выше, чем в Перми. Согласно данным ведомости, отправленной ректору Казанского университета, по численности учащихся Вятская гимназия в начале 1826 г. почти вдвое превосходила Пермскую. Купечество и мещанство Вятки практически не уступало местному чиновничеству в желании дать своим детям среднее образование (табл. 7). Причину этого местные историки XIX в. видели в личной инициативе, энергии и настойчивости вятского гражданского губернатора Федора Ивановича Фон-Брадке. Губернатор Фон-Брадке сме-

Таблица 7

Состав (по происхождению) учащихся уральских гимназий в 1825 г.,чел/%*

Наименование учебного заведения	Социальное происхождение учащихся									Всего
	Дворяне (штаб-офицерские дети)	Обер-офицерские дети	Приказно-служительские дети	Купцы	Мещане	Дети государственных крестьян	Питомцы Приказа общественного призрения	Кантонисты	Дети господских служителей (из крепостных)	
Пермская гимназия	4 / 10,3	18 / 46,2	1 / 2,6	– / –	2 / 5,1	– / –	2 / 5,1	10 / 25,6	2 / 5,1	39 / 100
Вятская гимназия	3 / 4,0	36 / 48,0	2 / 2,7	14 / 18,7	16 / 21,3	4 / 5,3	– / –	– / –	– / –	75 / 100
Итого:	7 / 6,1	54 / 47,3	3 / 2,6	14 / 12,3	18 / 15,8	4 / 3,5	2 / 1,8	10 / 8,8	2 / 1,8	114 / 100

* Источник: Ведомости о составе гимназий, составленные директорами училищ Пермской и Вятской губерний ректору Казанского университета в 1826 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2003. Л. 7–8).

В таблице не учтены учащиеся Уфимской гимназии, так как она в это время еще не была открыта.

нил на этом посту Василия Ивановича Болгарского. В 1807 г., после четвертой сенаторской ревизии, открывшей огромные злоупотребления в управлении Вятской губернией, Болгарский был отдан под суд [33].

Вступив в должность, Ф.И. Фон-Брадке стал вести активную переписку по поводу открытия в губернском центре гимназии. Сохранились его письма с просьбой о содействии в открытии гимназии попечителю Казанского университета, министру народного просвещения, вятскому и пермскому генерал-губернатору. Неоднократно губернатор обращался и к местному обществу, призывая его «обогатить детей своих науками, яко капиталом наследственным, которого никакой случай, никакое несчастие от них отнять не может». По инициативе Ф.И. Фон-Брадке по всей губернии была открыта подписка к пожертвованию на устройство гимназии. Она принесла училищному ведомству достаточно крупную сумму в 13 624 рубля 85 копеек ассигнациями. Наиболее крупное пожертвование на нужды образования внес уржумский купец Матвеев (5 тысяч рублей), за что ему была вручена золотая медаль с надписью «За полезное». Собранные деньги дали возможность купить для гимназии собственное помещение. На одном из аукционов был приобретен у купца Масленникова каменный дом за 5341 рубль 20 копеек [34].

21 ноября 1811 г. после торжественного акта открытия Вятская гимназия начала прием учащихся. В этот день она вновь получила от горожан 1112 рублей [35]. Денежные средства и материальные пожертвования на нужды гимназии продолжали поступать от горожан и после начала ее официального функционирования. Во время открытого испытания воспитанников гимназии в 1816 г., например, проверяющие чиновники пожертвовали гимназии 335 рублей, а учитель рисования подарил школе портрет епископа Вятского и Слободского Гедеона [36].

Училищное здание, купленное казной у купца Масленникова, оказалось не совсем удобным для размещения учебных площадей, поэтому в 1815 г. решено было обменять его на более просторный дом купца Аршаулова. Купец получил не только прежний училищный дом, но и достаточно большую доплату за него (11 200 рублей) с условием передать в собственность гимназии землю, на которой расположено здание, а также доставить для его перестройки тысячу бревен и сто тысяч кирпичей. Каменный двухэтажный дом, дополненный двумя вновь выстроенными флигелями, был готов к началу занятий 21 ноября 1815 г. Пере-

стройка здания обошлась казне в 7360 рублей. По просьбе губернатора материальную помощь в строительстве здания оказали Холуницкие заводы. В 1816 г. управитель заводов Ефим Васильевич Ваганов передал строительному комитету около 25 пудов связного железа [37]. Старания вятского губернатора Ф.И. Фон-Брадке не остались незамеченными. За свои заботы об открытии гимназии он был удостоен звания почетного члена императорского Казанского университета [38].

Первым директором Вятской гимназии, как и в Перми, стал бывший директор местного главного народного училища Тимофей Титыч Рапинов. Судя по воспоминаниям выпускников гимназии, большими дарованиями этот человек не выделялся. «Не слишком достаточен» он оказался и в науках, не знал ни одного иностранного языка. Местные жители, жертвователи гимназии, были очень недовольны этим обстоятельством и просили губернатора найти нового директора. Училищный комитет порекомендовал на эту должность Ивана Вильгельмовича Глейнига. В 1812 г. он занял пост директора гимназии и руководил ею и всеми подчиненными учебными заведениями до 1819 г. В отличие от Рапинова, Глейниг был человеком весьма образованным для того времени. Выходец из прусских дворян на русской службе, он закончил курс обучения в Кенигсбергском университете, некоторое время состоял на военной службе, участвовал в турецких войнах. Во время его директорства Вятская гимназия процветала. Высоко оценил деятельность И.В. Глейнига попечитель Казанского учебного округа С.Я. Румовский. В 1815 г. он представил Глейнига к награде, отметив, что «усердием и деятельностью он перед всеми директорами округа отличается». Отметил директора Вятской гимназии и новый попечитель округа Михаил Александрович Салтыков. Осмотрев учебные заведения Вятской губернии в 1815 г., он поставил его в пример всем прочим директорам [39].

Самой длительной и сложной оказалась реализация нового школьного Устава в Оренбургской губернии. Как ни странно, именно в этой «дворянской» губернии интерес к гимназии, по сути – дворянской школе, оказался наименьшим. В силу ряда обстоятельств учебная администрация здесь не пошла по традиционному пути преобразования главного народного училища в гимназию. К началу XIX в. Оренбургское Главное училище располагалось в Оренбурге, где занимало тесный и холодный дом. Визитаторы И.И. Запольский и П.С. Кондырев, посетившие его

в 1809 г., отметили, что ни жить, ни учить детей в нем невозможно, «за худобою и крайним холодом классической (то есть классного помещения – *Л.Д.*) учители зимою, кое-как теснясь, учили детей попеременно в своих жилых комнатах» [40]. Для создания гимназии необходим был новый более просторный и удобный дом. С самого начала возник вопрос о том, где же его строить. Оренбург был в то время уездным городом. Приказ общественного призрения, непосредственно ведавший народными училищами, находился в Уфе. Вдали от местного гражданского начальства главное училище, как уже отмечалось, оказалось забытым и заброшенным. Визитаторы считали необходимым перенести гимназию в центр губернии. Этого же мнения придерживался и военный губернатор края князь Г.С. Волконский. Он готов был содействовать переводу главного народного училища в Уфу, в Оренбурге же – учредить особое «училище для азиатцев и всех вообще иррегулярных войск», дав ему название Неплюевского [41].

Гражданский губернатор М.Ф. Веригин, располагавшийся в Уфе, однако, оказался не столь большим сторонником просвещения. Университетским визитаторам он, правда, обещал помощь в устройстве гимназии и даже заявил, что уже назначил для нее дом. Но дом этот, как отметили ревизоры, «почти так же неудобен и ветх и неуделан, и клонится к падению, как настоящий». Некоторое понимание представители училищного ведомства встретили в Уфе только у губернского предводителя дворянства Саввы Осоргина. Тот считал, что учреждение гимназии губернскому городу необходимо, так как в губернии много бедных дворян, воспитание же детей вдали от родины для них чрезвычайно затруднительно.

Предводитель дворянства был уверен в том, что дворянство охотно будет выделять благотворительные взносы на устройство гимназии. Сам он обещал всевозможную помощь в сборе пожертвований [42]. О сборе благотворительных взносов на устройство в Уфе гимназии дворянству было объявлено в 1809 г. Помещики пообещали выделить на эти цели 10 тысяч рублей, предполагая собрать эту сумму за три года с собственных крестьян (по 30 копеек с души) [43]. В мае 1810 г. первый взнос от дворянского общества (3333 рубля 33 копейки) поступил в училищное ведомство и был направлен в Приказ общественного призрения для приращения процентами. Оставшиеся деньги, однако, долгое время были в недоимке, так как дворяне не видели

особой активности властей в устроении гимназии, да и сами в ней особой необходимости не ощущали [44].

Дело сдвинулось с мертвой точки только после приезда в Оренбург нового военного губернатора графа Петра Кирилловича Эссена. В 1817 г. он обратился к гражданскому губернатору и губернскому предводителю дворянства с предложением «принять ревностное участие в приглашении дворян и граждан на пожертвование для заведения гимназии и уездных училищ, кто чем заблагорассудит». Богатым заводовладельцам и дворянам-помещикам П.К. Эссен направил личные письма с просьбой об оказании пособия делу народного просвещения в крае. Оренбургское общество достаточно активно откликнулось на инициативу военного губернатора. К сентябрю 1820 г., судя по донесению визитатора Розанова, в Оренбургском Приказе общественного призрения находилось уже 23 127 рублей, пожертвованных на устроение в Уфе гимназии [45]. Среди жертвователей были заводовладельцы, помещики, чиновники, офицеры, казаки, купцы. Крупное пожертвование поступило в пользу вновь создающейся гимназии от помещика Бугурусланского уезда коллежского советника П.Я. Тоузакова. В 1820 г. он передал в гимназический капитал 10 тысяч рублей [46]. Дворянин И.Е. Демидов выделил для строительства новой школы 778 бревен строевого леса [47].

Собранных денег оказалось достаточно для начала строительства гимназического помещения в Уфе. По проекту здесь предполагалось возвести каменное трехэтажное здание, которое могло вместить в себя и гимназию, и уездное училище. Смета строительных работ была достаточно внушительной для училищного ведомства того времени, она составляла 145 708 рублей. Долгое время, прежде всего из-за дороговизны работ, строительство здания затягивалось. В 1823 г. отыскался подрядчик (чухломской купец Василий Юдин, прибывший в Уфу из Костромы), согласившийся выстроить здание за 135 тысяч рублей. На эти расходы казна согласилась: в 1823 г. деньги, дополнившие благотворительные средства, были перечислены Казанскому учебному округу из строительного капитала департамента народного просвещения. В 1825 г. гимназическое здание в Уфе было отстроено. 9 июня 1826 г. министр народного просвещения А. Шишков предписал принять его в училищное ведомство. Дом, однако, оказался непрочным, в его стенах скоро обнаружились большие трещины, которые пришлось устранять. Нашлись и другие неполадки, что затянуло начало занятий еще на два года.

Торжественное открытие Уфимской гимназии состоялось лишь 11 ноября 1828 г. [48].

Оренбургские дворяне, как и пермские, к гимназии относились весьма прохладно и не спешили отдавать сюда своих детей. Сам вопрос о привлечении дворян в средние и высшие учебные заведения не раз становился предметом обсуждения в правительстве. Дореволюционный исследователь гимназического образования И.А. Алешинцев называл их поведение по отношению к государственным общеобразовательным школам «пассивной забастовкой» [49]. Важной вехой в преодолении этого препятствия развитию образования стал указ от 6 августа 1809 г., подготовленный по материалам обстоятельного доклада Александру I его ближайшего помощника М.М. Сперанского. На основе этого указа в России были введены экзамены на чины. Лица с университетским образованием, согласно указу, стали получать существенные преимущества при продвижении по служебной лестнице. Чин же коллежского асессора, который давал право на потомственное дворянство, закон позволял приобрести лишь чиновникам, выдержавшим экзамен в университете. Указ этот, как писал И.А. Алешинцев, вызвал небывалый переполох в чиновничье-дворянском мире и возбудил жгучую ненависть к его автору. Но отступить от своего привычного поведения дворяне были вынуждены. Будущие чиновники стали учиться [50].

Указ об экзаменах был отменен в 1856 г., после того как стало ясно, что он свою роль выполнил. Как свидетельствуют данные анализа социальной мобильности российской бюрократии, осуществленные американским исследователем В.М. Пинтером, к этому времени карьера российского чиновника, особенно в начале службы, уже по большей части (на 31 %) зависела от уровня образования. Сословная принадлежность определяла будущую службу чиновника лишь на 18 %, число крепостных душ – на 12 % [51]. Оставались, впрочем, и привычные «прочие» факторы, главный из которых – наличие связей и протекции в среде столичных чиновников. Этот фактор часто становился основным при переводе чиновника с одного места службы на другое [52].

Несмотря на усилия правительства к середине XIX в. проблема привлечения дворян в государственные школы не была решена окончательно. В провинции многие недоросли по-прежнему «гнушались гимназией». По подсчетам Л.В. Мерзляковой, проанализировавшей формулярные списки чиновников Вятской губернии за 1855–1857 гг., подавляющее большинство их (68,7 %)

к этому времени имело домашнее образование. Высшим образованием обладали лишь 1,7 % чиновников, средним – 14,3 %, казенным начальным – 15,2 % [53].

На десятилетия затянулось на Урале и открытие уездных и приходских училищ. Училищное ведомство принимало на себя содержание уездных училищ лишь в том случае, если они поддерживались местным обществом. Именно местные городские власти обязаны были вложить средства в приобретение для училищ удобных учебных зданий и снабдить их всем необходимым. Городские думы небольших уральских городов (в начале XIX в. ни один из них не перешагнул по численности населения трехтысячного рубежа) с большим трудом находили средства, необходимые для этих преобразований. К началу образовательной реформы 1828 г. лишь в 19 из 35 уездных городов уральских губерний были открыты уездные училища.

Для поощрения благотворительных пособий в пользу уездных училищ в 1811 г. была учреждена должность почетных смотрителей, в которую положено было назначать дворян из местных помещиков. Училищное ведомство стремилось привлечь к этой службе людей, имеющих влияние на местное общество и «наиболее благорасположенных к наукам и могущих по достатку и щедрости своей споспешествовать выгодам училищ» [54]. Должности почетных смотрителей в статусе государственной службы не было присвоено никакого жалованья, служащие, однако, имели право носить мундир, одинаковый с губернским директором училищ и получать государственные награды, а за усердную службу – повышение в чинах [55].

Почетные смотрители обязаны были ежегодно выделять подведомственным училищам определенную материальную поддержку, что доставляло весьма ощутимую пользу училищному ведомству. Надо отметить, правда, что места почетных смотрителей в первой четверти XIX в. были заполнены лишь в «дворянской» Оренбургской губернии, в Пермской и Вятской губерниях почти все эти должности пустовали. Визитатор училищ Сибирских губерний П.А. Словцов, посетивший училища в 1828 г., объяснил причину этого тем, что в Пермской и Вятской губерниях просто мало дворян и «лучшие из них служат вне губернии». Положенные же законом для взноса в пользу училищ 300 рублей для здешних жителей считаются «достаточно отяготительными», найти желающих внести эти средства в учебное ведомство очень трудно [56].

В Вятской губернии, судя по именным спискам служащих, в 1828 г. имелся лишь один почетный смотритель – Павел Алексеевич Залесский, он помогал Яранскому уездному училищу. В Пермской губернии почетных смотрителей было двое: в Екатеринбургском уездном училище шихтмейстер Александр Александрович Хвощинский, в Шадринском уездном училище коллежский асессор Дмитрий Дмитриевич Пономарев. Ежегодно они выделяли училищам по 300 рублей. Д.Д. Пономарев сверх того «по любви его к наукам» старался быть полезным и при посещении занятий. В молодости он, по его собственному утверждению, приватно посещал лекции в Санкт-Петербургском педагогическом институте.

Надо заметить, что судьба этого человека чрезвычайно любопытна и необычна для крепостного времени. Выходец из крестьянских детей, исключенных из подушного оклада, он начал свою службу в 1797 г. подьячим в Далматовском монастырском правлении. Д. Пономареву была поручена очень ответственная задача: разобраться в местном архиве, что он и сделал, систематизировав дела, начиная с 1659 г. За успешное выполнение задания Д. Пономарев получил денежную награду. В 1801 г. удачливого подъячего перевели в Пермскую казенную палату копиистом. Здесь Д. Пономарев начинает свою двадцатидвухлетнюю государственную службу, на протяжении которой он смог пройти путь от простого копииста до коллежского асессора – звания, которое давало ему право на потомственное дворянство. Он не только получил по службе дворянский титул, но и, очевидно, приобрел землю с крепостными. Во всяком случае, в 1821 г. ему уже выдают свидетельство как «варнавинскому помещику» Костромской губернии. С женою и детьми Д. Пономарев был занесен в дворянскую родословную книгу этой губернии. Связи, заведенные во время службы, очевидно, очень помогли ему удачно устроить свою будущую жизнь. За несколько лет работы в отделении питейного сбора при Пермской и Оренбургской казенных палатах он прекрасно разобрался в проверяемом им прибыльном бизнесе. Трудно судить, откуда чиновник взял необходимый для винного откупа капитал (возможно, это были вполне распространенные в то время взятки во время службы), но к 1827 г. он был уже вполне преуспевающим предпринимателем [57]. В Шадринске Д.Д. Пономарев оставил о себе память и как организатор общественного банка [58].

Государственные усилия и благотворительность местных обществ и лиц, заинтересованных в распространении просвещения, сыграли большую роль в преобразовании образовательной системы Пермской губернии. К 1828 г. уездные училища действовали в восьми из двенадцати уездных городов Пермской губернии (табл. 8):Шадринское (1812 г.), Кунгурское (1816 г.), Пермское (1819 г.), Екатеринбургское (1820 г.), Ирбитское (1820 г.), Соликамское (1820 г.), Чердынское (1820 г.), Верхотурское (1821 г.). Все они, однако, испытывали финансовые трудности.

В пользу уездных училищ Пермской губернии ежегодно поступали благотворительные пожертвования от купцов, мещан, чиновников, городских обществ. Инициаторами местной благотворительности были, как правило, губернские власти и училищное ведомство. Находились, впрочем, и отдельные жертвователи, искренне заинтересованные в развитии образования. В 1811 г., например, ирбитский уездный судья Иван Наумович Дьяконов возложил на себя обязанности штатного смотрителя Ирбитского малого народного училища и выполнял их совершенно безвозмездно в течение восьми лет до преобразования малого народного училища в уездное. Чиновники и купцы без всякой оплаты пополняли местную училищную библиотеку. Ирбитский городничий Черкасов передал библиотеке труд о купеческой коммерции в 21 книге. Купец Яков Энтальцов – периодические издания об успехах народного просвещения в 41 книге. В 1830 г. штатный смотритель училища И.Н. Дьяконов отдал библиотеке 45 экземпляров различных книг. Представи-

Таблица 8

Количество общеобразовательных учебных заведений в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1825 г.*

Губерния	Штатные города	Гимназии	Уездные училища	Приходские училища	Малые народные школы
Пермская	12	1	8	2	–
Вятская	11	1	6	8	1
Оренбургская	12	–	5	–	–
Итого:	35	2	19	10	1

* Источник: Ведомости о состоянии учебных заведений в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях, направленные советом Казанского университета попечителю Казанского учебного округа в 1826 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 62 – 67; Д. 2003. Л. 39 – 52; Д. 1956. Л. 94 – 112).

тели разных слоев населения приносили денежные пожертвования [59].

Переговоры училищных властей с Ирбитской городской думой о строительстве дома для уездного училища были достаточно длительными и сложными. В 1816 г. директор училищ Пермской губернии Н.С. Попов сообщил пермскому губернатору о том, что Ирбитское малое народное училище назначено к преобразованию в уездное, городское общество должно для этого снабдить его соответствующим зданием в 8 или 10 комнат. После настоятельных просьб губернатора началась постройка дома, которая затянулась на три года. Городское общество выделило на эти цели 11 580 рублей. В поощрение за столь щедрое пожертвование городской глава Ирбита Иван Андреевич Дерин был награжден в 1820 г. золотой медалью с надписью «За полезное» для ношения на Аннинской ленте [60]. Награда, правда, была несколько преждевременной. Строительство дома, взятое на подряд местным мещанином Н.И. Орловым, вскоре было приостановлено из-за отступлений от первоначального плана. Здание долгое время оставалось недостроенным, а училище размещалось в наемных квартирах. Училищному начальству пришлось приложить большие усилия к тому, чтобы привести дом в надлежащий порядок. В 1829 г. он наконец-то был отстроен, и дети начали занятия в собственном здании. Но опасения ревизоров оказались оправданными: помещение было неудобным и настолько холодным, что зимой замерзали чернила [61].

После начала строительства уездного училища городская дума стала хлопотать, чтобы ей, «по недостатку городских доходов», разрешили избавиться от прежних расходов на содержание малого народного училища. Приговор об этом был подписан обществом, но добиться утверждения его дума не сумела. В опровержение заявления граждан о недостаточности городских доходов смотритель сообщил директору училищ, что с площади, балаганов и гостиного двора в период ярмарки город собирает ежегодно до 30 тысяч рублей, на училище же выделяет лишь 600 рублей ассигнациями. В 1820 г. губернатор предписал городской думе, в соответствии с законом, возобновить выделение прежних сумм на содержание училища [62].

Долгое противоборство с городской общественной думой пришлось выдержать училищным властям и в Екатеринбурге. В 1815 г. директор Пермских училищ обратился к екатеринбургскому городскому голове с просьбой предоставить под уе-

здное училище дом на 8–10 комнат. Ответ думы оказался совершенно неожиданным: городское общество согласилось отдать под уездное училище загородный общественный дом, стоивший городу более 6 тысяч рублей, но поставило условие, чтобы город в дальнейшем был освобожден от всякой ответственности за содержание этого училища. Иначе, как было записано в решении городского общества, оно «к уступке под уездное училище вышеписанного дома согласиться не может» [63]. Подобное решение противоречило и «Предварительным правилам народного просвещения», и Уставу 1804 г., которые требовали от городских обществ продолжать финансовую поддержку уездных училищ в том размере, как это осуществлялось по отношению к малым народным училищам. Попечитель Казанского учебного округа, разъяснив это, готов был пойти навстречу Екатеринбургскому городскому обществу. Он заявил, что если общество согласится выделить под уездное училище здание, то оно получит разрешение разместить в нем и приходское училище, содержание которого, согласно закону, целиком лежало на обязанности городских властей [64]. Учебные власти обратились за поддержкой к местному губернатору. В 1818 г. пермский гражданский губернатор Антон Карлович Криденер лично осмотрел дом, вызвавший столько споров, и признал его неудобным для проведения занятий.

Тем не менее 30 августа 1820 г. уездное училище вынуждено было переехать в загородный общественный дом. Прежнее здание наследников купца Петра Поповичева, временно арендованное за счет городских средств для училища, было слишком тесным. Помимо этого учителям мешали и квартиранты, снимавшие комнаты в доме по соседству. Сохранились воспоминания, что во время уроков по Закону Божьему в доме купца Поповичева один из квартирантов того же дома, какой-то часовой мастер, «пел непристойные песни, и хотя от онаго был удерживаем, показал непослушание» [65].

Вновь побывав в Екатеринбурге в 1820 г., губернатор А.В. Криденер встретился с городским головой Якимом Рязановым и после долгой беседы смог убедить его в необходимости покупки для училища нового постоянного дома. Городская дума последовала «благонамеренным его, господина Рязанова, внушениям и убеждениям» и выделила на покупку училищного дома 10 тысяч рублей, когда-то отложенных городом на постройку уездного казначейства. Казначейство в это время размести-

лось в доме, пожертвованном обществу братом Якима Терентием Рязановым. Бывший рязановский дом располагался в центре города, недалеко от соборной церкви. Усадьбу этого дома и признали лучшей для размещения училища. К августу 1823 г. на месте снесенных надворных построек появился каменный двухэтажный училищный дом и флигель под жилье учителю, выстроенный по проекту «вольнопрактикующего» архитектора Гартмана [66]. Городской голова Яким Рязанов, «в воздаяние такового усердного и ревностного с его стороны на пользу общую содействия» был представлен к награде. В 1821 г. он получил золотую медаль с надписью «За полезное» на Аннинской ленте [67].

Жители остальных городов Пермской губернии не могли соревноваться в благотворительности с богатыми екатеринбургскими и ирбитскими купцами, хотя и здесь определенные пожертвования на нужды вновь создающихся училищ поступали. Кунгурское городское общество согласилось ежегодно выделять в пользу уездного училища по 300 рублей [68]. Общественный взнос пополнялся пожертвованиями отдельных горожан. В 1816 г., например, они собрали в пользу еще не открытого училища 337 рублей 50 копеек. Кунгурский мещанин Иван Юхнев передал в учебный фонд 180 различных «ископаемых пород», а городничий Привалов – столичные газеты и журналы [69]. В 1820 г. сюда были переданы 116 рублей, собранных различными гражданами, и 8 гравированных картин [70], а в 1821 г. – еще 100 рублей [71]. Располагалось училище в каменном здании, переданном «в пользу наук» купцом В. Юхневым.

Во время визита в Соликамск в 1919 г. директору училищ удалось добиться от местного общества обязательства ежегодно выделять в пользу местного уездного училища по 200 рублей [72]. После того как было принято это решение, училищное ведомство выделило средства на покупку здания для размещения училища. Дом был куплен у титулярного советника Дубровина за 1500 рублей. Руководствуясь благотворительными побуждениями, хозяин уступил дирекции 500 рублей с цены. Эти деньги были направлены на ремонт и внутренние поправки дома. В 1820 г. дети начали в нем занятия. Деревянное здание вместило три класса и квартиры для двух учителей [73]. Благотворительные пожертвования на нужды Соликамского уездного училища поступали ежегодно. В 1819 г., например, горожане пожертвовали училищу 150 рублей, а в 1821 г. – 283 рубля (деньгами и вещами) [74].

В Чердыни уездное училище расположилось в казенном училищном доме. Здесь было два класса, библиотека и квартира одного из учителей. Для второго учителя выделили казенную квартиру в деревянном флигеле, который был построен у школьного здания в 1815 г. на деньги отставного надворного советника Прокофьева. Жертвовали небольшие денежные суммы в пользу училища и другие горожане. В 1820 г., например, они передали своему уездному училищу 118 рублей ассигнациями и около 10 рублей серебром [75].

Шадринское двухклассное уездное училище было открыто в 1812 г. после приобретения собственного дома. Городское общество в результате долгих переговоров согласилось уступить ему общественное здание, располагавшееся на Петропавловской улице. Деревянный дом с четырьмя горницами и принадлежавшими к нему службами был оценен городской думой в 1500 рублей [76]. Однако был он настолько старым, что уже в первый год работы училища встал вопрос, продолжать ли здесь учение или искать новые комнаты [77].

В 1822 г. уездное училище вынуждено было на свои собственные сбережения купить новый дом. У коллежской регистраторши Урлик-Бахматовой он был приобретен за 3 тысячи рублей ассигнациями. Это был деревянный одноэтажный дом с шестью комнатами. В двух комнатах разместились классы уездного училища и приготовительный класс, остальные заняли учителя и смотритель училища. Старый дом также сохранился в собственности училища, но был передан под квартиру одному из учителей [78].

Поступали на нужды уездного училища и благотворительные суммы. В 1811 г. оно получило подарок от своего смотрителя уездного судьи Александра Сергеевича Назарова. При открытом испытании учеников он пожертвовал школьной библиотеке 100 книг со шкафом для их хранения. В 1812 – 1817 гг. во время открытых испытаний учеников проводились подписки в пользу училища среди представителей шадринского благородного общества и почетных жителей, во время которых было пожертвовано около 500 рублей ассигнациями. Для учебных кабинетов сюда были переданы штуфы медной руды (в 1817 г.) и исторические картины (в 1823 г.). Библиотека же пополнилась в 1823 г. книгой «Открытые таинства древних магиков», которая была передана учеником второго класса Дрогалевым [79].

Верхотурская городская дума обязалась в 1820 г. ежегодно выделять в пользу уездного училищ по 280 рублей и нанимать

для него удобный дом до тех пор, пока оно не обзаведется своим собственным. Через некоторое время по настоянию училищных властей дом был приобретен, однако он оказался, по словам визитаторов, «чрезвычайной ветхости», имел «безобразную наружность и внутренности». В помещении не хватало комнат для размещения учебных классов, библиотеки и учительских квартир. Зимой классные комнаты плохо отапливались. Больших поправок, по словам ревизоров, требовали и другие училищные здания [80].

В непростых условиях происходило преобразование народных училищ и в Вятской губернии. К 1828 г. здесь действовало 7 уездных училищ при 11 уездных городах: Елабужское (1809 г.), Вятское (1812 г.), Сарапульское (1817 г.), Яранское (1817 г.), Слободское (1819 г.), Котельничское (1825 г.), Глазовское (1827 г.).

Снабжались они, как и в Пермской губернии, казной и средствами местных обществ. Существенную помощь уездным училищам Вятской губернии оказывали и частные благотворители, в число которых входили представители практически всех слоев городского населения. Елабужское уездное училище, например, открытое в 1809 г., разместилось в одноэтажном каменном доме, который был подарен ему протоиереем Елабужского Спасского собора Павлом Юрьевым. Просвещенный и горячо преданный делу народного образования священник изъявил желание бесплатно исполнять в училище должности смотрителя и законоучителя [81]. В 1817 г. училищное здание было увеличено. На средства елабужского купца С. Бусыгина был отстроен второй каменный этаж [82].

Местные жители поддерживали вновь созданное училище. В день открытия купцы выделили на его первоочередные нужды 262 рубля ассигнациями [83]. Смотритель училища Савинов в 1816 г. передал в натуральный кабинет учебного заведения собранные им штуфы (50 штук), а также российские, европейские, азиатские и античные монеты (9 штук). Они легли в основу школьного минц-кабинета [84]. В 1823 г. Елабужское уездное училище получило 100 рублей от вятского гражданского губернатора П.М. Добринского и 88 рублей от земского исправника Г.Е. Сырнева (деньги эти были собраны по уезду на покупку училищной мебели). Елабужский купец Петр Иванович Новиков изготовил на собственные средства металлическую доску с вызолоченной надписью «Уездное училище» и украсил ею фронтон училищного дома [85].

Книги для награждения отличившихся учеников поступали от местного священника, городничего, форштмейстера, городского головы, бургомистра, бывшего надзирателя питейных сборов, мещанина и даже ученика второго класса Е. Михайлова [86]. Первым почетным попечителем училища стал помещик Елабужского уезда Камашев. Крупных денежных пожертвований на нужды училища он, правда, не выделял, но регулярно помогал небольшими пособиями. Один из авторов "Вятских губернских ведомостей" подсчитал, что общая сумма всех пожертвований на нужды Елабужского уездного училища составила с 1809 г. по 1830 г. 2584 рубля ассигнациями [87].

Вятскому уездному училищу, открытому в 1812 г., бесплатно выделил временное помещение купец Савва Москвитинов: две комнаты находились на нижнем этаже его собственного дома. Комнаты эти были тесными и низкими, но позволяли училищу начать уроки [88]. Учителя и жители города помогли в комплектовании библиотеки и училищных пособий: в 1816 г., например, смотрителем училища Иллиусом сюда были переданы 4 части сочинений Платона Афинского общей стоимостью около 50 рублей [89]. Поступали в училище и денежные пособия.

Инициатором преобразования Слободского малого народного училища в уездное стал попечитель Казанского учебного округа М.А. Салтыков. В 1815 г. он побывал в городе и предложил директору училищ Вятской губернии И.В. Глейнигу обратиться к местному обществу с просьбой о помощи в преобразовании училища. Слобожане поддержали просьбу директора. В 1819 г. они пожертвовали новому училищу каменный двухэтажный дом стоимостью 2000 рублей, а также выделили 1000 рублей на его благоустройство [90]. Горожане участвовали в комплектовании училищной библиотеки и учебного кабинета: местный форштмейстер П.Н. Коряднов, например, в 1823 г. передал сюда четыре гипсовые скульптуры, шесть оловянных медалей и шесть иностранных монет XVIII в. Протоиерей Слободского Вознесенского собора подарил училищу исторические карты [91].

В 1815 г. был поднят вопрос о преобразовании в уездное Сарапульского малого народного училища. По решению Сарапульского общества для уездного училища был куплен деревянный дом, находившийся на набережной улице и оцененный вместе с принадлежавшими ему службами в 2500 рублей [92]. Горожане поддержали открывающееся уездное училище денежными пожертвованиями: в 1820 г. они составили 166 рублей, в 1824 г. –

124 рубля [93]. Список жертвователей 1823 г. содержал 30 фамилий, среди них числились чиновники, офицеры, священнослужители, купцы, мещане, государственные крестьяне и даже ученик первого класса уездного училища Аполлон Коротков, который подарил училищу 4 рубля. Штатный смотритель училища П.П. Кокшаров пожертвовал библиотеке училища несколько книг, журнал «Известия о библейских обществах», а также передал пяти беднейшим ученикам псалтыри, учебные книги и другие пособия [94].

Достаточно большие пожертвования на народное образование поступили от жителей Яранского уезда. По подписке на создание уездного училища городничий Яранска собрал в городе 868 рублей, уездный исправник – 1700 рублей. Деньги были выделены горожанами, крестьянами разных волостных правлений и удельных приказов и даже помещичьими крепостными [95]. Городское общество передало вновь создаваемому училищу 709 рублей. Помимо этого, училищное ведомство получило крупное пожертвование от яранского помещика Павла Алексеевича Залесского: губернский начальник получил от него 1000 рублей. На собранные средства для уездного училища был приобретен деревянный дом за 1000 рублей, который, правда, нуждался в больших переделках [96]. В 1821 г. для этих целей казанский купец Герасим Семенович Мельников пожертвовал училищному ведомству 5100 рублей [97].

Далеко не столь щедрыми оказались жители города Котельнича. Создание уездного училища здесь затянулось до 1825 г. Заботу о школьных преобразованиях в городе взял на себя местный священник Хлопин, бывший тогда смотрителем Котельничского малого народного училища. В 1818 г. Хлопин по распоряжению дирекции училищ Вятской губернии начал сбор пожертвований на покупку училищного дома. К 1823 г. было собрано 1593 рубля 82 копейки. Этой суммы было недостаточно для приобретения дома, но священник заручился поддержкой местного форштмейстера Зельницкого. Тот обещал добавить к собранным пожертвованиями еще 1000 рублей. Взамен форштмейстер попросил определить его почетным смотрителем вновь открываемого уездного училища. В 1824 г. необходимое разрешение властей было получено, однако открытие училища вновь затянулось. Обещанных денег в срок форштмейстер Зельницкий не передал. Лишь в марте 1825 г. купчая крепость на дом была заключена и училище начало свою работу [98].

Благотворительную деятельность горожан и жителей Вятской губернии, как уже говорилось, активно поддерживала и поощряла местная губернская власть. В 1815 г. вятский гражданский губернатор Ф.И. Фон-Брадке написал открытое письмо к городничим, исправникам и городским головам, призвав их содействовать устройству новых училищ. С этим письмом директор училищ Вятской губернии И.В. Глейниг объехал все подведомственные ему города и сделал необходимые указания и разъяснения [99].

Как свидетельствуют донесения визитаторов Казанского университета, позиция губернской власти очень часто оказывалась решающей в обеспечении распространения училищ. Училищное ведомство, не имевшее надлежащего авторитета у местного общества, без поддержки губернатора не могло рассчитывать на значительные пожертвования. Любопытный эпизод, связанный с отношением местной администрации к распространению образования, сохранил исторический очерк Н.Н. Булича. В 1809 г. Казанский университет направил своих сотрудников И.И. Запольского и П.С. Кондырева в Оренбургскую губернию. В Уфе им удалось встретиться с местным гражданским губернатором, руководителем Приказа общественного призрения М.Ф. Веригиным. В разговоре с университетскими ревизорами по поводу оренбургских школ губернатор заметил, что «государь император между всеми богоугодными заведениями приказа училища соизволяет почитать в числе последних» [100]. Трактуя столь своеобразно политику верховной власти в сфере просвещения, гражданский губернатор не оказывал особой поддержки в преобразовании народных училищ, что было достаточно ощутимой причиной задержки выполнения школьной реформы в Оренбургской губернии.

Серьезные преобразования в училищном деле Оренбургской губернии начались только после приезда сюда нового военного губернатора П.К. Эссена. При его содействии к началу образовательной реформы 1828 г. в Оренбургской губернии было открыто 5 уездных училищ (при 12 уездных городах). Первые из них – Бузулукское и Мензелинское – были преобразованы из малых народных школ в 1817 г. В 1818 г. статус уездного получило Уфимское малое народное училище, в 1822 г. – главное народное училище в Оренбурге, в 1824 г. – приходское училище в Бугуруслане [101].

Таким образом, программа устройства государственных уездных училищ к концу правления Александра I в уральских губерниях была выполнена всего на 56 %, гимназий – на 67 % (в это время они были открыты лишь в Перми и Вятке). Нечего и говорить, что создание приходских училищ – низшей ступени народного образования, лишенной бюджетного финансирования, оказалось еще более сложным.

В городах Пермской губернии в первой четверти XIX в. появилось лишь два самостоятельных приходских училища – в губернском городе Перми (1809 г.) и в уездном городе Красноуфимске (1821 г.). Пермская городская дума разместила приходское училище в двух комнатах общественного здания. Из средств городского общества она оплачивала только жалованье учителя. На все остальные школьные нужды денег практически не выделялось. К 1829 г. в числе учебных пособий училища имелось лишь 4 ветхие карты, 24 рисунка, 4 атласа и глобус [102].

Красноуфимское приходское училище, открытое в 1821 г, заняло две комнаты в общественном здании. На содержание его городская дума обязалась ежегодно выделять по 100 рублей [103]. Жители города пожертвовали училищу деньги, книги, учебные пособия (список благотворителей, направленный попечителю Казанского учебного округа в 1819 г., содержал 16 человек) [104]. В 1826 г., однако, «по крайней бедности городского общества», дума «воспрепятствовала продолжению учения», и училище было закрыто [105]. Вновь открылось оно лишь в 1844 г. [106]. Городские общества всех остальных уездных городов, активно или пассивно, отказывались поддерживать приходские школы.

В городах Оренбургской губернии вплоть до реформы 1828 г. и вовсе не было создано ни одной самостоятельной приходской школы. Лишь в городе Бугуруслане в 1818 г. священник И. Милордов по собственной инициативе открыл приходское училище. Несколько лет оно существовало частным образом, а в 1824 г. стало уездным [107]. Начальные знания ученикам давали приготовительные классы при уездных училищах.

Более планомерно проходил процесс создания приходских училищ в городах Вятской губернии. С.А. Нурминский указывает в своем историческом очерке, что директор училищ Вятской губернии И.В. Гейнриг не допускал открытие уездных училищ в губернии в отрыве от низшего звена обучения [108]. В Пермской и Оренбургской дирекциях на это внимания не обращалось: там

на базе малых народных школ создавались в первую очередь государственные уездные училища.

Благодаря активной деятельности директора училищ И.В. Глейнига в самой Вятке в первой четверти XIX в. появилось два приходских училища. Первое Вятское приходское училище было открыто в 1817 г., на его содержание город расходовал ежегодно по 350 – 400 рублей. Школа быстро заполнилась учениками: в 1820 г. их численность составила 116 человек. Справиться с таким большим количеством детей одному приходскому учителю было трудно, поэтому директор училищ обратился в городскую думу с ходатайством о создании в городе второго приходского училища. Просьба эта была поддержана, и в 1821 г. начало работу второе приходское училище. На его содержание городское общество решило выделять по 400 рублей в год. Известно, что большую помощь в создании училищ оказал городской голова Рязанцев, за что ему и была объявлена благодарность от совета Казанского университета [109].

Открывались приходские училища и в других городах Вятской губернии. К 1828 г. их было 9 (при 11 уездных городах): Вятское первое (1817 г.), Глазовское (1817 г.), Яранское (1817 г.), Сарапульское (1817 г.), Слободское (1819 г.), Вятское второе (1821 г.), Орловское (1824 г.), Котельническое (1824 г.), Малмыжское (1827 г.). Основную тяжесть в содержании низшей школы несли городские общества. В 1828 г., согласно данным С.А. Нурминского, городские расходы на образование составляли на два приходских училища в Вятке – 800 рублей в год, на Слободское – 300, на Глазовское – 300, на Сарапульское – 250, на Яранское – 250, на Котельничское – 150, на Орловское – 800, на Малмыжское – 300 [110].

Относительно высокая сумма, выделявшаяся в это время на содержание приходского училища Орловским городским обществом, объясняется желанием горожан создать в своем городе и приходское, и уездное училища. Впервые общество заявило о своем стремлении иметь собственную школу в 1815 г., согласившись выделить для нее дом. Однако по случаю сильного пожара, истребившего много зданий, открытие школы надолго затянулось. В 1819 г. по призыву городского головы купца Митрофана Синцова жители города, «разного звания люди», пожертвовали на заведение училища 1760 рублей. Сам Синцов вложил в развитие городского образования 500 рублей, а также согласился временно разместить училище в собственном доме. Городское об-

щество обязалось впоследствии выстроить для приходского и уездного училищ особый дом, а также выделять на их содержание ежегодно 500 рублей (100 – на уездное училище, 400 – на приходское). В 1823 г. для размещения школы был нанят каменный двухэтажный дом купцов Изергиных, достаточный и для училища, и для учительских квартир. После этого горожане получили разрешение властей на создание в городе приходского училища, 27 января 1824 г. оно было официально открыто. Создание уездного училища, однако, затянулось из-за финансовых трудностей в самом училищном ведомстве [111].

Необходимость иметь собственную школу в Вятской губернии признали в первой четверти XIX в. даже самые малые городские общества. Жители Глазова, состоявшего в то время всего из 170 ревизских душ, хотя и не смогли собрать первоначально достаточного количества денег на содержание уездного училища, решили основать городскую приходскую школу. В 1816 г. они назначили на ежегодное содержание этой школы 300 рублей, а для ее размещения уступили деревянный дом, занимавшийся раньше ратушой [112]. В доме этом не оказалось ни ученических парт, ни стола, ни стула для учителя. Расходы на покупку необходимой мебели пришлось покрывать за счет пожертвований горожан, а также сэкономленных училищным ведомством средств. Экономия состояла в том, что приехавшему в город учителю почти год не выдавали заработной платы [113]. Приходское училище было открыто в Глазове в июне 1817 г. Через десять лет, после длительной переписки директора, городского головы и губернатора, здесь появилось и уездное училище.

В Котельниче правительственные реформы не встретили столь быстрого понимания. Долгую переписку пришлось вести училищным и гражданским властям с городской думой, отказывавшейся брать на себя расходы по содержанию приходского училища. Лишь после вмешательства губернатора П.М. Добринского в 1824 г. общество согласилось отпускать на содержание приходского училища 150 рублей, заявив, правда, «чтоб за таковым пожертвованием на следующее время от градского общества никаких уже от ученой части требований не было». Также неохотно откликнулись на приглашение к открытию приходского училища и жители Малмыжа. В 1824 г. после обращения губернатора они выделили на ежегодное содержание училища всего 200 рублей, определив отпускать их с доходов от городских весов. Доход этот был неустойчивым и обеспечить реальное фи-

нансирование приходского училища не мог. Директор училищ вновь попросил вмешаться в ситуацию губернатора. Лишь после этого решение было пересмотрено и дума постановила выделить на содержание приходского училища 250 рублей из городских доходов. Деньги на первоначальное обустройство училища были пожертвованы местными чиновниками и горожанами, а дом временно (на пять лет) пожертвован мещанином Иваном Журавлевым. 19 декабря 1827 г. приходское училище Малмыжа начало свою работу [114].

В целом к 1825 г. сеть низших школ охватывала лишь около 1/3 уральских городов. Недостаток, а порой и просто отсутствие приходских училищ лишали создающуюся систему образования здравого смысла, ибо обучение в высших училищах без начальных знаний было невозможно. Для того чтобы обеспечить уездные училища необходимым контингентом учащихся, учебному ведомству приходилось открывать при них приготовительные классы с программой начальных приходских училищ. Городские общества шли на создание таких классов, поскольку это обходилось им дешевле, чем содержание обособленных училищ, дополнительные классы не требовали дополнительных помещений и учителей. Главному правлению училищ пришлось пойти на признание такой практики. В 1823 г. оно утвердило возможность существования приготовительных классов при уездных училищах, но лишь в качестве временной меры.

Крупным недостатком государственной системы образования того времени, отталкивавшим городское население от обучения, была недостаточная продуманность учебных программ гимназий и училищ, перегруженных учебными предметами и оторванных от практических потребностей учеников. Первые перемены в этом отношении предпринял попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваров. Он предложил исключить из программы гимназий ряд предметов, которые, по его мнению, были не по силам ученикам среднего учебного заведения (политическую экономию, коммерческие науки, финансы, эстетику, философическую грамматику). С точки зрения попечителя, особое внимание в гимназиях следовало уделять тем предметам, которые необходимы были для подготовки юношества к слушанию академических или университетских курсов, и прежде всего классическим языкам. Помимо этого, С.С. Уваров считал необходимым вернуть в план гимназий Закон Божий (краткий катехизис и священную историю). 7 ноября 1811 г.

предложенный С.С. Уваровым план был утвержден и применен в виде опыта в Петербургской гимназии. Программа Уваровской гимназии вполне отвечала потребностям дворянства.

В 1819 г. были утверждены новые планы гимназий, уездных и приходских училищ. «По излишеству» из них были исключены начала естественной истории и технологии, сократились курсы географии и истории. В школах было усилено религиозно-нравственное воспитание. Как пишет С.В. Рождественский, из учебников после 1819 г. исчезли все приведенные там «философические сентенции». Даже книга «О должностях человека и гражданина», авторство которой приписывают самой Екатерине II, была признана вредной. Вместо нее специальным указом во всех разрядах училищ было введено чтение из Священного писания. В награду отличившимся ученикам стали выдавать книги только религиозного содержания [115].

Учебный план Пермской и Вятской гимназий в 1825 г. включал Закон Божий и церковно-библейскую историю, латинский, немецкий и французский языки, прикладную математику, геометрию и алгебру, естественную историю, опытную физику, российскую словесность, историю (древнюю и российскую), географию, статистику общую и российскую, логику, риторику, а также (в Пермской гимназии) ботанику и минералогию. Помимо этого, ученики занимались рисованием [116].

Пересмотр учебных планов и усиление идей охранительности и мистицизма в школе дореволюционные историки народного образования, а вслед за ними и советские исследователи, объясняли обычно политическими побуждениями правительства, изменившимися после 1812 г. Деятельность министерства духовных дел и народного просвещения, объединившего в 1817 г. прежнее министерство и Комитет по делам всех вероисповеданий, в советской историографии, оценивалась крайне негативно. Обер-прокурора Синода А.Н. Голицына, возглавившего это министерство, некоторые историки называли «слепотствующим министром», а само ведомство – «министерством народного затмения» [117].

Современная историография относится к этим вопросам гораздо осторожнее. Е.А. Вишленкова считает одной из главных причин, определивших выбор христианской теории экуменизма в качестве нового официального правительственного курса после войны 1812 г., стремление власти мирно интегрировать в империю население включенных в нее западных территорий. По

мирным договорам после 1812 г. в состав России вошли Финляндия и территории, составлявшие Герцогство Варшавское. Страна стала полиэтничной, многоконфессиональной. Идеи «христианского союза», по мнению исследователя, могли сплотить, консолидировать империю, снять с общества социальную агрессию, стать ориентиром для развития страны в целом [118].

Выбор идеалов социального христианства и мистицизма в политике не мог не сказаться на развитии российского образования. Анализируя основные направления образовательной политики самодержавия в первой четверти XIX в., Е.А. Вишленкова пришла к выводу, что в первое десятилетие акцент был сделан на создание светской высшей и средней школ, предназначенных для подготовки кадров в правительственный аппарат империи. В послевоенное десятилетие основные усилия правительства были сосредоточены на развитии элементарного начального образования народа и религиозного просвещения всех сословий (а не только служителей церкви) [119]. Уральские материалы вполне подтверждают это предположение. В 1817 – 1824 гг., при министре А.Н. Голицыне, начальные уездные и приходские училища появились в 19 городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний. Ранее, в 1809 – 1816 гг., начальные школы были преобразованы по Уставу 1804 г. лишь в пяти городах Пермской и Вятской губернии, в Оренбургской их создание даже не начиналось.

Одним из инструментов воспитания «совершенной христианской нравственности» – прежде всего в народной массе – должно было стать Российское библейское общество, устроенное Александром I в декабре 1812 г. по британскому образцу как легальная общественная организация. Воззвания о пожертвованиях в пользу комитета Российского библейского общества направлялись в уральские школы через местные дирекции. В октябре 1820 г., например, по поручению члена библейского общества М.Л. Магницкого три экземпляра подобных воззваний были направлены директором Пермских училищ в Шадринск для раздачи училищным чиновникам с просьбою, чтобы «всякий из них выписал для себя Библию или Новый завет и чтобы подписал в пользу Библейского общества какую-либо сумму, потому что сии божественные книги им необходимы будут в течение всей жизни как для приобретения настоящего счастья, так и будущего блаженства». Смотритель Чернавин в 1823 г. собрал для приобретения этих книг среди шадринских учителей 51 рубль. День-

ги на приобретение священных книг передали не только учителя, но и другие городские жители: земский исправник Черкасов, купеческий сын Кузнецов, коллежский регистратор Чемезов, секретарь Куранин, надзирательский помощник, подгородный голова Новоселов [120]. При Пермской гимназии местное отделение библейского общества было создано в 1821 г. «Англиканский дом», в котором размещалось отделение библейского общества, имелся в те времена и в Оренбурге [121]. Подробных известий о деятельности Пермского и Оренбургского отделений нам, к сожалению, найти не удалось.

Немного больше известно о вятском отделении библейского общества. Объемный краеведческий труд «Столетие Вятской губернии», написанный вятскими историками в 1881 г., повествует, что мысль об учреждении этого общества в Вятке принадлежала епископу Гедеону, который начал свою общественную деятельность еще в 1813 г. в Московском библейском обществе. Главной целью общества провозглашалось распространение Библии среди христиан всех вероисповеданий. Общество считалось всесословным. В действительности же основной костяк его составили чиновники и священнослужители.

По просьбе епископа Гедеона, в 1816 г. вятский губернатор обратился с приглашением о благотворительной помощи вновь создающемуся библейскому обществу ко всем городничим, исправникам и городским головам губернии. Обращение губернатора встретило понимание далеко не у всех городских обществ. Большинство городских голов донесли, что «на объявленное ими гражданам и поселянам приглашение согласия пожертвовать что-либо на основание библейского общества никто не изъявил». По приглашению губернатора в библейское общество вошла городская верхушка Вятки. Директорами его были избраны 15 человек: шесть чиновников, два офицера, четыре представителя духовенства, три купца. Первое собрание Вятского отделения Российского библейского общества состоялось 18 апреля 1817 г. [122].

По примеру и образцу этого отделения в Вятской гимназии было устроено гимназическое библейское сотоварищество. Первое заседание его состоялось 21 ноября 1821 г. Первенствующим директором гимназического библейского сотоварищества был определен законоучитель гимназии знаменский иерей Николай Тронин, секретарем – исполняющий должность директора гимназии Федор Яковлевич Попов, казначеем и книгохра-

нителем – старший учитель Семен Завьялов, помощником секретаря – учитель Вятского уездного училища Савва Буевских. Учебные заведения Вятской дирекции поддержали мысль об устройстве этой общественной организации. Учителя гимназии пожертвовали на ее устройство по 10 рублей. Пожертвования поступили и от других горожан. В 1821 г. в пользу общества было передано 1092 рубля 24 копейки, в 1822 г. – 201 рубль 45 копеек, в 1823 г. – 228 рублей 88 копеек, в 1824 г. – 15 рублей 40 копеек. М.Г. Васильев отмечает, что возникновение Вятского гимназического библейского сотоварищества встретило полное понимание у попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого. В 1820 г. он объявил благодарность Ф.Я. Попову, поставив на вид его деятельность по созданию библейского общества всему Казанскому учебному округу [123].

Заведение школ не входило в круг обязанностей Библейского общества, но попечение о них прямо вытекало из его идеологии. В документах канцелярии начальника Вятской губернии сохранился проект учреждения сельских школ, разработанный вице-директорами местного библейского общества. От неграмотного народа, по их мнению, «не таков обилен плод в развитии и чтении священного слова, какого бы подлежало ожидать по народному к тому расположению». Признавая это, в 1819 г. гражданский губернатор и архиерей обратились в Главное правление училищ с предложением устроить в казенных селениях 200 приходских школ, на содержание которых бы ежегодно в качестве земской повинности с крестьян собиралось по 10 копеек с души. Каждая школа могла иметь из этих средств по 220 рублей. Этого было достаточно для штатного жалованья учителю и покупки учебных пособий [124].

Однако приходские школы библейского общества в Вятской губернии так не появились. Обстановка в стране в начале 1820-х гг. изменилась. Охладел к Библейскому обществу и сам император Александр I. В 1824 г. Библейское общество было вынуждено свернуть свою деятельность. В 1826 г. оно было распущено как «противное православию и самодержавию» [125]. Усиление реакционных и консервативных тенденций в конце правления Александра I было вызвано рядом причин внешнего и внутреннего характера. Официальная правительственная идеология утверждала свободу веры, терпимость к инакомыслию. Между тем рост социальных конфликтов в странах Европы и внутри России привел многих политиков к убеждению в опасно-

сти этого курса. В правильности «внецерковной» политики стал сомневаться и российский император. Внешним поводом к изменению политического курса послужили студенческие волнения в Германии, новая испанская революция, революции в Неаполе и Пьемонте [126]. Панацею от надвигающейся на Россию революции правительство увидело в религиозно-нравственном воспитании юношества. Школа возвратилась к схоластическим принципам обучения. Основой просвещения в четырех российских округах с 1820-х гг. было провозглашено ортодоксальное православие, в Виленском и Царстве Польском – католицизм, в Дерптском – догматический протестантизм [127].

По утверждению официального историка министерства народного просвещения С.В. Рождественского, люди, вставшие в конце александровского правления у его кормила, увидели в пристрастии к просветительным идеям «источник разного рода политических потрясений и религиозных смут» [128]. Среди деятелей идеологической реакции в это время складывается новая установка, которая была довольно четко изложена одним из ее проводников Д.П. Руничем. В записке Д.П. Рунича мы встречаем следующие слова: «Русский народ еще не вышел из детства. С ним еще нельзя говорить о свободе. Быть может, его толкали слишком насильственно на путь цивилизации» [129]. Тезис о «незрелости русского народа», его неготовности к новым институтам на долгие годы стал одним из самых распространенных в стане консерваторов. Принимает его на вооружение и сам император Александр I. В 1824 г. благодаря искусно осуществленной интриге «православной партии», возглавлявшейся известным изувером архимандритом Фотием, министерство духовных дел и народного просвещения прекратило свое существование. Князь А.Н. Голицын был отправлен в отставку, а его место занял А.С. Шишков. Став министром, Шишков повел откровенную борьбу с «рассуждающими умниками». Будущий член Верховного суда, участник расправы над декабристами он осуществлял идею сословного образования, получившую юридическое оформление несколько позднее в Уставе 1828 г.

Справедливости ради следует заметить, что сословный курс наметился в образовательной политике еще в начале второго десятилетия XIX в. при графе А.К. Разумовском и князе А.Н. Голицыне. В 1813 г. в обход Устава 1804 г. последовало разъяснение правительства о том, что «дети несвободных состояний могут поступать в гимназию каждый раз с особого разрешения ми-

нистра» [130]. Это решение касалось, очевидно, только крепостных крестьян. Выходцы из купечества и мещанства беспрепятственно продолжали поступать в средние учебные заведения. Как уже указывалось, в 1825 г. около 28% учащихся Пермской и Вятской гимназий составляли дети купцов и мещан. В Пермской гимназии в это время обучались даже два мальчика из числа дворовых людей (были им даны для этого специальные разрешения или нет, нам к сожалению, неизвестно).

Сословную направленность имело и предложение С.С. Уварова, одобренное в 1817 г. Попечитель Петербургского учебного округа Уваров ввел в своем округе плату за обучение в начальных и средних учебных заведениях: за приходское училище – 5 рублей, уездное – 10 рублей, гимназию – 15 рублей ассигнациями [131]. В 1819 г. эту меру признали необходимой Московский, Харьковский и Казанский учебный округа. Несомненно, эти шаги учебного ведомства создавали трудности выходцам из податных сословий, так как далеко не каждый мог найти необходимые для обучения средства. Надо заметить, однако, что меры эти в отношении низших ступеней обучения были временными и объяснялись необходимостью улучшить материальное положение учителей. Новый Устав учебных заведений 1828 г. вновь сделал приходские и уездные училища бесплатными.

Устранившись по возможности от материальных затрат на финансирование начальной школы, правительство тем не менее пристально следило за процессом обучения в ней. Особое подозрение реакционеров вызывали вольные ланкастерские школы. Метод Ланкастера (взаимное обучение) возник и быстро распространился в Европе в конце XVIII в. С помощью подготовленных учеников он позволял каждому учителю контролировать одновременно обучение до 250 учащихся. Возможности новой формы распространения начального образования заинтересовали руководителей российского педагогического ведомства и Александра I. Для изучения ланкастерской методики в 1815 г. он направил за границу выпускников Петербургского педагогического института – Ф.И. Буссе, А.Г. Ободовского, К.Ф. Свенске, М.М. Тимаева. Молодые люди осмотрели учебные заведения Англии и Германии, а также посетили Ивердонский институт Песталоцци в Швейцарии. В 1819 г. они вернулись в Россию и стали ведущими преподавателями вновь созданного Петербургского университета [132]. Идея распространения ланкастерских школ, поддержанная правительством, получила большое рас-

пространение в стране. Школы во множестве открывались в военных частях, в городах и помещичьих усадьбах.

В Петербурге в 1819 г. было открыто специальное «Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения», объединившее около 100 членов (некоторые из них состояли одновременно в одной из декабристских организаций – «Союзе благоденствия»). Общество ставило своей целью распространение начального образования в стране. Согласно уставу, оно обязывалось оказывать содействие и материальную помощь организаторам школ взаимного обучения и в Петербурге, и в других городах России. Средства для этого получались за счет членских взносов и добровольных пожертвований благотворителей. Просветительные идеи Вольного общества нашли широкую поддержку у жителей столицы: в 1819 г. здесь было собрало по подписке около 5 тысяч рублей единовременных пожертвований и свыше 2 тысяч рублей ежегодных взносов.

Деятельность общества была одобрена Голицынским министерством духовных дел и народного просвещения. Именно метод Ланкастера, как указывалось в докладе министерства об утверждении устава Общества, «будет общим для всего государства учреждением, по которому откроется средство к первым началам обучения для всего нижнего и бедного состояния людей» [133]. Первая школа Вольного общества учреждения училищ по методе взаимного обучения была открыта в Санкт-Петербурге в 1819 г. Тогда же было направлено обращение почетного члена Вольного общества А.Д. Балашова ко всем начальникам губерний с просьбой о помощи в распространении подобных училищ в России [134]. В уральских губерниях на этот призыв откликнулся лишь пермский гражданский губернатор Антон Карлович Криденер.

Открывая новую школу, А.К. Криденер действовал по уже сложившейся к этому времени схеме: просьба губернатора о пожертвованиях на первоначальное обзаведение нового учебного заведения поступила ко всем городничим и местным городским головам Пермской губернии. Благодаря этому, как свидетельствует директор училищ Н.С. Попов, ему удалось склонить «многих чиновников и другого звания любителей общественной пользы к значительным пожертвованиям». На новую школу была собрана весьма значительная для Урала сумма – 3541 рубль 88 копеек. Для ее размещения были выделены комнаты при Пермском воспитательном доме, находившемся в ведомстве ме-

стного Приказа общественного призрения. 5 сентября 1819 г. Пермская школа взаимного обучения приняла первых учеников.

Активно содействовала новому «общеполезному предприятию» пермская интеллигенция. Непосредственное руководство работой школы взяли на себя учитель Пермской мужской гимназии Василий Тихонович Феонов и служащий губернского правления Михаил Гаврилович Сведомский. Вполне вероятно, что именно благодаря деятельности этих талантливых, известных своей ученостью и знаниями людей горожане скоро признали новую форму обучения. «Все учатся с величайшей охотой и удовольствием, – писали В.Т. Феонов и М.Г. Сведомский, – и распространившаяся молва о столь быстрых успехах ежедневно привлекает к нам не только родителей, но и самих детей, желающих обучаться в сем учрежденном училище» [135]. Число школьников быстро росло. В конце сентября 1819 г. в Пермской школе взаимного обучения был 51 ученик, в 1820 г. – 118.

Пермское училище по методу взаимного обучения действовало до 1834 г. Несмотря на столичные политические бури местное городское общество поддерживало ланкастерскую школу. По решению общества, с 1824 г. городская дума стала ежегодно выделять на его содержание по 100 рублей ассигнациями [136]. Училище разделялось на восемь отделений. Воспитанников обучали чтению, письму, первым четырем действиям арифметики, сокращенному катехизису и священной истории. Обучение производилось по таблицам, изданным департаментом народного просвещения. Писали дети сначала на песке, потом на аспидных досках и, наконец, на бумаге. Как и прочие городские начальные приходские училища, ланкастерская школа отправляла своих выпускников в уездное училище. В 1826 г., например, здесь обучалось 42 школьника. 11 из них были переведены в уездное училище, 5 – выбыли, не закончив обучения [137]. Учащимися ланкастерской школы были дети низших слоев населения. В 1821 г. примерно 33% всех учащихся школы составляли воспитанники Пермского воспитательного дома, 27 % – дети дворовых (крепостных) людей. Находились в школе и дети мастеровых, государственных крестьян и прочих бедных сословий [138].

В 1820 г. для наблюдения за училищами взаимного обучения при Главном правлении училищ был создан особый Комитет, в который вошли М.Л. Магницкий, Д.П. Рунич, С.С. Уваров, И.И. Мартынов. Большинство комитетчиков было настроено враждебно по отношению к Обществу распространения училищ

по методу взаимного обучения и Петербургскому учительскому институту, готовившему кадры для уездных, ланкастерских и приходских школ. На заседаниях комитета раздавались голоса и против самого метода взаимного обучения. Это заставило Главное правление училищ ограничить распространение ланкастерских школ. После проверки многие из них были закрыты. В 1823 г. прекратило свою деятельность Общество распространения училищ по методу взаимного обучения. Основанное им Петербургское училище, просуществовав до 1827 г., было закрыто из-за недостатка средств.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОМ КОРПУСЕ УРАЛЬСКОЙ ГОРОДСКОЙ ШКОЛЫ

Статус учительской должности в первой четверти XIX в. мало изменился по сравнению с XVIII в. Образованных людей, носителей новой, европеизированной культуры в уральских городах было слишком мало, для провинциального городского общества они по-прежнему были «чужими» – удивительными, а иногда и забавными людьми. Неслучайно, многие из учителей, получивших образование в университетах или Петербургском учительском институте, попав в унылый мир уральской провинции, искали забвения в алкоголе. «Учителя жили между собою дружно, но весьма скудно – вспоминал об этом времени директор училищ Вятской губернии И.М. Глебов – посещали друг друга, а с обществом знакомы были мало» [139].

Типичную историю жизни и учебной деятельности столичного жителя в уральской глубинке приводит Н.Н. Булич, исследовавший первые годы существования Казанского университета [140]. Ссылаясь на записки младшего брата директора Оренбургских училищ Павла Ивановича Протопопова, Н. Булич рассказывает, что отец будущего директора, симбирский мещанин, выходец из семьи священника, решил отдать восьмилетнего сына на службу в духовное ведомство. Для этого он представил мальчика казанскому митрополиту Вениамину Григоровичу. Тот определил П. Протопопова в архиерейский хор певчих. Хороший голос и музыкальные способности Павла скоро привлекли к нему внимание первых лиц Казанской епархии. Мальчик выучился играть на скрипке, флейте и гуслях, но желал продолжить образование в местной семинарии, куда архиепископ в конце концов и отпустил его.

Три года семинарских занятий отвлекли П. Протопопова от прежнего желания. В 1791 г. в Казани начались первые театральные представления, пользовавшиеся особой любовью и покровительством местного губернатора Семена Михайловича Баратаева. На сцене давались и оперы. П. Протопопов, еще учась в семинарии, стал капельмейстером и учителем пения при Казанском театре. Знакомство с С.М. Баратаевым помогло ему уйти с духовной службы. По ходатайству губернатора П. Протопопов получил место учителя в Казанском главном народном училище. Впрочем, как указывает в записках брат, он только числился в этой должности, получал жалованье, а службы не нес, употребляя почти все свое время на театральные занятия.

В 1803 г. раздраженный директор училища уволил П. Протопопова, и тот отправился в Петербург. В столице П. Протопопову довольно быстро удалось получить место помощника столоначальника в государственном казначействе, но и эта работа, очевидно, не очень его увлекала. Музыкальные упражнения и литературные занятия сблизили его с известным петербургским писателем и актером И.А. Дмитревским – человеком, которого знала и уважала тогда вся столица. И.А. Дмитревский познакомил П. Протопопова с С.Я. Румовским, который занимал пост попечителя Казанского учебного округа. Румовский предложил П. Протопопову поехать в Оренбург и занять там должность директора училищ. В 1806 г., вручив директору департамента народного просвещения И.И. Мартынову сборник своих стихов, П. Протопопов отправился, как он говорит, «в дикий край».

Не прошло, однако, и полугода, как из Оренбурга в столицу полетели жалобы на нового директора. Учитель Василий Топорнин сообщал Румовскому, что П. Протопопов, «упиваясь всегда почти горячих напитков», наносит немалый вред и позор училищу. В училище директор «завел торжище распутства», отчего одна из учениц, дочь штаб-лекаря Конке, вынуждена была бросить учебу. Другой учитель Петр Трапезонтов, прослуживший почти 18 лет в Оренбургском главном народном училище, жаловался на постоянные унижения, которые он испытывал от нового директора. П. Протопопов постоянно упрекал учителей в том, что они редко ходят в нему в комнату, «куда призывая без нужды, заставлял их пить от скуки с собою». (П. Трапезонтов, правда, и сам был не без слабостей, о чем было известно С. Румовскому.) Жалобы на директора со стороны В. Топорнина и П. Трапезонтова стали основанием для увольнения со службы

обоих жалобщиков. Однако претензии к директору продолжали поступать и от новых учителей.

Для проверки этих жалоб в Оренбург были направлены визитаторы Казанского университета. Ревизоры дополнили характеристику П. Протопопова столь нелестными подробностями, что сохранять этого человека в должности руководителя учебного заведения стало невозможно. В Бузулуке, например, куда директор отправлялся для осмотра малого училища, многие свидетели рассказали им о том, что, будучи пьяным, он разрешил надеть на себя хлебный куль, а затем водить по улицам города и мазать сажею. После этого директор училищ был посажен под стол, и «наподобие пуделя, при подаче стакана пунша, делал все его экзерциции» [141]. Генерал-губернатору князю Волконскому, который принимал П. Протопопова у себя дома, по случаю дня рождения его дочери он преподнес басню «Волк и репа» (князь Волконский был женат на княжне Репниной), наполненную непристойными шутками и т. д.

Учебные дела в училище были запущены. Денежные счета, библиотека, переписка по училищу – все оказалось в страшном хаосе. После приведения счетов в порядок оказалось, что директор должен выплатить учебному ведомству недостающие 600 рублей. Любопытно, что для покрытия этой недостачи генерал-губернатор устроил подписку между своими подчиненными и сам подписал 100 рублей. Визитаторы объясняют столь странное поведение местного общества, которое сам П. Протопопов назвал «трущобою ссылочных корней», тем, что общество в какой-то мере понимало тот вред, который оно само принесло ему, «человеку заезжему, попавшему в дикий, по его выражению, край, из более интеллигентной сферы столичной». Три года, проведенные в Оренбурге, П. Протопопов назвал «страдальческими» [142].

Слабость к крепким напиткам имели в то время многие учителя. Известный своими литературными произведениями учитель Пермской гимназии Василий Тихонович Феонов был замечен в пьянстве еще в годы своей учебы в Вятской семинарии. За подобное пристрастие он был исключен из бурсы и низведен в «хлебопеки». Как рассказывает автор одного из очерков, помещенных в «Пермском сборнике», целый год В. Феонов исполнял эту работу, занимаясь вечерами самообразованием. Он читал, размышлял и через год смог получить знаний больше, чем ему мог дать семинарский курс. В 1815 г. В.Т. Феонов бежал из семи-

нарии и отправился в Казань, где, как замечает его биограф, «по простоте старых времен», смог подать документы в местный университет [143]. После приемного экзамена талантливого юношу приняли на этико-филологический факультет. Окончив его (со степенью кандидата), В.Т. Феонов попал в Пермскую гимназию, где с успехом преподавал латинский язык. В 1818 г. учебное начальство наградило его 25 рублями «за ревностное исполнение должности», а в 1821 г. вынесло благодарность. В 1826 г. В.Т. Феонов стал исполнять должность учителя в классе риторики и российской словесности [144].

Талантливый учитель с большим сарказмом относился к окружающему его губернскому обществу. Из-под его пера вышло немало сатирических стихов и басен, жало которых было направлено против представителей местной элиты: директора училищ Н.С. Попова, винного откупщика Д. Пономарева и даже епископа Дионисия и губернатора К.Я. Тюфяева. Стихи учителя помещались в различных газетах и журналах – петербургском «Вестнике Европы», казанском «Заволжском муравье» и пр. Биограф В.Т. Феонова замечает, что в пермском образованном обществе учитель не пользовался любовью, многие боялись его языка и пера. «Простодушное» же большинство видело в нем нечто вроде юродивого и прорицателя [145]. Выпускник университета, он был не только прекрасным знатоком древнего языка и культуры (в университете он изучал их под руководством профессора Брауна), но и способным преподавателем. В 1821 г. визитатор училищ П.А. Словцов с восторженностью отозвался о его учениках – юных латинистах [146]. Правда, в 1828 г. при новой визитации П.А. Словцов дал ему далеко не столь благосклонный отзыв. В журнале осмотра Пермской гимназии Словцов записал: «Феонов имеет по своей части достаточные познания, но не ровен себе в усердии к должности» [147]. Преподавал Василий Тихонович Феонов в это время логику и российскую словесность.

Причиной визитации П.А. Словцова в Пермскую губернию в 1828 г. стало «бедственное положение» дел в местной дирекции училищ. Осмотрев Пермскую гимназию, визитатор отметил, что учебная часть в ней находится в упадке. Доказательство тому он видел в малом числе обучающихся и их слабых знаниях. Испытания учеников по древней истории, географии, минералогии, логике и риторике оказались малоуспешными. Плохо знали они и иностранные языки. Немецкий язык им преподавался лишь в те-

чение одного года, и читали на нем только десять учеников. Учителя же французского языка не было вовсе. Главными причинами такого положения дел визитатор считал недостатки управления дирекцией, происходившие «от нерадения наставников, а в особенности от слабости, преклонных лет и невнимания директора, статского советника Попова» [148]. По подсчетам П.А. Словцова, из числа воспитанников уездных училищ в это время в гимназию попадало менее 1/4 выпускников (36 человек из 147) [149]. Впрочем, выводы визитатора о работе гимназии не были совсем безутешными. «Я уверен, – писал он, – что гимназия Пермская, заключая в себе многих учителей способных, не замедлит взойти на приличную степень учебного совершенства» [150].

Похвальных слов заслужил учитель естественной истории Василий Осипович Грибовский, который был, по словам визитатора, «довольно знающ, добропорядочен и в жизни правилен». Именно на нем, как считал П.А. Словцов, «почти основывался ход гимназии». Хорошими познаниями и способностями обладал также и учитель физики и математики Александр Андреевич Токарев. По-прежнему хороши были знания учеников в латинском языке. Учитель латинского языка Николай Юрьевич Козловский заслужил особую благодарность визитатора. Успехи учеников Пермской гимназии в преподаваемом им предмете, с точки зрения П.А. Словцова, были вполне очевидны, что, впрочем, неудивительно. Учитель Н.Ю. Козловский имел большой опыт преподавания и употребления латинского языка. Выходец из дворян Волынской губернии, он получил образование в Луцком уездном училище, а затем Виленском университете. Закончил свое образование Н.Ю. Козловский в учительской семинарии, куда поступил на казенное содержание. После окончания семинарии в 1821 г. его направили учителем латинского языка в Ковенское, а затем Житомирское уездные училища. Еще будучи студентом, в Вильне, Н.Ю. Козловский примкнул к существовавшему там тайному обществу филаретов, за что после прихода к власти Николая I был выслан в отдаленную Пермскую губернию [151].

Выводы совета университета по итогам визитации пермских училищ были достаточно быстрыми. Директор Н.С. Попов вскоре был отстранен от управления дирекцией, а учителя получили замечания или благодарности. Похвал заслужили, правда, лишь два учителя: В. Грибовский – за классы рисования и ботаники, а

также «за старание показывать ученикам новейшие открытия» и Н. Козловский – за преподавание латинского языка [152].

Иначе обстояло дело в Вятской гимназии. Среди воспитанников университетов и педагогических институтов, попавших в Вятку после создания гимназии, было много прекрасных преподавателей. Научную и просветительную деятельность здесь в первой четверти XIX в. вели и новые учителя, и старые педагоги, преподававшие еще в бывших главных и малых народных школах. Одного из них, Александра Ивановича Вештомова, учителя Вятской главной народной школы, биограф назвал «Вятским Карамзиным» [153]. Как и директор Пермской гимназии Н.С. Попов, А.И. Вештомов начал свою работу в училищах с самого момента их основания. Он был воспитанником местной семинарии, после окончания которой по направлению епархиального начальства попал в Вятское главное народное училище. Здесь А.И. Вештомову дали необходимые сведения и навыки работы по классно-урочной системе, а затем направили преподавать в Сарапульское малое народное училище. Сохранились свидетельства о том, что службу свою в учебном ведомстве А.И. Вештомов начал с большим старанием и усердием. Во время уроков он старался пробудить в детях любознательность, оживить изучение предметов. В свободное от занятий время ученики вместе с учителем ходили на экскурсии, собирали травы, семена дикорастущих деревьев. Своих учеников А.И. Вештомов воспитывал в духе вольнолюбивых идей екатерининской эпохи. Выходец из среды духовенства, он сам, по словам другого замечательного вятского историка А.С. Верещагина, к духовенству не очень-то благоволил и «был отчасти вольтерьянцем». Публичные речи учителя, сохранившиеся в Кировском архиве, пропитаны верой в мощь человеческого разума, природное равенство всех людей.

После десятилетней службы в Сарапульском малом народном училище талантливый педагог был переведен в Вятку. Здесь-то и началась его научная работа. В 1807 – 1809 гг. А.И. Вештомов написал первое в истории края обобщающее историческое повествование «История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества». Книга, давшая начало местной историографии, при жизни автора не была напечатана, более 100 лет она хранилась в библиотеке Вятской мужской гимназии и была выпущена в свет только в 1907 г. в Казани, по определению совета общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

В 1807 г. вятский учитель начал работу над вторым своим замечательным произведением – описанием флоры Вятского края, положив в основу его книгу Г.Ф. Соболевского «Петербургская флора». Двухтомное описание (с приложением атласа растений) было представлено на рассмотрение в Главное правление училищ и получило заслуженную награду. Решением правления А.И. Вештомов был награжден денежной премией в 500 рублей.

В 1806 г. за многолетнюю добросовестную службу в учебном ведомстве А.И. Вештомов был удостоен чина титулярного советника (9-й класс по Табели о рангах). Скромное учительское жалованье, однако, не могло удовлетворить нужд большой семьи А.И. Вештомова. В 1808 г. он с интересом встретил предложение перейти на службу в форстмейстеры Вятской округи. С этого времени началась его долгая история с увольнением из учебного ведомства. Попечитель Казанского учебного округа не соглашался на отставку до тех пор, пока не будет найден новый учитель. Лишь в 1810 г. просьба А.И. Вештомова была удовлетворена, и он перешел на другую службу.

Новые неприятности А.И. Вештомову принес его сын Платон, оставшийся на учительской должности. В 1811 г. выяснилось, что он украл из минц-кабинета, которым долгое время заведовал его отец, серебряные и медные монеты. А.И. Вештомов вернул эти монеты в училище, однако о деле было сообщено в местную полицию. Платон бежал из дома, но был найден и посажен в арестантскую при полиции. Для А.И. Вештомова это было большим ударом. Он получил тяжелое нервное потрясение и заболел. Из-за тяжелой болезни бывший учитель вынужден был бросить новую службу. Семья «сшедшего с ума» А.И. Вештомова оказалась в нищете. Умер он в 1831 г. [154].

Исследования А.И. Вештомова продолжил учитель истории, географии и статистики Вятской гимназии Василий Яковлевич Баженов, выпускник Ярославской семинарии, а затем педагогического института. В Вятской гимназии он проработал около 10 лет (с 1811 по 1820 гг.). В 1814 г. министерство народного просвещения поручило учителям Вятской гимназии произвести проверку сведений «Всеобщего землеописания Российской империи» в той его части, которая касается Вятского края. Научное исследование поддержал местный губернатор Ф.И. Фон-Брадке. Он послал всем подведомственным учреждениям предписание доставлять в гимназию все необходимые для работы сведения. Такое же предписание, по просьбе В.Я. Баженова, он сделал и смо-

трителям местных уездных училищ. Летом 1815 г. для сбора историко-статистических сведений в уезды Вятской губернии были командированы учителя Вятской гимназии: Завьялов отправился в Глазов, Попов – в Орлов и Котельнич, Некрасов – в Яранск, Уржум и Малмыж. Все собранные материалы они сдали В.Я. Баженову, который обработал их и привел в порядок. В мае 1818 г. Комитет ученых записок дал самый лестный отзыв об этой работе и представил В.Я. Баженова к награде в 100 рублей. После завершения этого большого труда В.Я. Баженов продолжил исторические, статистические и топографические исследования. Некоторые из них были напечатаны в «Ученых записках Казанского университета». В.Я. Баженов был не только прекрасным исследователем, но и известным педагогом. Его уроки истории, географии и статистики с большим удовольствием вспоминали ученики, выпускники гимназии. В 1818 г. В.Я. Баженов был избран членом Казанского общества любителей словесности, в 1820 г. его перевели на службу в Казанский университет [155].

Замечательные научные труды оставил преподаватель естественной истории Вятской гимназии Александр Яковлевич Некрасов (в гимназии он работал с 1811 г. до своей смерти в 1821 г.). В течение долгих лет А.Я. Некрасов занимался изучением вятской флоры и фауны. Результатом этих исследований явились труды: «Вятская флора» в двух томах и «Описание насекомых Вятского уезда». В дополнение к «Вятской флоре» А.Я. Некрасов изготовил и доставил в Казанский университет атлас из 50 видов растений, срисованных им с натуры в Вятском и Уржумском уездах. Ботанический сад Казанского университета получил от учителя семена 127 видов дикорастущих трав.

Занимался А.Я. Некрасов и геологическими изысканиями. В 1816 г. по поручению правления Казанского университета он вместе с директором вятских училищ И.В. Глейнигом совершил большую исследовательскую поездку по Вятской губернии, целью которой было исследование местных месторождений серебряных, медных и железных руд. Результатом этой экспедиции стало описание десяти неизвестных ранее месторождений разных руд. А.Я. Некрасовым были подготовлены и другие научные работы. Помощниками его в исследованиях были ученики. Каждую весну учитель совершал вместе с ними экскурсии по разным уездам Вятской губернии. Дети помогали ему составлять коллекции растений и насекомых, изготавливать наглядные пособия для учащихся [156].

Один из профессоров Казанского университета, ревизовавший Вятскую гимназию в 1816 г., замечал, что В.Я. Баженов и А.Я. Некрасов своим «ревностным и бескорыстным служением для пользы общественной немало содействовали утверждению общего благорасположения к гимназии» [157]. Высокий профессионализм учителей и преданность их делу снискали Вятской гимназии большое уважение в обществе. Сюда, в отличие от Пермской гимназии, стремились отдать своих детей жители не только Вятки, но и других отдаленных мест губернии.

Надо заметить, что после ухода из Вятской гимназии директора училищ И.В. Глейнига и замечательных педагогов В.Я. Баженова и А.Я. Некрасова уровень преподавания там несколько снизился. П.А. Словцов, ревизовавший гимназию в 1828 г., нашел успехи ее учеников по многим предметам неудовлетворительными. Во время испытания ученики не показали особых успехов в географии и статистике. Большинство воспитанников едва-едва читало по-немецки и по-французски [158].

Период временного упадка учебного дела в Вятской гимназии совпал с директорством Федора Яковлевича Попова (1819–1835 гг.). Судя по воспоминаниям бывшего ученика гимназии И.М. Глебова, Ф.Я. Попов был плохим педагогом. Занятия он посещал редко и ограничивался выслушиванием зазубренных учениками уроков. Тем не менее с учителями он жил в ладу, очевидно, не требуя от них многого. Сын директора М.В. Полиновского, сменившего Ф.Я. Попова на посту директора, утверждал в своих воспоминаниях, что это был «человек вообще кроткий и добрый, сердившийся только тогда, когда гимназисты устраивали генеральное сражение и нарушали послеобеденный сон добряка-директора» [159].

Учение в гимназии, по словам учеников, происходило тогда «не слишком удовлетворительно и мало имело влияния на развитие учащихся; уроки приготовлялись учениками и требовались учителями вдолбежку и задавались некоторыми без объяснения «от сих до сих», как, например, законоучителем, учителем истории Лопатиным, учителями языков латинского Брусьяновым и новейших Зибергаром. Последний более в классе пел и повесничал, чем занимался делом, хотя он и знаком был хорошо с обоими языками и хорошо говорил по-русски» [160].

«Добряк-директор», однако, пользовался большой благосклонностью училищного начальства, особенно попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого. Хорошо шла его служба

и при следующем попечителе М.Н. Мусине-Пушкине. В 1830 г. он даже получил в награду за свою службу высочайший подарок (бриллиантовый перстень с аметистом за 1000 рублей), а в 1832 г. – благодарность за умножение училищ. Его предшественник, Иван Вильгельмович Глейниг, напротив, раздражал чиновников своей самостоятельностью. По словам А.А. Спицына, Глейниг постоянно состоял «в боевой переписке с училищным комитетом, почему и получал от него и попечителя неоднократно выговоры, пока это ему не надоело». В 1819 г. Глейниг оставил училищную службу и, очевидно, при содействии губернатора Ф.И. Фон-Брадке перешел в соляное отделение Вятской казенной палаты. Служба Ф.Я. Попова закончилась в 1835 г. после доноса о том, что он неверно оформил подряды на постройку каменных зданий. Попова уволили без пенсии. Донос, правда, оказался необоснованным, и пенсию бывшему директору восстановили. Однако вплоть до 1848 г. из нее вычитали значительную сумму за денежные упущения, сделанные при постройке канцелярского училища [161].

В целом можно отметить, что несмотря на многие недостатки работа губернских гимназий стала заметным фактором культурного развития провинции. Гимназические учителя составляли совершенно новый разряд преподавателей общеобразовательной школы. Введение в средние учебные заведения предметов университетского курса потребовало от них знаний, соответствующих уровню высшей школы.

В целях подготовки высококвалифицированных кадров в стране, в соответствии с университетскими уставами, были открыты педагогические институты при Московском (1804), Харьковском (1811) и Казанском (1812) университетах. Несколько отличался от них по своей программе двухгодичный педагогический институт при Дерптском университете, который начал действовать в 1803 г. (в 1820 г. он был преобразован в педагогико-филологическую семинарию). В том же 1803 г. по предложению министра народного просвещения П.В. Завадовского решено было возродить Учительскую семинарию в Санкт-Петербурге. Учрежденная еще при Екатерине II семинария к началу XIX в. фактически прекратила свою работу и существовала только формально. 20 мая 1803 г. было издано постановление о преобразовании семинарии в Учительскую гимназию. Через год Указом 1804 г. на базе гимназии был создан Педагогический институт как «отделение имеющего учредиться в Санкт-Петербурге университета» [162].

Университетские педагогические институты в учебных округах не имели автономных прав, они управлялись попечителем округа и советами университетов. Санкт-Петербургский педагогический институт занимал особое место. Он создавался как обособленное специальное учебное заведение для подготовки учителей. Указ от 23 февраля 1816 г. утвердил его «в особенном и непременном существовании своем под названием Главного педагогического института» [163]. Институт имел широкую программу преподавания, приближенную к университетской. Он готовил научные кадры высшей школы, а также учителей для губернских гимназий. 25 октября 1817 г. при институте был образован его второй разряд с четырехлетним курсом обучения – для подготовки учителей уездных и приходских училищ.

В 1819 г. по решению правительства Главный педагогический институт был преобразован в университет, его профессора и воспитанники были переведены в число университетских. Второй разряд института стал самостоятельным, его переименовали в Учительский институт. Учительский институт, однако, не обладал возможностями прежнего высшего учебного заведения. После ухода С.С. Уварова с поста попечителя Петербургского учебного округа в 1821 г. при его преемнике Д.П. Руниче институт был закрыт [164]. Как признал позднее Комитет по устройству учебных заведений, с закрытием петербургских педагогических институтов качество подготовки школьных учителей существенно ухудшилось [165]. Впрочем, в первой четверти XIX в. выпускники Педагогического института практически не были представлены на Урале: во всех уральских гимназиях и уездных училищах их были единицы (табл. 9).

Основную часть учительского персонала уральских гимназий составляли выпускники Казанского университета. Помимо них, были тут и воспитанники духовных семинарий, гимназий, главных народных училищ, встречались и лица с домашним образованием. Полностью штат преподавателей Пермской и Вятской гимназий заполнен не был. Общее число преподавателей составляло около 80 % штатного состава.

В отличие от екатерининских главных народных школ, укомплектованных в основном выходцами из местного духовенства, гимназии включили в свой преподавательский состав представителей разных мест и сословий. В Пермской гимназии работали учителя из Пермской, Новгород-Северской, Волынской губерний, в Вятской гимназии – из Вятской, Волынской, Санкт-

Таблица 9

Численность и состав (по образованию) учителей уральских гимназий в 1828 г.*

Наименование учебного заведения	Учебные заведения, в которых получили образование учителя гимназий	Численность учителей, чел/%
Пермская гимназия	Домашнее образование	1/12,5
	Пермская семинария	1/12,5
	Санкт-Петербургская учительская семинария (гимназия)	1/12,5
	Педагогический институт	1/12,5
	Казанский университет	3/37,5
	Виленский университет	1/12,5
Итого в гимназии учителей:		8/100
В том числе:		
с высшим светским образованием		5/62,5
со средним светским образованием		1/12,5
со средним духовным образованием		1/12,5
с домашним образованием		1/12,5
Вятская гимназия	Вятское главное народное училище	1/12,5
	Вятская семинария	1/12,5
	Санкт-Петербургская гимназия	1/12,5
	Педагогический институт	1/12,5
	Казанский университет	3/37,5
	Виленский университет	1/12,5
Итого в гимназии учителей:		8/100
В том числе:		
с высшим светским образованием		5/62,5
со средним светским образованием		1/12,5
со средним духовным образованием		1/12,5
с начальным светским образованием		1/12,5
Всего учителей:		16/100
В том числе:		
с высшим светским образованием		10/62,4
со средним светским образованием		2/12,5
со средним духовным образованием		2/12,5
с начальным светским образованием		1/6,3
с домашним образованием		1/6,3

* Источник: Послужные списки учителей и чиновников Пермской и Вятской дирекций училищ за 1828 год (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 273 – 293; 407 – 417).

В составе учителей учтены учителя, директора гимназий и законоучители.

Учителя Оренбургской гимназии не учтены, так как гимназия была открыта в 1828 г. и к моменту составления формулярных списков ее состав еще не был укомплектован.

Петербургской, Ярославской и Казанской губерний. Уроженцы далекой Волынской губернии (учитель естественных наук Вятской гимназии Ф.В. Лозинский и учитель латинского языка Пермской гимназии Н.Ю. Козловский) оказались на Урале после высылки из родных мест. Федор Васильевич Лозинский был сослан как известный карбонарий, член тайных масонских обществ филаретов и филоматов, существовавших в Вильне. К этим обществам он примкнул еще в студенческие годы и впоследствии играл там достаточно видную роль. Судя по сведениям формулярного списка, в Обществе филаретов Ф.В. Лозинский был «великим маршалом двора начальника общества Зана, советником и проводником розового союза». Н.Ю. Козловский столь видных постов не занимал, в обществе филаретов он был лишь рядовым членом, но также не избежал ссылки. По высочайшему повелению в 1826 г. бывшие виленские студенты были отправлены «в отдаленные от Польши губернии для употребления по училищной части» [166].

Учитель немецкого языка Пермской гимназии Ф. Бокельман, выходец «из иностранцев», получил свидетельство на право гимназического преподавания в Казанском университете, где трудился ранее в университетской типографии. Типографскому искусству он обучился в Дерптском университете [167]. Основам знаний Ф. Бокельман обучался дома. Преподаватель немецкого и французского языков Вятской гимназии Н.И. Зибенгар получил образование в Санкт-Петербургской гимназии, где состоял на иждивении императрицы Марии Федоровны.

Далеко не столь разнообразным был состав учителей в уездных училищах (табл. 10). Здесь по-прежнему преобладали жители местных губерний. По Уставу 1804 г. предполагалось, что подготовка учителей уездных и приходских училищ будет налажена в каждом учебном округе. Учителя приходских школ должны были готовиться в особых классах уездных училищ, а преподаватели последних – в гимназиях. Согласно разрешению Комитета министров от 1819 г., гимназии могли из имеющихся в их распоряжении свободных капиталов готовить в преподаватели уездных и приходских училищ особых стипендиатов из детей бедных родителей. Каждый стипендиат мог получить 100–200 рублей в год, если обязывался прослужить в учебном ведомстве шесть лет [168].

Выполнить эти требования Устава на Урале училищному ведомству не удалось. В учительском штате уездных училищ Пермской и Оренбургской губерний по-прежнему преобладали

Таблица 10

Численность и состав (по образованию) учителей уездных училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1828 г.*

Губерния, в которой расположены уездные училища	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей, чел/%
Пермская	Пермская духовная семинари	14/50
	Вятская семинария	2/7,1
	Казанская семинария	1/3,6
	Кунгурское малое народное училище	2/7,1
	Ирбитское уездное училище	1/3,6
	Пермская гимназия	4/14,3
	Казанская гимназия	2/7,1
	Оренбургское гарнизонное училище	1/3,6
	Шкловское военное училище	1/3,6
Итого по губернии учителей:		28/100
В том числе:		
со средним светским образованием		7/25
со средним духовным образованием		17/60,7
с начальным светским образованием		4/14,3
Вятская	Вятская семинария	9/37,5
	Слободское малое народное училище	1/4,2
	Вятское главное народное училище	2/8,3
	Слободское уездное училище	1/4,2
	Яранское уездное училище	1/4,2
	Вятская гимназия	7/29,1
	Казанский университет	2/8,3
	Обучение живописи у частных лиц	1/4,2
Итого по губернии учителей:		24/100
В том числе:		
с высшим светским образованием		2/8,3
со средним светским образованием		7/29,2
со средним духовным образованием		9/37,5
с начальным светским образованием		5/20,8
с домашним образованием		1/4,2
Оренбургская	Оренбургская семинария	8/42,1
	Казанская семинария	1/5,3
	Вятская семинария	1/5,3

Окончание табл. 10

Губерния, в которой расположены уездные училища	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей, чел/%
Оренбургская	Казанская духовная академия	1/5,3
	Казанская гимназия	4/21
	Педагогический институт	1/5,3
	Казанский университет	2/10,4
	Обучение живописи у частных лиц	1/5,3
Итого по губернии учителей:		19/100
В том числе:		
с высшим светским образованием		3/15,8
с высшим духовным образованием		1/5,3
со средним светским образованием		4/21
со средним духовным образованием		10/52,6
с домашним образованием		1/5,3
Всего учителей:		71/100
В том числе:		
с высшим светским образованием		5/7
с высшим духовным образованием		1/1,4
со средним светским образованием		18/25,4
со средним духовным образованием		36/50,7
с начальным светским образованием		9/12,7
с домашним образованием		2/2,8

* Источник: Послужные списки учителей и чиновников Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 256 – 268, 293 – 306, 417 – 451).

При подсчетах учитывались штатные смотрители уездных училищ, учителя 1-го и 2-го классов, учителя рисования и законоучители.

выпускники духовных семинарий (в Пермской губернии они составляли 63 %, а в Оренбургской – 58 % учителей). Несколько ближе к требованиям Устава подошла только Вятская губерния. В уездных училищах этой губернии выпускники духовных семинарий составляли к 1828 г. лишь 37,5 % от общего состава кадров. Почти на 60 % Вятская губерния смогла обеспечить преподавательский состав уездных училищ выпускниками светских учебных заведений. Воспитанники Вятской гимназии составляли здесь около 30 % всего списочного состава преподавателей. В Пермской губернии бывших гимназистов было лишь 21,4 %, а в Оренбургской – 21 %. Работали в уездных училищах и воспитанники высших учебных заведений. В Вятской губернии их доля в

составе учительских кадров уездных училищ составляла 8,3 %, в Оренбургской губернии – 15,7 %. Следует отметить, что повышенный процент выпускников университетов в оренбургских уездных училищах объясняется тем, что они были направлены сюда с расчетом их будущей работы в гимназии, открытие которой затянулось: почти у всех учителей Оренбургской губернии, работавших здесь после окончания университета, в формулярных списках 1828 г. было указано, что они «перемещаются в предполагаемую к открытию Уфимскую гимназию». Без этой записи остался только штатный смотритель Мензелинского училища Полиект Павлович Юрьев. Если учесть скорое перемещение выпускников университета в Уфимскую гимназию, то в уездных училищах их число, как и в Пермской губернии, практически равно нулю. И в этом отношении преимущество вятских училищ очевидно.

Как и гимназии, уездные училища не имели полного комплекта преподавателей. В Пермской губернии к 1828 г. их штатные ставки были заполнены лишь на 68 %, в Вятской – на 66 %, в Оренбургской – на 76 %. Найти необходимых преподавателей училищному ведомству было очень сложно. Учителя не стремились на службу в далекие уральские губернии.

Не были заполнены и штатные ставки городских приходских училищ (табл. 11). Самостоятельные приходские училища существовали в это время лишь в Вятской и Пермской губерниях. В Вятской губернии к 1828 г. действовало 10 приходских училищ. Самостоятельных учителей имели лишь 5, в остальных преподавали учителя уездных училищ. В двух Вятских и Яранском приходских училищах учителями работали выпускники местной гимназии, в Орловском и Малмыжском – воспитанники семинарии. Помимо этого, действовало начальное Нолинское малое народное училище. Смотрителем в нем был выпускник местной семинарии, а учителем – воспитанник гимназии.

В Пермской губернии к 1828 г. работало лишь одно самостоятельное городское приходское училище – Пермское. Кроме того, здесь действовало начальное ланкастерское училище при воспитательном доме. В Пермское приходское училище совет Казанского университета определил учителем Ивана Ивановича Попова – выходца из духовного звания, обучавшегося в Пермской семинарии. В ланкастерской же школе учительствовал Евгений Стефанович Яковлев – сын аптекарского ученика, обучавшийся в Пермской уездном училище, а затем в гимназии.

Таблица 11

Численность и состав (по образованию) учителей приходских училищ в городах Пермской и Вятской губерний в 1828 г.*

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя приходских училищ	Численность учителей, чел/%
Пермская	Пермская семинария	1/50
	Пермская гимназия	1/50
Итого:		2/100
Вятская	Вятская семинария	4/50
	Вятская гимназия	4/50
Итого:		8/100
Всего учителей:		10/100
В том числе:		
со средним светским образованием		5/50
со средним духовным образованием		5/50

* Источник: Послужные списки учителей и чиновников Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 256 – 268, 293 – 306, 417 – 451).

В составе учителей учтены преподаватели, смотрители и надзиратели Пермского приходского училища, Пермской ланкастерской школы, приходских училищ в Вятке, Яранске, Орлове, Малмыже, а также в Нолинском малом народном училище.

Учителя Оренбургской губернии не учтены, так как в губернии в это время не было самостоятельных приходских училищ.

В Оренбургской губернии самостоятельных городских приходских училищ не существовало. Ученики получали начальные знания в приготовительных классах при уездных училищах. Преподавали в них учителя уездных училищ.

Состояние учебных дел в уездных и приходских училищах Пермской и Оренбургской губерний было удручающим. Осматривая уездные учебные заведения Пермской губернии в 1821г. и 1828 г., визитатор П.А. Словцов отметил, что основным методом преподавания в них, как и в былые времена, было принуждение к зубрежке. «В ничтожном состоянии», с его точки зрения, находилось обучение в Шадринском уездном училище. Дети в нем учились по разным книгам, без особого руководства. Учителям был известен только один способ обучения – заучивание наизусть. В результате через полтора года обучения дети не успели пройти даже букварь [169].

В Ирбитском уездном училище дело обстояло еще хуже. В приготовительном классе дети после двух лет обучения едва

могли читать и изображать буквы. В основных классах география и история заучивались наизусть без карты и других учебных пособий. Зубрежка довела детей, по словам визитатора, до «жалкой тупости»: они не могли ответить ни на один вопрос по содержанию прочитанного. Учитель второго класса здешнего училища Александр Никитич Соболев, по словам П.А. Словцова, был «весьма ограничен в знаниях», недеятелен, не «ревностен» и вообще «походил на сонного». Учителя первого и приготовительного классов заслужили более одобрительные отзывы, но и они в обучении применяли привычные методы заучивания наизусть [170].

Верхотурское уездное училище произвело на визитатора П.А. Словцова более благоприятное впечатление, но и здесь, по его мнению, учитель первого класса Бабайлов был примерным ленивцем и незнающим человеком. Он имел дурную славу в городе и слыл «человеком без поведения». Малознающим показался визитатору и законоучитель Боголюбов. Человек этот, не имеющий духовного чина, вообще, с его точки зрения, не заслуживал места законоучителя, «даже по своей внешности» [171].

Самых суровых оценок П.А. Словцова заслужило Екатеринбургское уездное училище. «В поданном мне списке, – пишет визитатор, – показано учащихся 43, но нашлось в первый день только 13, во второй столько же». Училище, с его точки зрения, к 1828 г. «совершенно упало», причиной чего послужили неурядицы в управлении местным училищем, выразившиеся в спорах местных учителей Виссариона Старанковского и Стефана Словцова со штатным смотрителем училища Павлом Перцовым. Сам визитатор нашел штатного смотрителя человеком ограниченным и малоспособным. Не лучше оказался и учитель С. Словцов, занявший место уволенного П. Перцова. Он также, по словам визитатора, был «склонен к шалостям» и не заботился о своей должности. Екатеринбургское училище не имело особого авторитета у местного общества: среди учеников не было ни одного мальчика из «порядочных» домов [172].

Лучшего оставляла желать и постановка учебного дела в уездных училищах Оренбургской губернии. Визитатор училищ Е.Ф. Розанов в 1821 г. признал многих здешних учителей несведущими в предметах, преподающими «вяло и скучно, непонятно». Занятия в оренбургских училищах пропускались не только учениками, но и учителями, не соблюдалось учебное время. В более или менее удовлетворительном состоянии, с точки зрения

визитатора, находились лишь Мензелинское и Бузулукское училища, но и здесь многие предметы не преподавались из-за отсутствия книг и пособий [173].

Гораздо более похвальных отзывов университетских визитаторов заслужили уездные училища Вятской губернии. После их осмотра в 1828 г. П.А. Словцов записал, что учебная часть в уездах Вятской губернии «идет, с некоторыми исключениями, вообще порядочно» [174]. Отсюда – и положение дел в гимназии, которая значительно обошла Пермскую. Визитатор особо отметил успехи с обучением учеников в Вятском уездном и двух приходских училищах. В остальных он заметил недостатки, но далеко не в столь заметных масштабах, как в Пермской губернии.

П.А. Словцов подсчитал общее отношение числа учащихся к количеству домов в тех городах, где были созданы училища. В Вятке это соотношение составило 75 учеников на 770 домов (а если учесть учеников приходских училищ, то 227 учеников на 770 домов). В других уездных городах процент обучающегося населения тоже был достаточно большим: в Глазове – 31 ученик на 110 домов (из них 14 – в уездных училищах); в Слободском – 48 учеников на 425 домов (из них 23 – в уездных училищах); в Орлове – 46 учеников на 470 домов (все ученики приходские); в Котельниче – 37 учеников на 250 домов (из них 18 – в уездных училищах); в Яранске – 50 учеников на 300 домов (из них 20 – в уездных училищах); в Нолинске – 40 учеников на 330 домов (все ученики – приходские); в Малмыже – 35 учеников на 134 дома (все ученики приходские); в Елабуге – 44 ученика на 576 домов (из них 29 – в уездных училищах); в Сарапуле – 53 ученика на 773 дома (из них 27 – в уездных училищах) [175]. Если принять на веру подсчеты П.А. Словцова (а в его замыслы не входило составление формального отчета), то примерно 15 % всех семей (домов) посылали своих детей на обучение в приходские и уездные училища.

В Пермской губернии этот процент был гораздо ниже. В самой Перми, по подсчетам того же П.А. Словцова, из 1032 домов детей на учебу посылали только 76 (около 7 %). В Кунгуре это соотношение составляло 52 ученика на 1052 дома; в Екатеринбурге – 14 учеников на 2354 дома; в Ирбите – 62 ученика на 484 дома; в Верхотурье 28 учеников на 332 дома; в Шадринске – 40 учеников на 454 дома; в Соликамске – 48 учеников на 418 домов; в Чердыни – 22 ученика на 412 домов. То есть в среднем лишь около 5 % семей (домов) предпочитало отдавать своих детей в

общественные училища [176]. Надо, конечно, иметь в виду, что здесь, кроме училищ министерства народного просвещения, имелись и ведомственные училища, которые составляли существенную часть системы просвещения.

Любопытные наблюдения позволяет сделать анализ сословного состава преподавателей уральских училищ (табл. 12). Преобладали среди них, как и в XVIII в., выходцы из духовного сословия, однако существенно увеличилась доля выходцев из личных дворян (обер-офицеров). Отдавали своих детей на казенную учебу для приготовления к учительским должностям сами учителя и другие малообеспеченные чиновники. Среди учителей уральских губерний дети обер-офицеров составляли около 24 %.

Появились в рядах учителей и выходцы из податных сословий (мещанства, купечества). Правительство разрешило принимать их на учительскую службу в 1812 г., стараясь восполнить недостаток преподавателей [177]. Особенно много выходцев из городских сословий было среди учителей Вятской губернии (25 % всего списочного состава), что служит еще одним доказательством признания жителями вятских городов ценности общественного образования. Вятские мещане уже в первой четверти XIX в. осознавали, что образование открывает их детям возможность сменить свой социальный статус и подняться вверх по сословной лестнице. Обучившиеся в казенных школах мещанские и купеческие дети исключались из податного состояния и утверждались в учительском звании. Через несколько лет они могли рассчитывать на чин в государственной службе.

Устав 1804 г. причислил преподавателей казенных училищ к числу государственных служащих. Теперь они имели с самого начала службы возможность получить определенный чин в Табели о рангах, в то время как раньше получали его только в форме отличия. Иерархия училищных служащих распределялась следующим образом: директор училищ имел 7-й класс, старшие учителя гимназий – 9-й, младшие – 10-й, учитель рисования – 12-й [178]. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 января 1822 г. установило общий четырехлетний срок выслуги по учебной службе для производства в классные чины [179].

Улучшилось и материальное положение учителей. В соответствии с разрядами классных должностей, Устав 1804 г. почти в три раза увеличил заработную плату учителей гимназий, в два раза – учителей уездных училищ. Однако эти средства, как признавали и сами руководители учебного ведомства, были недоста-

Таблица 12

Сословный состав преподавателей городских общеобразовательных учебных заведений в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях в 1828 г.*

Губерния	Наименование учебного заведения	Сословное происхождение учителей						Общая численность учителей
		Дворяне (штаб-офицеры)	Обер-офицеры	Духовные лица	Купцы	Мещане	Иностранцы	
Пермская	Гимназия	1	2	4	–	–	1	8
	Уездные училища:							
	Пермское	–	1	2	–	–	–	3
	Кунгурское	–	2	2	–	–	–	4
	Екатеринбургское	–	–	3	–	–	1	4
	Шадринское	1	–	2	–	–	–	3
	Ирбитское	1	1	2	–	1	–	5
	Верхотурское	–	1	2	–	–	–	3
	Соликамское	–	–	3	–	–	–	3
	Чердынское	–	1	1	1	–	–	3
	Приходские училища:							
	Пермское	–	–	1	–	–	–	1
	Ланкастерское училище в Перми	–	1	–	–	–	–	1
Итого по губернии, чел/%		3/7,9	9/23,7	22/57,9	1/2,6	1/2,6	2/5,3	38/100
Вятская	Гимназия	1	3	3	1	–	–	8
	Уездные училища:							
	Вятское	–	1	2	–	1	–	4
	Слободское	–	1	2	–	1	–	4
	Сарапульское	–	–	1	–	2	–	3
	Елабужское		–	1	1	–	1	3
	Яранское	–	2	1	–	1	–	4
	Котельническое	1	–	1	–	1	–	3
	Глазовское	–	1	1	1	–	–	3
	Приходские училища:							
	Вятское первое	–	–	–	–	1	–	1
	Вятское второе	–	–	–	–	1	–	1
	Яранское	–	1	–	–	–	–	1

Окончание табл. 12

Губерния	Наименование учебного заведения	Сословное происхождение учителей						Общая численность учителей
		Дворяне из штаб офицеров	Обер-офицеры	Духовные лица	Купцы	Мещане	Иностранцы	
	Орловское	–	–	2	–	–	–	2
	Малмыжское	–	–	1	–	–	–	1
	Нолинское малое народ. училище	–	–	1	–	1	–	2
Итого по губернии, чел/%		2/5	10/25	16/40	2/5	10/25	–	40/100
Оренбургская	Уездные училища:							
	Оренбургское	–	1	3	–	–	–	4
	Уфимское	1	–	4	–	1	–	6
	Мензелинское	–	–	3	–	–	–	3
	Бугурусланское	–	–	2	1	–	–	3
	Бузулукское	–	1	2	–	–	–	3
Итого по губернии, чел/%		1/5,3	2/10,5	14/73,6	1/5,3	1/5,3	–	19/100
Всего, чел/%		6/6,2	21/21,6	52/53,6	4/4,1	12/12,4	2/2,1	97/100

* Источник: Послужные списки учителей и чиновников Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ (НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 256 – 268, 293 – 306, 417 – 451).

В составе преподавателей учтены, помимо учителей наук, законоучители, штатные смотрители уездных училищ и надзиратели приходских училищ.

Учителя Слободского, Сарапульского, Елабужского, Котельничского и Глазовского приходских училищ Вятской губернии не учтены, так как они работали одновременно и учителями уездных училищ.

точны для безбедной жизни. К тому же они были рассчитаны только на учителей казенных школ. Учителя приходских школ не могли рассчитывать на попечение государства и получали заработную плату согласно возможностям городских и сельских обществ.

Важным новшеством стало введение пенсионных правил для училищных чиновников. Указ о пенсиях был издан 7 октября 1805 г. Пенсионный капитал для поощрения учительской службы составлялся из суммы в 30 тысяч рублей, которая в течение 20 лет ежегодно должна была отпускаться на эти цели казной. На единовременные выплаты казна отпускала 20 тысяч рублей [180]. Согласно Указу, за «беспорочную» 30-летнюю службу учителя могли рассчитывать на пенсию, равную их полному жалованью. 25 лет службы давали право на отставку с половиной,

20 лет – 1/3 их прежнего жалованья. Вдовы чиновников, умерших на службе, получали за 20-летнюю службу мужей – 1/6, за 25-летнюю службу мужей – 1/3, за 30-летнюю службу мужей – половину прежнего жалованья училищного чиновника [181]. 28 декабря 1818 г. пенсионные права вдов учителей были распространены на их несовершеннолетних детей, с тем ограничением, что при жизни матерей они не могли получать отдельных пенсий [182].

В целях пополнения учительских доходов министерство народного просвещения разрешило учителям в 1816 г., «по сложившемуся обыкновению», выполнять одновременно несколько должностей. При этом им полностью выплачивались все должностные оклады [183]. В школах Казанского учебного округа, кроме того, учителям разрешалось для улучшения условий жизни заводить на училищных землях огороды [184]. Несмотря на это состояние учителей оставалось очень тяжелым.

ШКОЛА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. УСИЛИЯ ВЛАСТИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОВИНЦИАЛОВ

Организационные недостатки функционирования государственных школ были одной из причин недоверия к ним городских жителей, которые относились к образованию по-прежнему весьма прагматично. Больше половины учащихся оставляли школу до получения аттестата. «История императорского Казанского университета» профессора М. Загоскина приводит весьма любопытные объяснения причин малого количества выпускников гимназий, высказанные современниками. Обсуждение этого вопроса возникло в связи с замечаниями М.Л. Магницкого, который, ревизуя в 1818 г. Казанский округ, был поражен низким процентом учеников, пожелавших полностью завершить курс обучения. В это время оказалось выпущено в Пермской гимназии из 21 воспитанника – 2, в Вятской из 45 – 4, в Симбирской из 36 – 4, в Астраханской из 53 – 3, в Иркутской из 25 – 2, в Тобольской из 16 – ни одного [185].

Первую и основную причину этого совет университета видел в том, что родители из низших и средних состояний (приказные чиновники, купцы, мещане, господские люди и крестьяне), «которые, по большей части, желают обучить детей своих только

чтению, письму и начальным правилам арифметики, почитая другие науки для них излишними, когда дети их научатся порядочно читать, писать и арифметике, тогда отбирают их из училищ самовольно, без аттестатов, в которых не находят никакой надобности». Совет указал также на большую продолжительность срока полного среднеобразовательного курса (для получения среднего образования детям приходилось учиться один год в приходском училище, два года в уездном училище и четыре года в гимназии).

«Люди бедные, – считали профессора университета, – никак не могут так долго воспитывать детей своих на собственном иждивении и берут их преждевременно». Отмечали профессора университета и распространенность в округе частого внешкольного обучения солдат и солдаток, мещан и мещанок и прочих лиц, которым несмотря на их невежество «по малой плате» многие родители поручают выучку своих детей. Причиной недостаточных успехов школьного образования профессора считали трудность и дороговизну доставления книг и учебных пособий в отдаленные от столиц губернии, а также нежелание знающих и способных людей занимать в них учительские должности [186].

Были, впрочем, у городских жителей и более серьезные причины для прохладного отношения к казенной школе, в частности обычный для простого люда страх перед властью. А.П. Шалин в своем очерке, посвященном истории Екатеринбургского уездного училища, приводит записи из рассказов старых людей об открытии уездных училищ в восточных окраинах России. Городские жители, пишет он, «опасались, как бы за бесплатное учение не записали их детей в солдатскую службу наподобие кантонистов или не ввели в казенных школах того жестокого обращения, какое существовало в кантонистских училищах и не стали бы разлучать детей–школьников с родителями для комплектования кантонистских училищ в других местностях» [187].

К 1825 г. тенденция сокращения числа учащихся в уральских гимназиях несколько снизилась, но в целом по учебным заведениям Пермской, Вятской и Оренбургской губерний она сохранялась. Судя по ведомостям, направленным советом Казанского университета попечителю Казанского учебного округа, количество выпускников училищ в 1825 г. по-прежнему существенно уступало числу детей, оставивших образование (табл. 13).

Обучались в городских низших учебных заведениях первой четверти XIX в. дети всех сословий, в том числе и крепостные.

Таблица 13

Численность учащихся общеобразовательных школ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1825 г.*

Губерния	Наименование училища	Численность учащихся, чел.	Численность выпускников, чел.	Из них поступивших в учебные заведения высшего ранга, чел.	Число учащихся, не закончивших обучение
Пермская	Гимназия	38	4	–	2
	Уездные училища:				
	Пермское	55	14	14 – Пермская гимназия	4
	Кунгурское	36	5	1 – Казанская гимназия	–
	Екатеринбургское	47	1	–	7
	Ирбитское	18	2	–	7
	Верхотурское	19	3	–	5
	Шадринское	25	–	–	14
	Соликамское	40	5	–	5
	Чердынское	15	1	–	3
	Приходские училища:				
	Пермское	48	12	12 – Пермское уезд. училище	4
	Красноуфимское	16	1	–	2
	Приготовительные классы при уездных училищах:				
	Кунгурском	42	–	–	–
	Екатеринбургском	42	–	–	–
	Ирбитском	30	–	–	–
	Верхотурском	36	–	–	–
	Шадринском	11	–	–	–
	Соликамском	33	–	–	–
	Чердынском	14	–	–	–
	Ланкастерское училище в Перми	42	11	11 – Пермское уезд. училище	5
Итого:		607	59	38	68
Вятская	Гимназия	69	7	–	1
	Уездные училища:				
	Вятское	121	28	22 – Вятская гимназия	33
	Слободское	16	5	–	7
	Сарапульское	34	3	–	5
	Яранское	33	11	–	10
	Котельническое	23	2	–	6
	Елабужское	59	8	–	10

Окончание табл. 13

Губерния	Наименование училища	Численность учащихся, чел.	Численность выпускников, чел.	Из них поступивших в учебные заведения высшего ранга, чел.	Число учащихся, не закончивших обучение
	Приходские училища:				
	Вятское первое	124	24	24 – Вятское уезд. училище	20
	Вятское второе	48	19	19 – Вятское уезд. училище	1
	Слободское	31	8	–	4
	Сарапульское	46	15	15 – Сарапульское уезд. училище	7
	Яранское	35	20	20 – Яранское уезд. училище	12
	Котельническое	28	11	11 – Котельничское уезд. училище	3
	Глазовское	28	8	–	11
	Орловское	98	8	–	40
	Приготовительный класс при уездном училище:				
	Елабужском	88	–	–	21
	Малое народное училище:				
	Нолинское	69	6	–	8
Итого:		950	183	111	198
Оренбургская	*Уездные училища:*				
	Оренбургское	34	7	–	–
	Уфимское	32	5	–	13
	Мензелинское	11	–	–	19
	Бузулукское	54	1	–	18
	Бугурусланское	27	4	–	12
	Приготовительные классы при уездных училищах:				
	Оренбургском	38	–	–	–
	Уфимском	17	–	–	–
	Мензелинском	33	–	–	–
	Бугурусланском	21	–	–	–
Итого по губернии:		267	17	–	62
Всего:		1824	259	149	328

* Подсчитано по Ведомостям о состоянии учебных заведений в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях, направленных советом Казанского университета попечителю Казанского учебного округа в 1826 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 62 – 12; Д. 2003. Л. 39 – 52).

Количество «дворовых людей» в них, однако, по сравнению с прежними екатерининскими народными школами снизилось. Найти подробные сведения о сословном составе учащихся уральских школ этого периода нам, к сожалению, не удалось. Но судить о постепенном сословном ограничении доступа к образованию позволяют некоторые данные, приводимые историками и краеведами. В 1811 г., например, как указывает В. Иконников, в Ирбитском малом народном училище обучалось 22 ученика, среди них 9 «дворовых людей» (40,9 %). В 1826 г. в уездном училище того же города (вместе с приготовительным классом) числилось 50 чел., в том числе лишь 3 крепостных (6 %) [188].

В Екатеринбургском уездном училище преобладали дети городских сословий. В 1832/1833 учебном году здесь обучались (вместе с приготовительным классом) 301 человек, в том числе 75 – из семей дворян и чиновников, 35 – из унтер-шихтмейстерских и приказнослужительских детей, 162 – из мещан и купцов, 29 – из разночинцев [189].

Несмотря на декларацию гуманистических начал в обучении и воспитании в низшей школе господствовали достаточно суровые нравы. Розги и другие телесные наказания применялись во многих уездных и приходских училищах. В. Иконников в своей книге, посвященной юбилею Ирбитского уездного училища, приводит жалобу одного из мещан, поступившую к директору Пермских училищ Н.С. Попову в 1823 г. Ирбитский мещанин рассказал об истязаниях его сына учителями А. Соболевым и И. Семериковым. После этого случая директор строжайше подтвердил запрет на жестокое обращение с учениками, но, в противность закону, указал, что если некоторые из них и заслуживают наказание, то об этом необходимо представлять смотрителю. Наказывать же учеников с разрешения родителей и в присутствии смотрителя вполне возможно [190]. Надо заметить, правда, что ученики вряд ли могли рассчитывать и на снисхождение родителей. Один из бывших воспитанников Ирбитской школы В.А. Кандабаев вспоминает, что отношение к детям в семействах в то время было гораздо более жестоким, чем в школе. «В редком доме, – говорит В.А. Кандабаев, – не подвергали детей разным истязаниям, и только в училище мы отдыхали от домашних побоев. Очень грубые нравы были в то время» [191]. Встречаются упоминания о жестокости учителей и в других источниках. Например, в сохранившемся формуляре от 1827 г. одного из штатных смотрите-

лей Шадринского училища помечено, что за наказание ученика он был под судом [192].

Серьезную конкуренцию казенной школе в первой четверти XIX в. составляло частное образование. Домашнее обучение в то время было обычным во всех слоях городского населения. Уровень образования зависел от потребностей семей и заметно отличался в дворянской, купеческой и мещанской среде. Любопытную характеристику традиций домашнего воспитания приводит в одном из своих очерков учитель Пермской гимназии Н.А. Фирсов. По уровню и приемам обучения он выделяет семьи богатых дворян («аристократический круг»), средние слои (чиновники и купечество) и низшие слои городского общества (мелкие чиновники, низшее духовенство, мещанство) [193]. Обеспеченные дворяне предпочитали давать своим детям общее образование в объеме гимназии, приглашая для преподавания учителей гимназии (происходило это, впрочем, только в губернских городах). Средние городские слои ограничивались объемом уездных и приходских школ. Низшие – уровнем элементарной грамотности.

Согласно Уставу 1804 г., частные пансионы можно было организовывать после представления свидетельств об аттестации преподавателей по тем предметам, которым они собирались учить. Учебный план и учебники частных учебных заведений при этом не могли отличаться от употребляемых в государственных училищах [194]. Однако на деле эти требования редко исполнялись. Домашние учителя часто не имели необходимых свидетельств и аттестатов, работали по старинке.

Вятский историк С.А. Нурминский приводит в своем очерке о народных училищах Вятской губернии сведения о работе частных преподавателей в 1812 г. Собраны они были директором училищ по распоряжению попечителя учебного округа. Согласно этим сведениям, в городах Вятской губернии в 1812 г. работали 43 частных учителя. У них обучалось 194 мальчика и 65 девочек. В самой Вятке преподавали 9 домашних учителей, они обучали 83 мальчика и 32 девочки; в Сарапуле – 8 учителей обучали 23 мальчика и 13 девочек; в Нолинске – 3 учителя обучали 11 мальчиков и 2 девочки; в Слободском – 17 учителей обучали 42 мальчика и 12 девочек; в Елабуге – 6 учителей обучали 35 мальчиков и 6 девочек. Конечно, эти данные неполные, подобное обучение, несомненно, существовало и в других городах губернии.

Об уровне знаний, получаемых детьми в частных школах, можно судить по составу преподавательских кадров. В Вятке в 1812 г. частным учительством занимались брантмейстер Головщиков, вдова священника Прасковья Акишева, мещанин Петр Свешников, крестьянская девка Евдокия Мотина, крестьянская девка Василиса Трофимова, солдатская дочь Степанида Ускова, дьякон Дмитрий Бердников, почтальонша Варвара Ермолаева, иерей Дмитрий Юферев. Из всех этих преподавателей обучал истории, русской грамматике и арифметике только дьякон Бердников, все остальные – чтению и письму [195].

К сожалению, не удалось обнаружить подобных сводных сведений по Пермской и Оренбургской губерниям, но частное учительство в них, конечно, тоже существовало. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, приведенные в историческом очерке В. Иконникова, посвященном юбилею Ирбитского уездного училища. В. Иконников обнаружил в делах архива Ирбитского училища за 1814 г. донесение учителя Ирбитской малой народной школы Соломона Алексеевича Карпинского смотрителю училища, в котором тот высказался против недозволенного внеучилищного обучения детей. Смотритель просит городничего распорядиться, чтобы всем домашним учителям, не имеющим аттестатов, запрещено было вести обучение, а отцам, дети которых обучаются в частных школах, объявить, чтоб они отдавали своих детей в существующее народное училище. Просьба эта была повторена через десять лет, в 1824 г. Картина, однако, изменилась мало. Из собранных полицией сведений видно, что в это время частным обучением детей в городе занимались 4 мещанина, 2 мещанки и 1 отставной солдат. В следующем, 1825 г., смотритель доносит, что у одного мещанина обучалось 20 учеников, у другого – тоже 20, у третьего – 15, у мещанки – 4, у отставного солдата – 2 (всего – 61 чел.). В то же время в уездном училище с приготовительным классом числилось всего 37 учеников [196].

Пытаясь каким-то образом ограничить конкуренцию домашних учителей, министерство народного просвещения добилось принятия высочайшего повеления от 1 мая 1811 г. о взыскании с каждого содержателя частного пансиона ежегодного налога – 5 % с платы, получаемой за обучение школьников. 23 декабря 1811 г. повеление это было дополнено особым циркуляром, в котором пояснялось, что подобный налог должен собираться не только с содержателей частных пансионов, но и с других домашних учителей. Ограничения коснулись и иностран-

цев, преподававших в частных домах. 19 января 1812 г. было высочайше утверждено мнение министра о необходимости требовать от домашних учителей письменных свидетельств об их способностях и знаниях от российских училищных начальств.

Известно, что в Шадринске против незаконно работавших частных учителей были приняты достаточно строгие меры. В 1814 г. и 1817 г. шадринский городничий Подушкин собрал у них подписки «о неучении» незаконно городских детей. Подписки эти были взяты у отставного дьячка Ивана Бирюкова, бывшей просфорни Анны Григорьевны Мельниковой и отставного дьячка Евстафия Толшина. Всего у них тогда обучалось 12 мальчиков и 4 девочки [197].

Во многих других городах, однако, ограничения деятельности частных школ были не столь строгими. В литературе встречаются даже сведения о том, что представители власти – полицейские чиновники и исправники – иногда отказывались помогать учебному ведомству в сборе налога с частных учителей и содержателей пансионов. Слободской исправник в Вятской губернии, например, отозвался, что «хотя и обучаются крестьянские дети грамоте, или у церковнослужителей, или у подобных себе поселян, или навыкают к тому при писарях по правлениям, но чтобы и сим закрыть учение, я почитаю невозможным, сколько потому, что, кроме чтения и письма, никаких предметов им не преподается, столько и к уважению того, что крестьяне отсылать детей своих в город для обучения, по отдаленности и по бедному своему состоянию, не могут» [198]. Правительство, впрочем, и само скоро отошло от взимания дополнительного налога с частных учителей. Рескриптом на имя А.Н. Голицына от 5 декабря 1816 г. пятипроцентный сбор был отменен, ибо оказалось, что содержатели пансионов обращают его на родителей [199].

При крайнем недостатке учителей частные уроки существенно помогали образованным преподавателям поддерживать свое материальное благополучие. В 1890 г. «Исторический вестник» опубликовал очень интересные записки по этому поводу Н.Я. Афанасьева – сына учителя Якова Ивановича Афанасьева, работавшего в начале XIX в. в соседней с Уралом Тобольской гимназии. Н.Я. Афанасьев замечает о своем отце: «В Тобольске в то время он был единственным учителем, который мог преподавать предметы, входившие в курс тогдашней гимназии. Нечего и говорить, что время его было всегда нара-

схват, так что жил он не только безбедно, но даже роскошно, держал лошадей и т. д.» [200].

Подводя итоги, можно заметить, что несмотря на все старания училищного ведомства социальная потребность в просвещении и систематическом образовании в уральских городах формировалась очень трудно и медленно, встречая противодействие и дворян-консерваторов, и самих городских сословий. Причину тому историки видят в молодости российской культуры Нового Времени, неукорененности новой культурной традиции [201]. Тем не менее, конечно же, определенные успехи в развитии просвещения были достигнуты. Численность учащихся государственных общеобразовательных учебных заведений в уральских городах в первой четверти XIX в. выросла почти втрое. В два с половиной раза увеличился штат преподавателей. Среди них появились высококвалифицированные люди, выпускники педагогических институтов и университетов. Учителя стали неотъемлемой частью местного образованного общества, формировавшего новую культуру, новое мировоззрение. Их усилия, как и меры местной бюрократии, работали в пользу широкого распространения школьного образования.

Глава III

«ВРЕМЯ СТРАХА И ТРЕПЕТА...»: ГОРОДСКАЯ ШКОЛА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ. ШКОЛЬНЫЙ УСТАВ 1828 г.

Вторая треть XIX в., совпавшая с царствованием императора Николая I, стала временем серьезных изменений в культуре русской провинции. Правление этого монарха, утвердившегося на престоле после подавления восстания декабристов, традиционно характеризуется большинством историков как «апогей самодержавия», эпоха военно-династической диктатуры [1]. Для истории российской провинции итоги николаевского тридцатилетия, однако, вряд ли можно оценить однозначно негативно. Как признают современные исследователи, именно вторая четверть XIX в. стала началом подъема местной культурной жизни. Одну из причин этого В.Н. Козляков и А.А. Севастьянова видят в формировании новой государственной идеологии, доктрину которой выразила знаменитая триединая формула С.С. Уварова «православие, самодержавие, народность». Во внутренней политике столичная власть обратилась к нуждам местной губернской жизни, что имело далеко идущие последствия [2].

Историки вполне справедливо рассматривают генезис уваровской доктрины народности в контексте общеевропейского идейного движения первой трети XIX в. Европейская общественная мысль того времени развивалась в условиях кризиса философии Просвещения, порожденного событиями Великой французской революции и наполеоновского нашествия. Романтизм и национальные идеи, восторжествовавшие в литературе, философии и общественной мысли послевоенной Европы, были выражением самосознания народов, возрождения и становления их исторического бытия. По словам Г.Г. Шпета, Уваров «переписал задачу из западноевропейских тетрадок» [3].

Политический смысл теории С.С. Уварова, однако, принципиально отличался от современных ему идей западных интел-

лектуалов. А.Л. Зорин, обнаруживший одно из первых упоминаний триединой уваровской формулировки, замечает, что идея национального государства в Европе в ту пору чаще всего воспринималась как боевой лозунг для разрушения или более-менее глубокого реформирования сословно-династических режимов, господствовавших на Западе. Понимание нации как легитимирующей основы государственного строительства, по мнению исследователя, «облегчало путь к стиранию или, по крайней мере, уменьшению сословных перегородок и оформлению институтов народного представительства, что могло бы позволить различным европейским государствам ответить на вызов, брошенный революционной Францией». В России же, напротив, краеугольными камнями русской народности объявлялись те институты, для разрушения которых и появилась на свет идея народности – господствующая церковь и имперский абсолютизм [4]. Народные понятия С.С. Уваров неразрывно связал с троном и церковью, включив тем самым идею народности в арсенал сил, противостоящих ценностям западного либерализма. После прихода к власти Николая I уваровская триада стала необходимым компонентом новой официальной идеологии и правительственной системы. В соответствии с ней строился и процесс воспитания. В 1833 г. С.С. Уваров занял пост министра народного просвещения.

Надо заметить, что общее поправение идеологических начал образовательной политики наметилось еще при предшественниках С.С. Уварова, в последние годы царствования Александра I. Прямым вдохновителем формирования политической доктрины «официальной народности» историки считают адмирала А.С. Шишкова, назначенного руководителем министерства духовных дел и народного просвещения в 1824 г. [5]. Крайний националист и враг просветительных идей, Шишков видел задачу министерства в охране юношества «от заразы лжемудрыми умствованиями», пришедшими с Запада, и укреплении основ православной веры и императорской власти. В своих официальных заметках министр неоднократно указывал, что без веры и нравственности науки не составляют «благоденствия народного» и предлагал существенно ограничить сферу распространения науки и грамоты среди непривилегированного населения. Охранительную точку зрения А.С. Шишкова ясно формулирует часто цитируемое его высказывание о том, что науки могут быть полезны только тогда, когда они «как соль употребляются и пре-

подаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количество принесло бы более вреда, нежели пользы» [6].

На «национальных» принципах сословности министр решил провести коренную реформу российской учебной системы. Николай I поддержал эту идею. 14 мая 1826 г. последовал рескрипт императора на имя Шишкова о создании особого Комитета учебных заведений, целью которого был пересмотр уставов всех учебных заведений и введение единообразия в учебную систему, «дабы уже, за совершением сего, воспретить всякие произвольные преподавания учений, по произвольным книгам и тетрадям» [7]. В состав Комитета, под руководством А.С. Шишкова, вошли генерал-лейтенант князь К.А. Ливен, тайный советник М.М. Сперанский, граф К.А. Ламберт, тайный советник С.С. Уваров, генерал-лейтенант граф Е.К. Сиверс, действительный статский советник А. Шторх, граф С.Г. Строганов, попечитель Харьковского учебного округа статский советник А.А. Перовский [8].

В том же году император поручил некоторым литераторам и чиновникам представить свои соображения по поводу «воспитания юношества». Известны записки по этому поводу А.С. Пушкина, Ф.В. Булгарина, графа И.О. Витте, А.А. Перовского. Не касаясь вопроса о конкретных предложениях, изложенных в этих записках (многие из которых, кстати, были реализованы), можно отметить, что они явились отражением общественной мысли России начала николаевского царствования. Критически переоценивая трагический опыт декабризма, интеллектуальная элита второй половины 20-х гг. XIX в. искала возможности трезвого понимания исторического процесса. И именно проблема воспитания и просвещения, как справедливо отмечает Е.Л. Рудницкая, стала той идеологической первоосновой, опираясь на которую, стала решаться проблема судеб России во всем спектре противоборствующих идейных направлений [9].

Для русской мысли второй половины 20-х – начала 30-х гг. XIX в. было характерно отторжение революционных подходов и решений, присущих декабризму. Как консервативная, так и либеральная части общества сошлись в негативной оценке событий 14 декабря 1825 г. В высказываниях многих деятелей русской культуры преобладали консервативные настрое-

ния и идеи предохранения общества и молодежи от противозаконных поступков. Практическую программу действий, противостоящую радикализации общества, содержала, в частности, «Записка о народном воспитании», подготовленная в октябре-ноябре 1826 г., по поручению Николая I, Александром Сергеевичем Пушкиным. В основе «Записки», как отмечает Н. Эйдельман, лежала идея соответствия самодержавия уровню народного сознания того времени, признание «необъятной силы правительства, основанной на силе вещей». «Ничтожности» замыслов и средств декабристов Пушкин противопоставлял просвещение нации, прогресс, осуществленный сверху [10].

Одну из причин, вызывающих противозаконные поступки молодежи, А.С. Пушкин видел в недостатках российской системы воспитания, «или лучше сказать, отсутствие воспитания». Молодой человек, с точки зрения поэта, выходил из учебных заведений в свет без всяких основательных познаний, «без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние». Устранение этого недостатка виделось ему в том, чтобы увлечь молодежь в общественные заведения, подчиненные надзору правительства. Поэт считал, что юношество необходимо там удержать (на большое количество лет), дать ему время обогатиться познаниями, «созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм» [11]. Частное же воспитание, напротив, должно быть подавлено. Для этого, с точки зрения А.С. Пушкина, следовало стеснить продвижение в чинах молодым людям, получившим образование не в государственной школе. Точно так же необходимо ограничить карьеру человека, воспитанного за границей. Н. Эйдельман справедливо замечает, что поэт угадал намерение правительства: принцип единой государственной школы и обязательной государственной идеологии в воспитательном процессе стал одной из основных идей образовательной реформы Николая I. С А.С. Пушкиным были солидарны многие литераторы и издатели литературных журналов того времени. «В России должно делать заговоры не с народом противу царя, а с царем против народа, – писал С.П. Шевырев, – ибо в народе главное препятствие к образованию, а в царях всегда есть желание оного по толчку, данному Петром Великим, несмотря на немногие уклонения» [12].

Надо отметить, что подобные заявления во многом были вызваны ожиданиями прогрессивных перемен. В начале своего царствования Николай I был воспринят обществом как царь-

преобразователь. Казалось, что новый император сможет серьезно заняться реформированием России. Ожидания эти были не беспочвенны. В Манифесте от 13 июля 1826 г. Николай I провозглашал, что он намерен идти путем «постепенного усовершенствования» страны, «утверждения силы законов», «расширения истинного просвещения и промышленности» [13]. Отношение венценосца к образованию и просвещению, однако, было далеко не идентично устремлениям неправительственной культурной элиты. Европейское просвещение вызывало у монарха неприязнь и опасения. Предпринимаемые им меры к исправлению системы воспитания и образования были направлены на ограничение европейского влияния в стране. Р.Г. Эймонтова назвала изменения в общем направлении правительственной образовательной политики николаевского тридцатилетия решительным поворотом: прежнее покровительственное отношение правящих кругов к просвещению сменилось сугубо настороженным [14]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Руководящим началом для министра народного просвещения А.С. Шишкова стал высочайший рескрипт от 19 августа 1827 г., в котором было заявлено, что правила образования и воспитания должны быть «по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся». «До сведения моего дошло между прочим, – писал Николай I, – что часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях; от сего происходит вред двоякий: с одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училище уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах или через то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию» [15]. Для того чтобы предупредить подобные последствия, царский рескрипт запретил поступление в университеты и гимназии лицам «несвободных состояний». Это решение было законодательно подтверждено в 1837 г.

Комитет для пересмотра существующих постановлений о приеме в учебные заведения людей несвободных состояний, образованный в 1837 г., подготовил рескрипт министру народного просвещения, предписывавший ему бдительно следить за сословным составом государственных училищ. Согласно рескрип-

ту, высочайше утвержденному императором, лица крепостного состояния могли приниматься в высшие и средние учебные заведения только после того, как они получат от своих помещиков увольнительные свидетельства. Программа же обучения в школах для крепостных людей (в том числе и в частных) не должна была превышать круг общеобразовательных дисциплин уровня приходских и уездных училищ.

Свои мотивы к ограничительным мероприятиям Комитет формулировал достаточно ясно: «Крепостные люди, хотя по рекрутству и подушной подати принадлежат к состоянию сельских обывателей, но они составляют в нем особое сословие, отделяющееся от прочих тем, что люди сии не имеют свободы переходить из одного сословия в другое, разве будут отпущены на волю. Сия неподвижность их состояния должна была по необходимости ограничить и степень их образования. Какая может быть цель расширить круг их познаний, когда круг их действия определен неподвижными границами крепостного состояния. Необходимым и весьма естественным последствием сего противоречия между умственным образованием и личным положением должно быть в одних глубокое чувство огорчения, в других отчаянная предприимчивость разорвать узы их отягощения» [16].

Политические опасения были основной причиной и других сословных ограничений в средней школе. 14 июля 1845 г. появился указ «О требовании увольнительных свидетельств от поступающих в гимназии детей купцов и мещан» [17]. Требование это было подтверждено указом от 21 марта 1849 г. Указ заявлял, что допускаются к обучению в гимназиях только лица, имеющие права государственной службы. Представители всех других «свободных состояний» (кроме детей купцов первой гильдии) должны при поступлении в гимназию предварительно уволиться из их прежнего сословного общества [18].

Ограничительные меры усиливали сословную направленность школьного Устава 1828 г., хотя сам законодательный документ («Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского», принятый 8 декабря 1828 г.) никаких обязательных правил для сословного ограничения образования в стране не давал. Это заметил и подчеркнул еще в начале XX в. официальный историограф министерства народного просвещения С.В. Рождественский [19]. Обсуждая проект Устава средних и низших школ в 1828 г., Комитет учебных заведений со-

гласился с мнением князя К.А. Ливена о невозможности создания сословных перегородок в учебной системе России. «В Российском государстве, – утверждал князь, – где нет среднего или гражданского состояния, где одно только купеческое сословие некоторым образом представляет оное, где ремесленник по всем отношениям равен земледельцу и всегда почти больше развращен, где достаточный крестьянин во всякое время может сделаться купцом, а часто бывает тем и другим вместе, где линия дворянского сословия столь необозримое имеет протяжение, что одним концом касается до подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется, где ежегодно многие из гражданского и крестьянского сословий чрез получение военного или гражданского офицерского чина поступают в дворянство – в Российском государстве таковое устройство училищ затруднительно» [20]. Ни одна из статей Устава не ограничила четко сословную принадлежность школ. Напротив, уездные училища объявлялись «открытыми для людей всех состояний» [21].

Организация учебной работы, однако, в соответствии с новым Уставом, была изменена достаточно заметно. Прежняя система, связывавшая все общеобразовательные учебные заведения в одну непрерывную цепь, была разрушена. Три типа школ, созданных в начале XIX в., сохранялись (приходское училище – уездное училище – гимназия), но основной принцип подготовки в них изменился. Если прежний Устав 1804 г. давал каждому учащемуся возможность не только получать законченную подготовку «соответственно потребностям известного класса», но и продолжать обучение в училищах высшего разряда, то новый закон отдавал предпочтение другой цели – в первую очередь давать законченное образование тем, кто не пожелает его продолжить. Курс образования при этом в каждом разряде школ был приурочен к потребностям обучающегося в них населения.

Двоякая цель была оставлена лишь для гимназий. Учреждение губернских гимназий, согласно Уставу 1828 г., призвано было «доставить способы приличного по званию их воспитания тем из молодых людей, кои не намерены, или не могут продолжать учение в университетах; а готовящихся вступить в оные снабдить необходимыми для сего предварительными познаниями» [22]. Людям нижних состояний должны были давать «первоначальные, более или менее всякому нужные сведения» приходские училища, детям купцов, ремесленников и других городских обывателей – уездные училища.

Строго сословными объявлялись «благородные пансионы» при гимназиях, начало которым положил Устав 1828 г. Пансионы создавались для того, чтобы сделать государственные средние учебные заведения привлекательными прежде всего для дворян. Это были воспитательные заведения, питомцы которых получали курс наук в гимназиях вместе с другими учениками, но жили отдельно, в закрытом корпусе. Вне классов для дворянских детей вводилось дополнительное «благородное» воспитание: их обучали навыкам пения, музыке, танцам и фехтованию. Пансионы открывались по разрешению министра народного просвещения в том случае, если число их воспитанников достигало не менее 20 человек. Для принятия ученика в пансион требовалась справка о его происхождении из потомственных или личных дворян, а также свидетельство о состоянии родителей. Обучение и проживание в пансионе было платным. Для помощи бедным родителям, из дворян или чиновников, государственное казначейство ежегодно отпускало на содержание нескольких воспитанников определенную сумму.

Новшеством, по сравнению с Уставом 1804 г., стало введение в гимназиях должности почетного попечителя, избираемого из местного дворянства. Эта должность должна была способствовать привлечению внимания к гимназиям местного «благородного» общества. Согласно Уставу, особой статьей заботы попечителя были гимназические пансионы. Главная его обязанность состояла в том, чтобы изыскивать средства для открытия и содержания пансионов при гимназиях. Помимо этого, попечитель получал регулярные сообщения директора о состоянии дел в гимназии, мог присутствовать на заседаниях совета гимназии, участвовать в испытаниях кандидатов на должность учителей. Дворянин, избранный на должность почетного попечителя гимназии, пользовался преимуществами чиновников 5-го класса [23].

При проведении учебной реформы 1828 г. правительство уделило самое серьезное внимание состоянию учебного дела в гимназиях. Именно гимназическая молодежь была предметом особой тревоги и забот монарха и его окружения. В 1828 г. А.Х Бенкендорф докладывал императору: «Молодежь, т.е. дворянчики от 17 до 25 лет, составляют в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродов мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разных формах и чаще всего прикрывающийся маской русского патриотизма» [24]. Согласно новому Уставу, молодых людей пред-

полагалось на достаточно долгое время удалить из общества и поместить под строгий присмотр начальства в закрытом государственном учреждении, что, по мнению правительства, давало возможность «перекипеть» их страстям и радикальным настроениям. Срок обучения в гимназиях увеличивался с четырех до семи лет. Для поступления в них требовалось знание грамоты. Программа гимназии соединила курс бывшего уездного училища и гимназии и добавила к ним еще один учебный год.

Обсуждение учебной программы губернских гимназий вызвало бурные дискуссии в Комитете учебных заведений. Все участники Комитета были согласны в том, что необходимо уйти от прежнего энциклопедизма и многопредметности в гимназиях и давать детям «более основательное, нежели обширное, образование» [25]. Решено было перейти к системе классического образования, существовавшей в европейских средних учебных заведениях еще с XVII в. Спор возник о том, насколько широкой должна быть языковая подготовка в гимназиях и какие именно языки следует в них изучать. В конце концов, после активного вмешательства императора, решено было ввести в учебный курс гимназий, состоящих при университетах, дополнительное изучение греческого языка, в остальных же гимназиях оставить преподавание латинского, немецкого и французского языков.

На протяжении николаевского царствования учебный план гимназий несколько раз менялся. Уставом 1828 г. он формулировался в следующем виде: «Курс учения в губернских гимназиях разделяется на семь классов; для каждого назначается по одному году. В оных преподаются: 1) Закон Божий, священная и церковная история; 2) российская грамматика, словесность и логика; 3) языки: латинский, немецкий и французский; 4) математика до конических сечений включительно; 5) география и статистика; 6) история; 7) физика; 8) чистописание, черчение и рисование» [26] (из прежних программ, введенных Уставом 1804 г., в 1828 г. были изъяты изучение основ философии, эстетики, риторики, оснований естественной истории, политической экономии и коммерции, сокращено было также и преподавание математики). В 1844 г. утвержденный Уставом 1828 г. учебный курс гимназий был несколько изменен. Из него исключили отдельное преподавание статистики. В 1846 г. было отменено преподавание начертательной и аналитической геометрии, в 1847 г. – логики [27]. После европейских революционных событий 1848 г. у некоторых деятелей учебного ведомства сомнение стали вызывать са-

ми основы классического образования, которое, с их точки зрения, могло привести к увлечению молодежи республиканскими учреждениями классического мира. На основании высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 21 марта 1849 г. объем преподаваемых классических дисциплин в гимназиях был сокращен. Обучение в них разделили на общее и специальное. Классические языки в качестве специального предмета стали преподаваться только в старших классах и лишь для тех, кто желал после гимназии продолжить свое обучение в университете. Для поступающих же на военную службу вместо древних языков вводилась математика, а для подготовляющихся к гражданской службе – русское законоведение [28]. Разделение курса обучения в гимназиях на два отделения должно было, во-первых, ограничить прилив молодых людей в университеты, а во-вторых, сделать гимназическое образование более реальным, приближенным к практике.

Основной причиной изменений учебного курса гимназий были охранительные, политические побуждения правительства [29]. В конце 1840-х гг. тучи сгустились и над университетами. 8 декабря 1846 г. появилось циркулярное предложение министра народного просвещения о недопущении в университеты лиц, не имеющих законных доказательств о своем происхождении [30]. Летом 1847 г. слушание университетских лекций было запрещено вольнослушателям, что прямо мотивировалось «видами правительства ограничить необдуманное стремление молодых людей из низших сословий к высшему образованию» [31]. В 1849 г. ограничили и число «своекоштных» студентов: в каждом университете их положено было иметь не более трехсот «с воспрещением приема студентов, доколе наличное число не войдет в сей узаконенный размер» [32]. Университетским профессорам запрещались любые поездки за границу. Библиотеки не получали зарубежную литературу без предварительной цензуры. Эти и другие правительственные меры до предела стеснили научную работу и преподавание в России, ограничили популяризацию знаний. На печать и просвещение была обрушена волна запретов. По выражению современника, со времени февральской революции во Франции наступило «царство мрака в России» [33].

Просвещенный граф С.С. Уваров для проведения такой репрессивной политики оказался неугодным. За статью И.Д. Давыдова в защиту университетов, напечатанную, с согласия министра, в 1849 г. в одном из столичных журналов, он получил высо-

чайший выговор и 20 октября того же года подал прошение об отставке [34]. Пост министра народного просвещения занял князь П.А. Ширинский-Шихматов. Через три года его сменил А.С. Норов, известный, как и П.А. Ширинский-Шихматов, своими охранительными взглядами. В духе Л.М. Магницкого, П.А. Ширинский-Шихматов докладывал царю, что «все положения науки должны быть основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием» [35]. В учебных заведениях насаждалась твердая дисциплина, усиливались религиозно-нравственные основы образования.

По мнению И. Алешинцева, в период управления министерством П.А. Ширинского-Шихматова и А.С. Норова заметно усилилось влияние на ход учебного процесса самого Николая I, предпочитавшего реальное направление в образовании [36]. В 1850 г., по решению императора, был создан особый Комитет для рассмотрения постановлений и учреждений по министерству народного просвещения во главе с министром П.А. Ширинским-Шихматовым. В состав Комитета вошли статс-секретарь граф Д.М. Блудов, граф Н.А. Протасов, барон М.А. Корф, Н.Н. Анненков и Я.И. Ростовцев. Комитет вновь подчеркнул необходимость приближения программ учебных заведений к потребностям жизненной практики. В соответствии с высочайшим указом от 12 октября 1851 г. и циркулярным предложением министра от 12 мая 1852 г., гимназии получили новые учебные планы, уменьшившие в очередной раз начала классического образования. В гимназиях было усилено преподавание естественных наук [37].

14 мая 1852 г. новые учебные планы были разосланы по гимназиям. Гимназии при этом, согласно высочайшему указу, разделялись на три типа: в первом преподавались естественная история и законоведение, во втором – одно законоведение и в третьем – латинский и греческий языки [38]. Гимназии Пермской, Вятской и Оренбургской гимназий были причислены к первому разряду. В 1852 г. в них преподавались: Закон Божий, русский язык, математика, физика и математическая география, история всеобщая и русская, география, естествоведение, немецкий и французский языки, чистописание, черчение и рисование. Кроме того, для гимназистов, готовящихся к гражданской службе, с четвертого класса давались уроки русского законоведения, а для поступающих в университет – латинский язык [39]. В Вятской гимназии, помимо того, желающие могли посещать еще и уроки греческого языка [40]. В Оренбургской гимназии в число общих

предметов, изучаемых с четвертого класса, вошел старотюркский язык. С ходатайством об этом выступил в 1851 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский. Он считал, что изучение языка облегчит будущим чиновникам ведение дел с местным населением и восточными соседями, а также поможет ускорить делопроизводство и освободит казну от расходов, требовавшихся на содержание переводчиков [41].

С.Г. Мирсаитова заметила, что отступления в учебной программе от общего стандарта в Оренбургской гимназии начались еще в 1844 г. Инициатором их стал сенатор Пещуров, посетивший губернию в 1843 г. Сенатор обратил внимание на острую нехватку в крае канцелярских чиновников. Для того чтобы решить эту проблему, он предложил министерству народного просвещения распространить на Оренбургскую губернию Положение 1837 г. «О сибирских и кавказских губерниях по облегчению чиновникам способов к образованию своих детей». Опираясь на этот законодательный акт, можно было ввести в преподавание гимназии законоведение и судопроизводство, а также открыть пансион для большого числа казеннокоштных воспитанников. Согласно закону, выпускники пансиона, а также студенты, подготовленные на казенном содержании в университете, обязаны были в течение некоторого времени проработать в губернии, что решало задачу обеспечения гражданского ведомства квалифицированными кадрами. Предложения сенатора были приняты. В 1844 г. в Оренбургской гимназии было введено преподавание законоведения и судопроизводства, а вскоре открыт и «благородный» пансион [42].

Параллельно с изменениями в учебном курсе в заведениях министерства народного просвещения второй четверти XIX в. проводилось ужесточение дисциплинарных мер. Непосредственное руководство гимназией Устав 1828 г. оставил за директором, который утверждался в сем звании министром народного просвещения. Директор гимназии, как и прежде, считался начальником всех казенных училищ губернии. Его надзору подчинялись и частные пансионы. Руководитель губернской дирекции обязан был еженедельно обозревать все находящиеся в губернском городе учебные заведения, а также посещать прочие школы губернии, обращая при этом особое внимание на то, чтобы все учебные предметы были преподаваемы по книгам и программам, одобренным правительством. Заботился он также и об улучшении материального состояния подведомственных училищ. Отчет

о работе учебных заведений директор направлял попечителю учебного округа [43]. Статус директорской должности во второй четверти XIX в. был повышен. С 1837 г. директора гимназий стали иметь не 7-й, а 6-й класс в Табели о рангах [44].

Новшеством Устава 1828 г. стало введение должности инспектора. Он назначался из числа старших учителей гимназии в помощь директору. Обязанностью инспектора был надзор за преподаванием и «нравственной частью» воспитанников гимназии [45]. Система надзора за воспитанниками гимназий касалась как мыслей и поведения, так и внешнего вида гимназистов. Ежедневно инспектор посещал все классы и наблюдал за поведением учеников и работой учителей. Циркуляры министра народного просвещения предписывали строжайший надзор за тем, чтобы «в книгохранилищах, назначенных для употребления учеников, не было книг, противных вере, правительству и нравственности и чтобы подобные сочинения отнюдь не обращались в руках их». Особое внимание обращалось на то, чтобы «в поведении и поступках начальствующих и преподавателей в учебных заведениях не было чего-либо соблазнительного, чтобы между ими не были терпимы какие-либо беспорядки, лишающие их уважения местных начальств и доверенности родителей». За поведением учащихся, помимо инспектора, следили надзиратели. Они предохраняли воспитанников «от пороков, дурных связей, неприличного обращения и знакомства» [46].

Особенно серьезные меры надзора за преподаванием были введены в 1848 г. после революционных выступлений в Европе. Для попечителей учебных округов тогда была издана специальная инструкция, предписывавшая обратить особое внимание «на благонадежность начальников, наставников и воспитателей, употребленных к образованию юношества». Со времени издания этого циркуляра в министерство стали поступать особые донесения попечителей «о духе и направлении преподавания» [47].

Согласно Уставу 1828 г., в учебных заведениях было разрешено применение телесных наказаний. В гимназиях надзор за наказаниями учеников поручался инспектору. Самые строгие телесные наказания при этом Устав разрешал применять лишь по решению совета гимназии. Совет гимназии включал директора, инспектора и старших учителей гимназии. Заседания педагогических советов проводились ежемесячно. Два раза в год совет выслушивал отчеты дирекции об управлении гимназией и прочими подведомственными училищами. На эти собрания пригла-

шались почетный попечитель гимназии и губернский предводитель дворянства. В функции совета также входило рассмотрение всех важнейших дел, касающихся учебных заведений дирекции [48]. Определения его должны были исполняться беспрекословно [49].

Надо отметить, что правильная организация деятельности советов гимназий стала одним из положительных элементов Устава 1828 г. Педагогические советы, коллективно обсуждавшие проблемы улучшения методики преподавания, стали одним из важных рычагов становления и развития педагогической профессии. Главной задачей их, согласно Уставу, считалось «сохранение и утверждение хорошей нравственности» между воспитанниками гимназии и всех других училищ губернии.

Под строгим контролем училищного начальства находились воспитанники благородных пансионов. Начальниками этих воспитательных заведений считались директора гимназий. Их помощниками – инспектора. Инспектор имел квартиру в самом доме пансиона. Помимо этого при пансионе работали особые комнатные надзиратели и эконом. На 15 воспитанников полагался один комнатный надзиратель. В 1840 г. кроме комнатных надзирателей при пансионах гимназий были введены еще и старшие комнатные надзиратели – по одному на 48 воспитанников [50]. Устав предписывал принимать в надзиратели лиц, свободно владеющих французским или немецким языком. Служащие должны были беспрерывно находиться вместе с воспитанниками пансиона, иметь с ними общий стол, по очереди ходить в классы, ночевать в одних комнатах и даже следить за разговорами, «замечая и поправляя делаемые ими ошибки против языка, приличий или вкуса». Надзиратели наблюдали, чтобы воспитанники не читали не одобренных инспектором книг и вообще «не дозволяли себе ничего неприличного благородным и благовоспитанным юношам» [51].

В свободные от учения дни воспитанники пансионов могли посещать дома своих родителей, но не иначе как по особенному приглашению из дома и в сопровождении присылаемых за ними людей. Уходя из пансиона, ученик получал от инспектора специальный билет, в котором обозначалось, когда и на какое время он отпущен. По возвращении билет сдавался обратно инспектору, и тот проверял, когда ученик отпущен из дому и в какое время он вернулся. Наедине с собой ученик не мог остаться ни на минуту. Его поведение могло подвергаться наблюдению посто-

янно. Согласно Уставу, для гимназистов была разработана специальная форма. Воспитанники из дворян носили мундир по образцу университета – с белыми пуговицами и одной серебряной галунною петлицей на воротнике, разночинцы – синие сюртуки с воротниками такого же цвета, как на мундирах учебного округа. Поверх мундира надевались серые шинели [52].

Окружную систему управления учебными заведениями Устав 1828 г. сохранил. При университетах продолжали действовать училищные комитеты, коллегиально руководившие деятельностью местных училищ. Отменен этот принцип руководства был несколько позднее, после прихода к управлению министерством С.С. Уварова. Положение об учебных округах 1835 г. лишило университеты их прежних административных функций, все функции училищных советов перешли к попечителям, которые теперь являлись единоличными начальниками учебных заведений округа [53]. Именно попечители как официальные руководители учебных округов стали с этого времени непосредственно принимать донесения от директоров и инспекторов лицеев, училищ и гимназий, а также избирать чиновников на эти ответственные должности. Для усиления контроля за деятельностью казенных и частных учебных заведений на местах с 1836 г. стали создаваться дирекции училищ. Подбор чиновников дирекции также находился под строгим контролем попечителя округа.

Училищные комитеты университетов с 1835 г. прекратили свою деятельность, остановились и регулярные визитации профессоров. Окончательно, однако, университеты не устранились от контроля за состоянием дел в казенных училищах. Во всех мероприятиях, требующих «ученых соображений» (теория и методика преподавания, содержание учебных программ и пособий и т.д.), попечитель по-прежнему прибегал к помощи университетских преподавателей. Для этих целей при нем создавался совет попечителя, в который входили помощник попечителя, ректор университета, инспектор казенных училищ, директор губернской гимназии университетского города. Инспектор казенных училищ регулярно осматривал учебные заведения округа, доводя сведения о результатах своего осмотра попечителю. С этой целью попечитель мог отправить в губернию любого профессора или адъюнкта, наблюдая, правда, чтобы «таковые поручения не затрудняли хода преподавания» [54].

Дореволюционные и советские историки видели в преобразованиях 1835 г. выражение охранительных начал школьной ре-

формы 1828 г. Современные исследователи оценивают их не столь однозначно. Ф.А. Петров и Д.А. Гутнов вполне справедливо указывают в своей статье, что С.С. Уваров, окончательно разграничив высшую и среднюю школу, дал возможность университетам сосредоточиться на решении собственных учебных и научных задач, что во многом определило подъем университетского образования в 1840-е гг. Николай I при этом, по мнению историков, не покусился на университетскую автономию. Хотя противоречия между «учеными республиками» и самодержавно-бюрократическим аппаратом в николаевское тридцатилетие сохранялись, «общий удельный вес университетских корпораций в русском обществе повысился благодаря консолидации ученого сословия и осознания им своей профессиональной и культурно-просветительской миссии» [55].

Сословный характер гимназий поддерживался за счет достаточно высокой оплаты образования. Согласно «Правилам о взимании платы за учение с приходящих учеников гимназий и дворянских уездных училищ», утвержденным Главным правлением училищ 11 декабря 1837 г., гимназии в различных губерниях разделялись на два разряда. В гимназиях первого разряда вводилась оплата в размере 15 рублей ассигнациями в год, в гимназиях второго разряда – 10 рублей ассигнациями. Уральские гимназии (Пермская, Вятская и Уфимская) были отнесены ко второму разряду. Плата за обучение в гимназии вносилась по полугодиям – к 1 января и 1 июля. Освобождались от оплаты дети учителей и чиновников, служивших при гимназиях, воспитанники приказов общественного призрения, сироты и дети «недостаточных родителей» в том случае, если могли предоставить свидетельство о своей бедности. Облегчались условия оплаты и для членов одной семьи, учившейся в гимназии. Если в одной гимназии учились двое или больше братьев, а родители были не в состоянии за них заплатить, то плата взималась сполна лишь с одного учащегося, за остальных платили половину. Собиравшаяся с учеников плата ежегодно распределялась на две равные части. Одна предназначалась для увеличения экономического капитала гимназии, другая отсылалась в департамент народного просвещения и присоединялась к пенсионному капиталу для учителей приходских училищ [56].

В 1842 г. эти правила были несколько изменены. Пенсии для приходских учителей стали формироваться из специального капитала [57]. Сборы же за обучение в гимназиях поступали на на-

грады отличившимся учителям и пособия бедным воспитанникам. Оставшиеся после выдачи этих пособий капиталы могли быть использованы на нужды учебного заведения. Плата за обучение в 1842 г. практически не изменилась: в гимназиях первого разряда она составляла 4 рубля серебром, в гимназиях второго разряда – три рубля серебром. Пермская, Вятская и Оренбургская гимназии остались во втором разряде [58].

Подобным образом в гимназиях в 1840-е гг. было собрано около 300 рублей, что стало, однако, весьма незначительным прибавлением к училищному капиталу. В 1845 г. плата за обучение была увеличена до 5 рублей серебром [59]. Решение об увеличении платы преследовало прежде всего сословно-ограничительные цели. Обосновывая необходимость повышения платы за обучение, С.С. Уваров в 1845 г. докладывал царю, что оно необходимо «не столько для усиления экономических сумм учебных заведений, сколько для удержания стремления юношества к образованию в пределах некоторой соразмерности с гражданским бытом разнородных сословий» [60]. Благодаря этой мере, как утверждал С.С. Уваров, «гимназии сделаются преимущественно местом воспитания для детей дворян и чиновников; среднее же сословие обратится в уездные училища» [61].

Повышение платы за гимназическое образование стало действенным средством, препятствовавшим распространению среднего образования среди непривилегированных слоев населения. Один из вятских гимназистов-разночинцев вспоминал, что самыми тягостными днями для него во время занятий были периоды сбора оплаты за обучение. Инспектор гимназии при этом шел по коридору, напоминая о сроке оплаты: «Деньги, деньги!». «А большинство учеников, – пишет гимназист, – беднота, и слова эти раздавались в ушах, как звон погребального колокола» [62].

Важным положительным моментом Устава 1828 г. было увеличение государственных расходов на содержание школ. По сравнению с 1804 г., штатное финансирование гимназий выросло в 4 раза, уездных училищ – почти в 3,5 раза (табл. 14). Основной рост государственных расходов произошел за счет увеличения заработной платы учителям (в 2–3 раза). Увеличились также (примерно в 2–3 раза) и расходы на содержание училищных домов, учебных кабинетов, библиотек. Помимо штатного финансирования из казны, сохранились и источники обеспечения школ, введенные еще Екатериной II. Устав 1828 г. обязал городские думы и приказы общественного призрения отпускать на

Таблица 14

Устав 1828 г. о финансировании гимназий и уездных училищ*

Наименование училищ	Штатные должности	Численность служащих, чел.	Штатное жалованье, на 1 человека в год, руб. асс.		Другие статьи расходов	Общая сумма расходов, в год, руб. асс.	
			В губерниях первого разряда (Пермская)	Губернии второго разряда (Вятская, Оренбургская)		Губернии первого разряда (Пермская)	В губерниях второго разряда (Вятская, Оренбургская)
Губернская гимназия	Директор	1	2500	2250		2500	2250
	Инспектор	1	2000	1800		2000	1800
	Учителя:						
	старшие	6	1875	1625		11250	9750
	младшие	3	1200	1200		3600	3600
	учитель рисования	1	900	900		900	900
	законоучитель	1	1000	1000		1000	1000
	письмоводитель	1	600	600		600	600
	канцелярский служитель	1	200	200		200	200
					Разъезды директора	750	750
					Одежда и паек канцелярского служителя	100	100
					Библиотека и собрание инструментов	750	750
					Награды ученикам	150	150
					Канцелярские припасы	250	250
					Содержание дома, служителей и пр.	2250	2250
Итого:						26300	24350
Уездное училище	Смотритель	1	1000	875		1000	875
	Учителя:						
	наук	3	750	700		2250	2100
	рисования	1	250	200		250	200
	законоучитель	1	500			500	500
					Разъезды смотрителя	200	200
					Награды ученикам	50	50
					Содержание дома, служителей и пр.	1000	875
Итого:						5400	4950

* Источник: ПСЗ-II. Т.3. № 2502, 8 дек. 1828 г.

нужды образования прежние суммы [63]. Циркулярным письмом министра народного просвещения от 26 сентября 1831 г. разъяснялось, что эти суммы должны расходоваться преимущественно на постройку и починку училищных зданий [64].

Заметное улучшение материальных условий работы школ и упорядочение их учебного курса Уставом 1828 г. были положительно оценены современниками. В дневнике профессора А.В. Никитенко за 1828 г. мы читаем: «Меня поразил дух сего Устава. Намерение разлить просвещение в низших классах столь решительно и выражено в столь сильных мерах, что даже, кажется, преступлены границы благоразумной постепенности» [65]. Современные историки оценивают замыслы царского правительства не столь восторженно. Е.К. Сысоева в очерке, посвященном развитию народной школы в дореволюционный период, отмечает, что народное образование не вошло в число приоритетных статей государственных расходов. Доля министерства народного просвещения в бюджетных ассигнованиях не только не росла, но и сокращалась: в 1844 г. она составляла 1,4%, в 1852 г. – 1% [66]. Надо заметить, однако, что несмотря на эти ограничения предпринятые правительством меры позволили достичь существенных успехов в распространении школьного образования.

ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УРАЛЬСКИХ ГОРОДАХ

Реализация нового школьного Устава в России началась в 1832 г. В марте Комитет устройства учебных заведений одобрил подробные учебные планы гимназий и уездных училищ, которые были подготовлены специально собранной комиссией из профессоров и директоров гимназий. При циркуляре министерства от 29 июня 1832 г. планы были разосланы по учебным округам [67]. Помимо подготовки подробных учебных планов, подготовительным мероприятием для реализации школьного Устава 1828 г. стало составление новых учебников. Специально образованный для рассмотрения учебных пособий комитет, состоявший сначала под руководством Шторха, а затем Перовского и Балугьянского, в 1832–1837 гг. просмотрел до 1960 печатных и рукописных сочинений и переводов учебных пособий. На их основе было составлено 39 основных учебников, которые были

распространены по гимназиям и начальным училищам. Продажа их стала монополией министерства народного просвещения [68].

Попечитель Казанского учебного округа получил предписание о начале преобразований в 1835 г. [69]. Изменение работы учебных заведений происходило в соответствии с общими решениями министерства. Условия преобразовательной деятельности училищной администрации на Урале в николаевское время были гораздо более благоприятными, чем в начале XIX в. Отношение горожан к образованию в это время заметно изменилось. Способствовали тому и меры правительства, стремившегося «приохотить» жителей к образованию, и сложившийся к этому времени фактор семейной традиции. Выпускники учебных заведений, не имели прежнего предубеждения против школ, они охотно отдавали своих сыновей в училища и гимназии, а если позволяли средства, жертвовали деньги на развитие просвещения.

Надо заметить, что гимназии в это время практически лишились своих благотворителей из числа состоятельного купечества. Купцы, очевидно, не считали себя обязанными поддерживать учебные заведения, официально назначенные для обучения дворянских детей. Исключением была, пожалуй, лишь Пермская гимназия, пострадавшая в 1842 г. от страшного пожара. На восстановление гимназии поступили большие благотворительные средства. Пожар полностью уничтожил здание гимназии. Сгорела почти вся училищная мебель, более половины книг из фундаментальной библиотеки, значительная часть физических приборов и других учебных пособий. После пожара гимназию разместили в доме дворянского собрания, с арендной платой по 150 рублей ассигнациями в месяц, что было, конечно же, крайне неудобно. Для того чтобы не мешать проведению клубных вечеров, служащим школы приходилось чуть ли не каждый вечер освобождать классные комнаты, убирая парты, кафедры и доски, а утром, чтобы продолжить занятия, вновь заполнять их.

Новое здание для гимназии на месте сгоревшего было отстроено учебным ведомством в октябре 1849 г. Для этого потребовалось около 47 тысяч рублей серебром (164 500 руб асс.). Капитал этот был получен из Государственного казначейства [70]. Учебные кабинеты и библиотека восстанавливались с помощью жителей губернии. Для физического кабинета гимназии в 1842 г. для нее были заказаны у московского оптика Кони 34 инструмента, которые, по словам директора училищ Петра Васильева, «с избытком» восстановили потерянные во время пожара учеб-

ные пособия. Оплатил заказ верхотурский купец 1-й гильдии почетный гражданин Павел Бронников. Купец проживал в это время по большей части в Москве, где занимался не только торговлей, но и общественной деятельностью. Он состоял действующим членом общества любителей коммерческих знаний при Московской практической академии, что давало ему, по словам П. Васильева, права чиновника 6-го класса. Физические инструменты вместе с упаковкой и транспортировкой должны были обойтись П. Бронникову почти в 5 тысяч рублей ассигнациями. Директор училищ П. Васильев считал, что такое крупное пожертвование купца, вместе с другими дарами в пользу училищ Пермской губернии, должно быть замечено и отблагодарено. В декабре 1842 г. он ходатайствовал о награждении П. Бронникова орденом Святого Станислава III степени [71]. Награждение П. Бронникова, как свидетельствует отношение министра народного просвещения попечителю Казанского учебного округа, осталось «без высочайшего соизволения» [72]. Но это не остановило благотворительной деятельности купца: пожертвования в пользу гимназии и других учебных заведений губернии продолжали поступать: в 1844 г. он передал для физического кабинета гимназии еще одно достаточно дорогое приспособление – большую электрическую машину стоимостью около 215 рублей серебром (около 753 руб. асс.) [73].

Определенный взнос в восстановление гимназии внесли и почетные смотрители уездных училищ. В 1845 г. почетные смотрители Кунгурского и Соликамского уездных училищ пожертвовали гимназии около 517 рублей асс. [74]. Почетный смотритель Шадринского уездного училища коллежский секретарь Виктор Федорович Базилевский перевел сюда в 1843 г. около 1000 рублей ассигнациями. [75].

Среди жертвователей гимназии были представители разных общественных слоев. В 1843 г., например, небольшие денежные взносы в гимназию передали купцы Н.К. Крылов (50 руб. асс.), Е.Н. Грачев (50 руб. асс.), Я.И. Тиханов (35 руб. асс.) и В.М. Михайлов (15 руб. асс.). В том же году сюда поступили от коллежского асессора М. Сведомского небольшая электрическая машинка, два кокосовых ореха и бронзированный слепок из гипса, представляющий знаменитый золотой самородок, найденный в Миасском руднике; от управляющего Нижне-Тагильскими заводами Демидовых Павла Данилова – термометр Реомюра в сафьяновом переплете, небольшой магнит, оправленный медью, мед-

ный сосуд в виде вазы для воды и десять гипсовых слепков для рисовального класса, представляющих собой части тела человека; от управляющих Новоусольскими соляными промыслами Строгановых – две прописи и складной стол для рисования, а от управляющих князей Голицыных – образа в рамках, линейки и треугольники [76]. В 1852 г. кунгурский купец 1-й гильдии Юхнев снабдил гимназию новой мебелью [77].

Благотворители помогли восстановить и пополнить фундаментальную библиотеку гимназии. Для библиотеки передавались денежные средства и книги. Еще до пожара, в 1839 г., в библиотеку учебного заведения поступило полное собрание сочинений А.С. Пушкина. Передал его пермский уездный судья Солодовников [78]. В 1843 г. на пополнение библиотеки и учебных пособий разными лицами было передано около 440 рублей. Коллежский асессор Сведомский пожертвовал гимназии хронологический и географический атлас стоимостью около 50 рублей ассигнациями, полный курс чистой математики Франкера, стихотворения Грамматина и практическую грамматику Греча. Штаб-лекарь села Новоусолье Разнотовский передал сюда подборку журналов «Приятное и полезное препровождение времени» в 20 частях, а также 9 книг, среди которых были басни и сказки Хемницера, этнографические записки Александра Фукса о татарах и чувашах и другие издания. Наследники А.П. Сивкова пожертвовали в гимназию 23 книги, среди них – Древняя российская вивлиофика издания Н. Новикова в 20 книгах [79]. Большие взносы поступили в библиотеку от почетного попечителя Шадринского уездного училища В.Ф. Базилевского. В 1846 г. он передал сюда книги общей стоимостью в 428 рублей 57 копеек ассигнациями, а также денежный взнос на пополнение библиотеки, равный почти 1500 рублей ассигнациями, за что был удостоен высочайшего благоволения [80]. Благодаря этим пожертвованиям в середине XIX в. библиотека Пермской гимназии стала одной из самых крупных в Казанском учебном округе [81].

Вятская гимназия, в отличие от Пермской, во второй четверти XIX в. крупных благотворителей не имела. Небольшие пожертвования поступали сюда лишь на пополнение библиотеки и учебных пособий. Богатых дворян в Вятке не было, купцы же, как уже говорилось, считали гимназию чуждым для себя учреждением. Впрочем, среди учеников Вятской гимназии сохранялся достаточно высокий процент выходцев из городских сословий: в 1854 г. их было 29,1 % (табл. 15). В своих отчетах визитаторы и

Таблица 15

Состав (по происхождению) учащихся Пермской, Вятской и Оренбургской гимназий в 1855 г.*

Губерния	Наименование учебного заведения	Численность учащихся			Всего, чел/%
		Дворян и чиновников, чел/%	Купцов и мещан, чел/%	Крестьян и разночинцев, чел/%	
Пермская	Пермская гимназия	127/85,2	15/10,1	7/4,7	149/100
	Пансион при гимназии	43/97,7	1/2,3	—	44/100
Вятская	Вятская гимназия	91/64,5	41/29,1	9/6,4	141/100
Оренбургская	Оренбургская гимназия	98/58,4	55/32,7	15/8,9	168/100
	Пансион при гимназии	23/100	–	–	–23/100
Всего:		382/72,8	112/21,3	31/5,9	525/100

* Источники: Отчеты о состоянии училищ Пермской, Оренбургской и Вятской губерний за 1854 г., направленные дирекциями училищ попечителю Казанского учебного округа (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.6883. Л.189, 225, 402).

Сведения приведены на 1 января 1855 г.

ревизоры постоянно отмечали «особенную склонность и ревность к учению» жителей Вятского края [82].

Начало преобразований в Вятской гимназии пришлось на пору директорства Михаила Васильевича Полиновского. Бывший адъюнкт латинского языка в Казанском университете, получивший образование в Казанской духовной академии, был направлен Учебным ведомством в Вятскую губернию в 1835 г. Гимназия располагалась тогда в старом доме купца Аршаулова. Здание к этому времени уже обветшало и стало тесным для возросшего числа учащихся. В 1841 г. решено было купить для размещения гимназии новый, более просторный дом купца И.С. Машковцева. М.В. Полиновский весьма усердно изыскивал для этого средства, однако его деятельность в этом направлении была далеко не столь успешна, как у пермского директора И.Ф. Грацинского. Двухэтажное здание с двумя флигелями и садом было куплено казной за достаточно большую цену – 59 тысяч рублей ассигнациями. Вятская гимназия начала свои занятия в этом помещении в 1844 г. после ремонта и переделки. Классы были расположены в комнатах на нижнем этаже. Судя по воспоминаниям одного из бывших учеников Степанова, это были довольно тесные, низкие, темноватые и зимою душные помещения. Верхний этаж здания,

высокий и светлый, заняли квартира директора, библиотека и актовый зал [83].

Достаточно большие казенные средства были выделены министерством народного просвещения во второй четверти XIX в. и на благоустройство Оренбургской гимназии. Некоторое время эта гимназия располагалась в новом, специально отстроенном для нее подрядчиком Юдиным здании. Гимназия начала свои занятия в нем 11 ноября 1828 г. Но очень скоро обнаружилось, что гимназический дом имеет большие недоделки, проводить в нем обучение детей невозможно. Уже в 30-е гг. XIX в. учебному ведомству пришлось снимать для гимназии наемное помещение. Чтобы устранить эти излишние расходы, решено было отстроить новый гимназический дом по одобренному главным управлением путей сообщения и публичных зданий проекту. Старое помещение, выстроенное купцом Юдиным, было продано, с купца же взыскали достаточно большой штраф (34060 рублей 41,5 копейки асс.) за «непрочную постройку». Для руководства возведением нового здания был образован строительный комитет во главе с директором гимназии Иваном Васильевичем Базилевым. В комитет, кроме него, вошли почетный попечитель гимназии, один из старших учителей и архитектор. Работу комитет начал в 1842 г. [84], закончил через пять лет. На месте старого сломанного дома было построено новое большое двухэтажное здание. Торжественное освящение его состоялось 30 августа 1847 г. Расходы казны на постройку дома составили около 50 тысяч рублей серебром [85].

Местное общество помогло гимназии скомплектовать библиотеку и учебные кабинеты. Особое внимание дворянскому учебному заведению уделяло благородное сословие. Оренбургская губерния, в отличие от Пермской и Вятской, имела свое дворянское самоуправление, что помогало училищному ведомству привлекать внимание местных землевладельцев к делам гимназии. Ведомости о пожертвованиях в пользу учебных заведений, сохранившиеся в делопроизводстве попечителя Казанского учебного округа, и другие источники практически не содержат данных о купеческих вкладах в гимназию. Благотворительные пожертвования на ее нужды поступали только от дворянства. В 1834 г., например, по случаю очередных выборов, губернское дворянское собрание выделило в пользу гимназии 1000 рублей серебром и золотом, чтобы употребить их на те предметы, «в коих наиболее заведение имеет недостаток, как то на книги

для библиотеки, на учебные пособия для бедных учеников, на мебель для залы и тому подобное»[86].

В 1836 г. один из местных помещиков, титулярный советник Иван Васильевич Жуковский, передал директору училищ Оренбургской губернии 375 рублей ассигнациями, завещанные покойным коллежским асессором Николаем Горбовским. Деньги эти были частью капитала, вложенного Н. Горбовским в компанию золотодобывателей. В своем завещании владелец капитала назначил 1/3 прибыли от добычи золота в пользу библиотеки Уфимской гимназии, 2/3 – в пользу бедных Оренбургской губернии. И.В. Жуковский попытался привлечь гимназию к участию в дальнейших расходах по поиску золота. Директор училищ, однако, приняв означенные деньги, от участия в золотодобывающей компании отказался, ссылаясь на запретительное предписание попечителя учебного округа [87].

В 1850 г. оренбургский губернский предводитель дворянства, почетный попечитель гимназии Николай Николаевич Дурасов пожертвовал для библиотеки Оренбургской гимназии географические карты пяти частей света, наклеенные на коленкоре [88]. Небольшие благотворительные пожертвования поступали на нужды гимназии от ее учеников. В 1850 г. «Оренбургские губернские ведомости» сообщили о том, что воспитанники Оренбургской гимназии (25 человек) собрали на переплет книг фундаментальной библиотеки 45 рублей 98 копеек серебром [89].

В целом, можно отметить, что к середине XIX в. уральские гимназии вполне отвечали требованиям Устава 1828 г. Возросшее финансирование и внимание местного дворянского общества помогли училищному ведомству решить их основные проблемы. Гимназии располагались в собственных каменных зданиях, имели фундаментальные библиотеки и учебные пособия. Почти полностью были заполнены штаты преподавателей. Ученический состав уральских гимназий по сравнению с 1825 г. вырос более чем в 4,5 раза. Однако подлинно дворянскими учебными заведениями, несмотря на стремления правительства, они не стали. В 1854 г. более 1/4 воспитанников в гимназиях Пермской, Вятской и Оренбургской губерний составляли представители «неблагородных сословий» (см. табл. 15).

Не исчезла и печать прагматизма в отношении к образованию. Как и в первой четверти XIX в., продолжался выход учеников из гимназий без завершения полного курса. Местные чиновники стремились побыстрее пристроить своих детей к должнос-

тям, что считалось более надежным в жизни, нежели образованность. Не стремились продолжать свое образование и выпускники с аттестатами. По подсчетам С.Г. Мирсаитовой, с 1828 по 1863 гг. полный курс обучения в Оренбургской гимназии закончили 280 человек. Из них в высшие учебные заведения поступили лишь 148, в гражданскую службу – 108, в военную – 19 [90].

Решающим фактором в решении вопроса о предпочтении формы обучения для малообеспеченного чиновничества и дворянства провинции оставался вопрос оплаты образования. Устав 1828 г. предусмотрел это препятствие для развития среднего образования в «благородных сословиях» и разрешил создание при гимназиях пансионов с казенными воспитанниками. На Оренбургскую и Пермскую губернии было распространено действие Положения от 1 июля 1837 г. о воспитании детей чиновников Сибирских губерний и Кавказской области. При Оренбургской и Пермской гимназиях пансионы начали действовать в 1840-е гг.

Оренбургский пансион был открыт 30 августа 1844 г. По высочайше утвержденному штату он был рассчитан на 20 казенных и 30 «своекоштных» воспитанников [91]. Образование за казенный счет здесь получали дети чиновников, имевших заслуги в гражданской службе, а также выходцы из малообеспеченных дворянских семей. Выбирал их почетный попечитель гимназии и оренбургский гражданский губернатор. Своекоштных воспитанников в пансионе было немного, очевидно, плата, установленная за обучение, местным дворянам казалась слишком большой. С каждого пансионера в год вычиталось по 172 рубля, с полупансионера – 114 рублей. В 1844–1858 гг. в Оренбургском пансионе ежегодно воспитывалось не более двух полных пансионеров и пяти полупансионеров [92]. Казенные расходы казны на содержание пансиона составляли 4362 рубля 38 копеек серебром в год [93].

По примеру Оренбургской гимназии был организован благородный пансион в Перми. Инициатором его создания был директор гимназии И.Ф. Грацинский. Ходатайство о создании этого воспитательного заведения он направил к попечителю Казанского учебного округа в 1848 г. После обращения попечителя к правительству последовал высочайший указ правительствующему Сенату «Об облегчении чиновникам Пермской губернии способов к воспитанию детей их». Указ разрешил обучать в благородном пансионе 20 казенных воспитанников. При пансионе, как и при гимназии, не было почетного попечителя ввиду малочисленности дворянства в Пермской губернии.

Поэтому наблюдение за пансионом, возложенное в других губерниях на почетных попечителей, входило в обязанности гражданского губернатора. Без его согласия никто не мог набрать воспитанников на обучение в пансион. Как и в Оренбургской гимназии, набирались они из детей чиновников, «беспорочно и ревностно» прослуживших в гражданском ведомстве губернии не менее 10 лет.

Общий штат содержания Пермского благородного пансиона составлял 4688 рублей 46 копеек серебром в год. Помимо этого, казначейство отпускало 900 рублей серебром в год на наем дома для размещения воспитанников [94]. Помогали училищному ведомству в содержании воспитанников пансиона местные дворяне. В 1850 г. отставной действительный статский советник Жилин пожертвовал Пермскому пансиону 3 тысячи рублей серебром, за что получил монаршее благоволение. На проценты с этого капитала должен был содержаться один из пансионеров. В 1851 г. капитал был пополнен Жилиным еще на 600 рублей [95].

После окончания пансиона казенные воспитанники обязаны были остаться на службе в гражданском ведомстве и проработать здесь не менее 6 лет. Лучшие из них могли продолжить образование в Казанском университете, для этого учреждались четыре стипендии в 142 рубля 85,5 копеек серебром в год. Стипендиаты, завершившие курс обучения, возвращались в губернские центры. Они должны были прослужить в Пермской и Оренбургской губернии не менее 8 лет [96].

Таблица 16

Количество общеобразовательных учебных заведений в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1855 г.*

Губерния	Штатные города	Гимназии	Уездные училища	Приходские школы
Пермская	12	1	9	12
Вятская	11	1	10	12
Оренбургская	9	1	6	8
Итого:	32	3	25	32

* Источники: Отчеты о состоянии училищ Пермской, Оренбургской и Вятской губерний за 1854 г., направленные дирекциями училищ попечителю Казанского учебного округа (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.6883. Л.189, 225, 402).

Данные приведены на 1 января 1855 г.

Существенные изменения в развитии городского начального образования произошли во второй четверти XIX в. (табл. 16). Согласно Уставу 1828 г., приходские школы, как и прежде, давали детям основы грамоты. Учили в них чтению по книгам церковной и гражданской печати, чистописанию, четырем первым действиям арифметики и Закону Божию. Учебными пособиями в приходских школах, согласно закону, могли быть лишь книги и таблицы, одобренные министерством народного просвещения. Сверх того при каждом таком приходском учебном заведении разрешалось создавать небольшое собрание нравоучительных и «других полезных книг, соответствующих понятию людей нижнего состояния». Их могли брать для чтения не только ученики, но и прочие грамотные жители селений [97]. Обучение в приходских училищах длилось один год. Допускалось, впрочем, и открытие второго класса «в посадах и селениях, где много ремесленников или иного рода промышленников» [98]. Любопытно, что Устав дозволял принимать в училище школьников, желавших повторить пройденный ими учебный курс.

Содержались приходские училища на средства городских обществ и благотворителей, что обрекало их на постоянные материальные затруднения. В 1848 г., «в видах распространения по городам учебных заведений», комитет министров разрешил тем городам, которые, «по крайней бедности жителей», не в состоянии были поддерживать содержание приходских школ, отнести эти расходы на счет городских доходов и земских сборов по губернии [99]. Это существенно улучшило материальное положение низших школ и позволило завести их даже в самых небольших городах.

Городские думы финансировали приходские училища по мере возможностей. Довольно долго их содержание не было строго регламентировано. В 1840 г. попечитель Казанского учебного округа утвердил единую смету для приходских училищ. Она составляла не менее 171 рубля 43 копеек серебром (600 руб. асс.) в год [100]. Эта смета потребовала от городских обществ значительного увеличения расходов на начальную школу. Елабужское общество, например, начиная с 1832 г. отпускало на приходское училище всего 300 рублей ассигнациями в год. Из них 240 рублей употреблялись на жалованье учителю, а 60 – на умножение библиотеки и учебных пособий [101].

В более выгодных условиях развивалась приходская школа Пермской губернии. В 1846 г. директор училищ Пермской губер-

нии И.Ф. Грацинский добился от министерства внутренних дел увеличения сметы расходов на приходские училища в губернии до 331 рубля серебром (около 1158 руб. асс.). Из этой суммы полагалось: учителю приходского училища 150 рублей, законоучителю – 60 рублей, сторожу – 36 рублей, на покупку учебных пособий – 15 рублей, награды ученикам – 5 рублей, канцелярские припасы – 5 рублей, отопление – 30 рублей, исправление мебели и поправки по дому – 30 рублей [102]. За счет собственных средств увеличивали содержание приходских школ и некоторые города Оренбургской губернии. Оренбургское приходское училище получало в середине XIX в. из городской казны 718 рублей 57 копеек серебром (2515 руб. асс.) [103], Стерлитамакское – 342 рубля 85 копеек серебром [104], Бирское – 171 рубль 42 копейки серебром [105].

Заведование учебной частью приходского училища в городах поручалось штатному смотрителю уездных училищ. Дополнительные функции надзора за приходскими училищами по сравнению с Уставом 1804 г. были даны благочинным священникам, к ведомству которых принадлежал приход. Священнику поручался ближайший надзор за училищами, правда, без права распоряжения: он мог лишь обратить внимание учителя или штатного смотрителя уездных училищ на замеченный недостаток. Приходские училища предназначались для детей всех состояний обоего пола. От вступающих в них, согласно Уставу, не требовалось никакой платы.

Всесословными и бесплатными объявлялись и уездные училища, назначенные к открытию в каждом уездном городе. В губернских и столичных городах власти могли открыть и несколько училищ, «смотря по мере надобностей и способов». Местное начальство с разрешения министра народного просвещения имело право заводить уездные училища и в заштатных городах, а также в больших посадах и местечках. Обучаться в этих училищах могли только мальчики [106]. Для надзора за училищами в каждом уездном училище из «ревностных к службе» учителей избирался штатный смотритель. Штатный смотритель уездного училища наблюдал не только за самим училищем, но и за всеми приходскими и частными школами уезда. Для этого он ежедневно, утром и вечером, посещал классы уездного училища, а раз в неделю обозревал остальные школы города. Не реже двух раз в год штатный смотритель должен был посетить все прочие школы в уезде. Смотритель состоял под непосредственным началь-

ством губернского директора училищ и обязан был регулярно сообщать ему обо всех успехах и происшествиях в подведомственных училищах.

Помимо этого, для привлечения к нуждам учебных заведений внимания местного дворянства было вновь подтверждено существование при уездных училищах должности почетного смотрителя, введенной в 1811 г. Избирались на нее дворяне и чиновники, «пользующиеся общим уважением» в обществе. Должность почетных смотрителей уездных училищ считалась государственной, хотя и не давала служащим никакого особого чина. Отставные чиновники, при вступлении в почетную должность, продолжали называться своими прежними чинами на гражданской службе. За «деятельное усердие» к пользе училищ они могли производиться в следующие чины и получать правительственные награды [107]. Почетные смотрители обязаны были не реже одного раза в год обозревать все уездные, приходские и частные школы, сообщая об этом губернскому директору и штатному смотрителю [108].

Курс обучения в уездных училищах был увеличен Уставом 1828 г. до трех лет, хотя сама программа учебных предметов по сравнению с 1804 г. несколько сократилась. В соответствии с основной концепцией реформы, здесь, как и в гимназиях, предполагался отказ от многопредметности, ученики должны были более основательно изучать небольшое число предметов. Устав 1828 г. изъял из преподавания по сравнению с Уставом 1804 г. начальные правила физики, естественной истории и технологии, а также сократил объем истории и географии. Программа обучения в уездных училищах, согласно новому Уставу, включила русский язык и грамматику, арифметику, геометрию (включая стереометрию), географию, российскую историю, сокращенную всеобщую историю, чистописание, черчение, рисование, а также Закон Божий, священную и церковную историю.

Сверх того при уездных училищах с разрешения министра народного просвещения могли открываться особые дополнительные курсы «для обучения тем искусствам и наукам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности». Принимались сюда ученики с начальными знаниями: при поступлении они должны были уметь читать и писать, а также знать первые четыре правила арифметики. За учение не определялось никакой платы [109]. Слушать дополнитель-

ные курсы могли лишь дети «свободных» сословий. 6 февраля 1836 г. попечителям учебных округов было отправлено циркулярное предложение министра народного просвещения, строжайше запрещавшее помещичьим крепостным «поселянам» и дворовым людям посещение этих курсов при уездных училищах [110].

Преобразование уездных и приходских училищ на Урале по новому Уставу началось в 1835 г. Училища постепенно благоустраивались, перебирались в новые каменные дома, построенные по высочайше утвержденным в 1830 г. планам и фасадам. Небольшим, малозаселенным городам, которые испытывали затруднения в подобном строительстве, было разрешено строить для училищ деревянные дома на каменном фундаменте. Облегченные варианты планов и смет строительства таких домов были утверждены в 1840 г. [111].

В отличие от гимназий уездные и приходские училища, предназначенные законом для образования купеческих и мещанских детей, во второй четверти XIX в. пользовались особой поддержкой состоятельного купечества. Существенное увеличение числа и объема пожертвований на их нужды со стороны городских сословий мы наблюдаем в николаевское время во всех уральских губерниях. Помимо того, уездные училища получали поддержку и от почетных смотрителей. В первой четверти XIX в. почти все эти почетные должности пустовали, сейчас же училищное ведомство имело достаточно много помощников среди состоятельных дворян и чиновников.

Города Пермской губернии обзавелись уездными училищами еще в первой четверти XIX в. К 1828 г. здесь действовало 8 уездных училищ: в Перми, Шадринске, Кунгуре, Екатеринбурге, Ирбите, Соликамске, Чердыни и Верхотурье. В период николаевского царствования к ним прибавилось лишь одно – Камышловское (1849 г.). Количество же городских приходских училищ в это время возросло в четыре раза. В первой четверти XIX в. в Пермской губернии действовало лишь два приходских училища: Пермское (1809 г.) и Красноуфимское (1821 г.), причем Красноуфимское училище из-за материальных трудностей в 1826 г. было закрыто. Во второй четверти XIX в. на средства благотворителей и городских обществ были открыты либо преобразованы из приготовительных классов: Ирбитское (1834 г.), Шадринское (1835 г.), Верхотурское (1835 г.), Соликамское (1835 г.), Кунгурское (1836 г.), Камышловское (1837 г.), Екатеринбургское (1840 г.), Осинское (1846 г.), Оханское (1848 г.), Чердынское

(1848 г.) приходские училища, а также была восстановлена работа Красноуфимского приходского училища (1844 г.).

Большую роль в развитии уездных и приходских училищ Пермской губернии сыграли местные благотворители. Самые крупные пожертвования на нужды просвещения поступили от почетного попечителя Шадринского уездного училища коллежского секретаря Виктора Федоровича Базилевского. Он исполнял эту должность в 1842–1850 гг. Став почетным смотрителем, В.Ф. Базилевский обязался ежегодно жертвовать в пользу училища 300 рублей. Реальные пожертвования его, впрочем, во много раз превысили эту сумму. За годы своей службы он перевел в пользу учебного ведомства около 9 тысяч рублей серебром. Благотворительствовал В.Ф. Базилевский не только Шадринскому, но и Камышловскому уездному училищу, а также губернской гимназии и некоторым приходским училищам.

В 1843 г. пожертвования В.Ф. Базилевского в пользу Пермской гимназии, Шадринского и Камышловского уездных училищ составили 491 рубль серебром (около 1719 рублей асс.) [112]. В 1845 г. почетный смотритель назначил в пособие учителям Шадринского уездного и Камышловского приходского училищ 878 рублей серебром, за что получил монаршее благоволение [113]. В 1847 г. В.Ф. Базилевский принес в дар вновь создающемуся Камышловскому уездному училищу каменный дом ценой в 4015 рублей серебром. Кроме того, им было отправлено на ремонт и исправления этого дома, а также другие потребности училища 1540 рублей серебром [114]. В 1848 и 1849 гг. большие пожертвования от почетного смотрителя получило Шадринское уездное училище (в 1848 г. – 620 рублей серебром, в 1849 г. – 425 рублей серебром) [115]. Ежегодно, помимо того, В.Ф. Базилевский переводил деньги на наем надзирателей для Шадринского и Камышловского приходских училищ, а также выплачивал жалованье учителю второго класса Камышловского приходского училища [116].

Источники доходов этого человека нам, к сожалению, не известны, хотя фамилия Базилевских была достаточно уважаемой среди предпринимателей в Оренбургской губернии. Надворный советник Иван Федорович Базилевский (брат Виктора), проживавший в Санкт-Петербурге, числился среди владельцев золотых приисков Оренбургской губернии. В 1851 г. он имел пять приисков. Одним прииском владела его супруга Варвара Петровна [117]. В.Е. Попов отметил, что дворянское достоинство почетный смотритель Шадринского уездного училища получил

по служебным заслугам своего отца, стерлитамакского священника Федора Ивановича Базилевского [118]. Федор Базилевский прожил в Оренбургской губернии около 98 лет, из них более 50 лет был священником [119].

Судя по формулярному списку, в государственную службу 19-летний Виктор Базилевский вступил в апреле 1820 г. Очевидно, по просьбе отца, священника Федора Базилевского, оренбургский гражданский губернатор взял молодого человека, в свою канцелярию на скромную должность канцеляриста. Через несколько месяцев «усердной» службы В. Базилевский получил классный чин – губернского регистратора, а затем был переведен на весьма прибыльное место – надзирательского помощника питейного сбора при Бузулукском уездном правлении. Здесь он работал в течение 3 лет. В 1825 г. Виктор Базилевский уже в столице. Здесь он служит в департаменте государственных имуществ, а затем инженерном департаменте. Служба, правда, длилась недолго. В 1829 г. В.Ф. Базилевский уволился в отставку с незначительным чином губернского секретаря, получив годом раньше с высочайшего повеления «за отличное усердие» в выполнении поручений золотую табакерку.

Почетным смотрителем Шадринского уездного училища В.Ф. Базилевский был назначен в декабре 1842 г. К этому времени он был уже весьма состоятельным человеком, числился дворянином Оренбургской губернии. За свои многочисленные пожертвования в пользу народного просвещения в 1848 г. В.Ф. Базилевский был награжден орденом Святой Анны III степени, а в 1849 г. получил чин титулярного советника [120].

Дары других почетных смотрителей в пользу училищ Пермской губернии были гораздо скромнее. Тем не менее и они оказывали училищному ведомству значительную поддержку. В 1832 г., например, директор Пермских училищ сообщил правлению Казанского университета о том, что он обратился за содействием в выборе места для строительства нового здания Чердынского уездного училища к его почетному попечителю надворному советнику Прокофьеву. Гражданское общество города отвело для училища земельный участок вне города, что было крайне неудобно: большинство жителей просто отказались бы посылать туда своих малолетних детей. Купить землю внутри города дирекция также не могла, для нее это было достаточно дорого. Проблему решил почетный смотритель училища Прокофьев, который, «из уважения к службе и усердия к сохранению

казны», решил пожертвовать для размещения школы собственную землю в центре города, стоившую ему 1 тысячу рублей. За таковое усердие Прокофьев получил личную благодарность от министра народного просвещения [121]. В 1838 г. на этой земле разместился собственный дом Чердынского уездного училища [122]. Приходское училище, преобразованное 30 декабря 1848 г. из приготовительного класса, располагалось в доме уездного училища [123].

Поддержку состоятельного купечества и городского общества получило во второй четверти XIX в. и Пермское уездное училище. К началу преобразований по Уставу 1828 г. оно располагалось в старом деревянном доме, купленном гимназией еще в 1811 г. Дом состоял из двух флигелей и каменной кухни, которые требовали «больших поправок» [124]. Для ремонта и исправления училища в 1835 г. городской голова Кузнецов передал училищному ведомству 2 тысячи рублей ассигнациями, от городского общества оно получило тогда же 1500 рублей ассигнациями [125]. К 1850 г. здание совсем обветшало. Его снесли, и на том месте возвели новый деревянный дом с дворовыми постройками. Средства для этого выделил кунгурский купец 1-й гильдии Василий Григорьевич Юхнев. Дом обошелся купцу в 3 тысячи рублей серебром [126]. Для его благоустройства в 1851 г. купец выделил еще 900 рублей серебром [127]. За это благотворение, а также за строительство флигеля при Соликамском уездном училище В.Г. Юхнев был награжден в 1853 г. золотою медалью на Аннинской ленте с надписью «За усердие» [128].

В 1844 г. рядом с училищным зданием на средства пермского купца 3-й гильдии Тимофея Дирякова был возведен новый дом для штатного смотрителя. Дом обошелся купцу в 2400 рублей серебром. За пожертвование он также получил заслуженную награду – серебряную медаль с надписью «За полезное» [129]. Место для строительства дома (оцененное в 679 рублей серебром) пожертвовал почетный смотритель Пермского уездного училища Цветков [130]. Училище было украшено портретом императора Николая I работы художника Коновалова, пожертвованным почетным смотрителем [131].

В новое здание во второй четверти XIX в. переехало и Пермское приходское училище. После открытия в 1809 г. оно располагалось на нижнем этаже каменного дома, принадлежавшего пермскому обществу [132]. Собственный дом для училища был отстроен в 1845 г. на средства местного купца 2-й гильдии Ивана

Гилькова. Купец вложил в строительство около 2500 рублей серебром, что было замечено правительством. За столь щедрое пожертвование И. Гильков был награжден медалью с надписью «За полезное» [133].

Шадринское уездное училище располагалось в 1835 г. в старом доме, купленном еще в 1822 г. Перед началом реформирования училища, в 1834 г., на средства училищного ведомства в нем был произведен капитальный ремонт, а из находившейся во дворе училищной избы была отстроена специальная классная комната для приходского училища. В 1835 г. приходское училище стало самостоятельным. Оно было выделено из уездного и получило своего учителя. Новый дом для приходского училища был построен в 1839 г. Расположился он тут же, на одной ограде с уездным училищем. Деньги на строительство (около 14 тысяч рублей асс.) выделил местный купец 2-й гильдии, почетный гражданин Дмитрий Игнатьевич Фетисов. За столь щедрое благотворение он был награжден золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За полезное». Несколько позднее, в 1851 г., Фетисов помог отремонтировать и уездное училище, выделив для этого более 3 тысяч рублей серебром, за что получил признательность министерства народного просвещения [134].

Большую помощь Шадринское уездное училище получало от своего почетного смотрителя В.Ф. Базилевского. В 1845 г. по его инициативе при училище был открыт дополнительный курс бухгалтерии и науки о торговле. В.Ф. Базилевский обязался выплатить вновь назначенному из Петербурга учителю все полагавшееся ему жалованье, а также возместить расходы на дорогу. Пожертвование В.Ф. Базилевского на оплату дополнительного курса составило достаточно большую сумму – 2857 рублей 20 копеек серебром [135]. Опыт внедрения дополнительного образования в Шадринском уездном училище оказался, однако, непродолжительным. Среди жителей города затея почетного смотрителя особой поддержки не нашла. В 1848 г., как видно из отчета директора о ревизии училища, курс по бухгалтерии слушали только 20 человек. Остальные, «увлекаясь внушениями своих родителей», на курсы не ходили [136].

Вполне возможно, что недоверие жителей к новому классу объяснялось и тем, что направленный министром народного просвещения для преподавания в Шадринск учитель Юргенс оказался человеком весьма посредственным. В памяти шадринцев остались не его педагогические утремления, а богатый гардероб

и противозаконные поступки. По сообщению В.Е. Попова, в 1849 г. учитель попал под следствие по обвинению в том, что «он вместе с другим лицом побил купца» [137]. В 1850 г. Юргенс умер, вскоре после этого дополнительный курс прекратил свое существование.

Более удачным оказался опыт введения дополнительного курса наук в Екатеринбургском уездном училище. Екатеринбург занимал особое место среди уральских городов. Еще со времен В.Н. Татищева этот заводской поселок играл роль столицы горнозаводского края. В 1831 г. здесь разместилось горное правление, контролировавшее горнозаводскую промышленность и подчиненное ей население на территории всего Урала. Надо отметить, однако, что интересы жителей Екатеринбурга не ограничивались нуждами производства. От прочих многочисленных заводских поселков он отличался сочетанием заводской и внезаводской жизни. Жалованная грамота 1785 г. дала начало местному городскому обществу, не подчинявшемуся непосредственно горному начальству. В 1825 г. из 10011 екатеринбуржцев обоего пола 5828 жили в неподчиненных горным властям купеческих и мещанских семьях. Как признает исследователь истории горной столицы Н.С. Корепанов, во времена Екатерины II горожане сумели почувствовать, что «город и завод это не одно и то же» [138]. К началу XIX в. в Екатеринбурге сложился класс удачливых предпринимателей, появились салотопенные, кожевенные, мыловаренные, солодовенные и прочие негорнозаводские промышленные заведения, развивался мясной торг. Горное ведомство вынуждено было считаться с претензиями торговли и негорнозаводской промышленности города.

Николаевское тридцатилетие стало временем расцвета для Екатеринбурга. Многие историки связывают эту страницу истории города с процессом быстрого развития в городе частного капитала и, особенно, капитала развивающейся золотодобывающей промышленности. Как справедливо заметил Н.С. Корепанов, в это время в Екатеринбурге «большое золото взорвало стабильность, взломало рамки сословий и статуса» [139]. Крупные прибыли екатеринбургских золотопромышленников изменили внешний облик города. И.Ф. Бларамберг, побывавший в городе в 1848 г., писал: «В городе, большей частью построенном из камня, много больших и красивых зданий. Кроме множества горных служащих, здесь проживают и богатые владельцы золотых при-

исков, ведущие княжеский образ жизни и выбрасывающие на ветер ежегодно большие суммы денег» [140].

Интересы быстро растущего города требовали развития образования. Активное участие в поддержке образовательных учреждений города приняло горное ведомство. Межведомственные барьеры и сословная психология, однако, мешали развитию местного образования. Весьма отрицательно, например, многие жители городских сословий отнеслись к вмешательству горного ведомства в дела Екатеринбургского уездного училища. О бедственном положении этого училища, существовавшего с 1820 г., писал университетский визитатор П.А. Словцов, ревизовавший школьное дело в 1828 г. Посетив Екатеринбургское уездное училище, он заметил, что оно находится в состоянии упадка. По мнению визитатора, училище не выдерживало сравнения со многими окружающими его частными заводскими школами.

Об успехах этих школ казенный визитатор писал с большой долей досады и опасений. В Алапаевском заводе, например, который посетил П.А. Словцов, в то время преподавали 14 предметов, часть из которых относилась к программе гимназий. «Понаслышке мне известно, – писал П.А. Словцов, – что подобные училища, без ведома университета, существуют в частных заводах Тагильском, Невьянском, Верх-Исетском и в других многих, несмотря на то, что в 1827 г. Лоцманов, учитель Верх-Исетского завода, показал уже пример буйства в мыслях и по Высочайшему повелению был взят за разглашение анархических правил» [141]. Оценка чиновником противоправных поступков Андрея Лоцманова, пытавшегося создать на Урале некое общество «сподвижников свободы», напоминавшее масонские организации, весьма показательна: именно опасность воспитания подобных «анархических» мыслей более всего пугала правительство и оправдывала ограничительные меры в отношении вольных школ.

Визитатор требовал прекращения самостоятельного существования частных заводских школ и улучшения работы Екатеринбургского уездного училища. П.А. Словцов предложил училищному комитету Казанского университета расширить программу преподавания в Екатеринбургском уездном училище, увеличив число учителей в нем и прибавив к двум существующим еще один класс. В этом классе, с его точки зрения, надо было ввести «в течение двух лет преподавание простой геометрии, начал физики, бухгалтерии, коммерции, минералогии и правил слога» [142].

Через некоторое время с предложением о расширении курса преподавания в Екатеринбургском уездном училище выступил профессор Казанского университета Г. Суровцев. Он составил «Записку об устройстве Екатеринбургского горного училища», в которой высказал убеждение в необходимости создания на Урале горного института. Шагом к этому Г. Суровцев считал введение при Екатеринбургском уездном училище «класса естественных наук» с преподаванием минералогии и геогнозии [143]. Е.Н. Коротков указывает, что в 1832 г. подобную заявку делал и директор училищ Пермской губернии В.И. Антропов [144].

Попечитель Казанского учебного округа поддержал эти инициативы и направил дело для решения в Главное правление училищ. Признав, что на Урале есть потребность к горном училище, «которое могло бы равняться с гимназией» [145], правление училищ обратилось к министру финансов. 5 марта 1835 г. по представлению министра, Комитет министров издал высочайше утвержденное Положение об открытии при Екатеринбургском уездном училище дополнительного курса. С сентября 1835 г. здесь, помимо обычных для школ этого уровня предметов, стали изучать коммерческие науки и бухгалтерию, а также основы минералогии и геогнозии. Одной из целей этого курса была подготовка детей горных чиновников к поступлению в Институт Корпуса горных инженеров. Желающих обучаться в уездном училище среди этого круга городских жителей, правда, оказалось совсем немного. Инженеры предпочитали давать детям предварительное домашнее образование. Поэтому в 1836 г. министерство народного просвещения разрешило слушать дополнительный курс людям всех сословий (при условии предварительного знакомства с программой уездного училища) [146]. Дополнительный курс Екатеринбургского уездного училища в то время состоял из одного класса, обучение в котором было рассчитано на два года.

В 1836 г. программа преподавания в училище несколько изменилась. Побывавший в Екатеринбурге начальник штаба Корпуса горных инженеров генерал-майор К.В. Чевкин предложил для привлечения в училище детей горных инженеров и чиновников прибавить к дополнительному курсу изучение французского и немецкого языков [147]. Языки стали преподаваться во втором и третьем классах училища, а бухгалтерия, коммерческие науки, минералогия и геогнозия – в третьем и дополнительном четвертом классах. Надо отметить, однако, что и эти меры не достигли

своей цели – число желающих обучаться в Екатеринбургском уездном училище не прибавилось. Побывавший здесь в 1838 г. попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин нашел в дополнительном классе всего двух учеников, в то время как по списку здесь числилось 6 человек [148]. Желающих изучать иностранные языки было больше – 21 человек [149].

Привилегированные сословия не доверяли дополнительному курсу уездного училища, простые горожане не видели в нем никакой необходимости. Н.К. Чупин, находившийся в то время среди воспитанников уездного училища, вспоминал: «Я учился в здешнем училище, когда введены были в него дополнительные курсы горнозаводских наук и бухгалтерии. Мы, правда, гордились тем, что слушали такие науки, но публика встретила это нововведение не только не с радостью и сочувствием, а неприязненно и насмешливо, что нас очень обижало. Здешнее училище много упало после введения дополнительных курсов» [150].

Чтобы как-то упорядочить программу училища и привлечь в него больше учеников, М.Н. Мусин-Пушкин предложил очередное изменение программы. Дополнительные курсы были закрыты, а вместо них учрежден четвертый класс – общий и обязательный для всех учеников. В обязательную программу училища ввели также латинский язык. Он преподавался во втором, третьем и четвертом классах. Обязательными также стали курсы французского и немецкого языков, их преподавали во всех четырех классах училища. Начиная с третьего класса ученики получали уроки по горнозаводским наукам, а также изучали науку о торговле, бухгалтерию, физику и алгебру [151].

По уровню преподавания в 1840-е гг. Екатеринбургское уездное училище приблизилось к гимназиям. Программу практического курса горнозаводских наук разработал сам начальник штаба Корпуса горных инженеров генерал-майор К.В. Чевкин. В 1838 г. эта программа заменила первоначально введенный в училище курс минералогии и геогнозии. Преподавался практический курс горнозаводских наук одним из местных горных инженеров [152]. Несмотря на эти изменения училище не имело особого авторитета в обществе. Многие деятели министерства народного просвещения также воспринимали дополнительный курс как чуждый для начальных общеобразовательных учебных заведений. При незначительном времени обучения и малом возрасте учащихся постигнуть сложные дополнительные науки не представлялось возможным. Штатный смотритель уе-

здного училища П.И. Уржумцев трижды (в 1850, 1853 и 1861 гг.) ставил вопрос об упразднении дополнительных предметов, но решение об этом было принято только в ходе школьной реформы 1864 г. [153].

Екатеринбургское уездное училище, преобразованное по Уставу 1828 г., содержалось так же, как и все остальные школы этого ранга, за счет правительства. На его содержание ежегодно отпускалось из государственного казначейства 8300 рублей ассигнациями. Из этой суммы назначалось штатному смотрителю 1000 рублей при казенной квартире, трем учителям наук – 2250 рублей, законоучителю – 500 рублей, четырем учителям дополнительных предметов – 2900 рублей, учителю рисования – 250 рублей. Остальные деньги шли на награды ученикам (50 рублей), библиотеку и учебные пособия (150 рублей), разъезды штатного смотрителя (200 рублей), содержание дома, служителей и прочие расходы (1000 рублей). Кроме того, с 1838 г. отпускалось добавочное жалованье преподавателям физики и латинского языка (по 250 рублей асс. в год) [154].

Определенную помощь училищу оказывали и почетные смотрители. Эти должности в Екатеринбурге почти постоянно занимали горные инженеры. В 1834–1835 гг. почетным смотрителем Екатеринбургского уездного училища был горный начальник Екатеринбургских заводов, обер-бергмейстер 7-го класса Глеб Григорьевич Вансович, в 1835–1837 гг. – горный начальник Екатеринбургских заводов инженер-подполковник Петр Иванович Протасов первый, в 1837–1846 гг. – горный начальник Екатеринбургских заводов инженер-полковник Евгений Гаврилович Чебаевский, в 1846–1850 гг. – горный начальник Екатеринбургских заводов инженер-полковник Павел Ефимович Ахматов [155]. Почетные смотрители ежегодно переводили в пользу училища 150–300 рублей, а также передавали сюда материальные пожертвования. В 1838 г., например, Г.Г. Вансович принес в дар уездному училищу 124 штуфа разных горных камней, руд и кварцев [156].

Во время посещения Екатеринбурга генерал-майору К.В. Чевкину удалось добиться крупных пожертвований на улучшение училищного здания. В 1835 г. по его просьбе екатеринбургское общество выделило на нужды училища 21 тысячу рублей ассигнациями и для строительства дополнительных помещений около 200 пудов кровельного железа [157]. Благодаря этим пожертвованиям учебные площади были значительно расширены. В 1837 г. к

училищному зданию пристроили обширный каменный двухэтажный корпус. Остатки денег пустили на улучшение старых деревянных служб, существовавших при училище. Их перенесли на новое место и поставили на каменный фундамент [158].

Улучшил свое положение во второй трети XIX в. и приготовительный класс Екатеринбургского уездного училища. До 1824 г. он так же, как и само уездное училище, помещался на частной квартире. Затем этот класс перевели в пожертвованный уездному училищу дом. С расширением программы уездного училища дом стал тесен, приготовительному классу вновь пришлось съехать в съемное помещение. В 1837 г. после постройки нового обширного каменного корпуса ученики приготовительного класса вернулись под своды уездного училища.

Содержание приготовительного класса было отнесено на счет городской думы. Она ежегодно отпускала на его нужды 77 рублей 14 копеек серебром. В декабре 1839 г. горный начальник Екатеринбургских заводов Е.Г. Чебаевский (он же и почетный смотритель училища) разрешил думе увеличить финансирование приготовительного класса до 228 рублей 57 копеек серебром. Попечитель Казанского учебного округа нашел эту сумму достаточной для того, чтобы преобразовать приготовительный класс в приходское училище. В 1840 г. оно стало самостоятельным. В 1846 г. ассигнования на приходское училище были увеличены. Как и все остальные приходские школы Пермской губернии, она стала получать по 331 рублю серебром [159].

Для верхотурских училищ переломным стал 1839 год. Уездное училище в Верхотурье было открыто в 1821 г. Долгое время оно существовало в довольно жалких условиях: ученикам не хватало книг и учебных пособий. В 1839 г. библиотека и учебные кабинеты были существенно пополнены на средства верхотурского купца 1-й гильдии почетного гражданина Павла Бронникова. Он передал училищу 50 экземпляров Руководств к арифметике Буссе, 10 Собраний арифметических задач, 30 Руководств к геометрии Буссе, 10 Арифметики на счетах, 50 Краткой грамматики Востокова, 50 Всеобщей географии Арсеньева, 50 Математической географии Ободовского, 50 Краткого начертания русской истории Кайданова, 100 Краткого и 100 Пространного катехизиса, 100 Русского букваря, 50 Чтений из четырех евангелистов, 5 Руководств к линейному рисованию, а также русские, греческие, латинские, немецкие, французские прописи, глобусы, атласы, карты, таблицы и другие учебные пособия. Об-

щая стоимость этого дара составила около 1000 рублей ассигнациями [160].

В 1841 г. в пользу верхотурских уездного и приходского училищ поступило очередное пожертвование от П. Бронникова, составившее около 170 рублей деньгами и учебными пособиями [161]. В 1842 г. купец предложил директору Пермских училищ Петру Васильеву денежный капитал (6500 рублей ассигнациями) «на устроение квартир для учителей Верхотурского уездного училища». Деньги эти можно было либо отдать для строительства дома, либо положить в местный банк Попова и ежегодно разделять проценты (около 260 рублей ассигнациями) между учителями. Директор предпочел второй вариант, предполагая ежегодно выделять на наем квартир трем учителям по 70 рублей, а учителю рисования 50 рублей [162].

Верхотурское уездное училище, помимо того, получило от купца новую мебель (дюжину кресел и полдюжины стульев с подушками, обитыми бархатом), три большие ученические доски, а также несколько физических приборов и инструментов (астролябию, мензулу, готовальню) стоимостью около 120 рублей серебром [163]. К 1854 г. уездное училище располагалось в собственном деревянном доме. Свой дом имело и выделенное из него приходское училище [164]. Дом для приходского училища был выстроен в 1842 г. П. Бронниковым. Помимо этого, купец принес в дар приходскому училищу мебель и учебные пособия общей стоимостью в 1921 рубль серебром. Общая сумма пожертвований П. Бронникова в пользу приходского училища в 1842 г. составила 3857 рублей серебром [165].

Не остались в стороне от развития народного просвещения и богатые кунгурские купцы. Уездное училище с приготовительным классом в Кунгуре было открыто в 1816 г. В 1836 г. из него было выделено приходское училище для мальчиков, в 1849 г. – открыто особое отделение для обучения девочек. Располагались училища в довольно тесном каменном здании. В 1841 г. кунгурский купец 3-й гильдии городской голова Степан Фоминых принес в дар уездному и приходскому училищам большой каменный двухэтажный дом со службами, стоивший ему 3714 рублей серебром. За это благотворение купец был награжден золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За полезное» [166]. В 1844 г. крупное денежное пожертвование в пользу училищ принес городской голова Кунгура купец 1-й гильдии почетный гражданин Кузнецов [167]. Местному уезд-

ному училищу он передал 1142 рубля серебром, а также материалы на 71 рубль серебром [168]. Крупные ремонтные работы в училище в 1847 г. выполнил крестьянин Лопатин: на исправление нижнего этажа здания он потратил 2300 рублей серебром [169].

Богатые кунгурские купцы участвовали не только в поддержании училищ собственного города. Крупную денежную и материальную помощь они оказывали и не столь преуспевающему Соликамску. Уездное училище в Соликамске было открыто в 1820 г. Располагалось оно вместе с приходским училищем в собственном деревянном доме с надворными строениями. В 1848 г. крупные средства на ремонт здания Соликамского приходского училища выделил отставной штаб-ротмистр Дубровин [170]. В 1852 г. для уездного училища Соликамска был отстроен собственный деревянный на каменном фундаменте дом. Приходское училище переместилось во флигель, выстроенный при училище кунгурским купцом 1-й гильдии В.Г. Юхневым [171].

Не столь щедрыми оказались во второй четверти XIX в. купцы Ирбита. К началу преобразований 1835 г. Ирбитское уездное училище размещалось в холодном неблагоустроенном доме, построенном в 1829 г. по подряду местным мещанином Н.И. Орловым. Училище это было совершенно не приспособлено для проведения учебных занятий. Заниматься в нем зимой было практически невозможно. В 1833 г. смотритель Попов доносил губернатору, что учителя и школьники не в состоянии посещать училище в течение четырех зимних месяцев. «Хотя же и бывает собрание учеников каждодневно, – писал смотритель, – но они только занимаются согреванием рук и ног, сидя в шубах и рукавицах, и частовременно многие получают простуду, а некоторые родители совершенно не отпускают детей своих в училище во время зимы, от чего учение вовсе останавливается» [172]. Сам смотритель во время холодов вынужден был ютиться в бане – единственном теплом месте среди училищных строений.

В 1834 г. попечитель предписал училищу покинуть этот дом и переместиться в наемную квартиру. Квартира эта достаточно дорого обходилась училищу, которое платило за нее из своих экономических сумм. Стоимость свободных квартир в Ирбите была очень высокой, потому что почти все дома были заняты приезжими купцами. Удобные для проживания квартиры во время ярмарки сдавались купцам на много лет вперед. Городские власти долгое время не соглашались помочь училищу в решении

проблемы размещения несмотря на настояния смотрителя и директора училищ. Отступить они вынуждены были только после посещения города местным губернатором. По настоянию губернатора, в 1837 г. дума выделила училищу общественный дом, расположенный на окраине города. Через десять лет, в 1848 г., после долгих просьб, общество согласилось пожертвовать этот дом (стоимостью около 3 тысяч рублей серебром) уездному училищу [173]. Однако несмотря на все поправки и переделки здание было мало приспособлено для проведения занятий. Прежде всего учителей не удовлетворяло его окраинное расположение: в холодное время года, добираясь до училища, дети простывали, а в ненастную погоду вязли в грязи. Неудобными и тесными были классные помещения, в уездном училище совмещались занятия уездного и приходского училищ. Как вспоминали бывшие ученики, очень часто из-за крайней тесноты в комнатах для занятий они выходили из них с головною болью [174].

В Камышлове уездное училище было открыто в 1847 г. Помогли этому купцы соседнего Шадринска. Еще в 1830 г. купец 2-й гильдии Александр Горохов изъявил желание построить «на собственном иждивении» каменный дом для Камышловского уездного училища. Дом этот по представленному купцом плану оказался недостаточно вместительным и потому не был построен. По распоряжению министра народного просвещения купцу было предложено пожертвовать подготовленные им строительные материалы и денежные средства в пользу учебного ведомства. Недостающую сумму для строительства подходящего училищному ведомству здания министерство согласилось возместить из казенных средств [175]. Но решение это так и не было выполнено. Камышловское уездное училище открыли лишь через 17 лет, в 1847 г. Каменный дом для него, стоимостью 4015 рублей серебром, был куплен почетным смотрителем Шадринского уездного училища В.Ф. Базилевским [176]. В 1854 г. училищное ведомство отстроило рядом с ним из собственных средств деревянный флигель со службами [177].

Предоставленные купцом А. Гороховым деньги и материалы были переданы на нужды вновь создававшегося Камышловского приходского училища. В 1836 г. А. Горохов отдал в пользу этого училища дом, оцененный в 5800 рублей ассигнациями, а также наличные деньги (1500 рублей асс.), за что был награжден золотой медалью с надписью «За полезное» [178]. Камышловское приходское училище начало действовать в 1837 г. В 1840 г.

министерство народного просвещения разрешило открыть при нем второй класс для преподавания пространного катехизиса, российской грамматики и второй части арифметики. С 1842 г. жалованье учителю второго класса выплачивал В.Ф. Базилевский. Закрыли этот класс в 1849 г. после начала работы уездного училища [179].

К концу николаевского правления в Пермской губернии функционировали 9 уездных училищ. Без учебных заведений этого ранга остались только три уездных города: Красноуфимск, Оханск и Оса. В них работали приходские училища. Осинское приходское училище было открыто в 1846 г., после того как последовало разрешение Комитета министров финансировать школы этого ранга из городских доходов. К 1854 г. училище ежегодно получало от города на свои нужды 371 рубль серебром. Располагалось оно в наемном деревянном доме [180]. В наемном доме располагалось и Оханское приходское училище, открывшееся 1848 г. На его содержание и наем квартиры было назначено ежегодно отпускать из земских сборов по губернии 391 рубль серебром [181].

Жители более богатого Красноуфимска также не имели своего уездного училища, хотя и высказывали желание его открыть. В 1839 г. пермский купец Михайлов передал для Красноуфимского уездного училища деревянный дом стоимостью в 5150 рублей ассигнациями [182]. Но училище это во второй четверти XIX в. так и не начало работать. В доме, пожертвованном Михайловым, разместилось местное приходское училище, восстановленное в 1844 г. К 1854 г. Красноуфимское приходское училище ежегодно получало от городского общества на свое содержание 331 рубль серебром. Поступали сюда и денежные пожертвования местного населения. В 1847 г. училище было отремонтировано государственным крестьянином Кленовской волости Гавриилом Беляевым. Он затратил на ремонт 2 тысячи рублей серебром, за что получил серебряную медаль на Аннинской ленте с надписью «За усердие» [183].

Надо отметить, что приношение пожертвований на нужды народного просвещения у жителей уральских городов постепенно становилось привычным и распространенным. Списки жертвователей, направлявшиеся в 1830–1840-е гг. дирекциями училищ попечителю Казанского учебного округа, содержат сотни фамилий. Почти никто не претендовал на награды, так как пожертвования были небольшими: жители приносили учебные пособия,

картины, мебель, небольшие денежные взносы. Среди благотворителей были представители разных социальных слоев. В 1839 г., например, списки жертвователей Чердынского уездного училища содержали фамилии уездного судьи, земского исправника, заседателя уездного суда, винного пристава, городского головы и нескольких купцов [184]. Среди благотворителей Верхотурского уездного училища в 1838 г. числились уездный судья, заседатели и секретари уездного суда, земский исправник, а также государственный крестьянин Андрей Циренщиков, который передал училищу 1 рубль [185]. В1841 г. Верхотурское уездное училище получило в дар от архимандрита Верхотурского мужского монастыря Афанасия 10 экземпляров немецких книг, а от помощника окружного начальника – 5 экземпляров русских книг [186].

В пользу Соликамского уездного училища в 1838 г. поступили пожертвования от управляющего вотчинами графа Строганова и князей Голицыных из села Новоусолье. Они передали школе семь ученических столов, окрашенных черной масляной краской [187]. В 1842 г. Соликамскому уездному училищу от управляющего соляными промыслами графини Строгановой Глушкова были переданы в дар две готовальни [188]. В 1843 г. жертвователем Соликамского уездного училища стал сам граф Г.А. Строганов: передал около 143 рублей [189].

Несколько ранее Соликамск получил еще более неожиданный подарок от благотворителей. В 1836 г. душеприказчик бывшего соликамского жителя московского мещанина Михайлы Силиновича Матушкина передал училищному ведомству по завещанию билет Сохранной казны в 2500 рублей с тем условием, что следующие по нему проценты (100 рублей ассигнациями рублей в год) будут употребляться на содержание бедных учеников Соликамского уездного училища [190]. В 1839 г. от того же М.С. Матушкина в пользу уездного училища была передана библиотека в 762 названия [191].

Пермское уездное училище получило в 1842 г. денежное пожертвование в 40 рублей от служащего Пермского имения графини Строгановой Петра Шарина [192]. В следующем году управление Пермским имением графини Строгановой переслало в училище учебные пособия (тройные счеты, железные ломы, багры, топоры). Тройные счеты были отправлены и в Пермское приходское училище 193].

Распространены были благотворительные подписки в пользу учебных заведений, которые проводились во время торжествен-

ных актов открытия и испытаний учеников. В Кунгуре, например, в 1841 г. во время подписки было собрано от разных лиц для пополнения пособий приходского училища около 50 рублей ассигнациями [194]. Красноуфимское приходское училище получило в том же году во время подписки около 200 рублей ассигнациями, а Ирбитское уездное училище – 50 рублей ассигнациями и книги на 7 рублей ассигнациями. Имена всех жертвователей были напечатаны в "Пермских губернских ведомостях" [195]. Екатеринбургское уездное училище получило в 1838 г. в дар от инженер-подполковника И.Н. Варвинского учебник геометрии Гурьева, а от купца С.Д. Голышева – портрет императора Николая I ценой в 150 рублей [196].

По мере сил участвовали в благотворительности и местные учителя. В 1839 г. учитель Чердынского уездного училища Костарев подарил приготовительному классу училища десять ученических столов ценой в 180 рублей ассигнациями, а учитель Калинин – восемь железных полукружий ценой в 50 рублей [197]. В 1837 г. учитель Ирбитского уездного училища Семериков передал в пользу приходского училища 19 книг общей стоимостью около 100 рублей ассигнациями. Среди них были: Библия на славянском наречии (1818 г.), «Начертание полной купеческой системы» Сапожникова (1789 г.), «Начальные основания вексельного права» Дилгесена (1789 г.), «Истолкование английских законов» Блокетона (1780 г.). В 1839 г. учителя Ирбитского уездного училища Казаринов и Семериков передали в библиотеку училища несколько книг общей стоимостью в 20 рублей [198]. В 1844 г. штатный смотритель Тихонов передал в библиотеку 12 томов книг, учитель Пост – 6 томов, учитель Эйгер – 5 томов [199]. Участвовали в комплектовании библиотеки и другие социальные слои города. В 1842 г., например, коллежский асессор Печерский пожертвовал в библиотеку училища 21 экземпляр книг [200].

Для библиотеки и учебных кабинетов Екатеринбургского уездного училища в 1838 г. был сделан подарок учителем немецкого языка М.И. Рейнке. Он передал сюда 60 листов немецких прописей стоимостью 20 рублей ассигнациями [201]. В 1839 г. учитель пополнил библиотеку книгой И.Е. Крузена «Общий гамбургский канторист» на немецком языке, а учебные кабинеты – десятью изображениями различных рыб в рамках из красного дерева [202]. В этом же году он передал сюда 200 штуфов разных горных пород [203].

К 1855 г. училищное ведомство с помощью благотворителей смогло обеспечить все 9 уездных училищ Пермской губернии собственными домами (4 из них были каменными, 5 – деревянными). Приходские училища столь благоприятных условий не имели. Из 12 учебных заведений этого ранга в собственных домах разместились лишь 4, домах уездных училищ – 5, в наемных деревянных домах – 3.

Купцы Вятской и Оренбургской губерний во второй четверти XIX в. намного отстали от своих пермских соседей по размерам благотворительности. Однако благодаря усилиям казны и в этих губерниях число начальных школ существенно возросло. В Вятской губернии в 1828 г. работало 7 уездных училищ (в Вятке, Слободском, Сарапуле, Яранске, Котельниче, Глазове и Елабуге). К 1854 г. их стало уже 10. К существовавшим прежде добавились Орловское (1831 г.), Малмыжское (1837 г.) и Уржумское (1839 г.). Без учебных заведений этого ранга остался лишь один уездный город – Нолинск. Приходскими же училищами обзавелись все уездные города. В 1828 г. училищ этого ранга было 9. К 1854 г. их стало 12: в 1830 г. было открыто Елабужское приходское училище, в 1835 г. – Уржумское, в 1838 г. – Нолинское. Нолинское приходское училище было преобразовано из существовавшего здесь еще с XVIII в. малого народного училища [204].

Поддерживались начальные школы Вятской губернии за счет казенных и общественных средств. Частный благотворительный капитал, как уже говорилось, играл в Вятской губернии не столь заметную роль, как в Пермской губернии. Источники отмечают лишь одно крупное купеческое пожертвование того времени в пользу учебных заведений. В 1835 г. уржумский купеческий сын 2-й гильдии Павел Матвеев пожертвовал местному приходскому училищу свой деревянный дом ценою в 7200 рублей, за что был удостоен золотой медали на Аннинской ленте с надписью «За полезное» [205].

Матвеевский дом в Уржуме, по решению училищного начальства, был передан не приходскому, а вновь создающемуся уездному училищу. Торжественное открытие его состоялось 19 сентября 1839 г. При училище имелась небольшая библиотека, составленная из пожертвованных горожанами и приобретенных за собственные средства книг и журналов, а также учебный кабинет, включавший собрание старинных мнет, кредитных билетов, минералов и окаменелостей (около 37 экспонатов). Коллекции были подарены училищу штатным смотрителем А.А. Не-

красовым. До открытия уездного и приходского училищ дети уржумских чиновников и горожан обучались у священников местного Троицкого собора. Первоначально занятия вел отец Иаков Короваев. Он преподавал священную историю, русский язык, чтение и письмо. В 1828 г. его сменил отец Матвей Короваев. Он преподавал Закон Божий, русский язык, арифметику, латинский язык, чтение и чистописание. Число учеников в домашнем училище достигало 20 человек [206].

Орловское общество предоставило своему уездному училищу каменный дом. Занятия в нем начались в 1831 г. В Малмыже уездное училище, открытое в 1837 г., разместилось в деревянном здании. В отчете по министерству народного просвещения за 1836 г. отмечено, что здание это было подарено училищу «некоторыми жителями Малмыжа» [207]. Дом, однако, оказался не столь прочным. В 1854 г. он уже требовал больших поправок. В ремонтных работах нуждались и другие здания уездных училищ. В 1855 г. директор Вятских училищ указал в своем отчете попечителю учебного округа, что исправлений требуют дома Сарапульского и Яранского уездных училищ [208]. Ремонт и покупку новых домов для многих уездных училищ училищное ведомство осуществляло самостоятельно. В 1836 г., например, за счет собственных средств оно приобрело новый деревянный дом для Котельничского уездного училища [209], в 1837 г. – новый каменный дом за 6 тысяч рублей для Слободского уездного училища [210].

Достаточно большие средства были вложены училищным ведомством в старейшее в Вятской губернии Елабужское уездное училище. К началу преобразований 1835 г. оно располагалось в старом каменном доме, пожертвованном ему в 1809 г. священником П. Юрьевым. В 1848 г. за счет собственных средств, здание было отреставрировано. Вскоре оно очень сильно пострадало во время городского пожара. В 1850 г. пожар уничтожил в Елабуге около 400 домов. Сгорел и дом уездного училища со всем казенным имуществом. Обгоревший училищный дом с принадлежавшей ему землей был продан с публичных торгов [211]. Учащиеся после этого долгое время вынуждены были заниматься во временных съемных помещениях [212]. Все остальные уездные училища Вятской губернии к 1855 г. имели собственные дома (6 – каменные, 3 – деревянные). Некоторые из них, однако, как отмечалось в отчете директора училищ, требовали исправлений.

Гораздо хуже было состояние приходских училищ. К 1855 г. они за редким исключением не имели собственных учебных зданий. Елабужское, Орловское и Слободское приходские училища разместились в каменных общественных домах; Нолинское и Котельничское – в деревянных общественных домах; Глазовское – в деревянном флигеле уездного училища; Уржумское, Малмыжское, Яранское и два Вятских училища – в съемных домах. Собственный каменный дом имело лишь Сарапульское приходское училище, но и он требовал больших исправлений [213].

Небогаты были и начальные школы Оренбургской губернии. Списки их жертвователей во второй четверти XIX в., как и в Вятской губернии, не пестрят фамилиями. Рост числа школ здесь происходил в основном за счет усилий государства. В 1828 г. в Оренбургской губернии действовало всего 5 уездных училищ (в Уфе, Оренбурге, Бузулуке, Мензелинске, Бугуруслане), а самостоятельных приходских школ не существовало вовсе. В 1850 г. уездные училища работали уже в 8 из 12 уездных городов: помимо прежних, были открыты уездные училища в Челябинске (1833 г.), Троицке (1835 г.) и Бирске (1839 г.). Появились и самостоятельные приходские училища. Они были преобразованы из приготовительных классов уездных училищ или вновь открыты в Оренбурге (1832 г.), Уфе (1839 г.), Стерлитамаке (1839 г.), Бузулуке (1839 г.), Мензелинске (1839 г.), Бирске (1839 г.), Челябинске (1839 г.) и Троицке (1839 г.). В 1850 г. число школ в Оренбургской губернии несколько сократилось в связи с административными преобразованиями: Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминские уезды вместе со школами отошли к Самарской губернии. Тем не менее к концу николаевского царствования численность учеников в начальных школах Оренбургской губернии по сравнению с первой четвертью XIX в. выросла в четыре раза.

Особенно быстро росло количество учеников в приходских школах. Первое приходское училище было отрыто в Оренбурге в 1832 г. По настоянию оренбургского военного губернатора графа Павла Петровича Сухтелена общество согласилось ежегодно выделять для училища 1300 рублей ассигнациями [214]. Разместилось оно в съемном деревянном доме. Такой же дом был выделен на средства думы и для второго приходского училища, открытого оренбургской городской думой в 1851 г. [215]. Инициатором его открытия также стал военный губернатор. На выделении средств для нового училища настоял оренбургский и

самарский генерал-губернатор В.А. Перовский. Второе приходское училище разместилось в Старой Слободке [216].

Городские общества уездных центров Оренбургской губернии долгое время отказывались от финансирования приходской школы, ссылаясь на крайнюю бедность жителей. Их согласия училищному ведомству удалось добиться лишь в 1839 г., после того как было получено разрешение министерства внутренних дел на выделение средств для этих целей из городских доходов. Отказались от участия в учреждении приходских училищ после издания этого закона только три города – Белебей, Бугульма и Верхнеуральск.

Приходские училища Оренбургской губернии были одногодичными. Согласно Уставу 1828 г., в них обучали Закону Божьему, чтению по книгам гражданской и церковной печати, письму, четырем первым действиям арифметики. Некоторое своеобразие имело только Стерлитамакское приходское училище. В 1841 г. оно получило разрешение попечителя на дополнительное преподавание русской грамматики и второй части арифметики. Время обучения было увеличено до 2 лет [217]. Появлялись в городах Оренбургской губернии и новые уездные училища. Расширение их числа во второй четверти XIX в. началось по инициативе военного губернатора П.П. Сухтелена.

Обозревая в 1831 г. город Челябинск, П.П. Сухтелен заметил, что в столь далеком от губернского центра крае нет ни одного крупного учебного заведения. Ходатайство губернатора к министру народного просвещения об открытии нового уездного училища было поддержано. Министр разрешил ежегодно отпускать на основе Устава 1804 г. в пользу вновь учреждаемого училища по 1410 рублей ассигнациями. Сверх того по настоянию военного губернатора согласился помогать училищу Оренбургский приказ общественного призрения. Ежегодно он начал выделять Челябинскому уездному училищу по 500 рублей ассигнациями [218].

Призыв о помощи вновь учреждаемому училищу нашел отклик и среди местных жителей. Несколько купцов и чиновников вызвались ежегодно жертвовать в пользу учебного заведения по 22 рубля 20 копеек ассигнациями. Общая сумма пожертвований составляла в год около 400 рублей ассигнациями. Из этих средств городская дума отпускала 250 рублей на жалованье учителю приготовительного класса при уездном училище и 150 рублей – на наем училищного помещения.

Челябинское уездное училище начало свою работу 28 июня 1833 г. В 1836 г. для него был выстроен за счет средств казны «весьма поместительный» каменный двухэтажный дом. Надо сказать, что после этого горожане отказались передавать свои пожертвования на нужды училища, считая, что казна отпускает достаточно средств на его содержание. Городская дума стала выделять из своих средств лишь 250 рублей на жалованье учителю [219]. Частные благотворительные пожертвования в пользу училища, однако, продолжали поступать. В 1837 г., например, купечество и чиновничество передало сюда два портрета императора и императрицы в позолоченных рамах, стоимостью в 130 рублей ассигнациями [220].

Троицкое уездное училище также возникло по инициативе коронной администрации. В апреле 1834 г. с просьбой о создании этого училища к попечителю Казанского учебного округа обратился военный губернатор Василий Алексеевич Перовский, сменивший на посту графа П.П. Сухтелена. В.А. Перовский считал, что, кроме городских жителей, в Троицком уездном училище смогут получать образование и дети многочисленных обитателей оренбургской укрепленной линии [221]. После того как разрешение было получено, к жителям губернии обратился гражданский губернатор Николай Васильевич Жуковский. Он пригласил их к добровольным пожертвованиям на нужды вновь создающегося училища.

Горожане откликнулись на призыв губернатора – их сборы принесли в училищную казну 413 рублей 70 копеек ассигнациями. К этим деньгам были присоединены пожертвования, собранные жителями Троицка еще в 1820 г. Пожертвования эти (730 рублей 80 копеек ассигнациями) долгое время хранились в кредитных установлениях, в результате чего они приросли процентами. К 1 января 1834 г. проценты по капиталу составляли 634 рубля 88 копеек. Собранной суммы (1779 рублей 38 копеек асс.) было достаточно для того, чтобы снять для уездного училища дом [222]. Эти траты, однако, оказались лишними. После некоторого раздумья, на помощь училищу пришел местный городской голова купец Котов. В 1835 г. он купил дом одного из местных жителей (г. Фон-Варнена) стоимостью около 10 тысяч рублей ассигнациями и пожертвовал его уездному училищу. Просторный деревянный дом на каменном фундаменте был вполне пригоден для проведения в нем занятий. Котов взял на себя обязанность отремонтировать дом и привести его в удобное для обу-

чения состояние. За этот благотворительный поступок он был награжден золотой медалью на Аннинской ленте с надписью «За полезное» [223]. Перестройка училища осуществлялась по смете инженер-прапорщика Заинова в течение 5 лет. В учебное ведомство он был принят в январе 1840 г. Купцу и его наследникам ремонтные работы обошлись в 5162 рубля 98 копеек. Частично эти средства были компенсированы за счет пожертвований горожан [224]. Обучение школьников в Троицком уездном училище началось 31 марта 1835 г. До окончания ремонтных работ занятия проводились в съемных домах [225].

5 июня 1839 г. начались занятия в Бирском уездном училище. Разместилось оно в каменном доме, приобретенном городским обществом. Дом этот к моменту покупки имел уже достаточно солидный возраст. К 1854 г. он нуждался в серьезных исправлениях [226]. Во время акта открытия училища гости училища пожертвовали на постройку училищной мебели 196 рублей 40 копеек [227]. Благотворительные взносы на обустройство училища и пополнение его учебных коллекций поступали и позднее. В 1842 г. благородное общество города подарило училищу портрет императора Николая I стоимостью около 22 рублей серебром [228]. В 1843 г. купец Кондюрин передал сюда книги стоимостью около 23 рублей серебром [229].

Постоянными помощниками учебного ведомства в финансировании уездных училищ являлись их почетные смотрители. Ежегодно они передавали на нужды образования по 150–300 рублей. Наиболее крупным благотворителем среди них был почетный смотритель Оренбургского уездного училища Андрей Иванович Еникуцев. А.И. Еникуцев был одним из самых богатых людей в Оренбурге. Источником его доходов были винные откупа. Помимо этого, он не отказывался и от государственной службы. В 1849 г. за беспорочную 35-летнюю службу Еникуцев был удостоен ордена Святого Владимира IV степени [230].

Ежегодно А.И. Еникуцев выделял достаточно крупные средства в пользу опекаемого им Оренбургского уездного училища. В 1845 г. почетный смотритель принес в дар училищу коллекцию книг стоимостью в 1538 рублей серебром [231]. В 1849 г. он перевел сюда 50 рублей на исправление классной мебели и библиотечных шкафов. В 1852 г. на свои собственные средства А.И. Еникуцев отстроил при доме Оренбургского уездного училища флигель, что обошлось ему в 2500 рублей серебром [232].

Среди жертвователей Оренбургского уездного училища были и представители других общественных слоев. Сотник Викулов пожертвовал сюда в 1850 г. билет ценой в 3 рубля 60 копеек серебром на получение "Оренбургских губернских ведомостей" [233]. В том же 1850 г. чиновниками и учениками в училище был передан образ Христа Спасителя стоимостью в 8 рублей серебром [234].

Надо заметить, что благотворительный капитал в Оренбургской губернии (как, впрочем, и в Вятской) играл весьма незначительную роль в финансировании начального образования. Оренбургская губерния во второй четверти XIX в. развивала инфраструктуру городских уездных училищ в основном за счет средств казны. В 1836 г., например, училищным ведомством был приобретен каменный дом для Челябинского уездного училища, в 1838 г. – для Бугурусланского уездного училища. На перестройку этого училища в 1839 г. по подряду из казны было выделено 19 300 рублей. В том же году училищное ведомство купило для Уфимского уездного училища каменный дом за 20 тысяч рублей [235], а в 1848 г. – новый деревянный дом для Бузулукского уездного училища. В 1852 г. за счет казенных средств были произведены значительные исправления в доме Оренбургского уездного училища [236].

Небольшие благотворительные пожертвования от местных жителей получали и приходские училища. В 1839 г., например, во время акта открытия Челябинского приходского училища в его пользу было передано около 200 рублей ассигнациями. В числе жертвователей были почетный смотритель Челябинского уездного училища И.В. Жуковский, городничий Геденков, протоиерей Логачевский, винный пристав Ерандаев, войсковой старшина Смирнов, уездный врач К. Покровский и несколько местных купцов и мещан [237]. В пользу Бузулукского приходского училища в 1839 г. были переданы пожертвования от штатного смотрителя Зефирова (5 рублей), крестьянина Осипова (5 рублей) и некоторых других жителей города, пожелавших остаться неизвестными (9 рублей) [238].

Собственных домов к концу николаевского правления приходские училища Оренбургской губернии не имели. В 1855 г. они располагались либо вместе с уездными училищами, либо в деревянных наемных домах [239]. Уездные училища имели более благоустроенные помещения. К 1855 г. все они разместились в собственных домах, почти все они были каменными [240].

Приходские и уездные училища уральских городов, как и гимназии, не были закрытыми сословными учебными заведениями. Стремление правительства изолировать детей низших сословий от дворянства в провинциальных городах оказалось неосуществимым. Многие семьи малообеспеченных дворян предпочитали ограничивать обучение своих детей бесплатным казенным начальным образованием. Любопытно, что на Урале именно в «дворянской» Оренбургской губернии дети дворян и чиновников составляли большую часть учеников низших школ (табл. 17). В Пермской и Вятской губерниях, судя по данным отчетных ведомостей местных дирекций, в школах этого ранга преобладали дети городских сословий (мещан и купцов).

Приведенные данные, впрочем, не были совершенными, а значит и точными. Ведомости делили учеников лишь на три категории: «из дворян и чиновников», «из купцов и мещан», «из крестьян и разночинцев». Последняя категория была весьма разнородной и неопределенной. По-видимому, она включала тех, кто официально значился разночинцем в «Свидетельстве об увольнении от общества». Это могли быть казенные мастеровые, государственные крестьяне, казаки и пр. Вероятнее всего, последняя графа включила и детей крепостных мастеровых и дворовых людей.

О том, что эта категория присутствовала в начальных городских уральских училищах николаевского времени свидетельствуют именные списки учителей заводских приходских школ Пермской губернии 1854 г. Судя по этим спискам, заводовладельцы Строгановы, Голицыны, Шаховские, Бутеро, Харитоновы, Зотовы и другие отправляли своих крепостных мальчиков на учебу в городские уездные училища. Выпускниками Пермского уездного училища, например, в это время числились Андрей Красиков (двадцати двух лет) и Николай Еремеев (двадцати четырех лет) – крепостные учителя Добрянского училища; Михаил Бажин (двадцати семи лет) – крепостной учитель Верхнемуллинского училища; Александр Новожилов (семнадцати лет) – крепостной учитель Александропашийского училища; Андрей Шалаев (двадцати двух лет) – крепостной учитель Лысьвинского училища; Николай Карасов (двадцати двух лет), Гаврило Казаков (восемнадцати лет) и Петр Пупышев (восемнадцати лет) – крепостные учителя Нытвинского училища; Степан Страхеев (двадцати трех лет), Василий Петухов (двадцати семи лет), Петр Кучин (двадцати пяти лет) – крепостные учителя Новоусольско-

Таблица 17

Состав (по происхождению) учащихся приходских и уездных училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1855 г.

Губерния	Наименование училищ	Численность учеников						Всего	
		Из дворян и чиновников		Из купцов и мещан		Из крестьян и разночинцев			
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Пермская	*Уездные училища*:								
	Пермское	27	41,5	21	32,3	17	26,2	65	100
	Кунгурское	2	4,3	42	91,4	2	4,3	46	100
	Екатеринбургское	44	37,3	28	23,7	46	39,0	118	100
	Шадринское	11	15,7	40	57,1	19	27,2	70	100
	Камышловское	9	31,0	10	34,5	10	34,5	29	100
	Ирбитское	4	5,8	61	88,4	4	5,8	69	100
	Верхотурское	10	24,4	24	58,5	7	17,1	41	100
	Чердынское	6	14,6	33	80,5	2	4,9	41	100
	Соликамское	4	12,5	23	71,9	5	15,6	32	100
	Приходские училища:								
	Пермское	26	22,0	49	41,5	43	36,5	118	100
	Оханское	3	6,0	6	12,0	41	82,0	50	100
	Красноуфимское	2	5,1	34	87,2	3	7,7	39	100
	Осинское	5	12,8	14	35,9	20	51,3	39	100
	Кунгурское	–	–	82	97,6	2	2,4	84	100
	Екатеринбургское	11	11,0	45	45,0	44	44,0	100	100
	Шадринское	19	13,7	79	57,8	39	28,5	137	100
	Камышловское	9	22,5	7	17,5	24	60,0	40	100
	Ирбитское	15	15,3	70	71,4	13	13,3	98	100
	Верхотурское	3	6,0	42	84,0	5	10,0	50	100
	Чердынское	2	2,9	48	70,6	18	26,5	68	100
	Соликамское	1	0,7	92	64,3	50	35,0	143	100
Итого по губернии:		213	14,4	850	57,6	414	28,0	1477	100
Вятская	*Уездные училища*:								
	Вятское	45	36,0	62	49,6	18	14,4	125	100
	Глазовское	5	17,2	14	48,3	10	34,5	29	100
	Елабужское	6	10,9	36	65,4	13	23,6	55	100
	Котельническое	12	24,0	28	56,0	10	20,0	50	100
	Малмыжское	11	27,5	24	60,0	5	12,5	40	100
	Орловское	6	20,7	21	72,4	2	6,9	29	100
	Сарапульское	5	12,8	32	82,1	2	5,1	39	100
	Слободское	6	12,2	33	67,4	10	20,4	49	100
	Уржумское	7	28,0	14	56,0	4	16,0	25	100
	Яранское	9	24,3	22	59,5	6	16,2	37	100

Губерния	Наименование училищ	Численность учеников						Всего	
		Из дворян и чиновников		Из купцов и мещан		Из крестьян и разночинцев			
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
	Приходские училища:								
	Вятское первое	20	22,2	46	51,1	24	26,7	90	100
	Вятское второе	5	8,8	45	78,9	7	12,3	57	100
	Глазовское	2	4,7	14	32,6	27	62,8	43	100
	Елабужское	1	1,1	60	63,8	33	35,1	94	100
	Котельническое	5	7,9	42	66,7	16	25,4	63	100
	Малмыжское	1	3,3	10	33,3	19	63,4	30	100
	Нолинское	2	2,6	51	66,2	24	31,2	77	100
	Орловское	7	7,7	54	59,3	30	33,0	91	100
	Сарапульское	2	2,3	66	75,0	20	22,7	88	100
	Слободское	2	2,5	53	66,3	25	31,2	80	100
	Уржумское	7	28,0	14	56,0	4	16,0	25	100
	Яранское	2	4,8	26	61,9	14	33,3	42	100
Итого по губернии:		168	13,3	767	61,0	323	25,7	1258	100
Оренбургская	*Уездные училища*:								
	Уфимское	70	67,3	25	24,0	9	8,7	104	100
	Мензелинское	14	28,6	11	22,4	24	49,0	49	100
	Челябинское	8	44,4	7	38,9	3	16,7	18	100
	Троицкое	15	44,1	12	35,3	7	20,6	34	100
	Оренбургское	40	54,0	17	23,0	17	23,0	74	100
	Бирское	10	18,9	26	49,0	17	32,1	53	100
	Приходские училища:								
	Уфимское	70	53,8	40	30,8	20	15,4	130	100
	Стерлитамакское	62	13,6	24	54,6	14	31,8	44	100
	Мензелинское	3	6,7	19	42,2	23	51,1	45	100
	Челябинское	17	50,0	8	23,5	9	26,5	34	100
	Троицкое	9	16,7	23	42,6	22	40,7	54	100
	Оренбургское первое	2636	30,5	27	22,9	55	46,6	118	100
	Оренбургское второе	3	4,9	26	42,6	32	52,5	61	100
	Бирское	4	6,5	11	17,7	47	75,8	62	100
Итого по губернии:		305	34,6	276	31,4	299	34,0	880	100
Всего:		686	19,0	1893	52,4	1036	28,6	3615	100

* Источники: Отчеты о состоянии училищ Пермской, Оренбургской и Вятской губерний за 1854 г., направленные дирекциями училищ попечителю Казанского учебного округа (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.6883. Л.127–195–22289, 225, 402).

Сведения приведены на 1 января 1855 г.

го училища; Игнатий Серебряков (тридцати девяти лет) и Михаил Лялин (девятнадцати лет) – крепостные учителя Югокнауфского училища; Петр Наседкин (сорока лет) – крепостной учитель Кыштымского училища; Афанасий Чудинов (девятнадцати лет) – крепостной учитель Кудымкарского училища. Кунгурское уездное училище закончили крепостные учителя демидовского Суксунского училища Павел Монохин (тридцати одного года) и Арсений Овчинников (двадцати четырех лет). Все они, наверняка, получили образование в уездных училищах в период николаевского царствования [241].

Характерной чертой низших школ Урала оставался широкий отсев учащихся. В 1854 г., как и полвека назад, число учеников, выбывших до окончания обучения, существенно превышало число выпускников с аттестатами (табл. 18). Регулярное образование в семьях простых городских жителей по-прежнему мало ценилось, как и в XVIII в. оно считалось излишней роскошью.

Популярность школьного образования постепенно росла. Данные официальной статистики, представлявшиеся дирекциями училищ попечителю Казанского учебного округа, свидетельствуют о том, что процент обучавшихся в школах министерства народного просвещения к середине XIX в. существенно превышал показатели начала века (табл. 19). Школьная статистика 1854 г. содержала, помимо сведений о числе учеников в городских школах, данные о числе городских жителей (мужчин). Мужское население учитывалось по сословиям: «из дворян и чиновников», «из купцов и мещан», «из крестьян и разночинцев». Трудно судить, насколько достоверными были эти цифры, директора не сообщают, на основе каких данных они составлялись. Принимая приблизительность подсчетов, можно все же указать, что, по данным училищных дирекций, в 1854 г. общая численность учащихся в городских школах министерства народного просвещения составляла 6,2 % мужского населения губернских и уездных городов (в Пермской губернии – 5,6 %, в Вятской – 7,8 %, в Оренбургской – 5,6 %).

Анализируя демографические процессы для разных сословий, Б.Н. Миронов подсчитал, что в общей численности населения Европейской России в 1796–1903 гг. процент детей в возрасте до 7 лет составлял 15–19 % [241 а]. Можно предположить, что дети школьного возраста (8–15 лет) также составляли в общем составе населения около 17 %. Если сравнить число школьников в уральских городах с предполагаемой численностью детей школьного возраста, то можно заметить, что процент охвата де-

Таблица 18

Численность учащихся, выпущенных общеобразовательными школами в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1854 г.*

Губерния	Наименование училища	Общая численность учащихся, чел.	Численность выпускников с аттестатами, чел.	Число учащихся, не закончивших обучение
Пермская	Гимназия	193	12	23
	Уездные училища:			
	Пермское	65	20	19
	Кунгурское	46	3	20
	Екатеринбургское	118	11	44
	Шадринское	70	2	16
	Камышловское	29	6	8
	Ирбитское	69	6	14
	Верхотурское	41	5	12
	Чердынское	41	3	15
	Соликамское	32	4	15
	Приходские училища:			
	Пермское	118	29	58
	Оханское	50	5	9
	Красноуфимское	39	3	26
	Осинское	39	8	16
	Кунгурское	84	28	40
	Екатеринбургское	100	34	75
	Шадринское	137	32	34
	Камышловское	40	9	18
	Ирбитское	98	6	15
	Верхотурское	50	–	10
	Чердынское	68	–	12
	Соликамское	143	17	–
Итого:		1670	243	499
Вятская	Гимназия	141	10	20
	Уездные училища:			
	Вятское	125	18	49
	Глазовское	29	4	13
	Елабужское	55	5	12
	Котельническое	50	5	12
	Малмыжское	40	6	8
	Орловское	29	4	22
	Сарапульское	39	4	17
	Слободское	49	11	22

Окончание табл. 18

Губерния	Наименование училища	Общая численность учащихся, чел.	Численность выпускников с аттестатами, чел.	Число учащихся, не закончивших обучение
	Уржумское	28	5	14
	Яранское	37	6	11
	Приходские училища:			
	Вятское первое	90	28	14
	Вятское второе	57	17	18
	Глазовское	43	–	10
	Елабужское	94	23	24
	Котельническое	63	21	17
	Малмыжское	30	8	9
	Нолинское	77	16	12
	Орловское	91	20	36
	Сарапульское	88	18	18
	Слободское	80	22	21
	Уржумское	25	10	8
	Яранское	42	12	6
Итого:		1402	273	393
Оренбургская	Гимназия	191	21	25
	Уездные училища:			
	Уфимское104	19	14	
	Мензелинское	49	2	12
	Челябинское	18	2	8
	Троицкое	34	4	9
	Оренбургское	74	7	46
	Бирское	53	4	4
	Приходские училища:			
	Уфимское	130	30	15
	Стерлитамакское	44	7	–
	Мензелинское	45	16	15
	Челябинское	34	6	8
	Троицкое	54	15	17
	Оренбургское первое	118	18	53
	Оренбургское второе	61	5	20
	Бирское	62	15	39
Итого:		1071	171	285
Всего:		4143	687	1177

* Источник: Отчеты по Пермской, Вятской и Оренбургской дирекциям училищ за 1854 г., направленные попечителю Казанского учебного округа (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 189). Сведения приведены на 1 января 1855 г.

Таблица 19

Численность и состав (по происхождению) населения уральских городов, обучавшегося в общеобразовательных школах Министерства народного просвещения в 1854 г.*

Губерния, город	Численность городского населения (муж. пола)											
	Дворян и чиновников			Купцов и мещан			Разночинцев и крестьян			Всего		
	чел.	из них учащихся		чел.	из них учащихся		чел.	из них учащихся		чел.	из них учащихся	
		чел.	%		чел.	%		чел.	%		чел.	%
Пермская:												
Пермь	595	223	37,5	4585	86	1,9	2330	67	2,9	7510	376	5
Екатеринбург	404	55	13,6	1601	73	4,6	6225	90	1,4	8230	218	2,6
Кунгур	74	2	2,7	3112	124	4	653	4	1,6	3839	130	3,4
Шадринск	93	30	32,3	1422	119	8,4	183	58	31,7	1698	207	12,2
Камышлов	37	18	48,6	499	17	3,4	221	34	15,4	757	69	9,1
Ирбит	99	19	19,2	1001	131	13,1	402	17	4,2	1502	167	11,1
Верхотурье	49	13	26,5	1042	66	6,3	85	12	13,9	1176	91	7,7
Чердынь	50	8	1,6	1047	81	7,7	200	10	10	1297	109	8,4
Соликамск	18	5	27,8	904	115	12,7	102	55	53,9	1024	175	17,1
Оханск	100	3	3	137	6	4,4	376	41	10,9	613	50	8,2
Красноуфимск	31	2	6,5	831	34	4,1	221	3	1,4	1083	39	3,6
Оса	55	5	9,1	410	14	3,4	720	20	2,8	1185	39	3,3
Итого:	1605	383	23,9	16591	866	5,2	11718	421	3,6	29914	1670	5,6
Вятская:												
Вятка	592	161	27,2	2901	194	6,7	2356	58	2,5	5849	413	7,1
Глазов	61	7	11,5	420	28	6,7	125	37	29,6	606	72	11,9
Елабуга	39	7	17,9	1255	96	7,6	1100	46	4,2	2394	149	6,2
Котельнич	38	17	44,7	809	70	8,7	116	26	22,4	963	113	11,7
Малмыж	77	21	27,3	420	43	10,2	125	35	28,0	622	99	15,9
Орлов	94	13	13,8	956	75	7,8	201	32	15,9	1251	120	8,2
Сарапул	70	7	10,0	465	98	21,1	475	22	4,6	1010	127	12,6
Слобода	80	8	10,0	2406	86	3,6	620	35	5,6	3106	129	4,2
Уржум	31	14	45,1	533	31	5,8	85	8	9,4	649	53	8,2
Яранск	49	11	22,4	530	48	9,1	341	20	5,9	920	79	8,6
Нолинск	49	2	4,1	867	51	5,9	145	24	16,6	1061	77	7,3
Итого:	1180	268	22,7	11562	820	7,1	5689	343	6,0	18431	1431	7,8
Оренбургская:												
Уфа	760	261	34,3	2840	120	4,2	2126	44	2,1	5726	425	7,4
Мензелинск	83	17	20,5	1215	30	2,5	938	47	5,0	2236	94	4,2
Челяба	117	25	21,4	1392	15	1,1	307	12	3,9	1816	52	2,9

Окончание табл. 19

Губерния, город	Численность городского населения (муж. пола)											
	Дворян и чиновников			Купцов и мещан			Разночинцев и крестьян			Всего		
	чел.	из них учащихся		чел.	из них учащихся		чел.	из них учащихся		чел.	из них учащихся	
		чел.	%		чел.	%		чел.	%		чел.	%
Троицк	348	24	6,9	623	35	5,6	473	29	6,1	1444	88	6,1
Оренбург	1163	79	6,8	2231	35	1,6	-	104	-	3394	218	6,4
Бирск	295	14	4,7	635	37	5,8	352	64	18,1	1282	115	9,0
Стерлитамак	60	6	10,0	2401	24	1,0	190	14	7,4	2651	44	1,7
Итого:	2826	426	15,1	11337	296	2,6	4386	314	7,2	18549	1036	5,6
Всего:	5611	1077	19,2	39490	1982	5,0	21793	1078	4,9	66894	4137	6,2

* Источник: Отчеты по Пермской, Вятской и Оренбургской дирекциям училищ за 1854 г., направленные попечителю Казанского учебного округа (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 189). В число учащихся включены ученики гимназий, уездных и городских приходских училищ.

Сведения приведены на 1 января 1855 г.

Среди населения города Оренбурга статистические отчеты дирекции не указали численность разночинцев и крестьянства.

тей школами в 1854 г. был достаточно высоким. Государственную школу в это время предпочитали почти все дворяне. Число выходцев из привилегированных сословий в городских школах Урала даже превышало среднюю цифру детей школьного возраста, что могло объясняться приходом в город детей из поместий. Возможностей для альтернативного обучения детей для малообеспеченных дворян и чиновников на Урале было мало. Квалифицированных частных преподавателей здесь практически не было, как и мужских пансионов. Состоятельные родители отправляли своих детей для обучения в столицы или ближайший университетский город Казань.

К середине XIX в. государственная школа стала достаточно популярной и среди городских сословий. В 1854 г. в общеобразовательных школах городов Урала обучалось около 1/3 детей школьного возраста из купечества и мещан. Следует при этом заметить, что процент охвата купеческих и мещанских детей школами в разных губерниях сильно различался. Лидером выступала Вятская губерния, где детей школьного возраста обучалось около 40 %. В Пермской губернии этот показатель составлял чуть более 1/3, а в колонизуемой Оренбургской – 15 %.

Устав 1828 г. разрешал обучение в приходских училищах и мальчиков, и девочек. Однако распространилось казенное на-

чальное женское образование в николаевский период лишь в Пермской губернии. Первое женское отделение начало работу при Пермском приходском училище в 1850 г. по инициативе директора училищ Пермской губернии И.Ф. Грацинского. По его просьбе попечитель Казанского учебного округа разрешил открыть женское отделение в виде опыта, на один год. Впоследствии И.Ф. Грацинский добился разрешения на открытие еще восьми женских отделений. К 1 февраля 1855 г., по данным отчетных ведомостей директора, в городских приходских училищах Пермской губернии обучалось 177 девочек (из них 20 – в Перми, 7 – в Оханске, 3 – в Красноуфимске, 21 – в Кунгуре, 43 – в Шадринске, 7 – в Камышлове, 33 – в Ирбите, 13 – в Чердыни, 30 – в Соликамске) [242]. Женские отделения обычно вели работу в одних помещениях с мужскими приходскими школами. Обучение проходило попеременно – до обеда учились мальчики, после обеда – девочки. Преподавание велось по методу Ланкастера [243].

Обучались в приходских школах, как правило, дочери бедных родителей. Состоятельные семьи, как и в XVIII в., предпочитали для своих дочерей домашнее образование. Первоначальные навыки знаний и манер дворянские девочки получали у гувернанток, обычно иностранок. Дворяне стремились с малых лет дать детям благородное воспитание, чтобы при выходе в свет они могли поддержать разговор, бегло говорили по-французски, понимали музыку, умели танцевать. По данным современника, набор предметов, предназначавшихся для девочек в уральских городах, был ограничен: Закон Божий, французский, а иногда и немецкий язык, музыка, русская словесность, чистописание, география, история, арифметика [244]. За дворянскими традициями пытались следовать богатые купцы, хотя и далеко не в каждой семье. Во второй четверти XIX в. все формы «приватного» обучения в России находилась под государственной опекой. Рескрипт Николая I от 19 августа 1827 г. поставил частные школы и «приватное» учительство под строгий надзор министерства народного просвещения.

Точно установить распространение частного обучения в уральских городах достаточно сложно. В 1827 г. по распоряжению министра в учебных округах были собраны сведения о том, какие учебные заведения до сих пор находятся вне ведения министерства. Директор Пермских училищ в ответ на это распоряжение донес, что в городе Кунгуре «приватно» обучают детей чте-

нию и письму разночинцы Пермской межевой конторы (мещане, их дети и жены), а в Ирбите также незаконно, без прав на обучение, работают учителями мужчины и женщины, они учат детей чтению по азбуке и псалтыри [245]. Директора из других губерний подобных сведений не представили, хотя и там, несомненно, частное учительство существовало.

Устав 1828 г. подтвердил требования рескрипта от 9 августа 1827 г. Частные учебные заведения попали под контроль не только министерства, но и губернских директоров училищ. Закон обязал их по крайней мере один раз в год обозревать все частные учебные заведения своего ведомства. Штатные смотрители уездных училищ посещали их еще чаще. Если визитеры находили, что содержатель частного учебного заведения отступал от учебного плана, утвержденного университетом, то делали ему первоначально замечание, а при повторной проверке, если замечания не были учтены, доносили о неисправностях директору. Тот ставил в известность об этом университет. Совет университета в таком случае мог принять решение о закрытии пансиона [246].

В числе и распорядке учебных предметов, согласно закону, частные заведения должны были соответствовать казенным училищам. Содержателям школ, правда, разрешалось, «в соответствии с местными потребностями», вводить в преподавание какой-либо новый предмет и пользоваться книгами, не употребляющимися в казенной школе, но лишь после того, как об этом будет известно дирекции [247]. Рескрипт 1837 г. уточнил, что частные заведения, соответствовавшие по своей программе гимназиям, не могли допускать в свои стены лиц крепостного состояния [248].

И.А. Алешинцев считает одной из главных причин стеснительных мер против частных пансионов недоверие правительства к их политической благонадежности. Особое опасение вызывали пансионы, основанные иностранцами. Министерство народного просвещения считало их «едва терпимым злом», которое мешало осуществлению идеи государственного обучения [249]. Немаловажную роль, впрочем, играло и действительно невысокое качество преподавания в частных школах, о чем неоднократно писалось и в официальных документах, и в периодической печати. Не случайно единомышленниками в ужесточении контроля за работой частных школ оказались А.С. Шишков и А.С. Пушкин.

В 1831 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь К.А. Ливен распорядился, чтобы ни один пансион не был открыт в его округе без согласия на то министра народного просвещения. В 1835 г. Уваров распространил эту меру на всю Россию [250]. Положение о частных учебных заведениях, изданное 12 января 1835 г., потребовало от учредителей частных пансионов не только установленных свидетельств об их образовании и подробного изложения учебных планов, но и удостоверений о «добром поведении» самих учителей, а также их российского подданства. В 1842 г. вновь было предписано строжайше наблюдать за исполнением этих правил, нарушителей же – штрафовать и высылать за границу. В 1848 г., из опасений в нежелательном направлении воспитания, допуск в Россию иностранцев, желавших посвятить себя обучению юношества, был и вовсе прекращен [251].

Столь же строгие правила устанавливались и для домашних учителей. Воспитывать детей они должны были в общепринятом духе веры, преданности престолу и любви к отечеству. Преподавателей, придерживавшихся этих правил и хорошо, с точки зрения правительства, воспитывавших детей, разрешалось даже награждать медалями. Указ об этом был принят 13 января 1849 г. Те же, кто не получал свидетельств о «нравственном поведении», лишались возможности преподавания. В 1834 г. специальным высочайшим указом Сенату было воспрещено «принимать в домы дворян, чиновников и купцов» иностранных учителей без подобных свидетельств [252]. Штраф с тех, кто принял к себе учителей без аттестата, составлял достаточно солидную сумму – 100 рублей ассигнациями [253].

На Урале частные пансионы были редким явлением. В Пермской губернии самые ранние упоминания о них мы встречаем только в 1840-е гг. «Материалы для развития народного образования в Пермской губернии» В.Н. Шишонко сообщают о работе благородного женского пансиона в Екатеринбурге, который был открыт бывшей классной дамой А. Штиккель 2 февраля 1840 г. Согласно данным В.Н. Шишонко, в него поступили 22 воспитанницы-пансионерки и полупансионерки. Первые жили в пансионе и имели полное содержание, вторые лишь посещали учебные занятия и пользовались обеденным столом. Стоимость обучения составляла для полных пансионерок 600 рублей, для полупансионерок – 100 рублей ассигнациями в год. В школе преподавались Закон Божий, священная история, русская грамматика, начала

словесности, арифметика, история, география всеобщая и российская, французский и немецкий языки, чистописание, рукоделие и рисование. Помимо этого, девушек учили танцевать [254].

Школа госпожи Штиккель просуществовала в Екатеринбурге недолго. В 1845 г. ее основательница переехала в Пермь, и школа закрылась. В губернском центре А. Штиккель нашла поддержку местного губернатора И.И. Огарева. Он помог ей открыть новый женский пансион. Воспитывались в нем до 30 девушек. Разместили школу в большом двухэтажном доме, весьма, впрочем, холодном. Часть его занимали сама содержательница и классные дамы, часть была отдана пансионеркам. Стоимость обучения была примерно такой же, как в Екатеринбурге, – для полных пансионерок 180 рублей серебром в год, для приходящих – в несколько раз меньше.

Н.А. Фирсов, собравший рассказы воспитанниц и учителей пансиона, сообщает, что среди пансионерок преобладали дочери местной провинциальной «аристократии», приходящими же были девочки из среды купечества и малообеспеченного чиновничества. К полупансионеркам воспитанницы-аристократки относились свысока и редко общались с ними. Не могли их сблизить ни совместные занятия, ни праздничные вечера в домашней обстановке.

Преподавали в пансионе учителя гимназии. Любопытно, что работали они почти бесплатно, добровольно приняв на себя обязанность воспитания и обучения девочек. Много сил отдавали развитию женского образования в городе директор гимназии И.Ф. Грацинский. и пермский губернатор И.И. Огарев. И.И. Огарев не только жертвовал собственные деньги на поддержание пансиона, но и лично убеждал купцов и чиновников отдавать дочерей на учебу. Усилия эти, однако, как утверждает Н.А. Фирсов, плохо вознаграждались. Пермское общество относилось к пансиону прохладно.

Одной из причин этого были недостатки в организации обучения. Учились девочки по самым кратким учебникам, причем оценивались их старания не по пониманию предмета и отметкам преподавателя, а по баллам и знакам, получаемым от надзирательниц. Классные дамы требовали от воспитанниц лишь достаточно полного пересказа учебника. Именно в этом девочки и упражнялись, быстро забывая выученное. Главное внимание надзирательницы уделяли воспитанию внешних приличий, в чем, впрочем, тоже имели мало успеха.

Родители отдавали детей в пансион, боясь испортить отношения с начальником губернии, но оставались по большей части недовольными полученным образованием и воспитанием. После смерти основательницы пансиона в 1852 г. женское учебное заведение перестало существовать [255]. Н.А. Калинина обнаружила интересную переписку директора училищ И.Ф. Грацинского с попечителем Казанского учебного округа по поводу судьбы пансиона А. Штиккель. В 1848 г. И.Ф. Грацинский ходатайствовал перед учебным ведомством об учреждении в губернском городе «благородного для девиц института», основой которого мог стать пансион А. Штиккель. В этом учебно-воспитательном заведении, по его мнению, могли бесплатно обучаться дочери бедных чиновников, «безукоризненно» служивших в Пермской губернии.

Проект И.Ф. Грацинского содержал примерную смету расходов женского института. Директор считал, что частично эти расходы будут покрываться из средств казны (устройство помещения, жалованье учителям, покупка одежды и обуви для воспитанниц), частично же их можно переложить на население. Для содержания института И.Ф. Грацинский предлагал установить специальный сбор с дворянских имений (по 5 копеек с ревизской души) и налог с жалованья служащих – по 1,5 копейки с рубля. В желании организовать женский институт директор был не одинок. Проект поддержал губернатор И.И. Огарев. Тепло и сочувственно его встретили городские чиновники, а также преподаватели гимназии и уездного училища. Пора государственных женских учебных заведений в Пермскую губернию, однако, еще не пришла. Попечитель отклонил проект, ссылаясь на официальный запрет для учебного начальства посылать представления, требующие сверхштатных расходов казны на нужды образования [256].

Образование в частных пансионах было достаточно дорогим, поэтому они с трудом находили воспитанниц. Как правило, работали эти учебные заведения недолго. Женский пансион Марии Курвоазье, открытый в Перми в 1842 г., просуществовал лишь в течение одного года. Непродолжительное время работали и женские пансионы в Екатеринбурге: шесть лет (1844–1849) принимал воспитанниц пансион Ольги Николаевой, пять лет (1844–1849) – пансион Елизаветы Юст, пять лет (1848–1853) – пансион Елизаветы Гельм, несколько лет – пансионы Александры Бервальд и Варвинской [554]. Закрывались пансионы обычно «за недостатком воспитанниц» [257].

Сведений о работе мужских частных пансионов в Пермской губернии нам обнаружить не удалось. Возможно, они и существовали, но число их было очень ограниченно. Т.А. Калинина в своем исследовании о развитии народного образования на Урале упоминает о существовании в Перми в 1850-е гг. частной школы Л.Я. Богословского, но подробных сведений о ее деятельности не дает [258]. Закон разрешал преподавателям гимназий и других государственных училищ содержать в своих домах учеников в качестве пансионеров. Учителя занимались с ними дополнительно, сверх учебной программы, различными учебными предметами [259]. К 1855 г. в таких пансионах школьных учителей и чиновников Пермской губернии содержалось 9 мальчиков [260]. Создавались они, по данным Т.А. Калининой, только в губернской Перми. В 1848 г. был открыт пансион учителя гимназии В.В. Всеволодова, в конце 1840-х гг. – учителя гимназии Г.И. Балбашевского, в 1853 г. – учителя гимназии С.С. Андрасси [261].

Невелико было и число аттестованных домашних учителей. По данным официального отчета Пермской дирекции, в 1855 г. в губернии числилось всего 4 таких учителя и 14 учительниц [262]. Однако, как признает Х. Мозель, число домашних учителей не ограничивалось педагогами, имеющими свидетельства на обучение. На деле несмотря на запрещения правительства было много наставников из числа дьячков, солдат, мелких чиновников и других «мастеров грамоты», которые зарабатывали деньги, занимаясь начальным обучением детей [263].

Подобные же сведения сохранились и по Вятской губернии. Сын мелкого чиновника Н.А. Чарушин вспоминал о домашней школе в Орлове, которая существовала в 1850-е гг. «Лет семи или восьми, – писал он, – меня отдали обучаться грамоте к какому-то дьячку, у которого в тесной комнатушке обучалось, кроме меня, до дюжины других ребятишек. Обучение велось еще по старинке, о звуковом методе тогда не имелось и представления. Само собой, что ни сам преподаватель, ни его метод обучения не могли увлечь нас, и мы, естественно, относились к обучению грамоте, как к неприятной повинности, которую надо отбывать потому, что этого хотели и требовали родители» [264].

Уровень интеллектуальных потребностей мелких чиновников в то время был крайне низким. Служащие с высшим образованием были большой редкостью. По данным Л.В. Мерзляковой, изучившей формулярные списки чиновников и приказно-

служителей Вятской губернии, основная их масса (68,7 %) в 1855 г. имела лишь домашнее образование [265]. Один из вятских ссыльных той поры Г. Каменьский упомянул в одном из своих писем, что местная аристократия отпускает шутки «по поводу излишнего и чрезмерного подобострастия чиновников, которые перед начальством тянутся по струнке, в их обществе не позволяют себе присесть и т.п. У них слово «чиновник», особо подчеркиваемое в разговоре, обозначает человека простого, не получившего никакого воспитания, манерам и поведению которого свойственны разные недостатки» [266]. Еще более низким был уровень образовательных претензий в среде уездного купечества и мещанства. К 1855 г. в Вятской губернии было всего два официально зарегистрированных домашних учителя. Обучалось дома, судя по официальному отчету дирекции, 40 учеников (20 мальчиков и 20 девочек), половина из которых были разночинцами. Кроме того, 6 пансионеров обучали школьные учителя и чиновники [267].

Сведений о работе частных женских пансионов в Вятской губернии источники не сохранили. В Вятских губернских ведомостях есть лишь краткое упоминание о том, что в губернском центре существовал какой-то пансион на 7 или 8 воспитанниц, но и тот за недостатком средств был быстро закрыт. Вполне возможно, что он был единственным за всю предреформенную историю [268]. Свидетельством тому могут служить слова одного из корреспондентов "Вятских губернских ведомостей". В 1858 г. он писал о крайней необходимости развития в Вятке женского образования. «Вятка и Вятский край, – замечала газета, – едва ли не более других нуждаются в нем. Здесь нет буквально ни пансионов частных, ни каких-либо других училищ женских. Край здешний непроезжий и далекий от всего, а переезды чрезвычайно дороги, в особенности для людей небогатых. Еще люди со средствами, которых очень немного и в высшем сословии, в состоянии иметь гувернанток (едущих сюда неохотно) для своих дочерей или воспитывать их за тысячи верст, в Москве или Санкт-Петербурге, что и делается теперь некоторыми» [269]. Любопытна оценка, которую дает вятский корреспондент столичным женским пансионам того времени. «Дети, – пишет он, – если не отвыкают от родителей, то отвыкают от семейной жизни и усваивают обстановку роскошных заманчивых для родителей пансионов, из которых они выходят потом прекрасными принадлежностями лучших салонов с парижским

произношением, но никак не хозяйками дома, а тем более матерями своих детей» [270].

Столь же нелицеприятное описание женских пансионов того времени дают и "Оренбургские губернские ведомости". В одной из публикаций 1850 г. оренбургский корреспондент П. Малыхин писал: «В чем же состоит это пансионское воспитание? Основание всему, как всякий может догадаться, есть французский язык, потом музыка и танцы, а иногда и немецкий язык, впрочем, только для желающих. Что же касается до прочих наук, которые должны быть главными как нужнейшие в жизни, то они идут часто кое-как, и случается, что девушка, выходя из пансиона, не знает, кто прежде правил в России – Владимир Мономах или Борис Годунов» [271]. Недостатки пансионного воспитания, очевидно, отталкивали многих родителей от этих женских учебных заведений.

«Дворянская» Оренбургская губерния немногим отличалась от прочих по качеству частного образования. Первая частная школа для девочек открылась в уездном Оренбурге в 1825 г. Возглавляла ее учительница А. Савченкова. Школа давала детям начальное образование, занимались в ней дети небогатых жителей города. Работала она 7 лет [272]. В Уфе первый частный девичий пансион для детей «благородных родителей и почетных граждан» появился в 1843 г. Руководила им дворянка В. Герн. В 1846 г. в этом пансионе обучалось 19 воспитанниц, по большей части из дворянской среды. Несколько лет (с 1850 г.) работала в Уфе женская школа под руководством А. Граковой. Школа была рассчитана на 30 девочек, но полностью никогда не была заполнена [273].

Немногих воспитанниц первоначально смог найти и женский пансион Марии Яковлевны Гутоп, открытый в Уфе в 1854 г. В 1855 г. в нем обучалось всего 10 девочек (8 – из числа дворян, 2 – из купечества) [274]. Надо отметить, что работа пансиона М.Я. Гутоп была весьма положительно оценена местным училищным начальством. На публичном испытании в 1856 г. девочки показали хорошие знания по Закону Божию, французскому и немецкому языкам. Корреспондент "Оренбургских губернских ведомостей" сообщает, что ученицы пансиона свободно общались на иностранных языках, без подготовки переводили все предложенные им тексты. Достоинством этого заведения была своеобразная организация обучения: по заведенному порядку, девочки разговаривали в школе до обеда по-французски, а после

обеда – по-немецки. В 1856 г. М.Я. Гутоп получила благодарность от местного училищного начальства «за стройный порядок в заведении и хороший выбор преподавателей». Число учителей в пансионе доходило до 8 человек [275].

Источники сохранили сведения о работе в Оренбургской губернии мужского частного пансиона. Инициатором его создания был штатный смотритель Уфимского уездного училища И. Сосфенов. Пансион был открыт в Уфе в 1844 г. Время прекращения его работы нам не известно, очевидно, это произошло в конце 1840-х гг. Отчет дирекции за 1854 г. о существовании этого учебного заведения уже не сообщает.

"Оренбургские губернские ведомости", известившие о начале работы пансиона, сообщали, что главной и единственной целью этого учебного заведения является подготовка мальчиков к поступлению в гимназию, поэтому принимались в него дети только тех сословий, которые имели право на обучение в средних учебных заведениях. Пансион не был закрытым учебным заведением: ученики посещали классы днем, а ночевали в домах родителей. В течение дня уроки длились пять часов. За два года ученики обучались в пансионе краткой священной истории, чтению и письму по каллиграфическим образцам, русской грамматике, французскому, немецкому и латинскому языкам, арифметике, географии, а также танцевальным навыкам. Воспитанники, закончившие курс с полным успехом и выдержавшие публичное испытание в присутствии учебного начальства, могли поступить сразу во второй класс местной гимназии.

Работа пансиона находилась под непосредственным надзором директора училищ Оренбургской дирекции. Содержатель представлял ему всю необходимую отчетность о работе учебного заведения, утверждал учебный план и испрашивал согласия на приглашение учителей. Учебные предметы изучались по руководствам, принятым в казенных учебных заведениях. Пансион был рассчитан на детей состоятельных родителей. За годичное обучение каждого ученика ежегодно вносилось 60 рублей серебром. Родственники из одного семейства при этом могли рассчитывать на некоторые льготы. При наборе 15 воспитанников, вносящих полную сумму за обучение, один из бедных пансионеров получал возможность обучаться бесплатно [276]. Пансион был рассчитан на 15 воспитанников, однако долгое время число его учеников не превышало и десяти. В 1846 г. здесь учились 12 мальчиков, 9 из них принадлежали к сословию дворян и чиновников [277].

Число официально аттестованных домашних учителей в Оренбургской губернии было очень невелико. По данным официального отчета оренбургской дирекции, к 1855 г. здесь числились 1 домашний учитель, 1 частная учительница, 4 учителя и 5 учительниц, занимающихся начальным обучением. Кроме того, домашние пансионы содержали местные чиновники и преподаватели. На воспитании у них находилось 5 учеников [278]. Для бедных горожан дорогое частное образование было недоступно. Как и в других уральских губерниях, образование многих жителей Южного Урала ограничивалось приобретением элементарных навыков грамотности.

Особенностью «дворянской» Оренбургской губернии было существование здесь особого женского института, находившегося под непосредственным надзором императрицы. Современные исследователи признают, что институты ведомства императрицы Марии заметно отличались от современных им частных пансионов.

Одной из основных задач деятельности институтов было воспитание семейных ценностей. Первые государственные образовательно-воспитательные учебные заведения для женщин в России возникли в XVIII в. при Екатерине II. После ее кончины заботы о женском образовании взяла на себя императрица Мария Федоровна. Роль Марии Федоровны в распространении женского образования в России поистине неоценима. При ней сложилась целая система женских учебных и благотворительных заведений, получившая позднее название Ведомство учреждений императрицы Марии [279].

В Оренбургской губернии под августейшее покровительство императрицы было принято Оренбургское девичье училище, созданное 6 декабря 1832 г. как особое отделение Неплюевского военного училища. Активно участвовал в организации этого училища военный губернатор края граф Павел Петрович Сухтелен. По мысли губернатора, училище должно было давать обучение детям нижних воинских чинов подчиненных ему войск. Главной целью образования девочек генерал считал необходимость воспитания добрых жен и матерей. «От первых впечатлений, сообщаемых юношеству, – провозглашал он на торжественном открытии училища, – зависят первые наклонности, первые обычаи оного, а от сих проистекают добродетель или порочность, достоинство разума и сердца /.../, польза или вред, счастье или злополучие жизни» [280].

Положения и штаты Оренбургской девичьей школы были разработаны по образцу правил существовавших в то время в Санкт-Петербурге училищ для солдатских дочерей лейб-гвардии Семеновского, Егерского и Московского полков [281]. Содержалась девичья школа за счет средств Неплюевского военного училища. Граф П.П. Сухтелен нашел возможным ежегодно выделять из его бюджета на поддержание женского обучения 3,5 тысячи рублей ассигнациями. Разместили школу первоначально в наемном доме, а затем – в собственном здании.

Хозяйственное управление Оренбургским девичьим училищем осуществлял директор военного училища. Он вел все письменные и счетные дела. Вместе с тем, как и все прочие женские заведения ведения учреждений императрицы Марии, Оренбургская девичья школа имела свой комитет, члены которого назначались по особому высочайшему усмотрению. В училищный комитет входили супруги местных дворян, а также генералов и чиновников, служивших в Оренбурге: А.И. Жемчужникова, А.И. Бикбулатова, В.М. Стеллик, С.Н. Глазенап, Д.Ф. Энгельгардт, Е.Н. Жуковская, А.Д. Мансурова [282]. Надзирал за училищем, кроме того, и военный губернатор. Он избирал смотрительницу учебного заведения, утверждал в должностях ее помощниц, учителей и преподавательниц. Ни одно решение комитета и директора Неплюевского училища не имело силы без утверждения военного губернатора.

Девичья школа не была закрытой, обучались в ней приходящие девочки. Первоначально штаты школы были рассчитаны на 50 воспитанниц: 30 – из военного ведомства, 20 – из других сословий свободного состояния [283]. С самого начала преобладали здесь дворянские дети. Ведомость о числе учебных заведений военного ведомства, отправленная из канцелярии Оренбургского военного губернатора директору училищ И. Базилеву в мае 1838 г., например, сообщала, что в девичьем училище среди 50 девочек лишь 12 – казачьи и солдатские дети. 4 воспитанницы училища в это время происходили из среды духовенства, 23 – из дворян и чиновников, 11 – из купечества и мещанства [284]. Обучали девочек с 7 до 13 лет. Образование для всех было бесплатным.

Николаевская реформа образования коснулась сферы женского обучения в 1844 г. В начале года император постановил создать Комитет для пересмотра уставов женских учебных заведений, чтобы «учебная часть в них, особенно в губернских институтах, была более соизмеряема с состоянием учащихся, а сии по-

следние более приготовлялись к будущему их назначению» [285]. Комитет провел пять заседаний и определил разделить все женские учебные заведения на разряды, «следуя положенному в высочайше утвержденных уставах различию приема в оные девиц по происхождению и званию их отцов» [286]. По личным указаниям Николая I было составлено Положение об управлении женскими учебными заведениями, учреждены Учебный комитет и Главный совет женских учебных заведений при IV Отделении собственной его императорского величества канцелярии.

Каждый разряд женских училищ получил особую программу, соответствующую, по мнению Комитета, будущему назначению воспитывающихся в них девиц. Оренбургское девичье училище попало в число учебных заведений третьего разряда, учебный курс которых предназначался для девочек из бедных семей. Детей обучали в школе чтению, письму и первым действиям арифметики. Обучение производилось по ланкастерской методике [287]. Помимо этого, девочек учили шить белье, перчатки, башмаки, вышивать и вязать. Профессиональные уроки готовили их к реальным трудностям жизни [288].

В 1840-е гг. Оренбургское девичье училище стало предметом особой заботы военного губернатора Оренбургского края Владимира Афанасьевича Обручева. По ходатайству губернатора, статус училища был повышен. 6 марта 1848 г. император утвердил новый устав учебного заведения, определив его в число заведений второго разряда. Отныне оно стало предназначаться для дочерей потомственных и личных дворян, священнослужителей, почетных граждан и купцов 1-й гильдии. Количество воспитанниц несколько снизилось. Вместо прежних 50 в нем стало обучаться 40 девочек: 20 из них содержались на казенном иждивении, 20 – за свой счет.

«Своекоштное» обучение в девичьем училище было по карману только обеспеченным семьям. Ежегодная плата за содержание воспитанниц составляла 130 рублей серебром. Сверх того каждая пансионерка вносила при поступлении в училище еще 30 рублей для первоначального обзаведения. Казенные места отдавались по преимуществу сиротам из среды военных. Администрация строго контролировала сословный состав воспитанниц. При прошениях о поступлении на учение отцы должны были представить метрическое свидетельство девочки за подписью священника (с приложением печати), медицинское заключение о состоянии ее здоровья и справку о привитии оспы.

Местное управление училищем вверялось совету под председательством оренбургского военного губернатора. В совет входили начальница училища, директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса (с званием члена по хозяйственной части), инспектор классов того же корпуса (с званием члена по учебной части) и оренбургский уездный предводитель дворянства. Учебная программа училища была изменена. С 1848 г. она включала Закон Божий, чистописание, рисование, русскую словесность, арифметику, географию, историю, французский язык. Кроме того, девочек обучали церковному пению, танцеванию и рукоделиям [289]. В 1850 г. в курс было введено изучение немецкого языка [290]. После преобразований 1848 г. училище стало закрытым. Для размещения интерната здание училища расширили, произведя в нем капитальную перестройку. Устав выделял на содержание училища 6741 рубль 10 копеек серебром. Действительные же расходы существенно превышали эту цифру. В 1851 г., например, они составили 10915 рублей серебром, что было почти в 1,5 раза больше штатных сумм, ежегодно отпускавшихся казной на губернскую гимназию. Содержание школы обеспечивалось из разнообразных источников. Прежде всего в его пользу переводилась часть суммы из доходов Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса от сбора за так называемые «киргизские» билеты. Билеты эти продавались киргизам, нанимавшимся в работники у жителей оренбургской линейной полосы. Из этого источника девичье училище получало ежегодно 1 тысячу рублей серебром. Кроме того, в его бюджет шли доходы от «тептярского сбора», употреблявшегося прежде на содержание Уфимского казачьего полка (2100 рублей), 1/10 экономических капиталов Неплюевкого кадетского корпуса (80 рублей), плата за «своекоштных» пансионерок (2600 рублей) и т. д.

Генерал В.А. Обручев посчитал необходимым увеличить жалованье начальнице девичьего училища. По штату ей полагалось 800 рублей серебром. Из сумм, выделявшихся военному губернатору на улучшение и опыты в Оренбургском крае, он добавил на эти цели еще 500 рублей. В результате начальница стала получать жалованье, существенно превышавшее оклад директора губернской гимназии. Генералу же принадлежала идея покрывать все недостающие суммы по расходам училища за счет процентов с так называемого «башкирского» капитала. Часть этого капитала, составлявшегося из пожертвований золотопро-

мышленников, «кортомивших» башкирские земли, выделялась Неплюевскому кадетскому корпусу [291].

В 1849 г. В.А. Обручев добился расширения контингента воспитанниц. По его ходатайству, Военный совет разрешил открыть в училище дополнительно 30 казенных вакансий для дочерей войсковых чиновников (20 из них предназначались штаб- и обер-офицерам Уральского казачьего войска, 10 – Оренбургского казачьего войска). Именным указом от 6 ноября 1849 г. император утвердил это решение. Позднее в училище появилась еще одна казенная вакансия для дочерей офицеров линейных оренбургских батальонов. Сверх того в 1849 г. главный совет женских учебных заведений распорядился принять в Оренбургское девичье училище 10 воспитанниц для укомплектования его нижнего класса. Полный комплект учащихся с этого времени стал составлять 80 человек [292]. На обучение дочерей офицеров ежегодно поступало 2600 рублей из капитала Уральского войска, 1300 рублей – из капитала Оренбургского войска, 135 рублей – из ежегодных сбережений от рекрутского обмундирования оренбургских батальонов. Училище также получало деньги на содержание двух «пансионерок Его величества» из императорского кабинета [293].

Воодушевленный поддержкой центральных властей, В.А. Обручев решил придать Оренбургскому девичьему училищу характер столичных учебных заведений. В 1849 г. он ходатайствовал о расширении контингента воспитанниц училища до 90 человек и переименовании его в Александринский институт благородных девиц с присвоением статуса I разряда [294]. Планам военного губернатора не суждено было сбыться. В 1851 г. он покинул Оренбург. На его место пришел новый начальник края В.А. Перовский, который не поддержал предложенный проект. Некоторые историки обвиняли губернатора В.А. Перовского в ревнивом и равнодушном отношении к задумкам предшественника [295]. Доля истины в этом, наверное, есть, но можно найти причину сомнений В.А. Перовского в необходимости преобразований и в реальном состоянии тогдашнего Оренбургского девичьего училища.

Сохранились любопытные воспоминания сына начальницы училища П.П. Жакмона, рисующие особенности быта его воспитанниц. П. Жакмон приехал в Оренбург в конце 1849 г., вскоре после того, как его мать получила пост начальницы училища. «Но, боже мой, что представлял собой Институт! – вспоми-

нает он. – Ученицы, числом до 40, были почти все грубые, невоспитанные казачки, говорившие на «О» и употреблявшие часто в разговоре неприличные слова. Притом все они были немытые, грязные, и у многих из них на белье и в волосах водилось множество насекомых. У некоторых тело было покрыто чесоткою и даже злокачественными нарывами. А потому, прежде всего, потребовался чисто физический труд привести воспитанниц в благородный вид. Нужно было намазывать им головы мазью, истребляющей насекомых, заставлять горничных расчесывать им спутавшиеся волосы, приучить их к употреблению мыла и зубных щеток, о которых они не имели ни малейшего понятия в своих станицах и форпостах!» [296]. Начальник губернии аристократ В.А. Перовский, наверное, тоже с трудом представлял это учебное заведение Институтом благородных девиц.

Организация учебного процесса в Оренбургском девичьем училище примерно соответствовала порядкам в других учебных заведениях этого ранга. Повседневная дисциплина отличалась строгостью, за поведением девочек пристально следили классные дамы. Одежда и обувь всех воспитанниц были одинаковыми. «Платье, белье и пелерины для институток были сшиты из самого грубого и плохого материала, приобретенного у местных торговцев по самым дешевым ценам», – вспоминал П.П. Жакмон [297]. Пища была достаточно сытной и плотной. За завтраком девочки пили чай или молоко с белым хлебом. Обед состоял из трех блюд, ужин – из двух. Воскресное меню в 1855 г., например, включало в обед суп из риса с говядиной, пирожки с говядиной, жаркое из баранины с картофелем, пшенник из риса с изюмом; в ужин – суп и жаркое [298].

Полный учебный курс в училище был рассчитан на шесть лет: три года девочки учились в младшем отделении, три года – в старшем. Набор воспитанниц осуществлялся один раз в три года, 1 августа. Принимались девочки с 10–12 лет. В конце каждого учебного года проводились экзамены. Для выпускниц экзамены были публичными, на них приглашались генерал-губернатор, офицеры и чиновники военных частей, дворянство, должностное купечество, а также родители и родственники «выпускных» девиц. После окончания занятий воспитанниц училища отпускали домой на каникулы. Надо сказать, что в этом случае администрация вынужденно шла на нарушение правил интернатных женских учебных заведений. Содержать девочек жарким

летом в тесном закрытом помещении, без сада и большого места для прогулок было невозможно.

Большие проблемы в училище были и с преподавателями. Жалованье учителей девичьей школы было намного ниже, чем в Неплюевском кадетском корпусе или местной гимназии. По штату 1848 г. на всех учителей выделялось лишь 900 рублей серебром [299]. Многие преподаватели отказывались работать на такие скудные деньги. Как писал П.П. Жакмон, губернатор В.А. Обручев «любил нанимать учителей числом поболее, ценою подешевле». Среди преподавателей женского училища в 1849 г., по его словам, лишь один или два были из кадетского корпуса, остальные – «лица, не имевшие классного чина и занимавшие учительские места в школе оренбургских военных кантонистов, народ запойный и малограмотный»[300].

Много времени и усилий пришлось потратить начальнице училища О. Жакмон для изменения обстановки в женском учебном заведении. По ее просьбе В.А. Перовский почти вдвое увеличил жалованье училищным преподавателям, использовав для этого местные средства. Увеличилось и число учителей. Вместо прежних четырех-пяти человек их стало 12 [301]. Сын начальницы П.П. Жакмон вспоминал триумф его матери на выпускных экзаменах в 1854 г. «Все выпускные девицы, – пишет он, – были одеты в легкие белые платья, и наружность их настолько изменилась к лучшему, что в них нельзя было узнать прежних грубых оренбургских и уральских казачек. Манеры, походка, все изменилось к лучшему. Все они умели поддержать салонный разговор на французском языке и могли читать a livre ouvert французские и немецкие книги. Целый ряд рукодельных работ и прекрасно выполненных карандашом и красками рисунков свидетельствовал о том, что природные их таланты развивались под благотворным влиянием умелых наставниц и наставников. В концертном отделении акта были исполнены на двух роялях в восемь рук целые отрывки из опер Глинки, Мейербера, Россини и Гуно. Хоры и солистки отличались прекрасными свежими голосами и знанием музыки. А несколько девиц отличились талантом декламации и прочитали перед собравшимися гостями отрывки из произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Грибоедова» [302].

Даже если учесть известную долю преувеличения, свойственную родственным мемуарам, можно признать заметные успехи Оренбургского девичьего училища в воспитании дочерей местной аристократии. Ведущая роль училища вскоре была замече-

на и высшим начальством. Императорским повелением от 13 октября 1855 г. оно было переименовано в Оренбургский Николаевский институт для воспитания девиц. Статус женских училищ II разряда также был сохранен [303].

СОСТАВ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТАТУС ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ГОРОДСКИХ УЧИЛИЩ

Успех работы образовательных заведений во многом зависел от воли и энергии руководителей учебного ведомства, авторитета преподавательского состава. Во второй четверти XIX в. правительство постаралось изменить общественный статус педагогов. В отличие от прежнего законодательства, Устав 1828 г. вполне определенно оговорил положение педагогического труда на лестнице Табели о рангах. Учителя всех училищ, подведомственных министерству народного просвещения (включая приходские училища), объявлялись государственными служащими, которые имели соответствующие своему служебному положению чины. Устав подтвердил высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 27 января 1822 г., согласно которому директор гимназии, прослужив 9 лет в этой должности, утверждался в чине 7-го класса (срок службы, впрочем, мог быть и меньше), а инспектор получал право после девятилетней службы на чин 8-го класса. Старшие учителя гимназии (к их числу относились учителя исторических и математических наук, древних языков и российской словесности), после четырехлетней выслуги, получали чин 9-го класса (при этом старшинство в чине определялось со времени вступления в должность). Младшие учителя гимназии (учителя русской грамматики, географии и иностранных языков), прослужив четыре года, получали чин 10-го класса, учитель рисования – 12-го класса [304]. Численность учителей в гимназиях увеличивалась. Теперь их было в штате десять вместо восьми. Появлялась, кроме того, новая должность законоучителя.

В уездном училище старшей должностью считалась должность смотрителя. После четырех лет службы в этой должности служащий получал чин 9-го класса. Учителя наук после четырехлетней службы имели право на чин 12-го класса, учитель рисования – 14-го класса. Численность учителей в уездном училище Уставом 1828 г., как и в гимназии, увеличивалась: вместо прежних двух учителей теперь их в штате было четыре. Вводи-

лась также должность законоучителя. Права государственной службы получили и учителя приходских училищ. Согласно Уставу 1828 г., они могли пользоваться преимуществами чиновников 14-го класса весь период своего пребывания в должности учителя. Если учитель прослужил «усердно и беспорочно» 12 лет, то он мог рассчитывать при увольнении на официальное присвоение этого чина [305].

Существенно увеличив заработную плату учителей, правительство позаботилось и об их обеспечении в старости. Пенсионные права учителей были существенно улучшены. Учебный персонал гимназий и уездных училищ, согласно Уставу, получал при увольнении от службы в пенсию полный оклад прежнего жалованья, если служба в учебном ведомстве составляла не менее 25 лет; если срок службы равнялся 20 годам, то пенсия назначалась в половинном размере. Без пенсионного обеспечения не оставались и вдовы с малолетними детьми. В том случае, если мужья умирали, успев прослужить положенные 20 лет, вдовы получали полную пенсию, положенную мужу. Если срок службы умерших мужей не составил 20 лет, вдова могла рассчитывать только на единовременное пособие, равное годовому окладу супруга. Выдача пенсии вдове прекращалась, если она вновь вступала в брак. Дети же получали пенсию до тех пор, пока не поступали на казенное обучение в какое-либо воспитательное заведение. Все эти пенсии целиком зависели от воли начальства. Как подчеркивалось Уставом, они полагались только за «беспорочную, начальством засвидетельствованную службу». Пенсии и пособия выдавались из особого пенсионного капитала, который составлялся при министерстве народного просвещения. Устав 1828 г. предписал увеличивать этот капитал за счет средств государственного казначейства. В течение 20 лет оно должно было ежегодного отпускать на эти цели по 50 тысяч рублей [306].

Законодательное улучшение условий службы учителей, приблизившее их к другим представителям чиновного мира, повысило общественный статус школьных преподавателей. Сословный состав учителей казенных школ во второй четверти XIX в. заметно изменился. Именные списки преподавателей гимназий и уездных училищ свидетельствуют о том, что учительскую профессию в качестве жизненного пути в николаевской России выбирали уже не только дети духовенства, но и дворяне, чиновники, мещане и другие представители городских сословий. Особенно велико число выходцев из привилегированных сословий бы-

ло в преподавательском составе гимназий. В Пермской гимназии в 1854 г. дети дворян и обер-офицеров составляли 46,7 % всех преподавателей, в Вятской – 46,1 %, в Оренбургской – 37,5 % (табл. 20).

Для подготовки педагогического персонала училищ 30 августа 1829 г. был восстановлен Главный педагогический институт. Десятилетний перерыв в работе института (с 1819 г. по 1829 г.) показал недостаточность сложившейся к тому времени университетской системы подготовки квалифицированных кадров. Обучение в Главном педагогическом институте продолжалось шесть лет. Первый, двухгодичный предварительный курс, готовил слушателей к изучению «высших наук». Второй – давал знания на трех отделениях: философских и юридических наук; математических и физических наук; исторических и словесных наук. Программа обучения здесь в основном соответствовала курсу высших учебных заведений. Третий курс был предназначен для изучения педагогики, а также практического обучения воспитанников института правилам и способам преподавания. Главный педагогический институт был рассчитан на 100 студентов. Они принимались на полное казенное содержание и обязаны были по окончании обучения прослужить в учебном ведомстве не менее восьми лет.

Министерство народного просвещения попыталось восстановить и второй разряд Главного педагогического института, предназначенный для подготовки учителей уездных училищ. В качестве особого отделения он начал работать 30 сентября 1839 г. и очень скоро стал фактически местом постоянной практики для студентов института. Под руководством директора, профессора педагогики, инспектора и смотрителя здесь преподавали учебные предметы, необходимые учителям уездных училищ [307]. Просуществовал второй разряд института недолго. В 1847 г., после ужесточения политики в сфере образования он был упразднен. Вскоре был закрыт и философско-юридический факультет. После преобразований шестилетнее обучение в институте стало включать двухгодичный предварительный и четырехгодичный окончательный курс. В 1849 г. произошли новые перемены – предварительный курс института был упразднен. Полная программа обучения в институте снизилась до четырех лет.

На Урале выпускников главного педагогического вуза страны было совсем немного. В общем составе педагогических кадров они составляли чуть более 3 %, в составе учителей гимназий – 6,8 %. Главным поставщиком преподавателей для средней

Таблица 20

Сословный состав преподавателей городских общеобразовательных учебных заведений в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях в 1854 г.*

Губерния	Наименование учебного заведения	Сословное происхождение учителей										Общ. численность учителей
		Дворяне	Обер-офицеры	Приказно-служители	Духовные лица	Купцы	Мещане	Гос. крестьяне	Сироты	Иностранцы	Вольноотпущенные	
Пермская	Гимназия	5	2	–	4	1	1	–	1	1	–	15
	Уездные училища:											
	Пермское	–	1	–	2	–	1	–	–	–	–	4
	Кунгурское	1	1	–	2	–	1	–	–	–	–	5
	Екатеринбургское	2	2	–	3	1	–	–	–	–	–	8
	Шадринское	1	1	–	1	1	–	–	–	–	5	
	Камышловское	1	2	–	2	–	–	–	–	–	–	5
	Ирбитское	–	1	–	2	1	–	–	–	–	–	4
	Верхотурское	–	–	–	3	1	1	–	–	–	–	5
	Чердынское	–	1	–	4	–	–	–	–	–	–	5
	Соликамское	–	–	–	2	1	2	–	–	–	1	6
	Приходские училища:											
	Пермское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2
	Оханское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Осинское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Кунгурское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
	Красноуфимское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Екатеринбургское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2
	Шадринское	1	–	–	1	–	–	–	–	–	–	2
	Камышловское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2
	Ирбитское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2
	Верхотурское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Чердынское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2
	Соликамское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	2
Итого, чел/%		11/ 12,9	11/ 12,9	– –	42/ 49,4	6/ 7,1	11/ 12,9	– –	1/ 1,2	1/ 1,2	2/ 2,4	85 100
Вятская	Гимназия	1	5	–	3	2	2	–	–	–	–	13
	Уездные училища:											
	Вятское	–	–	–	2	–	3	–	–	–	–	5
	Глазовское	–	–	–	2	–	3	–	–	–	–	5
	Елабужское	–	–	–	1	2	1	1	–	–	–	5
	Котельническое	–	1	–	1	1	1	–	–	–	–	4
	Малмыжское	1	–	–	1	–	3	–	–	–	–	5
	Орловское	–	2	–	1	1	–	–	–	–	–	4
	Сарапульское	2	1	–	1	–	1	–	–	–	–	5
	Слободское	1	1	–	1	–	2	–	–	–	–	5
	Уржумское	1	1	–	1	–	1	1	–	–	–	5
	Яранское	1	1	–	2	–	1	1	–	–	–	6

Окончание табл. 20

Губерния	Наименование учебного заведения	Сословное происхождение учителей										Общ. численность учителей
		Дворяне	Обер-офицеры	Приказно-служители	Духовные лица	Купцы	Мещане	Гос. крестьяне	Сироты	Иностранцы	Вольноотпущенные	
	Приходские училища:											
	Вятское первое	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	2
	Вятское второе	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
	Глазовское	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
	Елабужское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	1
	Котельническое	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Малмыжское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Нолинское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Орловское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Сарапульское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Слободское	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Уржумское	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	1
	Яранское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
Итого, чел/%		7/ 8,8	12/ 15,0	– –	25/ 31,3	6/ 7,5	27/ 33,7	3/ 3,7	– –	– –	– –	80/ 100
Оренбургская	Гимназия	5	1	–	5	2	1	–	–	2	–	16
	Уездные училища:											
	Уфимское	–	2	–	2	–	1	–	–	–	–	5
	Мензелинское	1	–	–	2	1	–	1	–	–	–	5
	Челябинское	1	1	–	2	–	1	–	–	–	–	5
	Троицкое	–	–	–	3	1	–	–	–	1	–	5
	Оренбургское	1	–	1	2	–	1	–	–	–	–	5
	Бирское	2	–	–	2	–	1	–	–	–	–	5
	Приходские училища:											
	Уфимское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	2
	Стерлитамакское	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	2
	Мензелинское	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1
	Челябинское	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
	Троицкое	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
	Оренбургское первое	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
	Оренбургское второе	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	2
	Бирское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	2
Итого, чел/%		10/ 16,4	4/ 6,6	3/ 4,9	25/ 41,0	4/ 6,6	7/ 11,4	4/ 6,6	– –	3/ 4,9	1/ 1,6	61/ 100
Всего учителей по всем губерниям, чел/%		28/ 12,4	27/ 12,0	3/ 1,3	92/ 40,7	16/ 7,1	45/ 19,9	7/ 3,1	1/ 0,4	4/ 1,8	3/ 1,3	226/ 100

* Источники: Именные списки чиновников и учителей Пермской, Оренбургской и Вятской дирекций училищ за 1854 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 127 – 398).

Сведения приведены на 1 января 1855 г. При подсчетах учитывались директора гимназий, инспекторы, штатные смотрители уездных училищ, учителя и законоучители.

школы Урала, как и в первой четверти XIX в., оставался Казанский университет. К 1855 г. в уральских гимназиях его выпускники занимали более половины всех учительских и руководящих должностей (46,6 % – в Пермской гимназии, 61,5 % – в Вятской, 50 % – в Оренбургской).

Штаты уральских гимназий к этому времени были заполнены почти полностью (в 1854 г. в них была лишь одна незанятая вакансия: в Вятской гимназии не хватало учителя французского языка). Подавляющее большинство гимназических педагогов в это время имели высшее образование, домашнее и среднее – лишь несколько младших учителей, семинарское – законоучители (табл. 21).

Не так благополучно обстояло дело в казенных уездных училищах. В 1854 г. в Пермской губернии штатные ставки уездных школ были заполнены на 82 %, в Вятской – на 81 %, в Оренбургской – на 83 %. Следует все же заметить, что этот показатель гораздо выше отмеченного на 1828 г. Училищному ведомству удалось к концу николаевского царствования пополнить начальную школу Урала достаточно большим количеством преподавателей. Вакантными оставались в некоторых училищах только должности учителей рисования, которые могли быть совмещены с преподаванием других предметов.

К 1854 г. вырос и квалификационный уровень учителей уездных школ. Высшее светское образование среди них в это время имели в Пермской губернии 23,4 %, в Вятской – 8,2 %, в Оренбургской – 33,3 %. В уездных училищах работали также многие выпускники гимназий. В Пермской губернии они составляли 38,3% всех учителей, в Вятской – 63,3 %, в Оренбургской – 30 % (табл. 22).

Учителя приходских школ были далеко не столь образованны. Большинство среди них по-прежнему имели среднее духовное образование. В 1854 г. в Пермской губернии выпускники местных семинарий среди всех приходских учителей составляли 65,2 %, в Вятской – 50 %, в Оренбургской – 40 % (табл. 23). Преобладали среди них, как и в первой четверти XIX в., выходцы из духовенства. В Пермской губернии в 1854 г. их было 73,9 %, в Вятской – 60 %, в Оренбургской – 46,7 %.

Качественные изменения в составе местных учителей, рост их образовательного уровня и квалификации, несомненно, оказали заметное влияние на формирование у горожан мнения в пользу систематического образования. Жители Перми сохрани-

Таблица 21

Численность и состав (по образованию) учителей уральских гимназий в 1854 г.*

Наименование гимназий	Учебные заведения, в которых получили образование учителя гимназий	Численность учителей	
		чел.	%
Пермская	Казанский университет	7	46,6
	Киевский университет	1	6,7
	Пестский университет	1	6,7
	Главный педагогический институт	2	13,2
	Пермская семинария	1	6,7
	Рижская гимназия	1	6,7
	Гатчинский сиротский институт	1	6,7
	Арзамасская школа живописи А.В. Ступина	1	6,7
Итого:		15	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		11	73,3
средним светским		2	13,3
средним духовным		1	6,7
начальным светским		1	6,7
Вятская	Санкт-Петербургский университет	1	7,7
	Казанский университет	8	61,5
	Дерптский университет	1	7,7
	Киевская духовная академия	1	7,7
	Вятская гимназия	2	15,4
Итого:		13	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		10	76,9
высшим духовным		1	7,7
средним светским		2	15,4
Оренбургская	Казанский университет		
	Киевский университет	8	50
	Главный педагогический институт	2	12,4
	Киевская духовная академия	1	6,3
	Казанская гимназия	1	6,3
	Оренбургская семинария	2	12,4
	Домашнее образование	1	6,3

Окончание табл. 21

Наименование гимназий	Учебные заведения, в которых получили образование учителя гимназий	Численность учителей	
		чел.	%
Итого:		16	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		11	68,9
высшим духовным		1	6,2
средним светским		1	6,2
средним духовным		2	12,5
домашним		1	6,2
Всего учителей по всем губерниям:		44	100,0
В том числе с образованием:			
высшим светским		32	72,7
высшим духовным		2	4,5
средним светским		5	11,4
средним духовным		3	6,8
начальным светским		1	2,3
домашним		1	2,3

* Источники: Именные списки чиновников и учителей Пермской, Оренбургской и Вятской дирекций училищ за 1854 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 127 – 398).

Сведения приведены на 1 января 1855 г. При подсчетах учитывались директора гимназий, инспекторы, старшие и младшие учителя.

ли благодарные воспоминания о директоре гимназии Иване Флоровиче Грацинском. А.В. Зверев, автор исторического очерка, посвященного 100-летию Пермской гимназии, замечает, что предания об этом директоре были живы среди пермских старожилов даже в начале XX в. [308]. Благодаря энергичной административной деятельности и заботе о просвещении юношества И.Ф. Грацинскому удалось изменить невысокое прежде положение непосредственного начальника гимназии в городской среде. В начале директорства, как пишет В. Шишонко, начальник губернии, по старой привычке, обращался к И.Ф. Грацинскому свысока, посылал приказания через ординарца и высказывал замечания «в не совсем мягких выражениях». Через несколько лет, однако, директор гимназии стал одним из самых уважаемых членов пермского общества, занимая в нем независимое и почетное положение [309]. Правительство отметило заслуги И.Ф. Грацинского в развитии образования. В 1847 г. он был награжден

Таблица 22

Численность и состав (по образованию) учителей уездных училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1854 г.*

Губерния, в которой расположены уездные училища	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей	
		чел.	%
Пермская	Главный педагогический институт	1	2,1
	Второй разряд Главного педагогического института	1	2,1
	Казанский университет	7	14,9
	Горный институт	1	2,1
	Казанская духовная академия	1	2,1
	Санкт-Петербургское коммерческое училище	1	2,1
	Демидовский лицей	1	2,1
	Пермская гимназия	6	12,8
	Нижегородская гимназия	1	2,1
	Казанская гимназия	2	4,3
	Вятская гимназия	2	4,3
	Иркутская гимназия	2	4,3
	Тобольская гимназия	1	2,1
	Рязанская семинария	2	4,3
	Пермская семинария	12	25,5
	Вятская семинария	2	4,2
	Казанская семинария	2	4,2
	Санкт-Петербургская школа земледельческих и горнозаводских наук (Строгановская)	1	2,1
	Пермское уездное училище	1	2,1
Итого:		47	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		10	21,3
высшим духовным		1	2,1
средним светским		16	34
средним духовным		18	38,3
начальным светским		2	4,3
Вятская	Казанский университет	4	8,2
	Московская духовная академия	1	2,1
	Вятская гимназия	2,	46,9
	Казанская гимназия	8	16,3
	Вятская семинария	11	22,4
	Домашнее образование	2	4,1

Губерния, в которой расположены уездные училища	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей	
		чел.	%
Итого:		49	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		4	8,2
высшим духовным		1	2
средним светским		31	63,3
средним духовным		11	22,4
домашним		2	4,1
Оренбургская	Главный педагогический институт	5	16,7
	Казанский университет	5	16,7
	Казанская духовная академия	1	3,3
	Оренбургская гимназия	5	16,7
	Симбирская гимназия	1	3,3
	Вятская гимназия	2	6,7
	Казанская гимназия	1	3,3
	Оренбургская семинария	8	26,7
	Уфимское уездное училище	1	3,3
	Домашнее образование	1	3,3
Итого:		30	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		10	33,3
высшим духовным		1	3,3
средним светским		9	30
средним духовным 8		8	26,8
начальным светским		1	3,3
домашним		1	3,3
Всего учителей по всем губерниям:		126	100
В том числе с образованием:			
высшим светским		24	19
высшим духовным		3	2,4
средним светским		56	44,4
средним духовным		37	29,4
начальным светским 3		3	2,4
домашним		3	2,4

* Источники: Именные списки чиновников и учителей Пермской, Оренбургской и Вятской дирекций училищ за 1854 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 127 – 398).

Сведения приведены на 1 января 1855 г. При подсчетах учитывались штатные смотрители уездных училищ, законоучители и учителя наук.

Таблица 23

Численность и состав (по образованию) учителей приходских училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1854 г.*

Губерния, в которой расположены уездные училища	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей	
		чел.	%
Пермская	Пермская гимназия	4	17,5
	Пермская семинария	11	47,9
	Рязанская семинария	3	13,1
	Воронежская семинария	1	4,3
	Нижегородская гимназия	1	4,3
	Кунгурское уездное училище	1	4,3
	Шадринское уездное училище	1	4,3
	Рязанское духовное уездное училище	1	4,3
Итого:		23	100
В том числе с образованием:			
средним светским		5	21,8
средним духовным		15	65,2
начальным светским		2	8,7
начальным духовным		1	4,3
Вятская	Вятская гимназия	9	50
	Вятская семинария	9	50
Итого:		18	100
В том числе с образованием:			
средним светским		9	50
средним духовным		9	50
Оренбургская	Казанская гимназия	1	6,7
	Оренбургская гимназия	1	6,7
	Оренбургская семинария	6	39,9
	Уфимское уездное училище	3	20
	Мензелинское уездное училище	3	20
	Чистопольское уездное училище	1	6,7
Итого:		15	100
В том числе с образованием:			
средним светским		2	13,3
средним духовным		6	40
начальным светским		7	46,7
Всего учителей по всем губерниям:		56	100
В том числе с образованием:			
средним светским		16	28,6
средним духовным		30	53,6
начальным светским		9	16,1
начальным духовным		1	1,8

* Источники: Именные списки чиновников и учителей Пермской, Оренбургской и Вятской дирекций училищ за 1854 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 127 – 398).

Сведения приведены на 1 января 1855 г. При подсчетах учитывались учителя и законоучители.

орденом Святой Анны III степени, в 1855 г. – орден Святой Анны II степени. Получил он также несколько знаков отличия беспорочной службы [310].

Всех этих успехов И.Ф. Грацинский добился настойчивым трудом и усердием. В юности судьба будущего директора была совсем не безоблачной. Дореволюционный историк-краевед В.С. Верхоланцев, автор книги «Город Пермь, его прошлое и настоящее», писал о нем: «Не красны были детство и юность Грацинского. Сын сельского дьякона – будущий директор – с серпом в руках помогал отцу и братьям в полевых работах. Далее мы видим его воспитанником дореформенной бурсы, описанной Помяловским и Ростиславовым. Здесь же, в Рязанской духовной семинарии, в нем зародилась неутомимая жажда света. По окончании курса в духовную академию за казенный счет Грацинского почему-то не отправили. И вот, с котомкой за плечами, пешком, почти без копейки денег, подобно великому помору Ломоносову, юноша Грацинский отправляется в Казань. Счастье ему улыбается. При содействии старшего брата он поступает на словесный факультет Казанского университета» [311].

По окончании университета в 1823 г. И.Ф. Грацинский прошел долгий путь в учебном ведомстве от должности комнатного и больничного надзирателя Первой Казанской гимназии до инспектора Симбирской гимназии, а затем директора Пермских училищ. На должность директора гимназии он был назначен в 1844 г., уволен же только через 40 лет, в 1884 г. В память об особых заслугах И.Ф. Грацинского сослуживцы образовали при гимназии стипендию его имени. В 1873 г. гласные пермской думы поднесли ему диплом на звание почетного гражданина города Перми [312].

Авторитетом в обществе пользовался и Михаил Васильевич Полиновский, возглавлявший Вятскую дирекцию училищ в 1835–1846 гг. Как вспоминал его сын, бывший ученик Вятской гимназии А.М. Полиновский, в период директорства отца нередкими гостями в доме были начальники Вятского края, руководители местной администрации. Особенно хорошо он запомнил посещения губернатора Мордвинова, любившего «ученую беседу». «Когда собиралась у нас интеллигентная компания, – пишет А.М. Полиновский, – вечер проходил торжественно и серьезно. Лицо отца было светло и жизнерадостно, угощение же ограничивалось только чаем» [313].

Иначе заканчивались приемы других представителей местной знати. Это были, по словам А.М. Полиновского, люди ино-

го пошиба и закала, из чиновничьего мира, хотя и из высших сфер. «Сопя и кряхтя, вваливался в гостиную председатель уголовной палаты Волков, мужчина небольшого роста с красно-рыжей головой и такого же цвета лохматыми бровями, вечно с Владимиром в петлице. Являлся советник казенной палаты Иванов, у которого было чуть ли не тридцать человек детей и который, благодаря узаконениям доброго старого времени, получал на детей значительную субсидию, так что всякий раз радовался приращению семейства. Бывал и советник Макаров, окрещенный Салтыковым в «Губернских очерках» Порфирием Петровичем, и, наконец, советник губернского правления Григорьев, представлявший уже совершенно гоголевский тип» [314]. Ученые разговоры среди этой публики были не в моде. Компания, выпив три или четыре пунша, садилась за зеленый стол и играла в бостон. Завершались подобные вечера обильным ужином с серьезной выпивкой. Михаил Васильевич Полиновский выглядел аристократом в этой компании. Держался он очень сановито, с чувством собственного достоинства. В отношении к окружающим вел себя как вельможа и чрезвычайно любил окружать свой быт «всякой пышностью, какая только была в его средствах» [315]. Деятельность М.В. Полиновского на посту директора была отмечена правительственной наградой. В 1838 г. он получил орден Святого Станислава III степени [316].

Для Оренбургской гимназии, по мнению исследователей, временем расцвета стал период директорства Ивана Васильевича Базилева [317]. И.В. Базилев был определен в Уфу в 1831 г. из Симбирска, где несколько лет успешно работал учителем истории, географии и статистики. Молодой и честолюбивый руководитель (в 1831 г. ему исполнилось лишь 30 лет) смог значительно улучшить условия работы Оренбургской гимназии: благодаря настояниям директора для нее было построено новое здание, пополнилась библиотека, появилась учебная литература по всем предметам, укрепилась дисциплина преподавательского состава. Численность учеников гимназии существенно выросла. Инспектор казенных училищ В.И. Антропов, осматривавший гимназию в 1846 г., отмечал авторитет директора и гимназических учителей среди жителей города. Одобрительные отзывы об учебной работе оставили и приезжавшие сюда в 1847–1848 гг. профессора А.К. Казем-Бек и Э.А Эверсман. Заслуги директора И.В. Базилева были отмечены несколькими правительственными наградами: в 1838 г. он получил орден Святого Станисла-

ва, в 1843 г. – орден Святой Анны III степени, в 1851 г. – орден Святой Анны II степени, в 1855 г. – орден Святого Владимира IV степени, в 1856 г. – орден Святого Владимира III степени [318]. Помимо этого, министерство отметило его заслуги в учебном ведомстве знаками отличия беспорочной службы за 15, 20 и 25 лет [319].

Отмечая успехи директоров уральских гимназий, нельзя забывать, что их деятельность проходила в русле правительственной образовательной политики. Трудно судить об отношении руководителей губернских дирекций к идеологии николаевского царствования, подобных источников личного плана нам обнаружить не удалось. Известно, однако, что для учеников вторая четверть XIX в. была временем «страха и трепета». Устав 1828 г., в отличие от предыдущего законодательства, как уже говорилось, вводил достаточно жесткие дисциплинарные наказания для учащихся. Это были выговоры, лишение мест в классе, выставление имени виновного на «черной доске», заключение на несколько часов в запертом классе и, наконец, розги [320]. Телесные наказания в тот период были мерой обычной и распространенной как в низших учебных заведениях, так и в гимназиях.

Учитель А.А. Спицын собрал воспоминания бывших учеников Вятской гимназии о директорах, инспекторах и преподавателях этого учебного заведения в дореформенный период. Судя по ним, розга была царицей в числе школьных наказаний. От суровых мер по отношению к учащимся почти никто из педагогов не отказывался. Встречались среди них и люди, применявшие эти меры с патологической жестокостью.

Особенно неприятные воспоминания у учеников оставил Петр Гаврилович Скорняков, сменивший М.В. Полиновского в 1846 г. на посту директора Вятской гимназии. Этот человек составил себе известность тем, что во время инспекторской службы в Казанской гимназии был избит за свою жестокость озлобленными гимназистами. Один из учащихся Казанской гимназии Е.П. Янишевский вспоминал о том ужасе, который охватывал его при встрече с П.Г. Скорняковым. «Трудно забыть эту физиономию, – пишет он, – с белыми злыми глазами, которые, кажется, никогда в жизни не улыбались и не смотрели ласково на учеников, с мягкими, неслышными движениями животного кошачьей породы, всегда готового мучить свою жертву и наслаждаться ее страданиями. Вся его деятельность состояла в ловле учеников на какой-нибудь шалости, для чего, чтобы незаметно

подкрасться к ним, он носил сапоги с мягкой подошвой, без подбор. С ужасом, бывало, нечаянно оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающегося к стеклянной двери класса. Для Скорнякова не было наслаждения выше сечения учеников, а это сечение было почти ежедневное» [321]. Не оставил он свои привычки и в Вятской гимназии.

По отзывам бывших учеников, сечение было главной дисциплинарной мерой и у инспектора Вятской гимназии И.М. Глебова. «Воспоминания о нем, – пишет А.А. Спицын, – переполнены карцерами, сечением в швейцарской, сечением перед классом или даже перед всеми учениками, и непременно с громадными порциями лозанов» [322]. К подобной расправе часто прибегали учителя математики К.Л. Деревянко и А. Шилов, учитель немецкого языка Н.А. Борнгардт. А. Шилов даже имел обыкновение приходить в класс с веревкой в кармане для собственноручной расправы [323].

Бывшие воспитанники вспоминают, что обычное в то время наказание розгами за незнание применяли даже добродушные и незлобивые учителя. Преподаватель латинского языка Вятской гимназии Матвей Зосимович Крылов, например, судя по воспоминаниям А.М. Полиновского, бывший человеком скромным, даже подчас застенчивым и робким, назначал для исполнения наказаний ленивых гимназистов двух великовозрастных учеников, которых он почему-то называл «ликторами». Лентяев учитель усаживал за особый стол. При любом замечании в их сторону, как вспоминают ученики, ликторы посматривали на печку, где хранились розги летом, или на доску, где они лежали зимой [324].

Сохранились подобные примеры и по другим учебным заведениям. В 1830 г., например, мать одного из учеников Оренбургской гимназии писала попечителю Казанского учебного округа, что ее сын одиннадцати лет был столь жестоко избит розгами, что перенес несколько обмороков и заболел горячкой. Ученик же первого класса Шадринского уездного училища Головин через сутки после побоев умер [325].

Столь жестокие методы воспитания в школе вполне привычно воспринимались низшими городскими сословиями. В семьях того периода господствовали также отнюдь не мягкие нравы. Один из вятских жителей, критикуя доброжелательную нравственную атмосферу воскресных школ накануне реформ, вспоминал: «В наше время учили не так – коренного лентяя-беглеца умели исправить. Совсем было от рук отбился, к ло-

зам притерпелся, мать бедная пошла к учителю, поклонилась, последними крохами, говорит, с вами поделюсь, вразумите только моего-то парня. Ну и вразумили, а потом целый месяц на цепи продержали. А вразумили-то так, что опосля от самого затылка до этого места со спины-то сухие лоскутья сдирал. Оттого и человеком стал. Вот она наука-то, так уж наука!» [326].

За проступки и упущения администрация наказывала и учащихся, и преподавателей. Контроль за порядком в гимназиях осуществляли директора, инспектора и особые надзиратели, в уездных и приходских училищах – штатные надзиратели и ревизоры. Верховная власть строго контролировала морально-нравственное состояние школьников и их педагогов. Образованное городское общество было окружено целой системой слежки и даже провокаторства. Яркий пример, характеризующий роль полиции и охранки в надзоре над преподавателями, приводит в своем исследовании И.А. Алешинцев. Согласно его данным, в 1831 г. ведомство Бенкендорфа получило от одного из частных осведомителей сведения о том, что учитель Пермской гимназии Козловский находится в тесных связях с сосланными в Пермь поляками. Об этом было доложено императору и с его ведения, (минуя учебное ведомство) учитель был сослан в Якутстк. В ответ на просьбу попечителя учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина сообщать о подобных действиях подчиненных их непосредственным начальникам князь К.А. Ливен отвечал: «Требовать сего от господ губернаторов нельзя, потому что полиция имеет свой, особенный круг действия, в который другие начальства вмешиваться не могут» [327].

От учителей требовалась беспрекословное подчинение субординации. Нарушение дисциплины, даже в добрых целях, считалось величайшим злом. В 1830 г., например, учителю Оренбургской гимназии Бобановскому было поставлено в вину то, что он при публичном испытании без спроса у директора подарил ученику свою собственную книгу. Сообщение об этом было включено в донесение попечителя министру о беспорядках в его учебном округе [328].

Отсюда – осторожность и консерватизм, которые были свойственны большинству тогдашних преподавателей. Многие из них, судя по воспоминаниям современников, не желали обновлять учебный материал и использовать новейшие наработки и педагогические теории. Обучение велось по большей части схо-

ластически, по официально утвержденным учебникам, часто без самых необходимых наглядных пособий. Были, однако, среди учителей и истинные труженики просвещения, работавшие увлеченно и с творческим подходом. Прекрасными знаниями по своему предмету, например, обладал учитель латинского языка Василий Алексеевич Модестов, работавший в Вятской гимназии в 1839–1842 гг. Усердный и энергичный преподаватель, он, по воспоминаниям учеников, «очень быстро улучшил их знания в этом древнем языке».

Столь же хорошие уроки давал гимназистам Иосиф Мартынович Смукрович. Родом из западных польских губерний, дворянин, католик, он был сослан как член тайного общества филаретов сначала в Пензу, а затем в Вятку. В течение десяти лет (с 1841 г. по 1851 г.) работы в Вятской гимназии Смукрович приобрел славу выдающегося преподавателя французского языка. Уроки он вел живо и умело, не отказываясь от старых и применяя новейшие методы преподавания (например методики Язвинского и Робертсона). Вятские гимназисты, обучавшиеся под началом И.М. Смукровича, свободно владели языком, могли читать французские книги и поддерживать беседу.

С восторгом вспоминали они и учителя русской словесности Александра Филипповича Михайлова, работавшего в Вятской гимназии в 1841–1845 гг. Его уроки литературы были праздником для учащихся. Всегда вежливый, внимательный к ученикам, Михайлов вел занятия понятно и доступно. В 1844 г. по распоряжению попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина, человека деятельного и просвещенного, в гимназиях были введены литературные беседы. Состояли эти беседы в том, что ученики старших шестого и седьмого классов поочередно писали сочинения на избранную тему и зачитывали их в присутствии директора, инспектора, старшего учителя словесности, учителя грамматики и других преподавателей, приглашаемых директором. После прочтения сочинения класс должен был высказать свое мнение о нем, отметить достоинства и указать на недостатки. Автор защищал свое произведение. После обмена выступлениями учитель подводил итог уроку. Он делал подробный разбор и оценку сочинений, исправлял замеченные погрешности. По окончании учебного года произведения учеников отправлялись попечителю учебного округа, который передавал их профессорам Казанского университета. Рецензии профессоров пересылались директору гимназии. Из рецензий 1845 г. видно, что лучшие

работы в то время принадлежали ученикам Вятской гимназии [329]. Литературные беседы были новой и весьма полезной формой педагогической работы. Они учили детей публично выступать, излагать мысли, отстаивать свою точку зрения.

Высокие оценки инспекторов получали некоторые учителя Пермской и Оренбургской гимназий. В начале 1840-х гг. в Пермской гимназии одобрительных отзывов университетского инспектора заслужил воспитанник Казанского университета Алексей Петрович Габов, преподававший физику и математику. По словам профессора, учитель «стремился упражнять не только память, но и соображение гимназистов». Со знанием своего дела обучал в это время гимназистов и бывший крепостной Строгановых Федор Афанасьевич Прядильщиков. В Пермской гимназии ему доверили преподавать логику, риторику и славянский язык. Одобрительные отзывы о Ф.А. Прядильщикове в 1842 г. оставил инспектор училищ Казанского учебного округа В.И. Антропов [330]. В 1846 г. тот же ревизор отметил усердие и успехи в работе некоторых учителей Оренбургской гимназии (законоучителя И. Бреева, учителя русской словесности и логики В.В. Завьялова, учителя латинского языка М.В. Левитского, учителя истории А. Глушиковского), в 1851 г. – учителей Пермской гимназии (старшего учителя истории Пермской гимназии В.А. Амстердамского, учителя физики и математики А.А. Залежского, учителя математики В.В. Всеволодова) [331].

КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ. РОСТ ВЛИЯНИЯ ШКОЛЫ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

Несмотря на официальные запреты и ограничения правительству и местным властям трудно было удержать население провинциальных городов в рамках официально регламентированного поведения. У социально активной части жителей школа пробуждала тягу к знаниям, овладению новой информацией. Вокруг наиболее талантливых преподавателей гимназии, просвещенных дворян, офицеров, литераторов собирался цвет провинциального образованного общества. Эти «кружки по интересам» объединяли своих членов по разным признакам: направленность таланта, личная дружба, просто любовь к литературе и искусству. К сожалению, о деятельности подобных культурных сообществ на Урале пока известно очень мало.

Любопытные впечатления о екатеринбургском образованном обществе того периода изложил в своем описании литератор П.И. Небольсин, совершивший этнографическую поездку в Сибирь и Прикаспийские степи. Екатеринбург он посетил в конце 1840-х гг. Увидев город, просвещенный путешественник с большим удивлением отметил: «В общей сфере провинциальных городов у нас повсюду одно утешение в жизни после дневных трудов – карты; «король–валет–сам–пять», «играю», «ренонс», «леве», «угол», «пароли», – вот обычные фразы обыкновенной семейной компании по вечерам. В Екатеринбурге не то: там можно наслушаться здравых понятий о политической экономии, там сумеют передать новейшее изобретение какого-нибудь французского ученого, там образуются даже партии литературные – одни стоят за «Современник», другие не допускают, чтоб мог существовать журнал умнее «Библиотеки», третьим нравятся «Отечественные записки», но дело в том, что в большинстве читателей заметно рвение прочесть прежде всего отдел наук и художеств, а это, сколь известно, очень хороший масштаб для измерения степени образования данного лица» [332]. Многие иностранцы, побывавшие в Екатеринбурге того времени, отмечали европейский стиль жизни и внешний вид быстро растущего города [333].

Современные исследователи отмечают большое влияние на развитие культуры провинции представителей местной просвещенной бюрократии [334]. В салонах губернаторов и их жен, покровительствовавших культурной сфере городской жизни, молодежь приобщалась к овладению столичными культурными нормами и идеалами. «Золотым веком» Оренбургского края историки называют время губернаторства Василия Алексеевича Перовского (1833–1842, затем 1851–1857 гг.) [335]. Великолепно образованный человек, бывший масон и член декабристского «Союза благоденствия», он, вступив в должность, привез с собой в Оренбург целую команду даровитых, умных людей, радеющих о процветании Отечества. В его окружении были В.И. Даль, Ф.К. Зан, братья Н.В. и Я.В. Ханыковы, И.В. Виткевич и другие известные литераторы и общественные деятели. Как вспоминает генерал-майор И.В. Чернов, Оренбург времени В.А. Перовского «стоял далеко выше губернского города Уфы» [336]. При В.А. Перовском в Оренбурге было выстроено здание дворянского собрания, в котором долгое время собиралось местное образованное общество.

Воспоминания об образе жизни светского оренбургского общества 1840-х гг. оставил военный инженер И.Ф. Бларамберг, служивший в Оренбурге в 1844–1855 гг. Он пишет, что зимой 1844 г. его друзья, офицеры Генерального штаба, служившие в Оренбурге, создали любительский театр, устраивавший представления в пользу бедняков. Идея об организации театра, высказанная во время дружеской встречи в доме Бларамберга, была встречена аплодисментами. С одобрением воспринял новость и военный губернатор края В.А. Обручев. Он предоставил офицерам место для проведения спектаклей в одном из больших залов дворянского собрания. Сразу после известия об этом решении губернатора офицеры начали подготовку к спектаклю. Супруга И.Ф. Бларамберга была избрана директрисой театра, один из поручиков – режиссером, сам инженер взял на себя роль оформителя, билетного кассира и бухгалтера театра.

Центром подготовки к спектаклям была квартира И.Ф. Бларамберга. Здесь подбирались пьесы, распределялись роли, проводились репетиции. Любопытно, что при этом, как пишет офицер, возникали даже сцены ревности, особенно между дамами, каждая из которых хотела играть лучшую роль. Сопровождал спектакли солдатский оркестр штаба, которым дирижировал замечательный музыкант, польский офицер Обнинский. Первые небольшие пьесы, поставленные любительским театром, были приняты бурными аплодисментами. Как вспоминает И.Ф. Бларамберг, спектакли выливались в праздник для всего Оренбурга. Билеты обычно распродавались заранее. На всю зиму была абонирована половина мест и даже приставные стулья. Зал был всегда полон. Представления обычно заканчивались небольшим импровизированным балом и ужином. Сборы от спектаклей передавались в пользу оренбургских бедняков. Обязанность распределения денег взял на себя католический священник Оренбурга, который прекрасно знал всех бедняков города. И.Ф. Бларамберг вел счет этим деньгам и отчитывался за них перед членами кружка. За семь лет директорства супруги офицера в любительском театре среди неимущих города было распределено 20 тысяч рублей ассигнациями [337].

В период николаевского царствования на Урал пришел и профессиональный театр. Профессиональная труппа под руководством казанского антрепренера П.А. Соколова дала первые представления в Екатеринбурге в 1843 г. Спектакли были с вос-

торгом приняты публикой. Все места были абонированы задолго до завершения подготовки помещения [338]. Становлением театра Екатеринбург обязан главному начальнику горных заводов Урала Владимиру Андреевичу Глинке. Генерал лично выбрал место для театра на главной улице города. 10 мая 1845 г. он утвердил проект здания театра, разработанный архитектором Уральского горного правления К.Г. Турским. Выступления принятой В.А. Глинкой труппы П.А. Соколова не ограничивались Екатеринбургом. Артисты регулярно посещали губернскую Пермь и ярмарочный Ирбит.

Оценивая итоги деятельности В.А. Глинки в сфере культуры, в частности, В.А. Шкерин пишет, что они позволяют судить не только об административных способностях генерала, но и о его гражданской позиции. В ряде моментов эти позиции существенно расходилась с консервативной политикой императора. Заслуги главного начальника горных заводов в развитии науки, искусства, образования на Урале несомненны [339]. Надо заметить, впрочем, что театральная культура имела в Екатеринбурге более давнюю традицию. Н.К. Чупин рассказывал брату, что еще в 1820–1830-е гг. любительские спектакли в городе постоянно ставили инженеры, выпускники Горного кадетского корпуса. «Между ними было много светлых, добрых, честных личностей, имевших благотворное влияние на всех окружающих; в числе этих людей следует указать на Меньшенина, он много подстрекнул людей к самообучению, к самообразованию, к театру, спектакли давались регулярно» [340].

Несмотря на стремление к столичным идеалам культурное движение в провинциальных городах все же заметно отставало от центра. О новейших веяниях в литературе и искусстве местная образованная публика узнавала из столичных журналов, газет, книг. По инициативе Вольного экономического общества в 1830-е гг. началось открытие в губернских центрах публичных библиотек. «Высокая» литература поступала и в библиотеки уездных училищ. В 1837 г., например, ирбитский городской голова А.Д. Маслов передал местному уездному училищу 35 рублей на выписку полного собрания сочинений А.С. Пушкина. В 1844 г. советник тобольского губернского правления М.И. Топорков пожертвовал этому же училищу 57 томов разных книг и журналов, в том числе и журналы «Вестник Европы» за 1820, 1821, 1825, 1826 и 1827 гг. и «Сын Отечества» за 1820 и 1821 гг. [341]. Учителя Оренбургского уездного училища в 1849 г. собрали

около 10 рублей серебром на выписку для училищной библиотеки журнала «Отечественные записки» [342].

Центром притяжения для любителей просвещения в уездных городах были местные училища. Известно, что в Екатеринбургском уездном училище в те годы с успехом проходили публичные лекции по химии. Об их проведении доносил попечителю Казанского учебного округа почетный смотритель Екатеринбургского уездного училища инженер-полковник Е.Г. Чебаевский. Лекции читал с разрешения главного начальника горных заводов А.В. Глинки преподаватель горнозаводских наук училища, заведующий лабораторией горных заводов инженер-поручик Петр Павлович Шубин. Посещать их могли совершенно безвозмездно все любители химии. Проходили лекции в 1840–1841 гг. еженедельно, по средам, с семи до девяти часов вечера. Как пишет Е.Г. Чебаевский, публику привлекало ясное изложение предмета и многочисленные опыты, которые П.П. Шубин проводил на собственные средства. Число слушателей составляло от 40 до 90 человек. Среди них были горные инженеры и чиновники, проживавшие в городе, учителя и ученики училища [343].

В Бирске в те же годы по инициативе штатного смотрителя при уездном училище было создано общество любителей чтения. В 1850 г. это общество пожертвовало родному училищу 91 рубль серебром на пополнение его библиотеки. Об этом необычном для того времени факте сообщили местные губернские ведомости [344].

Важное место в культурной жизни провинции занимала местная печать. Газеты не только сосредоточили вокруг себя культурные силы губерний, но и дали выход их творческим возможностям. Право иметь свою собственную печать за губернскими городами было признано Положением от 3 июня 1837 г., которое определило структуру местных губернских ведомостей. Ведомости должны были состоять из официального отдела и неофициальных приложений. Официальная часть, содержавшая приказы, постановления и официальные объявления, начала регулярно выходить в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях в 1838 г., неофициальная – в Вятке в 1838 г., в Перми в 1841 г., в Оренбурге в 1843 г. Корреспондентами неофициальных отделов "Губернских ведомостей" часто становились учителя и директора губернских гимназий. Их же, как правило, назначали редакторами и цензорами этих изданий. Современные исследователи признают, что су-

ществование гимназий как культурных центров в провинции, где число пишущей интеллигенции было крайне ограниченно, было спасением для местной администрации, которой предписывалось обязательное издание губернских газет [345].

"Губернские ведомости" первоначально были формально бесцензурными изданиями, однако выход каждого номера лично санкционировал губернатор, и в силу этого характер газеты во многом определялся степенью образованности первого губернского лица, его взглядами на роль печати, культуры, политическими симпатиями. Надзор за содержанием "Губернских ведомостей" осуществляли и столичные инстанции: Главное управление цензуры министерства народного просвещения, министерство внутренних дел, цензурная экспедиция III отделения собственной его императорского величества канцелярии и пр. В случае не очень внимательного «досмотра» губернаторами содержания "Губернских ведомостей" и публикации неугодных правительству материалов редакторам и местным цензорам высказывались внушения и замечания. Одно из дел цензурного комитета 1851 г., например, было посвящено статье учителя Оренбургской гимназии П. Чоглокова, которая называлась «Речь о началах, по которым развивалось русское право». Следуя теории естественного права, в одном из своих рассуждений П. Чоглоков заявил: «/.../ по понятиям нашего века Государство есть только форма, необходимая для всестороннего, то есть религиозного, умственного и физического развития человека. Следовательно, форма должна быть приспособлена к содержанию, а не сие последнее к формам, и следовательно, нравственно-физическая природа человека – вот истинное основание всякого законодательства» [346]. Весьма распространенная во времена Екатерины II и Александра I просветительная идеология, заложенная в этом высказывании, была признана чиновниками цензурного комитета настолько опасной, что ее не следовало допускать к печати даже в специальном научном сочинении, а тем более в газете, «издаваемой для общенародного употребления». Николай I, ознакомившийся с рецензией, наложил резолюцию «Справедливо», и местному цензору газеты, директору Оренбургской гимназии И.В. Базилеву, было сделано строгое замечание [347].

По мнению Л.П. Бурмистровой, самыми полными и интересными в николаевское время среди уральских и поволжских газет были "Вятские губернские ведомости". К становлению неофициальной части ведомостей имел непосредственное отношение А.И. Герцен, находившийся в 1835–1837 гг. в вятской ссылке. Он

задумал широкую программу освещения жизни тогда еще малоизвестного Вятского края. Публикации, начатые А.И. Герценом, были продолжены корреспондентами из разных слоев населения. Одним из них был известный русский писатель М.Е. Салтыков-Щедрин, попавший в Вятку в 1848 г. Статья писателя была посвящена первой Вятской сельскохозяйственной выставке, в подготовке которой участвовал сам М.Е. Салтыков-Щедрин [348]. Надо заметить, что, покинув провинцию, столичные авторы весьма скептически отзывались о провинциальных нравах. Отмечая ценность художественного и художественно-публицистического отражения провинциальной жизни в литературе XIX в., современные исследователи замечают, что многие ее образы тогда использовались как штампы, удобная фигура для обличения самодержавно-бюрократического режима. Упрощенной схеме понимания культуры провинции давал отповедь еще М.Н. Загоскин [349].

Однозначно отрицательный приговор провинции, распространившийся в сочинениях литераторов 1850-х гг., не совсем соответствовал действительности. Провинция была далеко не однородна. Образованная часть провинциального общества не только читала, но и изменялась под воздействием книг. Красноречивое высказывание об этом оставил автор стихотворения, опубликованного в "Вятских губернских ведомостях" в 1859 г. Стихотворение, подписанное именем «Вятчанин» называется «В память минувшему, в честь настоящему». Характеризуя нравственный облик недавней провинции, современник пишет:

Было время – люди жили
Как крыловские сатрапы:
Кошелек чужой любили
Забирать бесчестно в лапы.
То-то время золотое –
Люди только ели, спали,
И невежество слепое
Простотой разумной звали.
В пояс кланялись породе,
Честь богатству продавали
И на страждущем народе
Униженье вымещали.
Ум и жизнь забыты были
В это время утопии.
Но дни эти схоронили
Литераторы России!..

Произведение это, хотя и несовершенное по форме, ясно свидетельствует о понимании провинциальными жителями того, какое значение играла в жизни дореформенной России книга. Конечно, отношение провинциального общества к просвещению не было единодушным. На уровне обыденного сознания у простых жителей города поведение интеллигенции по-прежнему осуждалось. Дореволюционный исследователь истории Перми В. Верхоланцев пишет, что в дореформенном губернском центре того времени «серьезных книг не любили и на людей, любивших читать, смотрели враждебно, называли их «умниками» и «вольнодумцами», и они были на плохом счету у начальства и общества» [350]. Еще более унылыми были описания уездных городов. Опубликованные "Оренбургскими губернскими ведомостями" в 1849 г. письма одного из жителей Троицка рисуют жизнь этого города однообразной до бесконечности: «то, что было вчера, будет и сегодня, повторится и завтра». И счастлив тот, пишет автор, «кого судьба не обрекла в годину молодости пресмыкаться или прозябать в каком-нибудь дальнем городке; сто раз счастлив, если он не омедведится, не одеревенит своего рассудка и памяти и выйдет из тины уездной жизни таким же, каким вышел он некогда из-под ферулы педагога!» [351].

Любопытно, что шаблонно обличительный пафос строк, направленных против «мерзостей» захолустной жизни, соседствует в письме с признанием ценности просвещения и образования. Именно эти факты осознания потребности образования стали одним из прогрессивных последствий политики уваровского министерства. Число образованных людей в провинции росло, внутри России появлялись силы и способности для будущего переустройства.

Глава IV

ШКОЛА И ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ВЕЛИКИМИ РЕФОРМАМИ

ПОДГОТОВКА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ГОРОДСКИЕ ШКОЛЫ УРАЛА ПЕРЕД РЕФОРМОЙ 1864 г.

Начало демократических сдвигов в истории русского общества историки связывают обычно с окончанием неудачной для России Крымской войны. Военное поражение вызвало тяжелое потрясение всего общественно-политического строя страны. От молодого императора Александра II, пришедшего к власти в 1855 г., общество ждало коренных преобразований. Резкая критика только что прожитой николаевской эпохи и атмосфера всеобщего ожидания сформировали в стране своеобразную ситуацию перемен, сопротивляться которой власть не могла. Императору предстояло радикальным образом изменить условия жизни громадных масс населения. Опорой ему в процессе обновления страны стала «просвещенная бюрократия». Истоки формирования этого социального явления в бюрократическом аппарате России до сих пор вызывают споры среди российских и западных исследователей [1]. Трудно, однако, оспорить факт, удививший еще дореволюционных историков: именно либеральная бюрократия стала основным двигателем Великих реформ 1860–1870-х гг. Известный историк Г.А. Джаншиев в конце XIX в. писал по этому поводу: «Невесть откуда явилась ватага молодых, знающих, трудолюбивых, преданных делу, воодушевленных любовью к отечеству государственных деятелей, шутя двигавших вопросы, веками ждавшие очереди и наглядно доказавших всю неосновательность обычных жалоб на неимение людей» [2].

Одним из ключевых положений реформаторской политики Александра II стала реформа образования. Военное поражение послужило свидетельством отсталости русского общества.

«Чувствовалось, что нас победила Европа не храбростью, не личной доблестью, а превосходством умственного развития», – писал тридцать лет спустя один из современников, саратовский журналист И.П. Горизонтов [3]. Необходимость и важность развития системы образования была осознана и обществом, и властными верхами. Уже осенью 1855 г. из уст министра просвещения А.С. Норова прозвучали такие слова: «Наука, господа, всегда была для нас одною из важнейших потребностей, но теперь она первая. Если враги наши имеют над нами перевес, то единственно силою своего образования. Итак, мы должны все наши усилия устремить на это великое дело» [4].

Наиболее одиозные решения николаевского правительства в отношении образования Александр II отменил в первые годы своего царствования. Уже в 1855 г. прекратило действовать постановление 1849 г., препятствовавшее поступлению в высшие учебные заведения выходцам из непривилегированных сословий. Затем был отменен установленный в конце 1840-х гг. «комплект» питомцев российских университетов, утверждены меры, облегчавшие малообеспеченным студентам освобождение от платы за обучение, восстановлена категория вольнослушателей.

Постепенно улучшались и условия научной работы. В 1859 г. ученым было вновь разрешено выписывать из-за рубежа научную литературу, не прибегая к услугам цензуры. Восстановилась практика зарубежных поездок и стажировок для молодых людей, готовивших себя к профессорскому званию. Оживился книгообмен с научными центрами Европы. Университеты получили доступ к новой информации. «С новым царствованием и заключением мира, – вспоминал Б.Н. Чичерин, – все препятствия разом исчезли, и вся Россия ринулась за границу» [5]. Видный российский ученый того времени К.А. Тимирязев назвал десятилетие с середины 50-х до середины 60-х гг. XIX в. «годами временного просвета» [6]. Ни до, ни после этого, как признавали современники, образование не имело такого большого внимания в царской России [7]. Все эти факторы обусловили быстрый рост университетского студенчества. В короткое время оно почти удвоилось. По подсчетам Р.Г. Эймонтовой, к 1860 г. численность молодых людей, обучавшихся в высших учебных заведениях России, приблизилась к 5 тысячам человек [8]. Многие из них принадлежали к демократическим, разночинным слоям. В Казанском университете, например, в 1857–1860 гг. доля разночинцев среди студентов доходила до 63–70% [9].

Современные исследователи считают эти годы началом нового периода в развитии культурного сознания в России. В среде демократического студенчества быстро формировалась своеобразная атмосфера нигилизма, недоверия к официальным авторитетам [10]. Характерной чертой предреформенного периода стало широкое студенческое движение. Корпорации воспитанников университетов возникали в университетских и даже неуниверситетских городах. «Оренбургские губернские ведомости», например, сообщали, что в Уфе студенческое братство возникло 6 февраля 1860 г. В этот день почти все бывшие и настоящие студенты Казанского университета, жившие в Уфе, собрались на совместный обед в зале дворянского собрания. Воспоминания и теплые слова собравшихся в адрес родного учебного заведения в этот день были дополнены небольшой суммой в пользу бедных оренбургских воспитанников Казанского университета [11].

Второе упоминание о встрече бывших студентов было 5 ноября 1860 г. «Небольшая семья казанских студентов, живущая в Уфе, – пишет корреспондент "Оренбургских губернских ведомостей", – собравшись в этот день в клубе, праздновала пятьдесят шестую годовщину Казанского университета. За обедом один из студентов, после тоста за процветание университета, сказал живую речь о значении студенческих братств и о причинах, по которым они составляются и поддерживаются». Собрание это, как и предыдущее, очевидно, носило вполне лояльный характер. Участники его вновь собрали деньги в пользу бедных студентов Казанского университета и расстались до 5 ноября следующего года, приняв решение присоединить к себе в следующий раз студентов других университетов, живущих в Уфе [12].

Исследователи отмечают огромное значение общественного движения конца 1850-х – начала 1860-х гг. в формировании российского гражданского общества. Американский историк Элан Кимбелл выделяет несколько вех кризисного предреформенного четырехлетия: «Государство объявило о своем намерении освободить крепостных крестьян и осуществить некоторые другие важные реформы. Граждане – или же вначале, видимо, правильнее сказать «подданные империи» – в ответ на инициативы государства выступили со своими собственными инициативами. В течение буквально нескольких лет предыдущая эпоха в развитии русского гражданского общества, для которой были характерны небольшие дискуссионные кружки, сменилась новой: возникли более крупные организации, объединения и союзы. Время поли-

тических партий еще не пришло, однако это было уже начало организованного гражданского общества» [13].

Ареной борьбы между лагерем «реакционным» и «демократическим» в предреформенные годы стала и школа. Известный исследователь истории гимназического образования И. Алешинцев назвал предреформенные годы периодом «оживления педагогических интересов в прессе и обществе» [14]. В дискуссии на страницах «Морского сборника», «Русского вестника», «Библиотеки для чтения» и других журналов печатались статьи, обсуждавшие проблемы расширения границ просвещения, уничтожения сословных и конфессиональных ограничений в системе образования, предоставления населению возможности получать качественные знания. Тогда же возник вопрос о том, какую форму обучения предпочесть – классическую или реальную [15]. На волне общественного подъема, в 1856 г., в правительственных кругах началась подготовка нового школьного устава.

Спор о преимуществах классического либо реального образования был не новым для педагогической мысли. Интерес к классической культуре в Западной Европе возник еще в эпоху Возрождения. Как и в древней античности, педагоги того времени увидели главную задачу в воспитании всесторонне развитого человека. Ведущее место в обучении при этом они отводили гуманитарным дисциплинам: греческому и латинскому языкам, грамматике, античной литературе, истории, нравственной философии. Изучение классики, с их точки зрения, помогало развивать у детей ясное мышление и правильную речь, дисциплинировало ум, приучало к систематизации в работе. Идеи новой педагогики были востребованы правительствами Западной Европы в XVII–XVIII в., когда на смену средневековым учебным заведениям пришли светские формы организованного обучения. Главным видом полного общего образования в Западной Европе того времени стало учебное заведение классического типа: в Германии – городская (латинская) школа и гимназия, в Англии и Северной Америке – грамматическая школа, во Франции – коллеж.

В первой половине XIX в. в западной философии воспитания произошли важные преобразования. На смену универсальным мировоззренческим схемам, в которые вписывалась и педагогическая проблематика, пришли философские концепции, ориентированные на факты, на данные «позитивных» наук. Педагогика ответила на этот процесс формированием школ нового, «реального» типа, ориентированных на развитие естественно-науч-

ных и технических знаний. Ученые, анализировавшие историческую последовательность изменений, происходивших в образовании как социальном институте, считают это изменение одной из революций в образовательной системе. По времени и технократическому характеру она связана с капиталистическим обществом, где развивалось машинное производство, постоянно нуждающееся в профессионально образованной рабочей силе [16]. А.М. Лушников так оценивает этот процесс: «Образование становится специфической отраслью духовного производства и насыщается естественно-научными, математическими и техническими знаниями при некотором снижении своей гуманистической роли» [17].

Эволюция школы происходила постепенно, споры и дискуссии о плюсах и минусах реального и классического образования сопровождали ее на протяжении всего XIX в. Не была исключением в этом отношении и Россия. Классическая и реальная школа здесь имели своих защитников и противников, многие из которых были известными учеными и педагогами. Н.И. Пирогов, например, стал на сторону классицизма, связывая с ним дальнейший прогресс гуманитарного образования, К.Д. Ушинский, напротив, выступил за развитие реальной школы. Авторы проекта нового устава общеобразовательных школ, разработанного Ученым комитетом Главного правления училищ, попытались выработать некое компромиссное решение, предложив устроить в России гимназии трех разновидностей – филологические, реальные и смешанные. Проект устава появился 17 марта 1860 г. и был разослан для обсуждения всем педагогическим советам гимназий.

После обсуждения устав был переработан и в 1862 г., уже при новом министре просвещения А.В. Головнине, появился с названием «Проект устава общеобразовательных учебных заведений». А.В. Головнин принадлежал к той плеяде либерально настроенных сановников, которые выдвинулись в период проведения Великих реформ. В 1850-е гг. он служил в Морском ведомстве, возглавлявшемся великим князем Константином Николаевичем, известным своими либеральными взглядами. А.В. Головнину великий князь доверил руководство журналом «Морской сборник», на страницах которого и появились первые статьи, призывающие к кардинальным изменениям в области образования, в том числе и известная статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни». С приходом в декабре 1861 г. А.В. Головнина в минис-

терство народного просвещения преобразования в сфере образования ускорились. Е.К. Сысоева отмечает, что характерной чертой деятельности министерства этого времени стала гласность [18].

Проект устава 1862 г., разработанный при участии А.В. Головнина, был не только обнародован, но и вновь разослан на обсуждение педагогических советов. Помимо этого, Устав перевели на иностранные языки и отправили видным ученым и педагогам Германии, Франции и Англии. Результатом опроса явились 365 внутрироссийских и 42 зарубежных отзыва. Все они были опубликованы и стали доступны обществу. 27 февраля 1864 г. переработанный и измененный устав поступил в Государственный совет, где прошел еще несколько обсуждений. В окончательном виде «Устав гимназий и прогимназий» был принят 19 ноября 1864 г. [19].

Новый Устав исправил многие недостатки прежнего законодательства. Главным изменением было устранение сословности и строгих дисциплинарных мер в гимназическом образовании. Доступ в гимназии разрешили всем сословиям, телесные наказания совершенно отменялись. Бессословными были объявлены и закрытые пансионы гимназий. Они теперь предназначались только для воспитания детей младшего школьного возраста (с первого по четвертый классы).

Крупным достижением демократически настроенных педагогов стало существенное расширение прав педагогических советов. Преподаватели, согласно Уставу, получили свободу в составлении программ и выборе учебников. Положительным фактором для развития гимназий послужило также существенное увеличение государственных расходов на их содержание. При всей своей демократичности Устав все же сохранил ограничительные меры для малообеспеченных сословий. Была установлена достаточно высокая плата за гимназическое обучение.

По характеру обучения гимназии разделили на три типа: классическая с преподаванием двух древних языков, классическая с одним латинским языком, реальная без преподавания древних языков. Отличие реальной гимназии от классической было достаточно существенным: свидетельство о ее полном окончании не давало права выпускникам на поступление в университет, так как обучение в университете тогда было невозможно без знания латинского языка. Воспитанники, окончившие реальную гимназию, могли поступить лишь в специальные высшие учеб-

ные заведения. Вопрос о типе гимназий, впрочем, Устав не решал окончательно. Министру народного просвещения было дано право преобразовывать существующие гимназии в реальные или классические в соответствии «с местными потребностями» или ходатайствами обществ и педагогических советов.

Надо заметить, что этим правом городские общества на Урале достаточно активно пользовались. К моменту начала новых школьных реформ в уральских губерниях число гимназий увеличилось. Помимо губернских городов (Перми, Вятки, Уфы), собственную гимназию получил уездный Екатеринбург. Торговый и быстро развивающийся город давно нуждался в улучшении качества системы образования. Уральский историк В.А. Шкерин предполагает, что авторство идеи основания общеобразовательной средней школы в Екатеринбурге принадлежало главному начальнику горных заводов Урала В.А. Глинке [20]. Известно, однако, что попечитель Казанского учебного округа представлял ходатайство об основании гимназии в Екатеринбурге министру народного просвещения еще в 1833 г., до появления в городе В.А. Глинки. Но в то время министр ограничился лишь открытием при Екатеринбургском уездном училище дополнительных горнозаводских классов [21].

В.Н. Шишонко называет инициатором создания Екатеринбургской гимназии преемника В.А. Глинки на посту главного начальника горных заводов хребта Уральского генерал-майора Федора Ивановича Фелькнера. В 1857 г. он представил министру финансов проект учреждаемой в Екатеринбурге гимназии, целью которой считал «доставление средств к приобретению общего образования детям жителей тамошнего края, а также приготовление детей горных чиновников в Горный институт» [22].

Проект Ф.И. Фелькнера был направлен горному начальству. В 1861 г. его представили на рассмотрение специальной комиссии, работавшей в то время при министерстве финансов и занимавшейся пересмотром устава Института корпуса горных инженеров. Комиссия не решилась возложить ответственность за новое учебное заведение на горное ведомство. Рассмотрев проект, она пришла к выводу, что реформируемый институт не нуждается в приготовительном учебном заведении. Учреждаемая же в Екатеринбурге гимназия вполне может существовать на общих условиях. Впрочем, от помощи вновь учреждаемой гимназии горное ведомство не отказалось. Решено было передать Екатеринбургскую гимназию в ведение министерства народного про-

свещения, разместив ее в здании уже действующего Уральского горного училища. 23 июня 1861 г. император одобрил представленный ему доклад министра финансов и разрешил открыть в Екатеринбурге мужскую гимназию [23].

Торжественное открытие гимназии состоялось 22 октября 1861 г. Пермские губернские ведомости сообщали, что праздник совершился «при многочисленном стечении производительного и непроизводительного, то есть чиновного люда». Автор с восторгом писал о том, что в городе чувствовалась «потребность общего образования»: в отличие от "немноголюдного" Уральского горного училища, гимназия в первые же дни работы приняла около 50 учеников. «Веруем, – продолжал репортер, – что с открытием в Екатеринбурге гимназии начнется новая жизнь для здешнего края, можно сказать, новая эра» [24].

Стремление образованной части жителей Екатеринбурга именно к общему, университетскому образованию определило дальнейшую судьбу гимназии. Согласно ходатайству городской думы, по новому Уставу 1864 г. новое учебное заведение получило статус реальной гимназии, без права поступления в университет для ее выпускников. Против этого решения выступили многие жители Екатеринбурга. Протест был оформлен общим мнением совещания, которое собрал на своей собственной квартире главный начальник горных заводов Урала Ф.И. Фелькнер. В совещании участвовали горные инженеры и чиновники, а также другие «члены местного общества, которые в городской думе не имели представительства своих интересов». Просьбу о даровании Екатеринбургской гимназии прав классической поддержал и ее педагогический совет [25]. Осенью 1865 г. Екатеринбургская гимназия получила статус классической [26].

Противостояние горного и гражданского общества в Екатеринбурге было привычным явлением. Власть над городом гражданские правители потеряли в 1851 г., когда после длительных настояний главного начальника горных заводов В.А. Глинки Екатеринбург был передан в горное ведомство. Решение это, однако, недолго сохраняло свою силу. 23 августа 1863 г. город вновь потерял свой исключительный статус. Император утвердил положение Комитета министров о возвращении Екатеринбурга в число обычных городов гражданского ведомства. «Закончилась история единственного в России горного города", – пишет один из современных историков. Началась история уездного города, а с нею и новое противостояние – теперь уже граж-

данских и церковных властей двух столиц Урала: «коронованной» Перми и некоронованного Екатеринбурга, на протяжении всей своей истории стремившегося быть свободным от какого бы то ни было подчинения [27]. С августа 1863 г. ему пришлось отстаивать новое право – стать административным центром, столицей Среднего Урала.

Для полного достижения этой цели Екатеринбургу предстояло пройти еще очень долгий путь. В учебном ведомстве, однако, он уже в 1861 г. стал равен Перми. После открытия Екатеринбургской гимназии в городе появилась особая, отдельная от Пермской, Екатеринбургская дирекция народных училищ. Директором ее стал Александр Дмитриевич Крупенин – кандидат Казанского университета, перемещенный в Екатеринбург с должности инспектора Пермской гимназии. Екатеринбургской дирекции училищ были подчинены учебные заведения Екатеринбургского, Верхотурского, Ирбитского, Камышловского и Шадринского уездов [28].

В ожидании скорых перемен жили и губернские гимназии. Несмотря на общее стремление к образованию численность учащихся в них в конце 1850-х – начале 1860-х гг. изменилась мало (табл. 24). К 1 января 1864 г. в губернских гимназиях Перми, Вятки и Уфы числилось 598 воспитанников, лишь на 73 человека больше, чем в 1855 г. Одной из причин недостаточно быстрого роста численности учащихся в гимназиях была высокая плата за обучение. Планку стоимости гимназического обучения правительство поднимало несколько раз. Согласно решению Главного правления училищ от 1845 г., она составляла 5 рублей серебром в год. 4 декабря 1857 г., согласно положению Главного правления училищ, с приходящих учеников гимназий стали взимать 10 рублей серебром [29]. Положение разрешало, правда, освобождать от оплаты за обучение сирот и детей из малообеспеченных семей, но их количество строго контролировалась. В 1863/1864 учебном году, например, от оплаты за обучение освобождались в Вятской гимназии 18 человек (8,6 % от общей численности учащихся), в Екатеринбургской 9 человек (3,5 % от общей численности учащихся), в Оренбургской 17 человек (8,3 % от общей численности учащихся) [30].

Главным объяснением причин увеличения платы за гимназическое образование, декларированным в законе 1859 г., было стремление правительства улучшить «стесненное положение учителей и училищ вообще». На деле, однако, доля частных

Таблица 24

Численность и состав (по происхождению) учащихся гимназий Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Гимназий	Численность учащихся											
	Дворян и чиновников		Духовенства		Городских сословий		Сельских сословий		Иностранцев		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Пермская	125	67,6	–	–	46	24,9	13	7,0	1	0,5	185	100
Екатеринбургская	129	49,6	9	3,5	103	39,6	10	3,8	9	3,5	260	100
Вятская	141	67,5	13	6,2	47	22,5	8	3,8	–	–	209	100
Оренбургская	168	82,4	3	1,5	20	9,8	6	2,9	7	3,4	204	100
Итого:	563	65,6	25	2,9	216	25,2	37	4,3	17	2,0	858	100

* Источники: Отчеты по управлению Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекциями училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 120–133; 190–197; 247–287; 433–438). Сведения приведены на 1 января 1864 г.

средств в содержании гимназий и уездных училищ была весьма незначительной. Финансовые проблемы высших ступеней среднего образования решались в основном за счет правительственных вложений (табл. 25).

В преподавании и внутренней жизни гимназий предреформенного времени утверждались принципы демократизма, что, судя по воспоминаниям гимназистов, заметно изменило психологический климат в учебных заведениях. Уральские гимназии быстро избавились от царившей в них прежде атмосферы «страха и трепета». Учащаяся молодежь и преподаватели активно включались в общественную жизнь края.

Одним из основных очагов общественного подъема на Урале в конце 1850-х – начале 1860-х гг. стала Пермь. Советские историки выявили множество фактов проникновения революционно-демократических взглядов в среду учащейся молодежи города. Молодым людям в предреформенный период были вполне доступны статьи В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.В. Шелгунова, Д.И. Писарева, которые печатались в «Современнике» и «Отечественных записках» и попадали на Урал в результате подписки [31]. Достаточно широко были известны в городе и нелегальные издания вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Они поступали

Таблица 25

Источники финансирования гимназий и уездных училищ Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Наименование учебных заведений	Источники финансирования, руб. серебром							
	Гос. казначейство	Приказ общественного призрения	Средства городского общества	Спец. средства на улучшение Оренбургской губернии	Земский сбор по губернии	Сборы с учеников	Пожертвования	Всего
Пермская гимназия	19 030	–	–	–	–	3292	54	22 376
Екатеринбургская гимназия	11 237	–	–	–	–	2270	1557	15 064
Уездные училища	23 154	–	–	–	–	807	857	24 818
Итого по Пермской губернии, руб.	53 421	–	–	–	–	6369	2468	62 258
%	85,8	–	–	–	–	10,2	4,0	100,0
Вятская гимназия	12 598	238	–	–	–	1570	–	14 406
Уездные училища	24 994	–	29	–	–	1021	1089	27 133
Итого по Вятской губернии, руб.	37 592	238	29	–	–	2591	1089	41 539
%	90,5	0,6	0,1	–	–	6,2	2,6	100
Оренбургская гимназия	18 540	429	–	650	5000	4832	125	29 576
Уездные училища	13783	571	–	–	–	642	250	15 246
Итого по Оренбургской губернии, руб.	32 323	1000	–	650	5000	5474	375	44 822
%	72,1	2,2	–	1,5	11,2	12,2	0,8	100
Всего по губерниям, руб.	12 3336	1238	29	650	5000	14 434	3932	148 619
%	83,0	0,8	0,01	0,4	3,4	9,7	2,7	100

* Источники: Отчеты о деятельности Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.8308. Л.120-133, 161-192; 205-252, 413-435). Подсчеты приведены округленно в рублях; копейки округлялись до рубля (если их больше 50), либо отнимались (если их меньше 50).

Штатные суммы по Пермской и Оренбургской гимназиям включают средства, переводимые на содержание воспитанников пансионов. Сумма сбора с учеников по Пермской и Оренбургской гимназиям включает взносы за содержание «своекоштных» воспитанников пансионов.

сюда по различным каналам. Один из современников писал по этому поводу: «Со времени окончания Севастопольской войны Герцен в Перми был в полном ходу. Считаться его почитателем было модою. На всякого, кто не читал его, молодежь ... смотрела как на глубокого рутиниста» [32].

Влияние революционно-демократических взглядов на преподавателей и учащуюся молодежь Перми, однако, не стоит преувеличивать. В современных исследованиях подчеркивается, что в общественной жизни уральских городов того времени участвовали не только радикалы-нигилисты, но и «все сознательные элементы общества, заинтересованные в общественном преобразовании» [33]. В.И. Ленин называл предреформенный период «эпохой просветителей». Понятие «просветительская эпоха», сформулированное им в конце 1897 г. в работе «От какого наследства мы отказываемся?», до сих пор широко используется в русской исторической литературе [34].

Отличительной чертой «просветительской эпохи» в провинции стал вкус к публичной деятельности. В культурном процессе активное участие теперь принимало не только дворянство, но и другие слои городского общества, особенно разночинцы. В конце 1850-х гг. пермские просветители объединились вокруг Дмитрия Дмитриевича Смышляева, человека энергичного, отличавшегося в то время, по донесениям жандармов, «ультралиберальным образом мыслей» [35]. Купеческий сын, наследовавший от отца достаточно большое состояние, Смышляев с 1857 г. ликвидировал торговые дела и отдал все свои силы и средства общественному благу. Судя по воспоминаниям его сестры Ф.Д. Солодовниковой, Дмитрий Дмитриевич встретил эпоху освободительных реформ «с невыразимо радостным чувством. Он был горячим и убежденным истолкователем ее значения. Глубоко сочувствуя новым веяниям, Смышляев принимал активное участие в устройстве публичных библиотек, литературно-музыкальных чтений, в организации воскресных школ, основании в Перми женской гимназии и т.п.» [36]. В 1859-1860 гг. в Москве на средства Д.Д. Смышляева были изданы два тома «Пермского сборника».

Ближайшим сподвижником Д.Д. Смышляева в подготовке сборника был старший учитель Пермской гимназии Николай Алексеевич Фирсов. Товарищ и однокашник Н.А. Добролюбова по Главному педагогическому институту, он был поборником кардинальных демократических преобразований в системе на-

родного образования. В своей большой статье, опубликованной в «Пермском сборнике», Н.А. Фирсов прямо высказался против пороков сословной школы и крепостнической системы: «Осуществите идеал школы среди народа, который задавлен деспотизмом, у которого одна забота, как сохранить жизнь свою, но не умереть с голода, и не скоро влияние ее отразится на жизни этого народа». Помимо Н.А. Фирсова, в состав смышляевского кружка входили и другие преподаватели Пермской гимназии – Г.И. Балбашевский, Я.И. Предтеченский, С.С. Пенн, а также учитель духовной семинарии А.Г. Воскресенский [37].

Изданный смышляевским кружком «Пермский сборник» вызвал большой интерес не только местной, но и столичной публики. Весьма одобрительно отозвались о нем крупные российские журналы – «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки». Н.А. Добролюбов оценил сборник как серьезное, очень дельное издание, в котором «высказывается такое обилие знаний, серьезность взгляда и мастерство изложения, какое не всегда встречается в столичных журналах» [38]. Высокая оценка одного из ведущих литературных критиков той поры делает честь учителям Пермской гимназии, именно они составляли наибольшую группу авторов сборника.

Заслугой учителей можно считать и то, что к началу 1860-х гг. гимназия стала уважаемым учебным заведением в городе. Перед началом реформы 1864 г. в ней преподавались Закон Божий, русский язык, математика, физика и математическая география, всеобщая и русская история, география, естествоведение, немецкий и французский языки, чистописание, черчение и рисование. В старших классах, помимо этого, воспитанники, готовившиеся к университету, занимались латинским языком, а предназначавшие себя к гражданской службе – законоведением. Обучение приемам фронтовой службы, введенное в николаевское время, было отменено в 1858 г. Вместо него гимназистов стали учить танцеванию и гимнастике [39]. В 1861/1862 учебном году при гимназии были устроены землемеротаксаторские классы [40].

Руководство гимназией в предреформенные годы, как и прежде, осуществлял Иван Флорович Грацинский. Энергичный и деятельный директор находил постоянную поддержку своим начинаниям у местного общества. Благодаря усилиям И.Ф. Грацинского Пермская гимназия, в отличие от Вятской и Оренбургской, постоянно получала благотворительную помощь от бога-

того купечества. В.Н. Шишонко, изучивший воспоминания пермских старожилов о деятельности И.Ф. Грацинского, описывает «неподражаемую находчивость» директора гимназии в поисках материальных средств для учебных заведений. В 1850-е гг. по инициативе директора при гимназии началось строительство благородного пансиона. За помощью в финансировании строительства И.Ф. Грацинский обратился к попечителю учебного округа, но получил отказ. «На денежные субсидии от казны не рассчитывайте, – писал попечитель округа директору, – в них положительно отказано, но поступайте в таком благом начинании, как вам бог внушит» [41]. И.Ф. Грацинскому удалось убедить в необходимости этого «благого начинания» многих людей, «крепких на деньгу». В.Н. Шишонко рассказывает, что два купца одного из уездных городов после личных бесед с директором пожертвовали на нужды «совершенно чуждого им» пансиона весьма крупные суммы: в 5000 и в 6325 рублей. К сожалению, В.Н. Шишонко не называет фамилии этих «добропорядочных граждан» [42]. Очевидно, одним из них был кунгурский купец Кузнецов, пожертвовавший в 1856 г. на постройку здания благородного пансиона 5 тысяч рублей серебром. Деньги на строительство пансиона и церкви при нем (1300 рублей серебром) в то же время передали почетные граждане Екатеринбурга Аникий и Иван Рязановы [43].

Весомые вклады в строительный капитал И.Ф. Грацинский получал во время Ирбитских ярмарок, куда он ездил специально для сбора пожертвований на протяжении почти десятка лет. Поездки не были напрасными. Ежегодно И.Ф. Грацинскому удавалось привозить из Ирбита по 3000–4000 рублей. Передавали купцы для нужд пансиона и строительные материалы. Собранные средства дали возможность директору отстроить для пансиона в Перми великолепный двухэтажный каменный дом с церковью и квартирой для инспектора как ближайшего начальника пансиона. Дом был построен в 1862 г. на Петропавловской улице. Постройка эта, вместе со снабжением пансиона и церкви мебелью и украшениями, обошлась примерно в 60 тысяч рублей серебром. 10 тысяч из них были выделены их экономических сумм учебного заведения [44]. В 1860 г. в пансионе воспитывалось 20 казенных пансионеров, 5 полных пансионеров и 16 полупансионеров. Годовая стоимость содержания в пансионе в 1860 г. составляла: за полного пансионера 170 рублей серебром, за полупансионера – 120 рублей серебром [45].

Ощутимую поддержку горожан имела и вновь открытая Екатеринбургская гимназия. В 1863 г. она получила от нескольких уральских золотопромышленников средства на содержание одного из беднейших учеников (300 рублей). По подписке на заведение фундаментальной библиотеки и физического кабинета сюда было передано около 820 рублей, а по подписке на усиление ученической библиотеки – 120 рублей. Кроме того, была проведена подписка на периодические издания для публичного чтения, которая дала 212 рублей. Журналы хранились в библиотеке гимназии. В пользу ученической библиотеки гимназия получила в том же 1863 г. от домашнего учителя Терешенкова 40 рублей серебром и «от разных лиц» книги и периодические издания на сумму около 50 рублей серебром.

Учебные кабинеты гимназии были пополнены директором Екатеринбургской гранильной фабрики Миклашевским и чиновником того же ведомства Пономаревым. Они пожертвовали собрание образцов минералов. Главный начальник заводов Уральского хребта Фелькнер передал учебным кабинетам гимназии 114 моделей кристаллов и несколько изделий серебряного производства Алтайских заводов, а для создания технологического музея выделил образцы инструментов свекло-сахарного производства [46].

Вятская гимназия таких многочисленных благотворительных взносов в этот период не получала. В 1863 г., например, список ее жертвователей и вовсе был пуст. Эпоху реформ гимназия встретила с новым директором. В 1856 г. этот пост занял Иван Михайлович Глебов – воспитанник Вятской гимназии, а затем Казанского университета. По окончании естественного факультета университета И.М. Глебов служил некоторое время учителем в Саратовской гимназии, а затем был переведен в Вятку, где провел семь лет в должности инспектора гимназии. Бывшие гимназисты вспоминали, что внутренние изменения в стране серьезно отразились на его поведении. Суровый инспектор, не отказывавшийся прежде от телесных наказаний учеников, став директором, изменил отношение к гимназии и ученикам. «О суровом и грубом обращении не могло быть и помину, – пишет в своем историческом очерке преподаватель гимназии М.Г. Васильев. – Преподаватели переменили форму обращения с учениками, стали говорить им «вы», приглашали их отвечать сидя и стремились к сближению с молодежью. Перемена эта была столь разительна, что ученики сперва отказывались верить ей, боясь ловушки со

стороны начальства» [47]. Время директорства И.М. Глебова учитель гимназии А.А. Спицын считает самым благородным, самым возвышенным периодом деятельности учебного заведения. Гимназия работала тогда «во весь размах своих наличных сил, свободно, с увлечением и с великою пользою для учащихся» [48]. Прекрасное состояние учебной работы в гимназии того времени было признано и официально. Отчет за 1857 г. свидетельствует, что Вятская гимназия считалась лучшей в Казанском учебном округе, ей единственной было дано право отправлять своих лучших выпускников без экзаменов в Казанский университет [49]. Это же право выпускники имели и в 1861 г. [50].

Вопрос о преобразовании Вятской гимназии по новому Уставу 1864 г. вызвал определенные противоречия в городе. Здесь, как и в Екатеринбурге, возникли разногласия между образованным обществом и горожанами. Совещание высших городских лиц во главе с губернатором решило, что гимназия должна стать реальной, педагогический же совет гимназии, напротив, предпочел классическую форму обучения. Министерство народного просвещения пошло навстречу пожеланиям педагогов, в 1865 г. гимназия была преобразована в классическую с одним латинским языком [51].

Среди преподавателей Вятской гимназии предреформенной поры было много замечательных личностей. Михаил Васильевич Сапоровский, сын петербургского священника, воспитывавшийся в Главном педагогическом институте вместе с Н.А. Добролюбовым, в 1857–1861 гг. преподавал в Вятской гимназии историю. О воспитательном влиянии этих уроков гимназисты не забывали долгие годы. «Он появлением своим, – пишет один из бывших учеников гимназии Н.А. Рукавишников, – внес в гимназию живое слово, научил нас иметь вкус в чтении книг. Он прочитал нам лучших авторов с комментариями по Белинскому и другим критикам. Его обширные знания, честный, прямой взгляд на литературу для нас были первою школою, давшею дальнейший отпечаток нашей жизни» [52]. Преподавание М.В. Сапоровского в гимназии, однако, было недолгим. Он страдал традиционным для многих русских учителей пристрастием к вину, за что и был уволен в 1861 г. [53].

На место М.В. Сапоровского пришел Яков Григорьевич Рождественский. «Благороднейший, искреннейший, яркий и сильный представитель так много давшего нам просветительного движения 60-х годов, – так характеризует его один из бывших

учеников А.К. Лопатин. – Все силы своего духа и разумения отдал он своему делу и до конца был нелицемерным служителем идеи реформ, просвещения и народного блага» [54]. Я.Г. Рождественский учил детей жить ради возвышенных целей, пробуждал их душу и совесть. Автор исторического очерка, посвященного столетию Вятской гимназии, считает, что воззрения Я.Г. Рождественского не были радикальными. Он был вполне лоялен политике правительства, «свободен от крайних увлечений своего времени». Участие Я.Г. Рождественского в культурной жизни края не ограничивалось его педагогической деятельностью. Он был важнейшим членом педагогического совета гимназии, некоторое время выполнял обязанности его секретаря. Помимо этого учитель активно занимался научными исследованиями. В начале 1860-х гг. он составил «Записку об истории Вятского края» и приступил к написанию подробной истории Вятки [55].

Прекрасными знаниями по предмету обладал Виктор Павлович Москвин. В 1857–1870 гг. он преподавал вятским гимназистам словесность. Воспоминания современников рисуют В.П. Москвина человеком ярким и просвещенным. Он постоянно следил за литературной жизнью страны, получал и хранил в домашней библиотеке многие литературные новинки. На заседании педагогического совета в 1860 г. В.П. Москвин заявил: «Добросовестный преподаватель словесности непременно должен, из страха отстать от современного движения науки, впасть в рутину и вредную схоластику, ежедневно посвящать несколько часов дома занятиям своим предметом» [56]. Много времени В.П. Москвин отдавал научным занятиям. В течение нескольких лет он занимался изучением вятского говора, совершая летом поездки по губернии. На этой основе им позднее был составлен целый сборник произведений народной словесности, отправленный в Академию наук и достаточно высоко оцененный столичными учеными.

В целом преподавательская деятельность В.П. Москвина оставила у его воспитанников впечатления достаточно противоречивые. Многие гимназисты считали его сухим резонером, человеком, смотревшим на свой предмет глазами не учителя, а преданного избранной науке ученого. Уроки его, с точки зрения этих учеников, мало что давали юной аудитории, Москвин подавлял ее массой сообщаемых сведений. Оправданием учителю может служит то обстоятельство, что он стремился поднять воспитанников до своей высоты, лучшие гимназисты употребляли

все усилия, чтобы добиться его похвалы. «Для этого даже слабыми делалось многое – много читалось, много думалось» [57].

Губернский город конца 1850-х гг. заметно отличался от сатирически описанного М.Е. Салтыковым-Щедриным Крутогорска, прототипом которого послужила Вятка 1830–1840-х гг. В письме к своему однокурснику Н.А. Добролюбову в 1859 г. преподаватель математики вятской гимназии Михаил Иванович Шемановский отмечал: «Вятка много переменилась с того времени, как я ее видел; в смысле современности ее можно поставить выше Ковна. Журналы здесь сильно читаются, есть даже публичная библиотека» [58]. М.Г. Васильев характеризует М.И. Шемановского как «личность выдающуюся по уму и благородству характера». Выпускник Вятской гимназии, а затем Педагогического института М.И. Шемановский некоторое время работал учителем в Ковно. В Вятку он был переведен в 1858 г.

Почти сразу после своего приезда учитель активно включился в общественную жизнь города. В 1859 г. М.И. Шемановский сообщал Н.А. Добролюбову, что ему удалось «устроить при здешней гимназии компанию для выписки всех более примечательных журналов, в числе которых, разумеется, «Современник» на первом месте» [59]. Однокурсник Н.А. Добролюбова, он был не только известным общественным деятелем в Вятке, но и замечательным преподавателем. Ученики видели в нем образованного, знающего свое дело учителя. «Он любил свой предмет и знал его превосходно, работая без устали и следя постоянно за движением науки» [60], – писал о М.И. Шемановском его коллега, автор некролога, опубликованного в одном из педагогических журналов после смерти учителя. М.И. Шемановский смотрел на математику как на великое орудие гуманизма и стремился через преподавание любимого им предмета пробуждать самостоятельность учеников, развивать их логические силы.

Вятские учителя, как и пермские, сотрудничали с местными губернскими ведомостями. Учитель М.Г. Васильев рассказывает, что в 1856 г. губернское начальство даже решило для того, чтобы придать газете «большую занимательность», назначить ее редактором кого-нибудь из преподавателей гимназии с жалованьем 10 рублей в месяц. На предложение откликнулся учитель математики Иван Николаевич Савинов. М.Г. Васильев замечает, что он так хорошо повел дело, что "Вятские ведомости" скоро стали одной из лучших провинциальных газет того времени [61]. В преподавании, однако, редактор "Губернских ведомостей"

столь большого следа не оставил. Судя по воспоминаниям воспитанников гимназии Н. Спасского и Н. Рукавишникова, он, очевидно, плохо знал свой предмет и не имел никакой привязанности к учительскому делу [62].

Большое значение в общественной жизни Вятки имели литературно-музыкальные вечера. Преподаватели и учащаяся молодежь принимали в них самое активное участие. Первый литературный вечер в Вятке состоялся 27 февраля 1861 г. Он был посвящен А.С. Пушкину. Вечер был организован для того, чтобы собрать деньги на памятник поэту в Царском Селе. Инициаторами были местные чиновники П.В. Алабин и П.А. Зубов. Учитель гимназии Я.Г. Рождественский выступил на вечере с докладом «О Пушкине как о человеке и его влиянии на развитие отечественной литературы». Литературно-музыкальные вечера стали излюбленной формой общественных собраний. По подсчетам "Вятских губернских ведомостей", в 1862 г. в городе было проведено двадцать таких вечеров, в 1863 г. – двенадцать [63].

Общественное оживление охватывает в предреформенные годы и Оренбургскую губернию. Центром активной жизни того времени стал Оренбург. Один из корреспондентов местных губернских ведомостей сообщал редактору в 1860 г., что в Оренбурге в ту пору горожане жили «гораздо веселее», чем в Уфе. «Главный предмет, которым занимается в настоящее время Оренбург, – пишет он, – литература. Оренбург превратился в кабинет для чтения: оренбуржцы читают с увлечением, рассуждают, спорят, осуждают или одобряют прочитанное" [64].

Немногим уступала резиденции главного начальника края и губернская Уфа. «Вглядываясь попристальнее в уфимскую общественную жизнь, – писал в том же 1860 г. корреспондент губернских ведомостей, – нельзя не заметить, что у нас в Уфе проявляется некая самостоятельность стремлений к общественности, что в настоящее время гораздо меньше надобности состоит в опеке над общественными удовольствиями. А давно ли, бывало, для того, чтобы в Собрании устроить танцевальный вечер в обыкновенный очередной день, дежурному старшине или даме, пользующейся авторитетом, надо было объездить несколько домов, убеждать и просить, чтоб приехали в такой-то день в Собрание». Как и в других губернских центрах Урала, в Уфе получили широкое признание литературно-музыкальные вечера. Первый такой вечер был организован 21 февраля 1860 г. в зале уфимского дворянского собрания в целях помощи возникающей женской

гимназии. Во время вечера в ее пользу были собраны добровольные приношения. Для благотворительных пожертвований в центре зала была установлена кружка, в которую каждый мог внести посильные средства. Литературные чтения устраивались в зале дворянского собрания раз в неделю, в пятницу с 7 часов вечера. Посещение их для членов собрания было бесплатным, для не состоящих в собрании вход стоил 30 копеек серебром [65].

Современники отмечали, что культурная жизнь губернских городов в предреформенный период напоминала жизнь столицы. Характеризуя в 1865 г. губернскую Уфу, В. Шевич написал: «У нас существует обыкновение при описании губернских городов непременно упоминать о том, как проводит время образованный класс общества. Не говоря уже о щекотливости такого вопроса, в нем самом оказывается несостоятельность, ибо образованное общество везде живет одинаково и подвергать его описаниям за то только, что оно живет в провинции, и неосновательно, и совершенно излишне» [66].

Важным фактором становления культурной жизни Оренбургского края оставались местные "Губернские ведомости". В своей «Заметке кое о чем» писатель-петрашевец А.Н. Плещеев, вернувшийся из восьмилетней оренбургской ссылки, называет эту газету в числе лучших провинциальных газет, от которых в то время начинало «веять новой жизнью». В числе корреспондентов газеты преобладали гимназические учителя. В 1850-е гг. редакторами неофициальной части губернских ведомостей были штатный смотритель Уфимских уездных училищ И.П. Сосфенов, старшие учителя Уфимской гимназии В.В. Завьялов и П.Н. Чоглоков. Исследователь истории "Губернских ведомостей" Поволжья и Урала Л.П. Бурмистрова особо отмечает статьи П.Н. Чоглокова, которые не раз вызывали нарекания цензуры [67]. В своей учебной деятельности П.Н. Чоглоков стремился к воспитанию в детях «истинного сознания», желания к дальнейшему самообразованию в жизни. «Такие дети, – писал он в отчете педагогического совета гимназии, – прекрасная тучная почва, на которой все можно сеять и все посеянное взойдет не вкривь и не коряво, а обратится прямо к свету вечной истины» [68].

Вопросы методики воспитания и образования в те годы всерьез занимали педагогов Уфимской гимназии. «На долю каждого из них, – отмечает П.Н. Чоглоков, – досталось решить немало разных вопросов, сомнений, недоумений» [69]. Для обсуждения этих проблем в Уфе были организованы педагогические бе-

седы. В 1857 г. состоялось 8 таких бесед. «Результатом их было взаимное усвоение начал образования вообще и по каждому предмету в особенности», – писал тот же П.Н. Чоглоков [70]. Судя по отчету педагогического совета гимназии, общественно-педагогическая мысль Уфы развивалась в общем потоке педагогических изысканий в стране. В результате творческой работы утверждались представления о новой методике преподавания, в основе которой лежал отход от механических приемов обучения.

Нравственный климат в Уфимской гимназии, как и в других учебных заведениях Урала, во второй половине 1850-х гг. мало напоминал суровые николаевские времена. И все же в учебном процессе ревизоры замечали неприятные моменты. В 1857 г. один из них писал: «Внешне в Оренбургской гимназии все в порядке, но в умственном и учебном отношении гимназия стоит ниже других гимназий округа» [71]. По словам дореволюционного историка А. Поликарпова, ссоры и неурядицы среди преподавателей Уфимской гимназии привели к тому, что она «начала терять заслуженную ранее хорошую репутацию» [72]. В конце 1850-х гг. участились пропуски занятий и учениками, и учителями. Несмотря на общее стремление к образованию численность учащихся в гимназии падала. В 1859 г. в ней обучалось лишь 170 гимназистов, десятилетием раньше, в 1850 г., их было 214.

Невелика была и численность воспитанников благородного пансиона. Определение детей на воспитание в Оренбургскую гимназию малообеспеченных дворян сдерживала довольно высокая стоимость здешнего пансиона. Для того чтобы удержать достаточное количество дворян в учебном заведении, в 1858 г. было решено уменьшить оплату пансионного содержания для гимназистов: «своекоштные пансионеры» теперь стали платить 120 рублей в год вместо прежних 172, а полупансионеры – 80 рублей вместо прежних 114 [73]. В результате этих мер контингент учащихся пансиона несколько пополнился. В 1863 г., по данным местной дирекции училищ, в нем содержалось 27 «своекоштных» пансионеров, а также воспитанники, чья учеба оплачивалась казной (20 человек), Приказом общественного призрения (3 человека), местным дворянством (4 человека), удельным ведомством (1 человек) и Комитетом о бедных (1 человек) [74].

Одну из причин ухудшившегося положения дел в Уфимской гимназии С.Г. Мирсаитова видит в недостаточно энергичной де-

ятельности директора училищ И.В. Базилева, в те годы уже достаточно пожилого человека. После ревизии 1857 г. И.В. Базилев был освобожден от должности. На его место назначили Валериана Толвинского, человека не столь яркого и заметного, как прежний директор. Обстановку в гимназии ему удалось изменить далеко не сразу. Только после реформы 1864 г. дела в ней постепенно наладились. В 1865 г. гимназия получила статус классической с преподаванием одного латинского языка.

Крупными благотворительными пожертвованиями местное население Оренбургскую гимназию не жаловало, однако небольшие приношения денежные и материальные сюда поступали постоянно. В 1860 г., например, фундаментальная библиотека гимназии пополнилась журналом «Вестник промышленности» за 1858 г., который был подарен чиновниками братьями Шиповыми [75]. В том же году от супруги писателя С.Т. Аксакова поступило собрание его сочинений (по 5 экземпляров каждого произведения) [76]. В 1863 г. управляющий Оренбургской дирекцией училищ передал для фундаментальной библиотеки 14 книг [77]. Участвовали в пополнении библиотеки и сами гимназисты. В 1860 г. они пожертвовали вновь учреждаемой частной ученической библиотеке около 3 рублей [78]. В 1861 г. в пользу ученической библиотеки был устроен благотворительный спектакль, который принес 25 рублей серебром [79]. За счет пожертвований пополнялись и учебные кабинеты гимназии. В 1863 г., например, оренбургский и самарский генерал-губернатор подарил зоологическому кабинету гимназии 102 экземпляра чучел разных животных [80].

Низшие ступени общеобразовательной школы вызывали у городского населения Урала гораздо большее сочувствие. В губернских городах уездные училища были переполнены уже к концу николаевского царствования. В 1854 г., судя по данным официальных отчетов дирекций, в Пермском уездном училище числилось 65 учащихся, в Вятском – 125, Уфимском – 104. Общая численность учащихся уездных училищ составляла 1321 человек. К 1864 г. она увеличилась до 1938 человек: в Пермской губернии, по сравнению с 1854 г., число учащихся уездных училищ выросло на 8,6%, в Вятской – на 75,3%, в Оренбургской – на 64,2% (табл. 26).

Заполнены уездные училища были в основном представителями городских сословий. Исключение составляла только «дворянская» Оренбургская губерния. Как и во второй четверти XIX в.,

Таблица 26

Численность и состав (по происхождению) учащихся уездных училищ Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Наименование уездных училищ	Численность учеников									
	Дворян и чиновников		Духовенства		Городских сословий		Сельских сословий		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Пермская губерния										
Пермское	34	30,4	-	-	69	61,6	9	8,0	112	100,0
Кунгурское	8	12,3	-	-	48	73,8	9	13,9	65	100,0
Соликамское	4	9,8	-	-	31	75,6	6	14,6	41	100,0
Чердынское	6	12,5	-	-	36	75,0	6	12,5	48	100,0
Екатеринбургское	13	16,9	1	1,3	48	62,3	15	19,5	77	100,0
Шадринское	12	17,6	1	1,5	45	66,2	10	14,7	68	100,0
Камышловское	12	31,6	4	10,5	8	21,1	14	36,8	38	100,0
Ирбитское	11	17,5	2	3,2	46	73,0	4	6,3	63	100,0
Верхотурское	5	11,6	2	4,7	35	81,4	1	2,3	43	100,0
Итого:	105	18,9	10	1,8	366	66,0	74	13,3	555	100,0
Вятская губерния										
Вятское	48	30,0	-	-	98	61,2	14	8,8	160	100,0
Глазовское	7	12,3	-	-	38	66,7	12	21,0	57	100,0
Елабужское	4	4,5	-	-	55	61,1	31	34,4	90	100,0
Котельническое	5	7,2	1	1,4	42	60,9	21	30,5	69	100,0
Малмыжское	5	9,3	-	-	38	70,4	11	20,3	54	100,0
Нолинское	6	9,2	-	-	51	78,5	8	12,3	65	100,0
Орловское	15	22,7	-	-	35	53,0	16	24,3	66	100,0
Сарапульское	9	11,5	-	-	57	73,1	12	15,4	78	100,0
Слободское	10	10,1	1	-	81	81,8	7	7,1	99	100,0
Уржумское	4	7,4	-	-	34	63,0	16	29,6	54	100,0
Яранское	7	15,2	2	-	31	4,3	6	13,1	46	100,0
Итого:	120	14,3	4	0,5	560	66,8	154	18,4	838	100,0
Оренбургская губерния										
Уфимское	70	45,8	-	-	53	34,6	30	19,6	153	100,0
Бирское	13	17,8	6	8,2	17	23,3	37	50,7	73	100,0
Мензелинское	20	29,0	-	-	15	21,7	34	49,3	69	100,0
Челябинское	18	26,1	33	47,8	69	100,0				
Троицкое	20	31,3	-	-	40	62,5	4	6,2	64	100,0
Оренбургское	36	30,8	-	-	33	28,2	48	41,0	117	100,0
Итого:	177	32,5	6	1,1	176	32,3	186	34,1	545	100,0
Всего:	402	20,7	20	1,0	1102	56,9	414	21,4	1938	100,0

* Источники: Отчеты по управлению Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекциями училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.8308. Л.120-133; 190-197; 247-287; 433-438).

Сведения приведены на 1 января 1864 г.

сословный состав учащихся уездных училищ в ней был примерно равен среди представителей дворянства, городских и сельских сословий. Достаточно сложный период уездные училища пережили в конце 1850-х гг., когда было разработано положение Главного правления училищ о взимании платы за обучение в этих учебных заведениях. Надо сказать, что мера эта не была новшеством, учебное ведомство применяло ее начиная с 1819 г. Бесплатным обучение в низшей школе стало только в 1828 г., после введения нового школьного Устава. Шишковский Устав привлек в уездные училища массу школьников из малообеспеченных семей.

Решение от 4 декабря 1857 г. о восстановлении платного обучения в уездных училищах, противоречившее Уставу 1828 г., в этой среде было, конечно, весьма непопулярно, поэтому оговаривалось оно в законе очень осторожно. Министру народного просвещения дозволялось «установить сбор платы за учение и в тех уездных училищах, где, по усмотрению местного училищного начальства, окажется это возможным» [81]. Уральские уездные училища были склонны этим разрешением пользоваться.

Согласно положению Главного правления училищ от 4 декабря 1857 г., в уездных училищах Казанского учебного округа устанавливалась ежегодная плата 1–2 рубля серебром [82]. Для многих это правительственное решение явилось ограничительным фактором, небогатые семьи стали посылать своих детей только в бесплатные приходские училища. Из Ирбитского уездного училища, например, в конце 1850-х гг. ежегодно выбывали десятки школьников. Озабоченный резким сокращением числа учащихся, директор Пермских училищ предписал относиться к вопросу об исключении учеников за неуплату с большой осмотрительностью и передавать все подобные дела предварительно на его личные усмотрение. Решением И.Ф. Грацинского многие школьники в конце 1850-х гг. стали получать льготы по уплате за образование [83]. Те же меры были приняты и в уездных училищах других губерний.

В предреформенные десять лет число уездных училищ в Пермской губернии не увеличилось, в 1863 г. здесь продолжали действовать 9 учебных заведений этого ранга (при 12 уездных городах). Мало изменений произошло и в их инфраструктуре. Все уездные училища обзавелись собственными домами уже к концу николаевского царствования. В неудобном помещении располагалось лишь Ирбитское уездное училище.

«Просвещенную готовность» оказать содействие этому учебному заведению в предреформенные годы оказал ирбитский городской голова И.В. Ячменев. В 1856 г. по его предложению общество пожертвовало школе 100 рублей серебром на покупку новой мебели для библиотеки. В 1861 г. при содействии И.В. Ячменева городское общество постановило построить для школы новый двухэтажный каменный дом в центре города. Обещание это, однако, городской голова выполнить не успел. После его ухода с должности городская дума постоянно находила более приоритетные задачи, чем строительство нового училищного здания. Школа продолжала ютиться в тесном помещении на окраине города [84].

Благотворительные пожертвования в предреформенные годы поступали и в пользу других уездных училищ Пермской губернии. Однако выдающихся актов благотворений в этот период отчеты министерства народного просвещения не зафиксировали. Ремонт и поддержание зданий уездных училищ Пермской губернии осуществлялись в основном за счет правительственных вложений.

В отличие от предшествующего николаевского периода, купечество поддерживало уездные училища Пермской губернии в предреформенный период достаточно скромно. Признательности министерства за участие в благотворительности удостоился лишь пермский купец 2-й гильдии Г.Г. Марьин. В 1860 г. он выделил дирекции училищ более 4 тысяч рублей серебром на увеличение площадей Пермского уездного училища. Классы училища были так тесны и неудобны, что учебному начальству приходилось отказывать многим родителям в приеме их детей в школу. К концу 1860/1861 г учебного года на деньги купца Марьина был возведен обширный пристрой к зданию училища, обновлена и покрыта железом крыша, выкрашен пол. Признательности удостоился также московский купец 3-й гильдии Кропачев, выделивший 100 рублей серебром на покупку геодезических инструментов для Пермского уездного училища [85]. Такой же дар выделил училищу в 1861 г. московский купец 3-й гильдии Александр Павлов [86].

Учителя передавали училищным библиотекам книги и периодические издания. В 1860 г., например, штатный смотритель и преподаватели Чердынского уездного училища подарили училищной библиотеке книги стоимостью в 25 рублей серебром. Соликамское уездное училище получило от своих преподавате-

лей в том же году журнал «Отечественные записки» за 1857 г. стоимостью в 16 рублей серебром, Кунгурское и Камышловское – также некоторые периодические издания [87]. В 1863 г. чиновники Соликамска выделили около 24 рублей на выписку книг для фундаментальной библиотеки уездного училища, в том же году библиотека Чердынского уездного училища получила от жителей города на увеличение своей фундаментальной библиотеки 35 рублей 50 копеек [88].

Как и прежде, определенные средства в пользу уездных училищ жертвовали почетные смотрители (их ежегодные взносы в это время составляли обычно 150 рублей серебром). При Екатеринбургском уездном училище должность почетного смотрителя занимал в 1858–1860 гг. Николай Федорович Петров, при Шадринском уездном училище – Александр Лаврентьевич фон Ахт [89]. В 1857 г., помимо ежегодных пожертвований, почетный смотритель фон Ахт согласился подарить учебному заведению колокол, чтобы собирать учащихся на занятия, а в 1858 г. – «разных вещей» на сумму в 359 рублей 91 копейку [90]. Любопытно, что закончил свою почетную службу фон Ахт в 1862 г. весьма скандально. Он заявил, что впредь отказывается производить взносы в пользу училища, так как его училищная служба ничем не поощряется. Возбуждено было дело о взыскании с почетного смотрителя неуплаченной по обязательству суммы, но оно закончилось сложением с него этой недоимки [91].

К 1863 г. в Екатеринбургской дирекции почти все уездные училища имели своих почетных смотрителей. Судя по именным спискам служащих дирекции за 1863 г., почетными смотрителями уездных училищ в это время были в Шадринском уездном училище титулярный советник Владимир Осипович Козлов, в Екатеринбургском – коллежский асессор Фортунат Цвецинский, в Ирбитском – надворный советник Тимофей Ешинский, в Камышовском – коллежский регистратор Григорий Иванов [92]. Не имело своего почетного смотрителя лишь Верхотурское уездное училище.

В Пермской дирекции дело обстояло не столь благополучно. Почетные смотрители числились только при Пермском и Кунгурском уездных училищах: в Перми это был коллежский асессор Николай Костарев, в Кунгуре – надворный советник Александр Кюстер. Соликамское и Чердынское уездные училища своих почетных смотрителей не имели [93].

Похожую картину можно было наблюдать и в Вятской губернии. Несмотря на стремление учебного ведомства привлечь благотворительные средства местного дворянства, почти половина уездных училищ Вятской губернии не имела своих почетных смотрителей. В 1863 г. эти должности были заняты лишь в шести из одиннадцати учебных заведений: Глазовскому уездному училищу в это время помогал коллежский асессор Владимир Шестаков, Елабужскому – губернский секретарь Валериан Алашеев, Котельничскому – коллежский регистратор Николай Андреев, Сарапульскому – потомственный почетный гражданин Александр Петров, Слободскому – титулярный советник Виктор Соколовский, Уржумскому – коллежский асессор Сергей Пустошкин. Глазовский, елабужский и сарапульский почетные смотрители ежегодно жертвовали училищам по 150 рублей серебром, котельничский – 130 рублей, слободской – 50 рублей, уржумский – 100 рублей [94].

Более щедры в своих пожертвованиях на нужды школы были купцы. В 1858 г. один из корреспондентов "Вятских губернских ведомостей" написал статью, вызвавшую в дальнейшем оживленное обсуждение. Статья называлась «Отчего беднеют уездные города». Одну из причин прозябания провинциальных городов автор видел в слабой просвещенности их жителей. Прагматизм и невежество преобладали, с его точки зрения, даже у миллионеров-купцов. Образование купеческих детей он описывал следующим образом: «Обыкновенно держат молодца лет до двадцати дома в совершенной праздности. Все его образование состоит в умении читать и писать. И вот отправляют его куда-нибудь, например на низовые пристани для закупки хлеба, под руководством приказчика, какого-нибудь мещанина или крестьянина. Вырвавшись на волю, он спешит прежде всего потешиться» [95].

Статья вызвала резкую отповедь Александра Кузнецова. «Знакомый с торговою деятельностию северных уездных городов Вятской губернии и с лицами, составляющими торговое сословие, – написал он в своем ответе автору статьи, – я не найду возражения, если скажу, что здешние купцы, торгующие в Архангельскому порту, в отношении коммерческого образования могут быть поставлены в настоящее время образцами для провинциального купечества, в особенности составляющего посредническое звено между крестьянином-земледельцем и лицом, производящим отпуск русских произведений за границу». Обще-

ние с иностранцами, занимающимися торговлей при приграничных портах, считал А. Кузнецов, не могло не отразиться на нравственном облике купцов: «русские купцы не могут оставаться равнодушными зрителями удобств, приносимых образованием, они вместе, так сказать, с наружным лоском усвоивают высшие понятия и взгляды на торговую отрасль промышленности и на общественную жизнь» [96].

Столь же лестное впечатление о вятском купечестве оставил и А.И. Герцен, проведший в Вятке несколько лет ссылки. В «Былом и думах» он написал: «... в Вятке я перезнакомился со всем светом, особенно с молодым купечеством, которое там гораздо образованнее купечества внутренних губерний» [97]. Особое стремление вятских городских сословий к образованию постоянно отмечали и чиновники учебного ведомства. В конце 1850-х гг. всплеск общественной активности захватил не только губернские, но и уездные города губернии. Литературно-музыкальные вечера проводились в то время в Елабуге, Глазове, Яранске [98].

Среди уральских губерний Вятская выделялась заметным стремлением городских жителей к образованию. В предреформенное десятилетие здесь наблюдался самый большой рост численности учащихся уездных училищ. С 1854 г. по 1864 г. он составил 75,3%. Школы этого ранга были созданы во всех уездных городах губернии. Самое молодое из них, Нолинское, добавилось к существовавшим еще в николаевское тридцатилетие десяти училищам в августе 1861 г. Местные городские сословия поддержали новое училище. Общественным приговором решено было первоначально разместить его в съемной квартире, а затем купить для него собственное здание [99].

Помимо Нолинского, все остальные уездные училища Вятской губернии имели свои собственные дома. Почти все они, как отмечала дирекция, ко времени проведения школьной реформы 1864 г. находились в удовлетворительном состоянии. Больших поправок требовали только Слободское и Сарапульское училища. Их ремонт должен был обойтись примерно в 4782 рубля – довольно солидная для того времени сумма. В училищах необходимо было поправить крыши, потолки, полы, оконные рамы и даже (в Сарапульском училище) укрепить стены. Небольших исправлений требовали также здания Яранского (на 556 рублей) и Уржумского (на 359 рублей) уездных училищ. «Все эти заведения, – писал директор, – не имеют никаких денег для производ-

ства нужных исправлений» [100]. Штатная сумма, отпускавшаяся уездным училищам из государственного казначейства, была невелика, благотворительных пожертвований они также получали мало. В 1863 г., например, благотворителями было передано Слободскому уездному училищу 104 рубля и лес для ремонта здания на 15 рублей, Уржумскому – 33 рубля, Малмыжскому – 27 рублей, Елабужскому – 69 рублей, Сарапульскому – 30 рублей, Глазовскому – 187 рублей и книги на 34 рубля, Котельничскому – книги на 9 рублей.

Самым крупным уездным училищем Вятской губернии было Вятское. К 1861 г. оно было переполнено учащимися. В первом классе училось 87 человек, во втором – 52, в третьем – 32. Многолюдные классы с трудом вмещались в тесные комнаты, выделенные для проведения занятий. Устав 1828 г. требовал открывать параллельное обучение, если число учащихся превышает 40 человек, однако это требование из-за недостатка средств почти нигде не исполнялось [101]. Педагоги надеялись, что положение изменится после претворения в жизнь требований нового устава, который тогда обсуждался. Устав 1864 г. предусматривал численное уменьшение учащихся в классах.

Как и остальные учебные заведения этого ранга, Вятское уездное училище было платным. Обучались в нем, однако, и многие пансионеры. В 1861 г. здесь получали образование 20 воспитанников Вятского приказа общественного призрения, 9 мальчиков из удельного ведомства, направленных по назначению управляющего вятской удельной конторой для подготовки к должностям сельских наставников, а также 4 воспитанника из государственных крестьян, готовившиеся по распоряжению министерства государственных имуществ к службе в волостных правлениях. От платы за учение по недостаточному состоянию освобождались также дети из малообеспеченных семей. В 1860/1861 учебном году таких учащихся в Вятском уездном училище было 45 человек (26,3% от общей численности). Беднейшие ученики из городских сословий, кроме того, получали небольшие пособия. В 1860/1861 учебном году такие пособия «на заведение верхнего теплого платья» были выданы 19 школьникам. Общая сумма пособий в этом учебном году составила 76 рублей. Нуждающихся, правда, как с досадой отмечал штатный смотритель, было гораздо больше. Средства на свое содержание Вятское уездное училище получало в основном из государственного казначейства. в 1860/1861 учебном году было переведено 2300 рублей

серебром. Кроме того, небольшую сумму (28 рублей 60 копеек) внесла городская дума. Взносы учащихся за обучение составили лишь 217 рублей [102].

Вторым по численности учащихся в Вятской губернии было Елабужское уездное училище. В предреформенные годы оно испытывало большие трудности. Здание училища вместе со всем принадлежавшим ему казенным имуществом сгорело во время пожара 1850 г. Учащиеся долгое время скитались по временным помещениям. Горожане в меру сил пытались помочь своему уездному училищу. Так, в 1858 г. в его пользу пожертвования внесли 42 человека. Среди них были местные купцы, мещане, чиновники: К.Я. Ушков, Д. Стахеев, Д. Пупышев и др. В дар училищу передавались книги и учебные пособия [103].

Помочь уездному училищу построить просторное помещение со всеми необходимыми службами в 1857 г. выразил готовность один из богатейших жителей Елабуги купец Капитон Яковлевич Ушков. Торговец и промышленник, владелец единственного в уезде химического завода он сделал поистине царский подарок в пользу просвещения родного города – здание Елабужского училища стало лучшим в Казанском учебном округе. Как сообщает корреспондент "Вятских губернских ведомостей", «неусыпным помощником» К.Я. Ушкова в этом деле был штатный смотритель училища А.А. Смирнов. Ему удалось уговорить К.Я. Ушкова на весьма крупные затраты в пользу училища. Дома, пожертвованные в 1860 г. К.Я. Ушковым учебному ведомству, были оценены в 35 тысяч рублей серебром. В ознаменование столь значимого благодеяния купец был награжден золотой медалью на Владимирской ленте [104].

Строительство здания началось в 1857 г. В 1859 г. к нему были пристроены два обширных флигеля. В августе 1860 г. комплекс училищных зданий был готов к началу учебных занятий. Располагался он в центре города, на Казанской улице. Это была одна из лучших улиц Елабуги. Училище заняло достаточно большую площадь в 560 квадратных саженей. В каменном двухэтажном доме и флигелях было 19 комнат, из них 7 отданы под классы, 12 – под квартиры учителям [105]. Уездное училище с домовой церковью разместилось на верхнем этаже главного корпуса, нижний этаж был отведен вновь открытому женскому училищу 2-го разряда и под квартиру штатного смотрителя. Флигели отдали под и приготовительный класс женского училища, и под квартиры учителям. "Вятские губернские ведомости" с востор-

гом описывали новое училищное здание. «Если бы вы видели, – писал корреспондент, – что это за дом! Не только средние, а, пожалуй, иные высшие учебные заведения могут позавидовать такому устройству!» [106]. Все учебные комнаты были обширны, светлы и прекрасно отделаны. Рядом с училищным зданием решено было разбить сад, а во дворе устроить фонтан. Переезд училища в новое здание 8 сентября 1860 г. стал настоящим праздником в городе. Гостями его были попечитель Казанского учебного округа Павел Петрович Вяземский и губернатор Вятской губернии Михаил Карлович Клингенберг [107].

В Оренбургской губернии также произошли заметные изменения в жизни уездных школ. К 1864 г. здесь, как и в николаевские времена, действовало лишь 6 школ этого ранга (в 9 уездных городах), однако численность учащихся в них существенно выросла (на 64,2%). Во всех училищах к 1864 г. она превышала 60 человек. Губернское Уфимское уездное училище в это время посещали 153 человека, Оренбургское – 117. Современники отмечали усилившееся стремление городских жителей к образованию. Бытописатель жизни Троицка В.Ф. Ильин, например, замечал в 1865 г., что местное «торговое общество, связанное существенными интересами с обеими столицами и главными торговыми рынками, жадно читает столичные газеты и прилежно следит за внутреннею жизнью России» [108].

К началу реформы 1864 г. все уездные училища Оренбургской губернии, кроме Троицкого, имели собственные, вполне удобные дома, хотя не все они были приспособлены для увеличившихся классов. Некоторые требовали и ремонтных исправлений. В январе 1864 г. директор училищ А. Савич сообщал, что расход по ремонтным исправлениям Бирского училища может достигнуть 785 рублей, Мензелинкого – 504 рубля, Челябинского – 250 рублей [109].

Средств для исправления этих недостатков в оренбургских училищах, как и в вятских, недоставало. Благотворительные пожертвования были невелики. В 1863 г. в пользу уездных училищ было внесено всего 102 рубля, они поступили на содержание Бирской публичной библиотеки. Должности почетных смотрителей уездных училищ из числа дворян к 1864 г. были заняты в пяти училищах: Уфимскому уездному училищу в это время помогал губернский секретарь Петр Эннатский, Бирскому – титулярный советник Виктор Пальчиков, Мензелинскому – губернский секретарь Николай Самойлов, Челябинскому – кол-

лежский регистратор Лев Зубов, Оренбургскому – коллежский секретарь Василий Эннатский. Их ежегодные пожертвования составляли от 100 до 150 рублей серебром [110].

В отличие от гимназий, уровень и методика преподавания в уездных училищах в предреформенные годы изменились мало. На это обращали внимание при посещении училищ и директора, и другие визитаторы. В 1857 г., например, директор училищ Пермской губернии И.Ф. Грацинский, посетивший Шадринское уездное училище, нашел применяемую там методику преподавания неудовлетворительной. Строгие замечания директора, однако, мало изменили обстановку. После перевода училища в Екатеринбургскую дирекцию в 1862 г. училище посетил новый директор А.Д. Крупенин. Он также пришел к неутешительным выводам по поводу применяемой методики преподавания. Через год подобные же выводы сделал сам попечитель Казанского уездного округа, посетивший ряд уездных училищ. После своего посещения попечитель округа даже решил отправить начальникам учебных заведений и педагогическим советам гимназий циркуляр с изложением дидактических принципов воспитания [111]. Однако и это не изменило обстановку.

Быт жителей уездных городов в уральских губерниях предреформенного периода мало отступал от прежних патриархальных привычек. Корреспондент "Вятских губернских ведомостей" в 1865 г. так характеризовал общественную жизнь Яранска: «В уездном городке вообще мало бывает событий, в которых могло бы быть заинтересовано целое общество во всех слоях. Жизнь течет ровно и незаметно, патриархальность господствует повсюду. Современные вопросы мало тревожат умы и как-то всегда пропускаются мимо ушей ... Влияние прадедовских обычаев и архивного убеждения, что старое лучше нового, что старики умнее молодых выскочек, налагает на все свою тяжелую гнетущую руку» [112].

Похожие впечатления вынес из своего детства известный народник Н.А. Чарушин. Вспоминая родной город Орлов, он впоследствии писал: «В конце 1850-х гг. прошлого столетия, к какому времени относится мой рассказ, город Орлов с своими тремя с половиною тысячами жителей, представлял собой подлинный патриархальный уголок, каких в дореформенной России было не перечесть. Все жили по дедовским традициям, и всякие новшества строго осуждались. Духовной жизни не было никакой, если не считать религиозных отправлений и церковных служб,

исправно посещаемых в праздничные дни всеми слоями населения, для каковой надобности в городе имелось 5 церквей и один мужской монастырь. Школ же всего две было: приходское и уездное училище, где в качестве воспитательного средства процветали розги» [113].

Телесными наказаниями злоупотребляли и некоторые учителя Шадринского уездного училища. Такие случаи встречались даже в начале 1860-х гг. Шадринский купец А.П. Седунов, учившийся в это время в местном уездном училище, например, вспоминал, что учитель русского языка М.Н. Киселев (из недоучившихся вятских гимназистов) любил теребить учеников за волосы, а иной раз и разбивал им носы. Учитель же математики В.А. Галкин предпочитал «пускать рябчиков» [114].

Подобную характеристику мы встречаем и в Оренбургском уездном училище. Известный историк Оренбургского края П.Н. Столпянский назвал его «типичной школой старого времени». Преподавательский состав в училище, с его точки зрения, был «ниже критики, многие учащие не имели права обучать, школа не имела никаких пособий, телесное наказание царило в школе» [115].

Несмотря на требования Устава 1828 г., педагогические советы и совещания учителей в уездных училищах были редкостью. В Шадринском уездном училище, например, первое совещание учителей состоялось лишь в 1854 г. В.Е. Попов, проанализировавший журналы совещаний педагогов Шадринского уездного училища, приходит к выводу, что училищная корпорация в то время еще не была готова к самоорганизации. Решения совещаний, собиравшихся по настоянию директора, не носили рекомендательного, методического характера. Они напоминали больше, с точки зрения В.Е. Попова, торжественные обещания учителей выполнять возложенные на них служебные обязанности [116].

Просвещенные деятели учебного ведомства старались изменить привычную для николаевского времени атмосферу уездной школы. Штатный смотритель Вятского уездного училища Павел Хохряков в своем отчете, публично читанном на торжественном акте в 1861 г., призывал учителей «выйти на новый путь, более сообразный с рациональными требованиями воспитания». «Пусть будут при этом ошибки, – говорил он, – как во всяком новом деле, но лучше потерпеть их, чем продолжать старый, рутинный путь, на котором, посредством строгих устрашительных мер можно легко придать учебному заведению наружный вид

правильности, порядка, благочиния, но при котором или будет стираться личность учащихся, или они приучатся к скрытным уловкам, обманам, словом, ко всему фальшивому, что так вредно действует на нравственную натуру человека» [117].

Несмотря на все свои недостатки, уездные училища играли заметную роль в культурной среде небольших уральских городов. Новацией провинциального культурного процесса в городах предреформенного времени стала организация публичных библиотек. Уездные училища принимали в этом самое активное участие. "Оренбургские губернские ведомости", например, сообщают о создании в 1859 г. публичной библиотеки при Бирском уездном училище. Эта библиотека, составленная из книг фундаментальной училищной библиотеки (239 названий в 1048 томах) и литературы, подаренной училищу бирскими купцами 3-й гильдии братьями Кондюриными (433 названия в 833 томах), пользовалась большим успехом у местной публики. Михаил, Павел и Александр Кондюрины пожертвовали училищу не только книги (в память их отца), но и средства на пополнение библиотеки. «Кондюринское отделение библиотеки» (так оно называлось в училище), согласно воле жертвователей, имело собственный каталог и не смешивалось с прочими книгами фундаментальной библиотеки.

Новые книги и журналы приобретались в публичную библиотеку за счет штатной библиотечной суммы училища, пожертвований братьев Кондюриных и добровольной подписки жителей города Бирска. Каждый житель, желавший пользоваться библиотечными книгами дома, вносил в кассу библиотеки от 3 до 5 рублей серебром в год (за право брать одну или две книги – 3 рубля, за три книги – 4 рубля, за четыре-пять книг – 5 рублей). За право пользования журналами читатели должны были заплатить еще один рубль серебром. Газеты и журналы читали в помещении самой библиотеки. На дом они выдавались после того, как в библиотеку поступали свежие номера того же издания. Бедные ученики могли пользоваться библиотекой бесплатно, правда, по усмотрению заведующего библиотекой и с поручительством одного из преподавателей уездного училища. Для того чтобы приобщить к пользованию библиотекой малообеспеченные семьи канцелярских служителей, им разрешалось вносить плату за абонент по третям года. За внутренним распорядком в библиотеке следило училищное начальство и педагогический совет училища [118].

Существовали публичные библиотеки и при уездных училищах других губерний. Вятский директор гимназии И.М. Глебов, объезжая подчиненную ему территорию в 1859 г., с удивлением обнаружил в библиотеке Котельничского уездного училища семь наименований современных периодических изданий. Зная ограниченность средств училища, директор поспешил разобраться, откуда взялись столь дорогие издания. Оказалось, что штатный смотритель училища Коробицын и один из учителей пригласили обывателей города к подписке на получение современных журналов. Взносы, собиравшиеся с горожан, не были строго определены, каждый отдавал деньги по мере своих сил и средств – от одного до десяти рублей. Общая сумма, получаемая таким образом, составляла около 100 рублей серебром, что было достаточно для выписки семи журналов. На собранные деньги были выписаны журналы «Современник», «Отечественные записки», «Северный цветок», «Московские ведомости» и некоторые другие издания. Каждый подписавшийся имел право в порядке очереди познакомиться с приходящей в библиотеку училища литературой. После прочтения журналы становились собственностью училищной библиотеки. В подписке на журналы участвовали многие малообеспеченные горожане. По мнению директора, это доказывало, «что и недостаточный по состоянию своему класс общества не лишен желания и охоты следить за современною литературою, следовательно, и развитием всех жизненных интересов, когда только благоприятный случай дозволяет ему воспользоваться чтением без большого ущерба его средств» [119]. К чтению книг и журналов в публичной библиотеке допускались не только подписчики, но и другие горожане. Корреспондент "Вятских губернских ведомостей" отмечал, что в 1861 г. число читателей составляло примерно 1/50 часть жителей города.

Газета приводит список подписчиков за 1858, 1859, 1860 и 1861 гг. Большинство среди них составляли чиновники, были также представители духовенства и купечества. В 1858 г. из 37 подписчиков числились 10 священнослужителей, 9 купцов и 21 чиновник; в 1859 г. из 24 подписчиков – 10 чиновников, 6 священнослужителей, 8 купцов; в 1860 г. из 32 подписчиков – 17 чиновников, 7 священнослужителей, 8 купцов; в 1861 г. из 19 подписчиков – 13 чиновников, 3 священнослужителя, 3 купца.

Наиболее крупные суммы библиотеке выделяли купцы. В 1858 г. на подписку поступили от чиновников 31 рубль, от свя-

щеннослужителей 18 рублей, от купцов 44,5 рубля; в 1859 г. – от чиновников 26,5 рублей, от священнослужителей 13 рублей, от купцов 38 рублей; в 1860 г. – от чиновников 39 рублей, от священнослужителей 14,4 рубля, от купцов 50 рублей; в 1861 г. – от чиновников 36 рублей, от священнослужителей 11 рублей, от купцов 54 рубля. Наиболее активными жертвователями были купцы М.И. Кардаков и С. Зырин [120].

В 1857 г. с разрешения попечителя Казанского учебного округа открылась публичная библиотека при Ирбитском уездном училище. Инициатива ее создания исходила от штатного смотрителя училища Н.Е. Эйгера. Ему удалось убедить в необходимости этого просветительного начинания городского голову Ирбита И.В. Ячменева. По настоянию купца дума согласилась ежегодно выделять на поддержание библиотеки необходимые средства. Литература для пополнения хранилища покупалась на общественные деньги у книготорговцев во время проведения Ирбитских ярмарок и передавалась училищу. Первые 75 книг стоимостью около 150 рублей серебром поступили сюда уже в 1857 г. В 1858 г. в библиотеку были переданы 192 тома стоимостью в 150 рублей, в 1859 г. – 174 тома стоимостью 151 рубль [121]. В результате этих пожертвований ирбитская училищная и общественная библиотека стала одной из самых богатых в учебном округе.

Купцы и мещане Ирбита получали читательские билеты и абонементы библиотеки бесплатно. Читательские билеты, за подписью городского головы, давали право на получение книг для домашнего чтения. Читатели при этом оставляли заведующему библиотекой собственноручные расписки о получении книг. Все остальные жители города, желавшие пользоваться библиотекой, обязаны были вносить в ее пользу ежегодную абонентскую плату не менее трех рублей серебром. Время пользования книгой определялось не более одной недели. Если книга была испорчена, то читатель обязывался заменить ее новою либо возместить ущерб полной стоимостью книги. Если терялся один том из многотомного издания, то ущерб определялся стоимостью всего издания. Заведование библиотекой осуществлял штатный смотритель училища. Он нес ответственность за сохранность книг в библиотеке и правильное пользование ею [122].

Заметное влияние на общественную жизнь провинциальных городов оказывали ссыльные. Известно, например, что попавший в Бирск участник харьковско-киевского тайного общества

студент М.Д. Муравский основал там небольшой кружок из местной интеллигенции, организовал воскресную школу, проводил литературные вечера. Одному из своих друзей он писал в январе 1861 г.: «В литературные беседы имеет быть внесен искандеровский элемент; мне удалось достать в Уфе некоторые его статьи» [123]. Советские историки считали подобные формы деятельности ссыльных легальным прикрытием их революционной работы. Судить об этом определенно из-за недостатка источников достаточно трудно. Ясно, однако, что подобные просветительские мероприятия имели и важное самостоятельное значение. Они способствовали формированию общественной активности горожан.

Согласно «Уставу о гимназиях и прогимназиях» от 19 ноября 1864 г., уездные училища должны были преобразовываться вместе с гимназиями. Предполагалось, что трехлетний курс обучения в них будет заменен на четырехлетний, а учебная программа будет полностью соответствовать четырем низшим классам гимназий. Это сохраняло преемственность обучения и было прогрессивным явлением для того времени. Реализация реформы, однако, пошла по другому пути. В 1866 г., через 10 дней после выстрела Д. Каракозова, главой учебного ведомства был назначен Д.А. Толстой, известный своей политикой восстановления сословности в образовании. Толстовское «Положение о городских училищах» 1872 г. вновь вернуло в города систему изолированных друг от друга ступеней учебных заведений [124].

Из числа уездных училищ в 1864 г. изменению подверглось лишь Екатеринбургское. 23 ноября 1864 г. было высочайше повелено закрыть при нем дополнительные курсы. Отпускаемые на их содержание средства (971 рубль серебром) были распределены между уездными училищами Екатеринбургской дирекции и вновь учрежденной Екатеринбургской мужской гимназии. В гимназию же передали и физический кабинет Екатеринбургского уездного училища, приобретенный для преподавания физики на дополнительных курсах [125].

Передовые образовательные принципы проникали в предреформенное время и в сферу частного обучения. Раскрепощение частного образования стало одним из принципов либеральных реформаторов. Проект Устава общеобразовательных учебных заведений, разработанный в 1862 г. при А.В. Головнине, поставил одной из главных задач министерства облегчение способов к распространению образования [126]. Для осуществления этой

задачи Устав гимназий и прогимназий 1864 г. разрешил создание частных всесословных средних учебных заведений [127]. С разрешения министра народного просвещения уже в 1862 г. некоторые низшие училища были превращены в средние.

Допущена была и конкуренция учебников. Монополия в этом отношении министерства народного просвещения была признана не только излишней, но и вредной. В 1864 г. дело продажи учебников было предоставлено свободной конкуренции книгопродавцев и издателей. Министерство лишь рассматривало вновь издаваемые учебники в Ученом комитете и публиковало свои отзывы о них. Закупка учебников перешла в ведение попечительских и педагогических советов гимназий, а также местной училищной администрации.

Несмотря на предпринимаемые училищной администрацией меры, на Урале частное воспитание развивалось слабо. Корреспондент "Оренбургских губернских ведомостей" с огорчением писал по этому поводу, что очень часто домашние воспитатели, «впервые слыша названия городов наших, весьма неохотно соглашаются забиваться в нашу приазиатскую даль, даже за довольно значительную цену» [128]. Небольшое количество пансионов давало образование детям дворян и купцов. В Пермской губернии частные учебные заведения действовали только в двух крупных городах – Перми и Екатеринбурге. Срок работы этих пансионов обычно был небольшим, как и в предыдущий период, за неимением воспитанников они быстро закрывались. Трехклассный женский пансион Елизаветы Ландезен-Вурм в Екатеринбурге, приближенный по программе обучения к уездным училищам, например, действовал всего два года (с 24 августа 1858 г. по 1 июня 1860 гг.). Столь же непродолжительной была работа екатеринбургского женского пансиона Христианы-Луизы Евлентьевой-Шмидт (открыт в 1856 г.) и пермского женского пансиона Колюмб Риссоп (открыт в 1857 г.) [129].

Невелико было и число аттестованных домашних учителей. В именном списке чиновников и учителей Пермской дирекции за 1861 г. числятся лишь восемь домашних учителей и три учительницы. Двое из них были иностранцами: Эдуард Генкен (сын седельного мастера) приехал в Россию из Швеции, Эдуард Винтер (сын садовника) – из Англии. Все остальные получили образование в России [130].

Еще меньше аттестованных домашних наставников было в Вятской губернии. Именной список учителей и чиновников Вят-

ской дирекции за 1861 г. содержит данные лишь о двух домашних учителях. В Вятке, в доме коллежского секретаря Мышкина, преподавал учитель Иван Пасынков, сын дьячка, получивший образование в Вятском духовном училище и частично в семинарии. В Елабуге домашний учитель Иван Колаковский (католик, из польских мещан) давал уроки детям коллежского асессора Горбалева, титулярного советника Щиголева, купца 1-й гильдии Ушкова и почетного гражданина Чернова [131]. Преподавали учителя по руководствам, принятым в гимназии. Частных пансионов в Вятской губернии в это время, очевидно, не было. Отчет дирекции, во всяком случае, сведений о подобных учебных заведениях не содержит.

Небольшое количество частных пансионов действовало и в городах Оренбургской губернии. Уфимский женский пансион надворной советницы М.Я. Гутоп в 1860 г. обучал 38 девочек (36 из них дочери дворян и чиновников, 1 – дочь купца, 1 – дочь колониста). Судя по отчету Оренбургской дирекции, в 1860 г. в школе изучали: Закон Божий, русский и иностранные языки (французский, немецкий, английский), арифметику, историю, географию, естественную историю, чистописание, рисование, музыку, «танцевание» и рукоделия. Преподавали здесь учителя гимназии, местного уездного училища, а также несколько аттестованных учительниц. Пансион был семейным предприятием. В нем кроме самой Марии Гутоп работали ее сын и супруг. Младший учитель гимназии Гутоп преподавал часть наук, а учитель «танцевания» Артемий Гутоп обучал девочек танцам [132]. Пансион госпожи Гутоп закрылся, очевидно, в 1861 г. Отчет дирекции за этот год сведений о его работе уже не содержит.

Некоторое время в Уфе действовал также женский пансион, руководимый наставницей П. Пеутлинг (открыт в 1859 г.). В конце 1859 г. в нем числилось 6 дочерей дворян и 4 – чиновников [133]. "Оренбургские губернские ведомости" сообщают о публичном экзамене, проводившемся в этом пансионе в 1859 г. В школе изучали Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, арифметику, историю, географию, чистописание, музыку, танцы и рукоделие. Судьба пансиона была недолгой. Отчеты дирекции за 1860 и 1861 гг. сведений о нем уже не содержат. Пансионы М. Гутоп и П. Пуетлинг работали для детей обеспеченных родителей. Стоимость обучения в них была достаточно высокой – от 60 до 100 рублей серебром в год [134].

Для бедных девочек были открыты частные школы в Оренбурге. Руководили ими М. Кандливцева и А. Савченкова. В заведениях этих преподавались священная история, катехизис, чтение и чистописание. Помимо того, девочек учили шитью белья, вышиванию гладью и шерстью и другим навыкам рукоделия. В 1860 г. в каждой из этих школ обучались по 22 ученицы. Оренбургские женские школы активно поддерживались благотворителями. Все девочки обучались в пансионах бесплатно: 15 из них в каждой школе получали средства на образование из сумм, жертвуемых благотворителями (2 рубля серебром в месяц), 5 – обучались бесплатно и 2 были пансионерками супруги оренбургского и самарского генерал-губернатора В.И. Катениной.

Как сообщает корреспондент "Оренбургских губернских ведомостей", училища эти посещались охотно и занятия в них шли весьма успешно. Ученицами были дети местных чиновников, разночинцев и даже татар. Уроки начинались обычно в 8 часов утра и продолжались до 11, потом девочки уходили на обед и собирались вновь в 2 часа. Летом они находились в школе до 5 часов вечера, а зимой – до сумерек. Учителя работали в женских школах бесплатно [135].

Мужской частный пансион в предреформенные годы работал только в одном городе. В 1860 г. его создал в Мензелинске бывший учитель батальона военных кантонистов И. Филиппов. Школа давала детям низшее начальное образование. Дети учились читать, писать, а также проходили Закон Божий и первую часть арифметики. В 1860–1861 гг. Мензелинская частная школа обучала семь мальчиков. Из них 1 был выходцем из дворянской среды, 4 – из купцов и мещан, 2 – из разночинцев и крестьян. Плата за обучение составляла 6 рублей серебром в год [136].

Домашних учителей, получивших официальное разрешение на преподавание, в Оренбургской губернии было немного. Судя по отчету дирекции, в 1861 г. частным обучением занимались лишь три официально аттестованных педагога. В доме губернского предводителя оренбургского дворянства помещика Стобеуса в Уфе обучала детей учительница Анна Тверитинова. Девушка получила образование в Сиротском институте Санкт-Петербургского воспитательного дома. Свидетельство от попечителя Санкт-Петербургского учебного округа давало ей право на преподавание логики, русской словесности и грамматики, французского, немецкого языков, арифметики, географии, всеобщей

и российской истории, физики, естественной истории, педагогики и дидактики. В Сиротском институте обучалась и учительница Александра Федорова, преподававшая в доме титулярного советника Блудорова в Уфе. В Бирске работала иностранка Анастасия Цемгер. Ее нанял для обучения своих детей помещик Брудинский [137].

О числе реально работающих домашних учителей в уральских губерниях судить по официальным сведениям очень трудно. Многие не имели официальной аттестации и потому не были зафиксированы в отчетах. Известно, что в предреформенный период дети из малообеспеченных мещанских семей по-прежнему часто получали начала образования у местных «мастеров грамоты». Привычные «старицы», «чернецы» и «чернички» оставались учителями и после реформы 1864 г. "Вятские губернские ведомости", например, сообщали в 1865 г., что в Яранске девочки продолжают учиться у местных «стариц». Старицы эти, «любимые купечеством и мещанством», просвещали девочек по псалтыри и часослову. Как сообщал корреспондент, «родители были весьма довольны ими: дешево берут девочек, в строгости держат и благочестивые, и набожные женщины. А в школе только избалуют детей!» [138]. За обучение яранские «старицы» брали по 50 копеек в месяц, и тем не менее родители предпочитали их обучение бесплатным казенным школам.

Одной из причин патриархальности провинции было слабое развитие народной школы. Вопрос о распространении просвещения был одним из основных в общественных дискуссиях 1860-х гг. Часть либеральных замыслов воплотило «Положение о начальных народных училищах», высочайше утвержденное 14 июля 1864 г. именным указом, данным правительствующему Сенату. Положение существенно ослабило контроль учебной администрации за учебным процессом в начальной школе и приблизило ее к местной власти и общественности. Массовая народная школа была выделена из системы государственных общеобразовательных учреждений.

Для управлениями начальными школами, согласно Положению, в каждой губернии создавались уездные и губернские училищные советы. В уездные советы входили представители министерства народного просвещения, внутренних дел, духовного ведомства православного исповедания, уездных земских собраний и тех ведомств, которые содержали у себя начальные народные училища. Посылали своих представителей туда и городские об-

щества, если они содержали за счет своих сумм начальные школы. Уездные училищные советы имели достаточно широкие права. Они контролировали учебный процесс в начальных народных училищах, давали разрешение на открытие новых школ либо прекращение их работы, назначали кандидатов на учительские должности. Председатели советов избирались на два года из среды самих участников этих органов. Как правило, это были люди с педагогическим опытом.

«Высшее попечение о начальных народных училищах губернии» имел губернский училищный совет. Он состоял из епархиального архиерея, начальника губернии, директора училищ и двух членов от губернского земского собрания. Предметом ведения губернского училищного совета было рассмотрение отчетов уездных училищных советов, решение спорных вопросов и жалоб на деятельность уездных советов, утверждение в должности лиц, избранных в председатели уездных училищных советов, назначение пособий учителям и учительницам из средств, отпущенных для этого министерством народного просвещения. Все дела в уездном и губернском училищном совете решались большинством голосов. Жалобы на их решения могли приноситься только правительствующему Сенату. Попечитель учебного округа лишь получал сведения о работе начальных учебных заведений на подведомственной ему территории.

Отход от строгой централизации и приближение школьного управления к местной власти повысило интерес и внимание общественности к начальной школе. Современники с воодушевлением восприняли новое Положение, позволявшее развивать местную инициативу [139]. Реформа, однако, не решала все проблемы массовой народной школы. Вопрос о всеобщем начальном обучении Положением был совершенно обойден. Не решалась и проблема финансирования народной школы. Как и прежде, оно было предоставлено доброй воле самих обществ – городских, сельских, земств, духовенства.

Цель начальной школы в Положении была поставлена узко и тенденциозно: «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные сведения». Начальными знаниями была ограничена и учебная программа: Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо и первые четыре действия арифметики. Правила, введенные Положением, были единообразны для всех начальных школ: городских приходских училищ министерства на-

родного просвещения, сельских школ министерства государственных имуществ и удельного ведомства, заводских школ горного ведомства, воскресных школ. Вопрос о плате за обучение и о ее размерах предоставлялся на усмотрение ведомств, содержащих школы. Обучаться в них могли дети всех сословий и вероисповеданий [140].

Одноклассные приходские школы министерства народного просвещения в городах Урала к началу реформы с трудом вмещали детей, желающих получить образование. Автор одной из публикаций в "Журнале министерства народного просвещения" сообщал в 1861 г., что многим руководителям приходских училищ из-за их переполненности приходилось отказывать родителям в просьбах о приеме в школы детей [141]. Вследствие этого, очевидно, общая численность учащихся данной категории школ к 1864 г. в сравнении с 1854 г. выросла незначительно, а в Пермской и Вятской губерниях даже понизилась (табл. 27).

Особо ощущали ограниченность системы низшего начального образования крупные города. Перед реформой 1864 г. городские общества пошли на открытие в них дополнительных училищ. В 1861 г. второе приходское училище было открыто в Перми, в 1863 г. – в Кунгуре [142]. К 1864 г. в городах Пермской губернии действовало 14 одноклассных приходских училища. Часть из них учила только мальчиков (Пермское второе, Красноуфимское, Оханское, Осинское, Чердынское, Екатеринбургское, Ирбитское, Верхотурское, Кунгурские первое и второе), часть имела отделения для девочек (Пермское первое, Соликамское, Шадринское, Камышловское) [143].

Собственные дома были только у трех училищ (Пермского первого, Шадринского и Верхотурского). Четыре училища (Кунгурское первое, Соликамское, Екатеринбургское и Ирбитское) размещались в домах уездных училищ. Все остальные ютились в наемных домах или выделенных обществами комнатах. Теснота и скученность учеников мешали нормальному проведению занятий. Ирбитскому приходскому училищу, например, в здании уездного училища был выделен всего один класс, ученики размещались в нем с большим трудом [144].

Для облегчения занятий учителям крупных приходских училищ (Екатеринбургскому, Шадринскому, Ирбитскому) разрешалось работать по ланкастерскому методу взаимного обучения. Недостатки этого метода были хорошо известны учебному начальству, поэтому употреблялся он в предреформенные годы с

Таблица 27

Численность и состав (по происхождению) учащихся приходских училищ Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Губернии, приходские училища	Численность учеников									
	Дворян и чиновников		Духовенства		Городских сословий		Сельских сословий		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Пермская										
Пермское первое	35	32,7	–	–	51	47,7	21	19,6	107	100
Пермское второе	9	18,4	–	–	39	79,6	1	2,0	49	100
Оханское	5	12,5	–	–	15	37,5	20	50,0	40	100
Осинское	7	10,8	–	–	28	43,1	30	46,1	65	100
Кунгурское первое	2	3,0	2	3,0	50	74,6	13	19,4	67	100
Кунгурское второе	1	3,1	2	6,3	21	65,6	8	25,0	32	100
Красноуфимское	2	4,4	–	–	34	75,6	9	20,0	45	100
Соликамское	2	2,2	–	–	75	82,4	14	15,4	91	100
Чердынское	1	1,2	–	–	77	90,6	7	8,2	85	100
Екатеринбургское	5	6,0	–	–	73	86,9	6	7,1	84	100
Шадринское	4	2,8	2	1,4	107	74,8	30	21,0	143	100
Камышловское	6	20,0	–	–	16	53,3	8	26,7	30	100
Ирбитское	8	11,3	1	1,4	58	81,7	4	5,6	71	100
Верхотурское	–	–	–	–	30	93,7	2	6,3	32	100
Итого:	87	9,2	7	0,8	674	71,6	173	18,4	941	100
Вятская										
Вятское первое	13	16,2	1	1,3	59	73,8	7	8,7	80	100
Вятское второе	8	11,0	–	–	55	75,3	10	13,7	73	100
Глазовское	–	–	–	–	20	58,8	14	41,2	34	100
Елабужское	5	5,3	–	–	60	63,8	29	30,9	94	100
Котельническое	1	2,6	–	–	23	59,0	15	38,4	39	100
Малмыжское	3	7,0	2	4,7	33	76,7	5	11,6	43	100
Нолинское	3	7,0	–	–	34	79,1	6	13,9	43	100
Орловское	4	7,5	–	–	26	49,1	23	43,4	53	100
Сарапульское	4	6,3	–	–	55	87,3	4	6,4	63	100
Слободское	6	5,9	–	–	93	92,1	2	2,0	101	100
Уржумское	3	8,1	1	2,7	24	64,9	9	24,3	37	100
Яранское	4	6,5	1	1,6	41	66,1	16	25,8	62	100
Царево-Санчурское	–	–	1	6,3	12	75,0	3	18,7	16	100
Итого:	54	7,3	6	0,8	535	72,5	143	19,4	738	100

Окончание табл. 27

Губернии, приходские училища	Численность учеников									
	Дворян и чиновников		Духовенства		Городских сословий		Сельских сословий		Всего	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Оренбургская										
Уфимское первое	25	25,0	–	–	51	51,0	24	24,0	100	100
Уфимское второе	23	50,0	–	–	17	37,0	6	13,0	46	100
Стерлитамакское	2	3,1	–	–	50	76,9	13	20,0	65	100
Белебеевское	3	5,0	1	1,7	29	48,3	27	45,0	60	100
Бирское	6	5,8	1	1,0	48	46,1	49	47,1	104	100
Мензелинское	11	14,9	–	–	41	55,4	22	29,7	74	100
Челябинское	6	12,5	1	2,1	32	66,7	9	18,7	48	100
Троицкое	8	13,6	–	–	51	86,4	–	–	59	100
Верхнеуральское	12	14,1	–	–	73	85,9	–	–	85	100
Оренбургское первое	31	20,8	–	–	65	43,6	53	35,6	149	100
Оренбургское второе	4	4,7	1	1,2	66	76,7	15	17,4	86	100
Оренбургское третье	18	20,2	–	–	47	52,8	24	27,0	89	100
Итого:	149	15,4	4	0,4	570	59,1	242	25,1	965	100
Всего по губерниям:	290	11,0	17	0,6	1779	67,3	558	21,1	2644	100

* Источники: Отчеты по управлению Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекциями училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 120–133; 190–197; 247–287; 433–438).

Учащиеся приходских училищ с отделениями для девочек учтены общим составом, включающим и мальчиков, и девочек: в Пермском первом приходском училище в это время числилось 85 мальчиков и 22 девочки; в Соликамском приходском училище – 63 мальчика и 28 девочек; в Шадринском приходском училище – 106 мальчиков и 37 девочек; в Камышловском приходском училище – 22 мальчика и 8 девочек; в Верхнеуральском приходском училище – 56 мальчиков и 29 девочек.

Сведения приведены на 1 января 1864 г.

большой осторожностью. Так, после осмотра Верхотурского и Камышловского приходских училищ в начале 1860-х гг. попечитель Казанского учебного округа приказал отменить там ланкастерскую методику, «страдающую машинальностью». При возможности учебное руководство старалось увеличить число учителей. В самом многолюдном Ирбитском приходском училище после визита попечителя Казанского учебного округа появился второй учитель. Двое учителей работали и в Шадринском приходском училище [145]. Мер этих, однако, было совершенно не-

достаточно, для того чтобы привести в порядок состояние дел в начальной школе.

Приходские училища были пасынками в учебном ведомстве. Финансировались они (часто совершенно недостаточно для их нормального существования и развития) в основном за счет средств городских обществ. Средняя сумма на содержание училищ по Пермской, Вятской и Оренбургской губерниям к 1863 г. не достигала и 420 рублей серебром (табл. 28). Большая часть этих денег уходила на наем дома и жалованье учителям.

Крупных благотворительных взносов в пользу приходских училищ Пермской губернии источники предреформенного времени не отмечают. Судя по отчету Пермской дирекции за 1863 г., например, приходским училищам было сделано лишь одно заметное пожертвование: пермский купец Иван Хватов согласился перестроить здание Пермского первого приходского училища и сделать при нем пристрой для вновь образованного женского училища [146]. Некоторые училища поддерживались и ежегодными взносами почетных блюстителей, избиравшихся из местных купцов. Должность почетных блюстителей была введена в Казанском учебном округе в 1859 г. Согласно высочайше утвержденному Положению Главного правления училищ от 2 ноября 1859 г., благотворительная деятельность почетных блюстителей засчитывалась купцам как очередная городская служба. Она давала им право носить государственный мундир [147].

В именных списках чиновников и учителей Пермской и Екатеринбургской дирекций за 1863 г. почетные блюстители числились лишь в семи начальных учебных заведениях. Первому Пермскому приходскому училищу в это время помогал купец Федор Еремеев, Осинскому – купец Петр Орлянский, Кунгурскому первому – купец Василий Фоминских, Екатеринбургскому – купец 1-й гильдии Михаил Петров, Соликамскому – купец Иван Широких, Шадринскому – купец 2-й гильдии Исаак Попов, Ирбитскому – купец Максим Виноградов [148]. Из их числа В. Шишонко выделяет екатеринбургского купца М.А. Петрова, жертвовавшего ежегодно в пользу училища по 125 рублей серебром [149].

В трудных условиях работали приходские училища и в Вятской губернии. К 1863 г. в городах губернии действовало 13 приходских училищ (при 11 уездных городах). Самым молодым из них было Царево-Санчурское, открывшееся в заштатном городе в 1863 г. Почти все начальные школы ютились в тесных, непри-

Таблица 28

Финансирование приходских училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Губернии, приходские училища	Источники финансирования и переводимые средства (в рублях серебром)					
	Из средств городских обществ и городских доходов	Из государственного казначейства	Из приказа общественного призрения	Из сумм башкирского войска	От почетных блюстителей	Всего
Пермская						
Пермское первое	331	–	–	–	100	431
Пермское второе	470	–	–	–	–	470
Оханское	391	–	–	–	–	391
Осинское	495	–	–	–	60	555
Кунгурские первое и второе	570	–	–	–	150	720
Красноуфимское	271	–	–	–	–	271
Соликамское	391	–	–	–	50	441
Чердынское	406	–	–	–	–	406
Екатеринбургское	421	–	–	–	50	546
Шадринское	606	–	–	–	–	656
Камышловское	406	–	–	–	125	406
Ирбитское	466	–	–	–	50	516
Верхотурское	418	–	–	–	–	418
Итого: руб.	5642	–	–	–	585	6227
%	90,6	–	–	–	9,4	100
Вятская						
Вятское первое	417	–	–	–	–	417
Вятское второе	417	–	–	–	–	417
Глазовское	219	–	–	–	–	219
Елабужское	243	–	–	–	–	243
Котельническое	226	–	–	–	150	376
Малмыжское	284	–	–	–	–	284
Нолинское	311	–	–	–	–	311
Орловское	530	–	–	–	–	530
Сарапульское	345	–	–	–	–	345
Слободское	332	–	–	–	150	482
Уржумское	227	–	–	–	–	227
Яранское	315	–	–	–	–	315
Царево-Санчурское	200	–	–	–	–	200
Итого: руб.	4066	–	–	–	300	4366
%	93,1	–	–	–	6,9	100

Губернии, приходские училища	Источники финансирования и переводимые средства (в рублях серебром)					
	Из средств городских обществ и городских доходов	Из государственного казначейства	Из приказа общественного призрения	Из сумм башкирского войска	От почетных блюстителей	Всего
Оренбургская						
Уфимское первое	550	–	–	–	50	600
Уфимское второе	–	–	–	–	300	300
Стерлитамакское	463	–	–	–	–	463
Белебеевское	–	–	143	187	–	330
Бирское	400	–	–	–	–	400
Мензелинское	500	–	–	–	–	500
Челябинское	400	–	–	33	–	433
Троицкое	698	–	–	–	–	698
Верхнеуральское	–	184	143	–	–	327
Оренбургское первое	490	–	–	–	–	490
Оренбургское второе	572	–	–	–	–	572
Оренбургское третье	572	–	–	–	–	572
Итого: руб.	4645	184	286	220	350	5685
%	81,7	3,2	5,0	3,9	6,2	100
Всего по губерниям:						
руб.	14353	184	286	220	1235	16278
%	88,2	1,1	1,8	1,3	7,6	100

* Источники: Отчеты по управлению Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекциями училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 94–111, 174–197, 221–260, 413–437).
Подсчеты приведены в рублях, копейки округлялись до рубля (если их больше 50) либо отнимались (если их меньше 50).

способленных для занятий помещениях, наемных или выделенных обществами. Собственный каменный дом имело лишь одно училище – Сарапульское. Достаточно удобными были также здания Глазовского и Слободского приходских училищ. Первое из них занималось в деревянном флигеле уездного училища, второе – в каменном флигеле здания, построенного Анфилатовским общественным банком для женского училища.

Количеством почетных блюстителей из числа купечества, вызвавшихся добровольно помогать приходским училищам, Вятская губерния также похвастаться не могла. К 1863 г. в именных списках чиновников дирекции их числилось только двое –

Котельничскому приходскому училищу помогал купец 1-й гильдии Иван Кардаков, Слободскому – почетный гражданин Николай Платунов [150].

Оренбургская губерния, в отличие от Пермской и Вятской, потерявших в предреформенные годы часть учеников, существенно увеличила сеть начальных училищ и учащихся в них. Количество приходских училищ здесь в 1855–1863 гг. увеличилось на 50 %, численность учащихся – на 76 %. К 1864 г. приходские училища были созданы во всех уездных городах. Большую помощь губернии в этом процессе оказало государство. Долгое время из-за нехватки средств городские общества Белебея и Верхнеуральска отказывались заводить свои приходские школы. В 1860 г. министерство народного просвещения согласилось принять на себя часть их финансирования. Из государственного казначейства в пользу Верхнеуральского приходского училища стало ежегодно выделяться по 184 рубля 14 копеек. Помимо этого, 142 рубля 85 копеек сюда стали поступать из Оренбургского приказа общественного призрения. Такой же суммой приказ помогал Белебеевскому приходскому училищу. Небольшие суммы стали поступать в пользу городских приходских училищ и из капиталов башкирского войска. Военное ведомство выразило готовность помочь Челябинскому и Белебеевскому училищам. Первое ежегодно получало из сумм войска 33 рубля 15 копеек, второе – 187 рублей 14 копеек. Белебеевское и Верхнеуральское училища начали работать в 1860 г. Небольшие пожертвования училища получали и от местных жителей. Уездный предводитель белебеевского дворянства, например, в год открытия передал в пользу местной приходской школы 444 рубля 47 копеек, собранные им по подписке, а местный купец 2-й гильдии Софронов купил для нее мебель и «разные вещи» стоимостью в 50 рублей [151].

Большую потребность в расширении сети приходских школ испытывали крупные города. В 1860 г. было открыто второе приходское училище в губернской Уфе. Инициатором его создания стал местный купец 3-й гильдии Григорий Кузнецов. Вновь созданному училищу он подарил каменный дом стоимостью в 6850 рублей серебром, мебель и учебные пособия, необходимые для проведения занятий. Помимо этого, купец ежегодно жертвовал все необходимые средства на содержание училища (300 рублей серебром). Источники доходов этого человека нам, к сожалению, не известны. Именной список сообщает, что происходил

он из вольноотпущенных крестьян Оренбургской губернии [152]. Еще одной начальной школой обзавелся в предреформенные годы и уездный Оренбург. Второе приходское училище здесь появилось в 1851 г., третье – в 1859 г.

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ В НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ. УЧАСТИЕ ГОРОЖАН В ПОДДЕРЖКЕ ВОСКРЕСНЫХ ШКОЛ И ЖЕНСКИХ УЧИЛИЩ

Свидетельством пробуждения в народе тяги к знанию может служить массовое появление в уральских городах предреформенного периода воскресных школ. Вообще само отношение народа к образованию, как отмечают исследователи, накануне Великих реформ заметно изменилось. Повседневная жизнь с развивающейся торговлей и техникой требовала грамотных людей, понимание этого постепенно проникало в массы. Повышенное внимание простого люда того времени к печатному слову объяснялось и его вниманием к проводившимся реформам. Это было даже особо отмечено агентурой III отделения. Рапортуя своему начальству в 1857 г. о впечатлении, которое произвел в Петербурге рескрипт к виленскому генерал-губернатору В.И. Назимову об отмене крепостного права, агенты писали: «В настоящее время, кажется, нет места в Петербурге, где бы документы сии не читались с живейшим участием, особенно в клубах и трактирах, а в простых народных ресторациях и харчевнях, как замечено, даже производят сильнейшее впечатление, ибо вокруг читателей постоянно образуются кружки любопытных слушателей, с жадностью внимающих каждому слову» [153].

Первая воскресная школа, сведения о которой сохранились в источниках, была открыта 1 марта 1859 г. священниками Нытвинского завода князя М.А. Голицына. Главной целью организаторы школы считали религиозно-нравственное воспитание рабочих, «внушение им истин веры и правил нравственности, объяснение христианских обязанностей и обрядов церкви, изучение молитв и объяснение их» [154]. Школа эта, впрочем, не оказала особого влияния на развитие общественного просветительного движения. Я.В. Абрамов вполне справедливо относит ее к числу конфессиональных школ, которые тогда во множестве существовали в протестантских странах, особенно в Англии и Северной Америке [155]. "Журнал министерства народного просвещения"

сообщал, например, что в 1840-е гг. в Соединенных штатах Северной Америки действовало 16 тысяч воскресных школ, в которых работали около 140 тысяч учителей. В городах Америки подобные школы имели от 200 до 400 учеников [156]. Конфессиональные школы на Западе являлись одним из средств религиозного учительства и лишь дополняли объяснение церковных проповедей. Российские же воскресные школы конца 1850-х – начала 1860-х гг. были почти исключительно светскими. Они несли прежде всего общеобразовательные цели.

В организации воскресных школ российские педагоги пошли, скорее, не за американским, а за баварским опытом дополнительного образования. В 1844 г. в "Журнале министерства народного просвещения" было опубликовано сообщение о баварском обществе, которое имело своей целью распространение полезных знаний среди рабочего населения. «Положение рабочих классов народа, – говорилось в программе этого общества, – налагает на высшие классы обязанность серьезно заниматься ими, узнавать их нужды материальные и нравственные и неутомимо заботиться о них. Не теориями, более или менее неопределенными, можно принести им пользу, а распространением среди них знаний полезных. Недостаточность обучения, доставляемого государством, должна быть пополнена стараниями частных людей, которые по своему богатству и положению занимают первые ряды общества». Звание президента Общества принял на себя наследный принц Баварии [157].

Российские воскресные школы имели особым предметом заботы именно рабочие, ремесленные слои города. Примером и образцом для учредителей уральских воскресных школ стали просветительные учебные заведения, которые были открыты в Киевском учебном округе. Впервые мысль об их создании высказал профессор киевского университета Платон Васильевич Павлов. Я.В. Абрамов называет этого человека «представителем нового типа в университетах». Человек разносторонне образованный и высоко ценящий образование, П.В. Павлов был страстным врагом крепостного права. Спасение народа он видел в распространении просвещения [158]. Лекции профессора пользовались огромной популярностью среди молодых слушателей Киевского университета. Горячих сторонников нашла и его идея создания в городе воскресных школ для простого народа. Поддержал общественное движение по созданию народных школ тогдашний попечитель Киевского учебного округа, новатор-пе-

дагог Н.И. Пирогов. В течение года в Киеве было открыто семь воскресных школ. По духу преподавания они разительно отличались от традиционных школ министерства народного просвещения. Обучение в воскресных школах было основано на принципах гуманизма и уважения к личности. Демократизм, открытость, беззаветность служения идее народного просвещения большинства преподавателей быстро сделали воскресную школу любимой и популярной во многих регионах России.

На Урале наиболее активной в деле создания народных школ оказалась общественность Пермской губернии. В 1861 г., судя по отчету Пермской дирекции училищ попечителю Казанского учебного округа, здесь работали 10 воскресных школ: три школы для мальчиков и две школы для девочек в губернском городе Перми, три школы в уездных городах (Кунгуре, Шадринске и Камышлове) и две школы в горнозаводских имениях [159]. Надо отметить, правда, что данные официального отчета не совсем полны. Материалы для описания развития народного образования, опубликованные В.Н. Шишонко, и корреспонденции "Пермских губернских ведомостей" приводят сведения и о других воскресных школах. Согласно обобщенным данным, к 1862 г. в городах Пермской губернии действовало 10 воскресных школ: 8 октября 1860 г. возникла Верхотурская мужская воскресная школа, 6 ноября 1860 г. – первая Пермская мужская и Камышловская мужская, в декабре 1860 г. – вторая Пермская мужская, в январе 1861 г. – первая Пермская женская, 1 февраля 1861 г. – Шадринская мужская, 8 февраля 1861 г. – вторая Пермская женская, 25 февраля – Екатеринбургская мужская, 14 апреля – вторая Екатеринбургская мужская, в апреле 1861 г. – Кунгурская мужская [160].

Переписка губернских дирекций училищ и попечителя Казанского учебного округа сохранила имена учредителей и жертвователей уральских воскресных школ. Список их может быть убедительным свидетельством широкого объединения общественности вокруг идеи народного просвещения. Первая воскресная школа в Перми была основана по инициативе воспитанников местной гимназии. "Пермские губернские ведомости" опубликовали Проект воскресной школы, разработанный учениками седьмого класса гимназии. В одном из первых абзацев этого документа гимназисты заявили, что преподавание в учреждаемом учебном заведении будет построено по образцу киевской воскресной школы. Авторы проекта были уверены в том, что обра-

зование и грамотность являются правом, «неотъемлемо принадлежащим русскому простолюдину».

Предполагалось, что пермская школа будет работать по воскресным и праздничным дням с одиннадцати часов утра до двух часов дня. Право ее посещения имели лица всех сословий и возрастов. Перед началом занятий состоялся педагогический совет гимназии, который обсудил средства наиболее эффективной работы школы. Решено было проэкзаменовать учащихся и, в соответствии с уровнем их подготовки, разбить на четыре разряда. К первому были отнесены умеющие хорошо читать и рассказывать прочитанное. Таких учеников совет рекомендовал знакомить с русской и естественной историей. Ученики, читающие, но не умеющие пересказать прочитанное, составили второй разряд, начинающие читать – третий. Тех и других положено было усовершенствовать в чтении. Наконец, к четвертому разряду отнесли учеников, не умеющих читать. С ними предстояло проводить усиленные занятия по обучению чтению. Совет рекомендовал применять при этом метод Золотова. 6 ноября 1860 г., с разрешения попечителя Казанского учебного округа, в помещении уездного училища начались занятия воскресной школы. Руководство ею взял на себя совет учащихся, который собирался для обсуждения всех нововведений в организации школы и порядке преподавания. Решения совета принимались только большинством голосов. Наблюдение за ходом преподавания брали на себя учителя Пермской гимназии, «нисколько, впрочем, не стесняя свободы этих совещаний, а напротив, поощряя всякое дельно высказанное мнение». Организационные дела (ведение приходо-расходных книг, составление отчетов о состоянии школы, созыв советов и пр.) поручался распорядителю, который выбирался советом из среды учителей [161].

Необходимые для обучения в воскресной школе книги и учебные пособия пожертвовал пермский купец 2-й гильдии Гаврило Марьин. Благотворитель не только снабдил учеников книгами (из продажной библиотеки уездного училища на его средства их поступило сюда 343 экземпляра), а служителей жалованьем, но и позаботился о том, чтобы препятствием для детей из бедных семей не стала холодная уральская зима. Вскоре после начала занятий он доставил штатному смотрителю училищ теплую обувь, детские шапочки и рукавички для бедных учеников [162]. Общая сумма пожертвований купца в пользу воскресной школы составила около 400 рублей серебром.

Были у школы и другие попечители. Архиепископ Пермский и Верхотурский Неофит в день открытия школы, после молебна, раздал детям, не умеющим читать, буквари, а умеющим – начатки христианского учения. Законоучители школы получили в дар от епископа два экземпляра Нового Завета на славянском языке. Потомственный почетный гражданин Д.Д. Смышляев доставил сюда 260 листов бумаги для черчения и рисования и одну стопу писчей бумаги. Коллежский асессор Н.Г. Костарев передал распорядителю школы 5 рублей серебром для поощрения самых усердных учащихся школы. Деньги эти действительно были переданы шести ученикам во время празднования Пасхи.

Первая воскресная школа в Перми пользовалась достаточно большой популярностью. В 1860/1861 учебном году ее посетило 117 человек. Регулярно в школе занималось не менее 30 человек. По преимуществу, это были мещанские дети 10–15-летнего возраста [163]. Принимала школа, впрочем, и учащихся более солидного возраста. В первый день учения на занятия пришел мещанин 32 лет, умевший бегло читать и писать [164]. Корреспондент "Пермских губернских ведомостей" отмечал, что открытию воскресной школы радовались многие жители города. Ему приходилось видеть, как в зимние холодные дни матери привозили сюда детей на салазках. Взрослые же ученики, по его словам, «сходились толпами». Грамотные ученики постоянно пользовались библиотекой училища, брали книги для чтения на дому [165].

Инициатором создания второй мужской воскресной школы в губернском городе стал известный пермский общественный деятель А.И. Иконников. Делопроизводитель Пермского губернского статистического комитета коллежский асессор Иконников содержал в Перми публичную библиотеку, в которой каждый из горожан мог «за самую умеренную цену» взять для чтения книги и журналы. Библиотека Иконникова выписывала лучшие периодические издания того времени – журналы «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки». Не случайно именно вокруг А.И. Иконникова и его библиотеки собралась наиболее радикальная часть пермской интеллигенции. Как отмечалось позднее в жандармском донесении, здесь сформировался «домашний кружок людей со свободным образом мыслей» [166].

Деятельность библиотеки Иконникова достаточно полно отражена в литературе [167]. Некоторые исследователи считали ее «оболочкой» пермской революционной организации, которая была одной из предшественниц «Земли и воли» [168]. Р.Г. Эй-

монтова не столь поспешна в выводах. Она приводит свидетельства того, что политическое направление деятельность пермского кружка приобрела только после приезда сюда летом 1860 г. ссыльного участника харьковско-киевского тайного общества П. Ефименко. До этого она носила чисто просветительный характер [169].

Просветительными были, очевидно, и задачи организованной А. Иконниковым воскресной школы, которая начала свои занятия в декабре 1860 г. в читальном зале библиотеки. Сведений о политическом направлении работы этой школы в литературе и источниках нам не встретилось. Известно, что средства на организацию школы (около 90 рублей) были получены во время литературно-музыкального вечера, устроенного в Перми 27 ноября 1860 г. Организаторами вечера были: Д. Смышляев, А. Воскресенский, В. Ежов, М. Тиммерман, Е. Толмачева, Н. Фирсов [170].

Третья мужская пермская воскресная школа, открытая в 1861 г., находилась в ведении начальника Пермского училища военного ведомства. Преподавали в ней священник приходской школы и учителя военного училища [171]. Женские воскресные школы в Перми возникли по инициативе местных благородных дам. Первая женская школа была открыта 22 января 1861 г. Разместилась она в зале иконниковской библиотеки. Средства для содержания воскресной школы были собраны во время литературно-музыкального вечера, который состоялся 12 декабря 1860 г. в зале пермского благородного собрания. Благотворительный сбор (101 рубль 96 копеек) организаторы вечера передали учредительнице школы надворной советнице Надежде Осиповне Поповой. Число девочек, собравшихся для обучения, было столь велико, что не смогло разместиться в выделенном помещении. Вскоре после своего открытия школа из читального зала библиотеки переместилась в женскую гимназию, а затем в частный дом, принадлежавший советнику пермского губернского правления статскому советнику Аркадию Яковлевичу Колчину. Узнав о трудностях с помещением для бесплатного обучения бедных девочек, он выделил им две лучшие комнаты в своем доме.

Занятия в женской воскресной школе начинались летом в 2 часа, а зимой в 12 часов дня и продолжались в течение трех часов. Главными предметами в ней, как и в других воскресных школах, были Закон Божий, чтение, письмо и первые действия

арифметики. Помимо этого пермские дамы давали ученицам школы навыки рукоделия. В обучении девочек учредительнице школы Н.О. Поповой помогали Раиса Андреевна Вечтомова, Марья Григорьевна Зверева и Александра Николаевна Курбановская, позднее – Аександра Петровна Тихонравова. Закон Божий преподавал священник Пермского Петропавловского собора Петр Васильевич Ярушин. Для обучения же чистописанию и счетоводству приглашались чиновники Василий Авдеевич Удинцев и Василий Степанович Мухин.

Методика преподавания в этой школе заметно отличалась от принятых в казенной школе механических приемов обучения. Как указано в отчете о деятельности школы за 1861 г., с девочками здесь проводилась «изустная живая беседа /.../, внятная, краткая и для всех вразумительная, с пояснением отвлеченных истин примерами и сравнениями, взятыми из обыденной жизни и вполне доступными детскому пониманию». Более трудные места повторялись несколько раз с разными ученицами до тех пор, пока они сами не начинали свободно и «с ясным разумением» рассказывать преподанное им [172].

Постоянных учениц в школе было около 20 человек, впрочем, иногда их число возрастало и до 50. «Бойкими и живыми способностями» среди них, как отмечает автор отчета, отличались ученицы, приходившие сюда из Мотовилихинского завода. Осенью 1861 г. школу посещало 15 заводских девочек, зимой число их снизилось до 6–8, что, впрочем, объяснялось лишь тем, что не все девочки могли преодолевать четырехверстное расстояние от завода до школы в морозы.

Вторую воскресную школу для обучения девочек открыла в Пермском Мариинском женском училище супруга пермского гражданского губернатора А.В. Лошкарева [173]. Необходимые для обучения учебные принадлежности поступили в дар школе от пермского купца Рябинина. Он передал учащимся девочкам 100 грифелей, 20 чернильниц и три дюжины карандашей. Прописи, тетради и перья для письма в течение всего года доставлял в школу учитель Пермского военного училища Афанасьев. Главным благотворителем женской школы был кунгурский купец 1-й гильдии Фоминых. По его духовному завещанию в школу было передано 300 рублей.

Купец Фоминых стал благотворителем воскресной школы и в своем родном городе Кунгуре. Эта школа начала действовать на завещанные купцом 200 рублей в 1861 г. В этом же году по-

явилась воскресная школа в уездном городе Шадринске. Преподавали в ней священник местной приходской церкви, штатный смотритель и учителя уездного и приходского училищ [174]. В Камышлове воскресная школа возникла годом раньше, в 1860 г. Любопытно, что инициатива ее создания принадлежала самому директору училищ Пермской губернии Ивану Грацинскому. С предложением об открытии воскресной школы он обратился к штатному смотрителю Камышловских училищ Петру Карловичу Мейснеру. Мейснер известил об этом предложении жителей города, на что они, как сообщает автор заметки в "Пермских губернских ведомостях", «изъявили полное свое удовольствие и согласие» [175]. Сам П.К. Мейснер, а также учителя Камышловского уездного и приходского училищ, вызвались бесплатно учить в школе «неграмотных людей, не имеющих возможности заняться в будние дни». Безвозмездно работал в школе и законоучитель, протоиерей Покровского собора В. Прибылев.

Учениками камышловской воскресной школы стали рабочие Камышловской бумажно-полотняной фабрики. В день открытия школы 23 рабочих явились для обучения во главе со своим управляющим Н.К. Македонским. Управляющий фабрикой вошел в число учителей воскресной школы. Учебные пособия для школы (на общую сумму 25 рублей серебром) пожертвовал камышловский окружной начальник коллежский асессор Д.С. Тархов [176].

Руководители горной промышленности первоначально также весьма благосклонно отнеслись к делу распространения среди неграмотных рабочих «полезных знаний». В феврале 1861 г. была открыта первая воскресная мужская школа при Екатеринбургском окружном училище, в апреле 1861 г. – вторая при Екатеринбургском уездном училище. Инициатором создания первой воскресной школы стал писец Екатеринбургской гранильной фабрики Степан Петровский. Он пожелал создать ее для обучения фабричных мастеровых и их детей чтению, письму и первым действиям арифметики. Главный начальник горных заводов хребта Уральского Фелькнер назвал это намерение «похвальным и полезным». Он разрешил проводить занятия школы в корпусе окружного училища и разрешил учителям пользоваться при обучении необходимыми учебными пособиями и книгами из самого училища [177].

Вятская губерния существенно уступала Пермской по числу воскресных школ. Но и здесь идея бесплатного обучения народа

встретила горячее сочувствие преподавателей и образованной молодежи. «Нам нельзя оставаться равнодушными, это дело ближе всего лежит к нашему сердцу», – писали учителя Елабужского уездного училища А. Калугин и Е. Пухов в 1860 г. Обучение в воскресной школе, с их точки зрения, должно было строиться живо и увлекательно, оно должно привлекать к просвещению необразованные массы [178]. Елабужская воскресная школа была открыта 21 августа 1860 г. Содержалась она за счет преподавателей уездного училища. Помимо того в пользу школы было переведено 25 рублей городским обществом [179].

Воскресные уроки проводились в здании Елабужского приходского училища. Преподавались здесь, помимо обычных общеобразовательных предметов начальной школы, уроки естествознания. Учителя проводили занятия бесплатно: А. Калугин учил воспитанников чтению и письму, Е. Пухов – естествознанию, законоучитель Спасский – Закону Божию. Известно, что в первый день занятий воскресную школу посетило 10 человек, преимущественно из числа местных ремесленников (восемь из них – мальчики 14–17 лет, двое – люди постарше) [180].

В губернском городе Вятке наиболее активное участие в создании воскресной школы приняли штатный смотритель Вятского уездного училища П.Х. Хохряков и редактор неофициальной части "Вятских губернских ведомостей" Н.И. Золотницкий. Известие о начале работы вятской воскресной школы директор училищ разместил в газете еще в сентябре 1860 г. В это же время начальник губернии поручил вятскому городскому голове объявить местным ремесленникам о предположении открыть для них бесплатную школу. Работа воскресной школы, однако, первоначально не сложилась. Преподаватели, вызвавшиеся принять участие в работе воскресной школы, стали приходить на занятия уже в середине октября. Однако желающих учиться являлось 2–3 человека, не больше. Для того чтобы узнать причину этой неудачи, П.Х. Хохряков и Н.И. Золотницкий провели настоящее «хождение в народ». В ноябре 1860 г. они обошли более 40 мастерских и ремесленных заведений Вятки, приглашая учеников и подмастерьев на занятия. Надо заметить, что идея воскресного обучения не отвергалась рабочими, однако, не встретила сочувствия у владельцев мастерских. Создателям школы очень часто приходилось преодолевать их сопротивление для того, чтобы добиться разрешения рабочим употреблять свободное время на учебу. Н.И. Золотницкий вполне обоснованно видел

причину этого в опасении хозяев встретить организованное сопротивление просвещенных людей. «Что заставляет хозяев удерживать учеников от посещения школы?, – спрашивал он в "Вятских губернских ведомостях", – Чтобы ученики не сделались умнее их самих, чтобы не прочитали какого-нибудь ремесленного устава, чтобы не написали при случае жалобу начальству, чтобы не заметили недостачи платы?» [181].

Полноценную работу вятская воскресная школа начала 8 января 1861 г. Разместилась она в здании приходского училища. В первый день школу посетило 16 человек, через месяц число учащихся выросло до 30. Постепенно школа нашла сочувствие в широких массах горожан. Число учеников быстро росло. В течение 1861 г. на учебу в школу записалось 230 человек, 130 из них, правда, после нескольких занятий выбыло. Постоянных учеников к январю 1862 г. осталось 100, в основном из сословия мещан и цеховых. Приходили сюда также солдаты резервного батальона, стоявшего в Вятке, и крестьяне окрестных деревень. "Вятские губернские ведомости" привели сословный состав учащихся, посещавших воскресную школу к концу 1861 г.: 32 из них принадлежали к сословию мещан и цеховых, 9 – к числу солдатских детей, 6 – к нижним воинским чинам, 44 – к государственным, 2 – к удельным, 7 – к временнообязанным крестьянам. Возраст учеников не ограничивался. В начале 1862 г. здесь были ученики от 5 до 33 лет [182]. Не ограничивалось и число учащихся. К концу учебного года число желающих учиться было так велико, что приходское училище оказалось для них тесным. В феврале 1862 г. воскресная школа переселилась в дом купца И.Н. Веретенникова [183].

Привлекала учеников в школу не только возможность бесплатно получить знания, но и царившая здесь действительно демократическая атмосфера уважения. Положение о вятской воскресной школе подчеркивало, что учащиеся «не подвергаются никаким взысканиям и наказаниям, кроме замечаний на нарушение тишины и порядка в школе». За успехи в учении они получали подаренные добровольными жертвователями книги и журналы. В ходе учения воспитанники разделялись на кружки по 5–10 человек, в зависимости от уровня знаний. С каждым кружком занимался особый наставник. Программа обучения соответствовала объему приходского училища.

Наставником и учителем в школе мог стать любой желающий, если он имел соответствующие знания. Преподавали на-

ставники бесплатно, не требуя никакого вознаграждения за свой труд. Для управления учебным и хозяйственным процессами привлекались педагоги, для этого собирались совещания. Проводились они в форме «дружеской беседы людей, безразлично равноправных, добровольно и бескорыстно посвящающих свой досуг общеполезному делу распространения просвещения». Проекты решений принимались большинством голосов. На совещания педагогов могли прийти все желающие, школа была открыта для публики. Постоянное руководство школой осуществляли два распорядителя, которых избирали на совещаниях наставников.

Для успешного проведения уроков положение рекомендовало учителям применять самые передовые для того времени методы преподавания. Первоначальное обучение чтению в первых трех кружках проводилось по методу Золотова. С четвертого кружка начиналось чтение книг гражданской и церковной печати, с объяснением учениками смысла прочитанного текста, а затем и пересказом его содержания. Обучение письму шло по методу Ходоровского. Ученики переходили от написания печатных букв к письменным, затем писали под диктовку и учились излагать содержание услышанного. Столь же пристальное внимание уделялось развитию мышления на уроках арифметики. Ученикам давали задачи, близкие к их быту [184].

Уроки вели сами устроители воскресной школы, распорядители П.Х. Хохряков и Н.И. Золотницкий. Им помогали ученики гимназии и семинарии (Рудницкий, Арбузов, Кувшинский, Никольский, Богданович, Емельянов, Глазырев, Шулятиков, Романов, Фармаковский, Голтовский, Орлов). Обучением чтению и арифметике занимались И.А. Рудницкий, Н.П. Бехтерев, М.Г. Гвоздев, К.А. Ляпунов, Е.И. Лихов, В.М. Тронин, А Красовский. Во время каникул в проведении занятий участвовали студенты Казанского университета Н.П. Пушин и А.Н. Хохряков [185].

Содержалась школа за счет пожертвований отдельных лиц из самых разных слоев населения. Взносы были небольшими, но весьма полезными. Так, были переданы школе книги от преосвященного А. Агафангела, коллежского асессора Грека, содержателя частной библиотеки А. Красовского. Крестьянин Завалин подарил 2300 экземпляров разработанного им «Вечного календаря». Денежные средства в 3 – 5 рублей поступили от девицы Политковской, чиновника Шемановского, купца Рассохина,

ученика Вятской духовной семинарии и других жителей города. Общая сумма пожертвований в 1861 г. составила около 127 рублей серебром [186].

Согласно описаниям современников, простые жители воспринимали уроки в воскресной школе как праздник, многие приходили на занятия часом раньше, старались получше приодеться. Атмосфера школы разительно отличалась от окружавших их повседневных условий. Сторонники патриархального воспитания с неодобрением воспринимали новые методы обучения. «Нет, что ни говорите, – говорил один из них в 1861 г., – а такое ученье только испортит человека. В этой школе всякому, даже какому ни на есть чумазому оборванцу, учитель, лицо образованное, благородное, а может, еще и высокоблагородное, говорит: скажите Вы мне то и это! А за шалость какую-нибудь много-много, коли из терпения выйдет, молвит, стыдно Вам, да еще сам сконфузится, сказавши это! После такого-то обращения какую же он может прилежность к науке иметь или, например, почтение к своему хозяину, когда тот не то чтобы палку обломает об его голову или ремнем вздует, а еще так скоро по-отечески, за чупрун да по зубам отваляет?» [187].

Сторонников подобных взглядов в городах того времени было еще много. Недоверчивое, подозрительное, а порой и враждебное отношение многих представителей городских обществ к воскресным школам было, с точки зрения историка Я.В. Абрамова, одной из причин их падения в начале 1860-х гг. «Лишь небольшая часть общества оказалась на высоте тех задач, которые тогда предстояло выполнить, – пишет он, – а огромнейшее большинство общества стояло в стороне от тогдашнего освободительного и просветительного движения и смотрело на него со страхом» [188].

Подробных сведений о работе воскресных школ в Оренбургской губернии нам, к сожалению, обнаружить не удалось. Отчеты дирекции попечителю учебного округа почему-то таких данных не содержат. Известно, однако, что и здесь воскресные школы существовали. Отчет гражданского губернатора сообщает, что две такие школы были созданы в Уфе в 1861 г. Труд преподавания в них взяли на себя чиновники некоторых присутственных мест и ученики высших классов местной гимназии [189]. По свидетельству одного из авторов Памятной книжки Оренбургской губернии В. Шевича, воскресная школа в Уфе встретила «в простонародьи сочувствие и обнаружила в нем усердную готов-

ность воспользоваться бесплатным правом грамотности». Усердно посещалась и бесплатная школа первоначального обучения, открытая в городе священником Темперовым [190]. В Бирске, при активном участии ссыльного члена харьковско-киевского тайного общества М. Муравского, были открыты две воскресные школы. Судя по письму самого М. Муравского, школы начали работать в декабре 1860 г. [191].

Несмотря на несомненный успех деятельности воскресных школ и их популярность у населения, просуществовали они совсем недолго. Опасаясь распространения антигосударственных идей в малоконтролируемых администрацией учебных заведениях, правительство попыталось ограничить широко развернувшееся движение за просвещение народа. 10 июня 1862 г. был издан указ о закрытии всех воскресных школ впредь до утверждения нового положения о них. Причину этого решения министр внутренних дел Валуев прямо указал в своем циркулярном предложении начальнику Пермской губернии. «Надзор, установленный за воскресными школами и народными читальнями, – писал он, – оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развить вредные учения, возмутительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. В отношении к читальням равным образом обнаружено стремление пользоваться этими учреждениями не для распространения полезных знаний, а для проведения того же вредного социалистического учения» [192]. Вскоре после получения этого циркулярного предписания все воскресные школы на Урале были закрыты.

Репрессивные распоряжения, ограничивающие общественную инициативу, появлялись и до выхода этого запретительного циркуляра. Еще в мае 1860 г. министерство народного просвещения издало правила о воскресных школах, где указывалось, что по курсу и объему обучения они должны относиться к разряду приходских училищ, а для преподавания там могут использоваться только книги, признанные начальством округа. Правила от 8 января 1861 г. вновь подтвердили распоряжение 1860 г. Они предписали местным учебным начальникам взять воскресные школы под свой контроль. Были назначены особые наблюдатели, надзирающие за воскресными школами, со стороны духовных лиц. Я.В. Абрамов вполне справедливо считает эти репрессивные акты правительства основной причиной того, что обще-

ство постепенно охладело к идее воскресных школ. Об этом же писал еще в начале 1860-х гг. известный педагог В.Я. Стоюнин: «Легко подчиниться закону и исполнять его, но бескорыстно трудиться для общей пользы и видеть, что за каждым вашим шагом подозрительно наблюдают, так оскорбительно, что едва ли кто захочет принять такое возмездие за свой труд» [193]. Вновь открыты были воскресные школы в 1864 г., после издания «Положения о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. Этим законом они были подчинены общим правилам и контролировались уездными училищными советами.

Важным социокультурным явлением городской жизни предреформенного времени стало создание школ для девочек. В процессе развитии женских учебных заведений современные исследователи видят свидетельство постепенного отхода от прагматического видения мира, свойственного жителям провинциальных городов. Жизненный путь женщин протекал почти исключительно на семейном поприще и не требовал получения школьного образования [194]. Современники считали эмансипацию женщин неразрывно связанной с образованием и эмансипацией общества вообще [195]. Любопытно, что поводом для наиболее бурной журнальной полемики того времени по поводу борьбы женщин за свои права стали события в Перми.

27 ноября 1860 г. в зале Пермского благородного собрания состоялся литературно-музыкальный вечер, участницей которого была Евгения Эдуардовна Толмачева. Супруга крупного губернского чиновника, председателя Пермской казенной палаты прочла на вечере стихотворение из «Египетских ночей» А.С. Пушкина. Выбор этого непристойного, с точки зрения «добродетельной» публики, стихотворения удивил многих слушателей. После чтения один из офицеров задал Е.Э. Толмачевой вопрос по этому поводу, на что получил твердый и смелый ответ. «Если мы все, – сказала она, – и мужчины, и дамы, и девицы – читаем, не конфузясь, грязные и безнравственные французские романы, смотрим, не краснея, сальные и пошлые французские водевили, то было бы в высшей степени смешно и дико не прочесть публике прекрасное художественное произведение великого поэта». Е.Э Толмачева резко отозвалась о существующей в России системе воспитания девушек с ее замкнутостью, оторванностью от жизни, науки и знания, высмеяла нелепые, средневековые взгляды на роль и место женщины в обществе.

Известие об этом появилось некоторое время спустя в «Санкт-Петербургских ведомостях». Откликнулся на него один из популярных журналов того времени «Век». В восьмом номере журнала за 1861 г. был напечатан фельетон «Русские диковинки», подписанный псевдонимом Камень Виногоров. Фельетон был наполнен грубыми выпадами против Е.Э Толмачевой, насмешками и глумлением над самим понятием «женская эмансипация». Это вызвало бурю возмущения в печати. Осуждение автору фельетона высказали Н.А. Некрасов, Н.В. Шелгунов, Н.Г. Чернышевский и многие другие литераторы. Либеральная и демократическая журналистика высмеяла пошлость, ограниченность и безнравственность прадедовской морали Камня Виногорова и других противников женской эмансипации [196].

Время изменилось, изменился и привычный внутренний мир многих женщин: рамки дома и семьи становились тесными для них. К середине XIX в. назрела потребность в преобразовании системы закрытых женских учебных заведений. Толчком к изменениям стало императорское обращение от 5 марта 1856 г., в котором было заявлено о необходимости «дать способ всем сословиям России к истинному образованию лиц женского пола заведением женских училищ во всех городах и даже больших селениях русских». Высочайше оформленная мысль стала разрешением для развития открытого и бессословного женского образования.

Инициатива устройства первого училища нового типа принадлежала Н.А. Вышнеградскому, профессору педагогики в Главном педагогическом институте, инспектору Павловского женского института. В 1858 г. под началом профессора в Петербурге открылось семиклассное женское училище «для приходящих девиц». Как и все прочие женские училища, оно подчинялось Главному совету женских учебных заведений и состояло под покровительством императрицы Марии Александровны. Училище было открытым для всех свободных сословий. Учебная программа в нем почти полностью соответствовала курсу мужских гимназий, за исключением лишь древних языков. Годовая плата за обучение составляла всего 25 рублей серебром.

По образцу первой женской гимназии «для приходящих девиц» стали открываться учебные заведения в провинции. Контроль за ними был возложен на министерство народного просвещения. 30 мая 1858 г. император утвердил в качестве опыта на три года «Положение о женских училищах ведомства Министер-

ства народного просвещения», разрешавшее открывать женские школы I и II разрядов с шестилетним и трехлетним сроком обучения. Учебный курс первых был приближен к гимназиям, вторых – к уездным училищам [197]. 10 мая 1860 г. действие закона было продлено.

Согласно закону, женские училища I и II разрядов, оставаясь под покровительством императрицы Марии Александровны, переходили под управление попечителей учебных округов и подчиненной им учебной администрации. Почетным попечителем училищ в губернии становился губернатор, на нем лежала обязанность «содействовать, всеми зависящими от него мерами, как основанию училищ, так и дальнейшему их развитию» [198]. Непосредственное руководство деятельностью училищ осуществляла начальница. Она избиралась «из лиц образованных и пользующихся уважением общества» и утверждалась в должности попечителем учебного округа.

Содержались женские училища почти исключительно на общественные и частные благотворительные средства. Для «изыскания» этих средств при них создавались попечительные советы. Они состояли из пяти непременных и двух выборных членов. В число непременных членов входили попечительница и начальница училища, уездный предводитель дворянства, директор гимназии или (в уездном городе) штатный смотритель уездного училища, городской голова или бургомистр. Выборными членами попечительных советов были представители чиновников и купеческого общества города.

В обязанности попечительных советов входило наблюдение за всей материальной частью учебного заведения. Он следил за «правильным употреблением училищных сумм», определял стоимость обучения (которая в училищах I разряда не должна была превышать 30 рублей, а в училищах II разряда – 15 рублей), разрешал освобождение от оплаты ученицам из малообеспеченных семей и оказывал покровительство беднейшим из них. Помимо этого, попечительный совет имел право наблюдать за порядком в училище, его благоустройством, а также «умственным и нравственным образованием учащихся». В конце учебного года составлялся полный отчет о состоянии училища. Попечительный совет представлял его губернатору и попечителю учебного округа. Полный текст отчета печатался в местных "Губернских ведомостях", познакомиться с ним мог любой член общества. Для привлечения представителей дворянства и купечества в попечи-

тельные советы устанавливалось правило, разрешавшее им носить мундир 8-го разряда министерства народного просвещения (если они не имели мундира высшего разряда по другой деятельности).

Педагогический совет училища руководил учебной и воспитательной работой училища. Его ведению подлежало составление учебных программ, определение числа классов в училище, обсуждение методики преподавания. Педагогический совет оценивал уровень знаний учениц и принимал решение об их приеме и увольнении, переводе из класса в класс, выдаче аттестатов и назначении наград. Преподаватели училища пользовались правами домашних учителей и учительниц (если они не служили в гимназии или уездном училище).

Прием учениц (девочек не младше 8 лет) осуществлялся с 7 по 15 августа. До поступления в первый класс они должны были уже научиться читать и писать по-русски. При необходимости и возможности разрешалось создавать при женских училищах приготовительные классы.

Предметы преподавания в женских училищах разделялись на обязательные и необязательные. При поступлении девочек в училище родители оплачивали обязательный курс и дополнительно при желании обучение необязательным предметам. К обязательному курсу в училищах I разряда относились: Закон Божий, русский язык, грамматика и словесность, арифметика и понятия об измерениях, история и география всеобщая и российская, начальные основания естественной истории и физики, чистописание и рукоделие. В училищах II разряда – Закон Божий, русская грамматика, русская история и география в сокращенном объеме, первые четыре действия арифметики, чистописание, рукоделие. Необязательными считались французский и немецкий языки, рисование, а также обучение музыке, пению и танцам.

Центральной фигурой в классе, согласно правилам внутреннего распорядка, был учитель, а не классная дама. Это выгодно отличало женские училища от старых «благородных» институтов. Именно в целесообразности организации учебного процесса исследователи видят главную черту деятельности женских гимназий. «Образованная женщина той эпохи – это именно выпускница гимназии», – пишет в одном из своих очерков Л.Б. Хорошилова [199]. В отличие от женских институтов, которые главной своей задачей ставили подготовку воспитанниц к се-

мейной жизни, гимназии давали более широкую и разностороннюю подготовку, учили девушек опираться в жизни на себя и свои знания. Выпускницы гимназий были европейски образованными людьми.

Доступность по цене обучения и программа образования, вполне удовлетворявшая родителей, почти сразу привлекли в женские учебные заведения множество учениц. В Пермской губернии перед началом учебной реформы 1864 г. действовало два женских училища I разряда – в Перми (1860 г.) и Екатеринбурге (1860 г.). Кроме того, общества нескольких городов поддержали переустройство женских отделений приходских школ в самостоятельные училища. В 1859 г. было создано Ирбитское женское приходское училище, в 1863 г. – Кунгурское и Верхотурское. Продолжали действовать мужские приходские училища с отделениями для девочек в Перми, Соликамске, Шадринске и Камышлове [200].

Деятельность женских училищ привлекла силы и средства представителей разных сословий. В Перми женское училище I разряда было открыто 28 декабря 1860 г., занятия в нем начались 8 января 1861 г. В первый же день в классы явились 57 девочек по большей части из дворянских семей. К 1 января 1861 г. здесь числилось 49 учащихся из числа дворян и чиновников (86 %), 2 – из семей духовного звания (3,5 %), 2 – из семей почетных граждан и купцов (3,5 %), 4 – из мещан и других городских обывателей (7 %) [201]. К началу 1861/1862 учебного года их общая численность составила 109 чел. Большая часть учениц попрежнему принадлежала к семьям дворян и чиновников (81 человек – 78,6 %). Остальные происходили из семей купцов и мещан (14 человек – 12,8 %), иностранцев (1 человек – 1 %) и прочих сословий (13 человек – 11,9 %) [202]. Первый выпуск воспитанниц училища состоялся в 1864 г. Тогда же был открыт и приготовительный класс [203].

Попечительный совет женского училища начал работу еще до официального открытия гимназии. На собрании 25 октября 1860 г. он единодушно избрал почетной попечительницей училища супругу губернатора Александру Васильевну Лошкареву, а начальницей – вдову коллежского секретаря Матильду Фоминичну Ильину [204]. На том же заседании совет решил обратиться к попечителю Казанского учебного округа с просьбой удостоить Пермское женское училище звания Мариинского в честь императрицы Марии Александровны. По ходатайству по-

печителя 16 февраля 1861 г. эта просьба получила высочайшее соизволение.

К работе в совете были привлечены не только непременные члены (попечительница А.В. Лошкарева, начальница М.Ф. Ильина, директор гимназии И.Ф. Грацинский, уездный судья Урлик-Бахман, выполнявший функции уездного предводителя дворянства, городской голова Перми), но и выборные из купечества. Звание выборных членов совета было предложено кунгурским купцам 1-й гильдии Григорию Кирилловичу Кузнецову и Александру Семеновичу Губкину и пермскому купцу 1-й гильдии Федору Козьмичу Каменскому. Выборных представителей из рядов дворянства в первом попечительном совете не было.

Проблемы Мариинского училища встретили живой отклик в пермском обществе. 10 октября 1860 г. общество купцов и мещан Перми решило ежегодно отпускать на содержание женского училища 550 – 600 рублей серебром. Ежегодные взносы стали поступать также от местной помещицы графини Рошефор (по 200 рублей серебром), купцов Г.К. Кузнецова (300 рублей серебром) и А.С. Губкина (50 рублей серебром) [205].

Самые щедрые пожертвования училище получило в течение первого учебного года. Наиболее весомым среди них был подарок купца Федора Козьмича Каменского. 22 сентября 1860 г. на торжественном обеде, устроенном в клубе Пермского благородного собрания в честь прощания общества с губернатором К.И. Огаревым, купец обещал передать в вечное владение женскому училищу собственный полукаменный двухэтажный дом со всеми принадлежащими ему службами стоимостью около 5 тысяч рублей серебром [206]. Дом, располагавшийся на Пермской улице, имел 24 комнаты и занимал вместе с надворными постройками и огородом около 500 квадратных сажен [207]. Позднее изъявил согласие на этот дар его брат, совладелец дома Григорий Козьмич Каменский. На том же обеде участники общества собрали в пользу училища около 1 тысячи рублей серебром [208].

Купеческая благотворительность не ограничивалась пределами Перми. Курганский купец Н.П. Калашников, управлявший делами пермского откупа, переслал в дирекцию училищ 300 рублей серебром. Томский купец 1-й гильдии Хаймович пожертвовал 100 рублей серебром. Дворяне и горожане жертвовали училищу не только деньги, но и вещи. Заводовладелица О.Н. Рошефор, например, передала сюда прекрасный рояль стоимостью

около 1200 рублей серебром, купец Н.П. Калашников – хорошее фортепьяно. Архиепископ Неофит подарил ученицам икону с образом Божией Матери, чиновница Е.Э Толмачева – билет на получение детского журнала «Рассвет». Получал благотворительные пожертвования совет и от неизвестных лиц. Общая сумма пожертвований, переданная в январе 1861 г. директору училищ, судя по отчету попечительного совета, составляла 4810 рублей 67 копеек серебром [209].

Не столь щедрым оказалось пермское дворянство. С просьбой оказать содействие Пермскому Мариинскому училищу губернатор А.Г. Лошкарев обратился к землевладельцам в 1862 г. После длительной переписки часть богатейших помещиков-заводовладельцев согласилась ежегодно жертвовать в пользу училища по одной копейке с десяти десятин земли, но сделала при этом весьма оскорбительную оговорку. Дворяне заявили, что «так как Пермское училище собственно основано для городских обывателей, то им самим более всего было бы нужно озаботиться приисканием средств к поддержанию этого полезного для города заведения» [210].

Равнодушие землевладельцев к судьбе уральского края вызывало недоумение и даже обиду у местного общества. В своем отчете императору в 1868 г. губернатор Пермской губернии писал: «Владельцы огромных дворянских имений ни постоянного, ни временного жительства ни в губернии, ни в самых имениях не имеют, и потому тот оживляющий и передовой элемент в разрешении экономических местных вопросов, какой проявляется от присутствия на местах дворян-землевладельцев в других губерниях Европейской России, в Пермской губернии весьма слаб» [211]. Исключение составляли наиболее богатые и просвещенные дворяне. Их имена остались в числе меценатов женского училища. 6 марта 1862 г. император разрешил учредить при Пермском Мариинском училище стипендии Лазарева, Яковлева и Демидова [212].

Активно участвовала в поддержании Мариинского училища местная интеллигенция. По инициативе любителей просвещения 12 сентября 1860 г. в Перми состоялся литературно-музыкальный вечер, сборы от которого были переданы в пользу женского училища. Организаторами благотворительного мероприятия были Дмитрий Смышляев, Николай Фирсов, Вячеслав Всеволодов, Василий Ежов, Иван Клопов, Павел Кочевский, Василий Больтерман. Посетила литературно-музыкальный вечер почти

вся образованная пермская публика. Среди участников его были сам губернатор К.И. Огарев, директор училищ И.Ф. Грацинский, местные благородные дамы: графиня О.Н. Рошефор, М.П. Смышляева, М.Ф. Ильина, В.С. Квашнина и др. Многие из них, помимо обязательной платы за билет, вносили дополнительные суммы. Общий сбор во время концерта составил 446 рублей серебром [213]. 8 ноября 1860 г. смышляевский кружок устроил еще один вечер в пользу женской гимназии. Доходы от него составили 131 рубль серебром [214].

Обучение в Пермском Мариинском училище было платным. За слушание обязательных предметов с каждой ученицы взимали по 15 рублей серебром в год. Если девочка слушала еще и необязательные предметы, то родители платили 20 рублей, при занятиях танцами, музыкой и рисованием – добавляли еще 5 рублей. Сборы с учениц составляли большую часть училищного бюджета. В 1860/1861 учебном году с девочек было собрано около 2 тысяч рублей серебром. В Пермское Мариинское училище принимались дети всех свободных состояний в возрасте не менее 8 лет. Беднейшие ученицы могли просить попечительный совет освободить их от платы за обучение. В 1860/1861 учебном году такое разрешение получили 12 девочек (11 % от числа всех воспитанниц).

Девочки приезжали в училище не только из Перми, но и из других городов. Приезжие жили на частных квартирах и в пансионах классных дам. Оплата пансиона, согласно требованию попечительного совета, не должна была превышать 1 рубль серебром в год. В 1860/1861 учебном году в пансионах жили 19 девочек. За условиями их проживания следили начальница и попечительница училища.

Курс преподавания в Пермском Мариинском училище включал в себя обязательные и необязательные предметы. Необязательным считались французский, немецкий и английский языки, рисование, а также обучение пению, музыке и танцам. В 1861 г. вести английский язык вызвался помощник старшего секретаря Пермского губернского правления Самуил Пенн. Остальные предметы вели преподаватели местной гимназии и частные лица. В 1861 г. в женском училище работали законоучитель, 3 учителя наук, учителя французского, немецкого и английского языков, рисования, чистописания. Почти все учителя из-за крайней ограниченности средств в училище в течение нескольких лет работали бесплатно. В 1860/1861 учебном году оплачивались лишь

уроки немецкого языка [215]. Вел их бывший гражданин Риги Юлий Линке. Из средств женского училища он получал 200 рублей серебром [216]. Решение о безвозмездной помощи женскому училищу преподаватели приняли совместно на заседании педагогического совета гимназии 5 сентября 1860 г. [217]. Это постановление педагогического совета стало одним из побудительных толчков для образования женского училища.

Необходимо заметить, что бесплатная работа учителей в женской гимназии была не очень продолжительной. В 1863 г., судя по именным спискам учителей, они уже получали здесь жалованье. Законоучитель гимназии протоиерей Иоанн Лебедев имел по женскому училищу заработную плату в 450 рублей, учитель естественных наук Иван Лейман – 240 рублей, учитель латинского языка Яков Предтеченский – 240 рублей, учитель математики Александр Орлов – 240 рублей, учитель грамматики Василий Соловьев – 480 рублей, учитель географии Павел Иванов – 480 рублей, учитель рисования Василий Ильин – 470 рублей [218].

Разместилось училище первоначально в съемном доме статского советника Парначева. Пожертвованный купцом Ф.К. Каменским дом оказался не совсем удобным для проведения занятий. Он требовал больших исправлений. Ремонт при ограниченности средств училища мог затянуться на долгие годы. Попечительный совет училища принял решение сдать этот дом в аренду под контору вольных почт. От аренды училище получало ежегодно 500 рублей серебром, за пользование же съемным домом платило 600 рублей [219]. В отремонтированный и исправленный дом Каменских женское училище переехало лишь через несколько лет.

В Екатеринбурге инициативу создания женского гимназического образования взяло на себя горное начальство. "Пермские губернские ведомости" сообщают, что «первейшим ревнителем» в этом деле был главный начальник заводов хребта Уральского генерал-лейтенант Федор Иванович Фелькнер [220]. Инициативу поддержало городское общество. Почетные граждане и купцы Екатеринбурга разрешили городской думе в течение 12 лет собирать с них по 1/4 % с каждого рубля объявляемого капитала, мещане – по 3 % платимых ими податных денег. Сверх того дума постановила ежегодно выделять на нужды вновь учреждаемого училища по 600 рублей из процентов с запасного городского капитала. Таким образом, была собрана необходимая для

существования учебного заведения сумма в 2165 рублей, которая позволила ему начать работу [221].

Торжественное открытие Екатеринбургского женского училища II разряда состоялось 31 июля 1860 г. В классы пришли 43 ученицы. К 1 января 1864 г. их число увеличилось до 110. Как и в Перми, большую часть учениц составляли дети дворян и чиновников (66 человек – 60 %). Остальные происходили из семей духовенства (9 человек – 8,2 %) и городских сословий (35 человек – 31,8 %) [222]. Екатеринбургское училище, как и Пермское, действовало на основании Положения от 10 мая 1860 г. Руководили им попечительный и педагогический советы. Начальницей училища решением попечительного совета была назначена вдова полковника Агнесса Протасова. Попечительницей избрали супругу уральского берг-инспектора Ольгу Строльман. Обязанность почетного попечителя с разрешения министра внутренних дел взял на себя горный начальник Екатеринбургских заводов полковник Н. Штейман.

Преподавали в женском училище учителя местных мужских училищ. В 1860/1861 учебном году здесь числилось 6 учителей наук, законоучитель, учитель рисования и учительница рукоделия. В 1861/1862 учебном году к ним прибавилась еще и учительница музыки. Работали на этих должностях, судя по отчету попечительного совета, пять учителей Екатеринбургского уездного училища, один чиновник Екатеринбургской конторы госбанка, два иностранца и два частных лица [223]. Помимо обязательных для женских училищ II разряда уроков, девочки могли изучать необязательные предметы. К их числу первоначально были отнесены французский язык и рисование. В 1861/1862 учебном году в число необязательных предметов вошли немецкий язык и музыка. За слушание обязательных предметов родители учениц платили 10 рублей серебром в год. Беднейшие ученицы, как и в Перми, имели право на освобождение от оплаты. В 1860/1861 учебном году от платы за обучение было освобождено 11 учениц (20 % всех обучающихся) [224].

Екатеринбургское женское училище без благотворительных взносов вряд ли могло выжить. Самым щедрым среди жертвователей был заводовладелец И.А. Яковлев. В 1860 г. он передал училищу 5 тысяч рублей серебром. Городское общество переводило в пользу училища ежегодно около 2 тысяч рублей. Известный в будущем историк и педагог Н.К. Чупин обязался ежегодно отчислять в пользу женского училища часть денег из своего

жалованья [225]. Законоучитель женского училища священник Ф. Зубарев пожертвовал причитавшееся ему жалованье (12 рублей 49 копеек) на покупку книг для бедных учениц. Священник Н. Милордов обязался ежегодно передавать в училище половину своего жалованья на содержание пяти бедных учениц преимущественно духовного звания [226]. Учителя передавали в пользу училища книги и учебные пособия.

Поддержка общества позволила учебному ведомству расширить круг преподаваемых в училище предметов и повысить его статус. 18 августа 1862 г. попечитель Казанского учебного округа принял решение о преобразовании Екатеринбургского женского училища в учебное заведение I разряда. Разместилась Екатеринбургская женская гимназия первоначально в съемном помещении. В 1863 г. отставной генерал-майор золотопромышленник Ушаков пожертвовал ей достаточно просторный дом [227].

Жители небольших городов Пермского края остались в стороне от развернувшегося движения в поддержку женского образования. Один из корреспондентов "Пермских губернских ведомостей" в 1864 г. с горечью замечал по этому поводу: «К сожалению, при доверии к приходским училищам, местные общества вообще мало оказывают длительного сочувствия и материального содействия училищам». Все изменения в учебной системе небольших городов, с точки зрения современника, происходили прежде всего благодаря настоятельным просьбам учебного начальства, влиянию городских голов или высшей административной власти [228].

В 1863 г. в Пермской губернии действовало лишь 5 самостоятельных женских школ (при 12 уездных городах). Три из них (Ирбитская, Кунгурская и Верхотурская) давали детям начальное образование. Несколько повышенный курс имела Ирбитская женская школа, открытая в 1859 г. Помимо обычных для приходских школ предметов, здесь преподавались начала русской грамматики, краткая русская история, краткая русская география, рукоделия. В школе было три класса, в которых работали учителя уездного училища. К 1864 г. здесь было 5 учителей и надзирательница.

С.А. Удинцев отмечает, что женской школе ирбитское общество уделяло больше внимания, чем мужскому приходскому училищу. В женской школе был более значительный объем преподаваемых предметов, а также лучше рабочее помещение.

Уездное и приходское училища размещались в одном здании и крайне стесняли друг друга. На приходское училище, в котором число учащихся иногда достигало 100 человек, выделялась лишь одна комната, в которой занимались два учителя. Женская приходская школа имела просторную наемную квартиру и располагалась достаточно удобно [229]. Ежегодно школа получала на свое содержание от общества 946 рублей 98 копеек серебром. В 1863 г. здесь училось 37 девочек: 3 (8,1 %) – из дворян и чиновников; 1 (2, 7%) – из духовенства; 32 (86,5 %) – из купеческих и мещанских семей; 1 (2,7 %) – из разночинцев или сельских сословий [230].

Кунгурское женское училище, открытое 19 февраля 1863 г. на основе уже существовавшего женского отделения первого приходского училища, имело два класса. Помимо обычных предметов приходской школы, здесь преподавались в сокращенном виде русская история и география, чистописание, рисование и шитье. Во втором классе для окончания полного курса девочкам полагалось учиться два года. Таким образом, они получали по сути трехклассное начальное образование [231]. К началу реформы 1864 г. в училище обучалось 50 девочек (5 – из семей дворян и чиновников, 1 – из духовенства, 39 – из городских, 5 – из сельских сословий). Размещались классы, как и первое приходское училище, в здании уездного училища и пользовались его библиотекой и учебными пособиями. Преподавали здесь учителя того же уездного и первого приходского училищ (3 человека). Собственных средств школа не имела, она содержалась общим хозяйством с первым приходским училищем [232].

Верхотурское женское училище, открытое 17 апреля 1863 г., давало детям лишь элементарные знания. В 1863 г. здесь работал всего один класс (3 преподавателя), в котором обучалось 37 девочек (7 – из дворян и чиновников, 1 – из духовенства, 26 – из городских, 3 – из сельских сословий). Размещалась школа в одном здании с приходским училищем. От городской думы школа получала только 150 рублей в год [233].

Городские общества Вятской губернии оказались более активными в поддержке женского образования. К 1864 г. здесь действовало 8 женских школ (при 12 уездных городах). Более демократичным, чем в Пермской губернии, был и состав учащихся. Вятское женское училище I разряда было открыто 11 октября 1859 г. Корреспондент "Вятских губернских ведомостей" в своем репортаже об этом событии высказал искреннюю благо-

дарность купечеству Вятки. Именно это сословие он назвал «настоящим виновником торжества» – купечество приняло самое живое участие в деле создания училища [234]. Приговором общества вятские купцы постановили ежегодно в течение 12 лет жертвовать в пользу женской гимназии по одному проценту с объявляемого ими капитала [235]. Сбор этот должен был составить до 2700 рублей.

В первые же недели после открытия школы в нее записались 65 девочек. К 1864 г. их число возросло до 122. Значительную часть среди них, в отличие от Пермской школы, составляли дочери местных купцов и мещан. В 1859 г. из числа местных дворян и чиновников происходили 23 воспитанницы Вятского женского училища (35,4 %), из духовенства – 16 (24,6 %), из городских сословий – 26 (40 %). В 1863 г. из числа дворян и чиновников было 59 (48,3 %), из духовенства – 24 (19,7 %), из городских сословий – 39 (32 %) девочек [236].

Доверие общества к училищу объяснялось прежде всего прекрасным подбором преподавателей. В первые годы существования училища здесь работали лучшие учителя Вятской мужской гимназии и других учебных заведений: законоучитель Стефан Никифорович Кашменский, преподаватель русского языка Виктор Павлович Москвин, учитель математики и физики Василий Петрович Хватунов, преподаватель истории Яков Григорьевич Рождественский и др. Все они старались на своих уроках не просто передать девочкам понятия о своем предмете, но и научить их самостоятельно мыслить.

В историческом очерке Л. Спасской приводятся отрывки из воспоминаний бывших учениц Вятского женского училища. Все они наполнены благодарными и восторженными отзывами об учителях. Большой популярностью в училище пользовался преподаватель словесности В.П. Москвин. «Солидно образованный, с речью и манерами джентльмена, он умел так себя держать, что внушал невольное уважение. И мы (ученицы гимназии) его очень уважали и внимательно слушали его уроки», – пишет А.К. Хлебникова [237]. Увлекали девочек даже такие, казалось бы, серьезные предметы, как физика и математика. Уроки эти в училище вел преподаватель В.П. Хватунов. Любимым предметом его была физика. «Он так увлекательно ее читал, – вспоминает ученица, – так умел заинтересовывать предметом, что урок физики обращался у нас в какой-то радостный праздник. Опыты, примеры, наглядное объяснение урока сопровождались

энергичными и остроумными восклицаниями и выразительными жестами нашего неподражаемого В.П., он так увлекался сам и так умел увлечь весь класс своим рассказом и объяснениями урока, что становилось досадно, когда раздавался звонок» [238].

«Многосторонне-интересны и глубокожизненны», по словам воспитанниц гимназии, были и занятия преподавателя истории Якова Григорьевича Рождественского. Он не только «проводил уроки», но и воспитывал будущих гражданок и матерей. «Нередко, – пишет А.К. Хлебникова, – Яков Григорьевич заводил речь о том, как мы должны понимать свои обязанности по выходе из школы, как относиться к чтению книг, как продолжать саморазвитие и самообразование, убеждая следовать в ненасытной жажде знаний Сократу» [239]. В лице этого преподавателя, по мнению учениц, полнее всего выражалась школьная эпоха 1860-х годов.

Особое внимание в Вятском женском училище, как, впрочем, и в других женских гимназиях, обращалось на важнейшую сторону воспитания – нравственность. Нравственное воспитание девочек было построено на религиозной основе. Каждый день при начале и окончании занятий все ученики собирались в рекреационном зале для молитвы, затем расходились по классам, до начала урока классные дамы читали им отрывки из Евангелия. Перед религиозными праздниками девочкам читали специальные книги с объяснением значения этих дат. Начальница училища строго следила за проведением уроков Закона Божия и требовала особенно старательного отношения к ним.

«Уроки закона божия нас, гимназисток, нисколько не тяготили, – пишет выпускница Вятского училища А.К. Хлебникова, – не казались неинтересными; даже катехизис, не говоря уже о событиях новозаветной истории» [240]. Нельзя не отметить, что во многом это было заслугой законоучителей гимназии. Первый законоучитель Стефан Никифорович Кашменский, по мнению многих, был выдающимся преподавателем. «Отец Стефан так умел передать нам дух Христова учения, что, казалось, он входил в плоть и кровь нас самих, и мы глубоко прочувственно относились к этим его урокам», – признавались ученицы [241]. Необыкновенным педагогическим талантом был одарен и законоучитель Николай Александрович Попов, сменивший в 1862 г. отца Кашменского.

Большое влияние на формирование нравственного облика воспитанников оказывала начальница училища Екатерина Ни-

колаевна Сычугова. В Вятку она приехала в 1860 г. и покинула пост только через 13 лет, оставив о себе самые добрые воспоминания. Л. Спасская пишет, что ученицы провожали Е.Н. Сычугову со слезами и долго не могли привыкнуть в заменившей ее новой начальнице. Екатерина Николаевна закончила свою жизнь монахиней в одном из московских монастырей, но и до пострижения она была настоящей монахиней по образу жизни и по чувствам. «Всегда одетая в черное, кроткая, скромная до застенчивости, она делила свою жизнь между трудами по гимназии и молитвами», – пишет Л. Спасская [242].

Несмотря на сочувствие общества материальное положение Вятского женского училища было очень скудным и неустойчивым. Пособий от министерства народного просвещения оно не получало. Сбор, поступавший с купеческого капитала, был далек от обещанных 2700 рублей. Уже в 1861 г. купцы внесли в пользу училища всего 1254 рубля. В ответ на упреки попечительного совета и начальника губернии городская дума отвечала, что она неоднократно призывала купцов к участию в сборе, но многие из них от него отказались. Приговор же был обязателен лишь для тех, кто его подписал. С этим доводом администрация вынуждена была согласиться [243].

Взносы учениц за обучение не могли спасти положение. В 1863 г., например, их поступило всего 907 рублей 50 копеек [244]. Этих средств было совершенно недостаточно для нормального функционирования училища (институты ведомства императрицы Марии имели в это время не менее 8 тысяч рублей дохода). Для поддержания деятельности училища попечительному совету приходилось искать дополнительные источники доходов. Самым крупным из них были пожертвования горожан.

Чиновники Вятки постановили ежегодно выделять в пользу училища по 0,5 % от своих должностных окладов. В первый год существования училища этот взнос составил 67 рублей, во второй год – 238 рублей. Кроме того, в том же 1859 г. вятский губернатор передал училищной администрации казначейский билет в 3150 рублей, пожертвованный купцом 1-й гильдии Лохвицким на расходы по городу [245]. По подписке от разных лиц при открытии училища было собрано 284 рубля, 200 рублей передал почетный гражданин Кузнецов.

В 1860/1861 учебном году купец Лохвицкий передал училищу 1 тысячу рублей серебром, купец Шувалов – 300 рублей, коллежский асессор Грек – 150 рублей. Денежные средства в поддержку

женскому училищу собрало и духовенство Вятской епархии. В 1861 г. его взнос составил 330 рублей. 500 рублей передал училищу благотворитель, пожелавший остаться неизвестным [246]. В 1861/1862 учебном году самым крупным благотворителем женского училища был уржумский откупщик Кашников. Он передал училищу 1 тысячу рублей серебром. Неплохой доход давали благотворительные спектакли, литературные вечера и лотереи-аллегри, устраивавшиеся обществом в пользу училища. Первая лотерея принесла училищу 1147 рублей 65 копеек. В целом же благотворительные пожертвования в течение первых пяти лет дали женскому училищу около 12 тысяч рублей серебром [247].

Расположилось училище первоначально в небольшом наемном помещении. Оно заняло мезонин и средний этаж каменного дома Спасского собора [248]. Через год с увеличением числа учениц это помещение перестало удовлетворять училище, и оно переехало в другое здание, также неудобное для проведения занятий. В 1861 г. попечительный совет решил приобрести для училища собственное здание. Оно было куплено у генерал-майора Андреева за 4500 рублей. Деревянный одноэтажный дом с двумя флигелями приютил училище на шесть лет. В 1867 г. он был вновь продан. По условию с генерал-майором Андреевым, 2500 рублей были уплачены ему сразу. На это попечительный совет вынужден был израсходовать казначейский билет, пожертвованный училищу купцом Лохвицким. Оставшиеся деньги числились долгом домовладельца Анфилатовскому слободскому банку. Они были уплачены в 1865 г. [249].

На обучение в Вятское женское училище I разряда принимались девочки всех свободных сословий не моложе 9 лет. От поступающих воспитанниц требовалось знание необходимых молитв, умение читать и писать по-русски, а также правильно называть и писать числа. Богатые родители платили за обучение детей по 10 рублей серебром в год, девочки из малообеспеченных семей принимались без всякой платы. Число бедных детей в училище было достаточно велико. В течение первого года бесплатно здесь обучалось 12 человек (18,5 % всех учащихся) [250].

В соответствии с Положением, здесь также преподавались обязательные и необязательные предметы. Обязательные предметы слушали все ученицы, необязательные – желающие, за дополнительную плату. Ежедневно в школе проводилось по три обязательных урока в дообеденное время. Уроки длились по одному часу десять минут [251].

Учебный курс женского училища был близок к программе мужской гимназии. В 1860/1861 учебном году здесь изучались Закон Божий, русский язык, арифметика, география всеобщая и русская, история всеобщая и русская, начальные основания естественных наук и физики, геометрия, чистописание и рукоделие. В качестве необязательных предметов, по желанию родителей, в первые годы обучения были выбраны французский язык (в 1860/1861 учебном году им занимались 6 учениц) и танцевание (в этой группе обучающихся было 43 ученицы). В 1863/1864 учебном году добавились немецкий язык, пение и музыка. После введения полного курса образования Вятское женское училище было принято под высочайшее покровительство императрицы Марии Александровны. 8 ноября 1865 г. оно получило право именоваться Мариинской женской гимназией [252].

Руководили училищем попечительный и педагогический советы. В соответствии с Положением от 10 мая 1860 г., в попечительный совет училища вошли постоянные и выборные члены. Постоянными членами первого попечительного совета были почетная попечительница училища Елизавета Николаевна Клингенберг, начальница училища Елизавета Евграфовна Аникина, директор гимназии Иван Михайлович Глебов и городской голова Яков Алексеевич Прозоров. Позднее к ним присоединился совестный судья губернии Павел Александрович Механцев, заступавший в Вятке должность губернского предводителя дворянства. Он же исполнял и обязанности председателя попечительного совета. От дворянства и купечества Вятки в попечительный совет женского училища были избраны правитель канцелярии начальника Вятской губернии Михаил Степанович Мусерский и потомственный почетный гражданин Аркадий Иванович Машковцев [253].

Учебные дела женского училища обсуждались на заседаниях педагогического совета. Председателем совета в первые годы существования училища был директор мужской гимназии Иван Михайлович Глебов. Дореволюционные историки-краеведы, опубликовавшие в сборнике, посвященном 100-летию Вятской губернии, историко-статистические сведения об учебных заведениях края, называют этого человека самым активным поборником идеи женского образования. В период его директорства в Вятской губернии открылось 12 женских училищ. Все эти училища директор И.М. Глебов, говоря словами учителя гимназии

Я.Г. Рождественского, «восприял при самом рождении, повел и поставил на ноги» [254].

Самое деятельное участие директор И.М. Глебов принял в создании Вятского женского приходского училища. Необходимость низшего женского образования жители города почувствовали после начала работы перворазрядного училища. Многие девочки, поступившие в него, оказались не готовы к восприятию сложной программы, необходимо было подготовить их к поступлению в высшие классы. Приходское училище для девочек в Вятке было открыто 18 сентября 1860 г. Для экономии расходов его разместили в помещении первого мужского приходского училища. Как и в Пермской губернии, девочки учились в приходском училище в послеобеденное время, после окончания уроков у мальчиков. Образование для девочек было бесплатным, уроки вели учитель мужского приходского училища и священник-законоучитель [255].

Собственных средств школа не имела. Она содержалась общим хозяйством с приходским мужским училищем и получала небольшие пожертвования от горожан и чиновников. В 1860 г., например, как сообщают "Вятские губернские ведомости", во время осмотра училища директор И.М. Глебов заметил, что многие ученицы «худо обуты и не имеют сколько-нибудь сносной верхней одежды, чтобы защитить себя от холода». После донесения об этом начальнику губернии были найдены средства для того чтобы обуть и одеть бедных детей. Они получили верхнюю одежду «небогато, но прочно построенную» [256].

Сразу после начала занятий в Вятскую приходскую женскую школу пришли 20 учениц. Через два месяца их число удвоилось. К 1864 г. здесь учились уже 45 девочек. 14 из них (31,1 %) происходили из семей дворян и чиновников, 1 (2,2 %) – из духовенства, 28 (62,2 %) – из купечества и мещанства, 2 (4,5 %) – из разночинцев или сельских сословий [257]. Приходская женская школа стала достаточно популярной в малообеспеченных семьях, которые предпочитали ограничивать образование девочек бесплатным начальным образованием.

Первое уездное женское учебное заведение в Вятской губернии открылось в городе Слободском. Купеческое и мещанское общество, собравшееся по инициативе городского головы почетного гражданина Александрова в конце ноября 1858 г., постановило открыть в городе женское училище II разряда с приготовительным классом. Деньги на содержание училища решено бы-

ло отпускать из прибыльных сумм Слободского Анфилатовского банка. Ежегодная смета расходов по училищу составляла 2 тысячи рублей серебром.

Помещение для занятий девочек также было приобретено на деньги Слободского банка. В собственность банка в 1859 г. был приобретен каменный двухэтажный дом купцов Косаревых. Дом находился в центре города и был одним из лучших его строений. Обзаведение ее мебелью и учебными пособиями городское общество взяло на себя.

Занятия в Слободском женском училище II разряда начались 13 декабря 1859 г. Принимались сюда дети всех свободных сословий. Решением городского общества деньги за обучение брались только с приезжих воспитанниц (по 10 рублей серебром в год), городские же девочки обучались в училище бесплатно [258]. Хозяйственное управление школой, согласно Положению от 10 мая 1860 г., осуществлял попечительный совет. В 1861/1862 учебном году он включал уездного судью А.М. Лалетина, штатного смотрителя уездного училища В.А. Коробова, городского голову А.А. Прозорова, начальницу училища А.П. Орлову. Купечество и чиновников в попечительном совете представляли почетный гражданин Н.А. Платунов и коллежский асессор Ю.П. Кулев. Попечительницей училища была избрана почетная гражданка Юлия Васильевна Герасимова.

Учителями в женском училище работали преподаватели Слободского уездного училища. В 1860/1861 учебном году это были: учитель арифметики и геометрии Николай Шишкин, учитель русского языка Павел Любимов, учитель истории и географии Петр Хренов, учитель рисования, черчения и чистописания Василий Резунов. Закон Божий преподавал законоучитель священник Николай Мышкин [259]. В училище работало три класса.

Бесплатное Слободское женское училище было одним из самых больших в губернии. К 1864 г. в нем обучались 66 девочек. Приготовительный класс, кроме того, посещали еще 59 учениц. Среди воспитанниц училища было 4 девочки (6,1 %) из числа дворян и чиновников, 2 (3 %) – из духовенства, 57 (86,4 %) – из купечества и мещанства, 3 (4,5 %) – из сельских сословий. В приготовительном классе 2 девочки (3,4 %) были выходцами из дворян и чиновников, 3 (5,1 %) – из духовенства, 54 (91,5 %) – из городских сословий [260].

Большую поддержку городского общества идея развития женского образования получила и в уездном городе Елабуге.

Ходатайство об открытии здесь женского училища было направлено попечителю Казанского учебного округа вскоре после обращения правительства об устройстве в городах и поселениях женских учебных заведений. Решение о поддержке училища городское общество приняло приговором от 2 ноября 1858 г. Основываясь на этом решении, директор училищ И.М. Глебов рассчитал смету училища. По его подсчетам, содержание школы должно было обойтись обществу в 1900 рублей серебром. Столь большую сумму, однако, купцы и мещане платить отказались. Приговором городского общества от 17 мая 1859 г. смета была урезана до 1 тысячи рублей. На содержание приготовительного класса общество решило дополнительно выделять 242 рубля. Для покрытия этих расходов первоначально решено было взимать с купеческих капиталов 1-й гильдии 18 рублей 75 копеек в год, с капиталов 2-й гильдии – 7 рублей 50 копеек, с капиталов 3-й гильдии – 3 рубля 50 копеек. Предполагалось, что впоследствии большая часть расходов будет покрываться из взносов за обучение детей состоятельных родителей.

Занятия в Елабужском женском училище II разряда открылись 8 сентября 1860 г. Разместилось оно вместе с уездным училищем в новом прекрасном двухэтажном здании, построенном на деньги, пожертвованные городу потомственным почетным гражданином, купцом 1-й гильдии Капитоном Яковлевичем Ушковым. Специальная комната в доме была выделена для занятий приготовительного класса училища.

Как и в других женских учебных заведениях, управление Елабужским училищем осуществляли попечительный и педагогический советы. В первый попечительный совет вошли уездный судья А.И. Горбалев, штатный смотритель уездного училища С.А. Смирнов, городской голова Н. И. Ушков, начальница училища Е.Я. Дмитриева. Выборными членами от чиновничества и купечества города стали городовой врач Николай Александрович Иозефович и купец Капитон Яковлевич Ушков. Почетной попечительницей училища была избрана потомственная почетная гражданка Аграфена Александровна Чернова.

Непосредственное руководство школой было доверено начальнице училища. Первая начальница Е.Я. Дмитриева была достаточно опытным педагогом. Образование она получила в Санкт-Петербургском Патриотическом институте. Перед поступлением на должность в Елабужское женское училище несколько лет работала воспитательницей в Казанском духовном

училище. Наставницей приготовительного класса была назначена выпускница Казанского женского духовного училища Н.С. Троянская [261].

Педагогический совет состоял из начальницы и учителей училища. В 1860 г. в него входили начальница училища Е.Я. Дмитриева, штатный смотритель уездного училища С.А. Смирнов, законоучитель священник П. Порфирьев, учитель русского языка уездного и женского училищ и секретарь педагогического совета А.Н. Калугин, учитель истории и географии А.А. Казаринов, наставница приготовительного класса Н.С. Троянская. Преподавались в училище в это время Закон Божий, катехизис, русский язык и письмо, грамматика, чтение, арифметика, история, география, чистописание и рукоделие. В приготовительном классе дети учились читать и писать, а также узнавали правила нумерации и главнейшие молитвы.

При открытии Елабужского женского училища на занятия явилось 24 ученицы, 31 воспитанница поступила в приготовительный класс. В отличие от губернского женского училища, численность учащихся здесь почти не увеличивалась. К 1 января 1864 г. в высших классах школы числилось всего 35 человек. Из них 7 (20 %) происходили из дворянства и чиновничества, 2 (5,7 %) – из духовенства, 26 (74,3 %) – из городских сословий. В приготовительном классе в это время учились 25 девочек, из них 1(4 %) – из дворянства и чиновничества, 1 (4 %) – из духовенства, 19 (76 %) – из купечества и мещанства, 4 (16 %) – из разночинцев и сельских сословий [262].

Среди воспитанниц было много бедных девочек. Их родители не имели средств даже для того, чтобы купить детям необходимые для обучения классные принадлежности. Попечительный совет оказывал таким ученицам материальную помощь. Классные принадлежности им выделялись бесплатно, многие освобождались от платы за учение. В 1861/1862 учебном году купцы Елабуги приняли на себя оплату обучения 17 наиболее бедных учениц. За двоих из них средства вносил городской голова Н.И. Ушков [263]. Расчеты городского общества на то, что большая часть расходов по училищу будет покрываться из взносов учениц, не оправдались. Даже через несколько лет, в 1863 г., от воспитанниц в кассу училища поступило всего 135 рублей. Невелики были и добровольные пожертвования. В 1861 г., например, они составляли 62 рубля, в 1863 г. – 148 рублей [264].

Помимо Слободского и Елабуги, второразрядное женское училище было основано в 1860 г. городе Котельниче. Для поддержания училища купцы города согласились ежегодно жертвовать училищу с гильдейских капиталов 1-й гильдии по 20 рублей, 2-й гильдии – 10 рублей, 3-й гильдии – 1 рубль серебром. Сверх того, решено было брать сборы при совершении браков с жениха и невесты: если это купцы 1-й гильдии – 36 рублей, 2-й гильдии – 19 рублей, 3-й гильдии – 5 рублей, если мещане – 80 копеек. При крещении детей также взыскивали в пользу женской школы: если это были дети купцов 1-й гильдии – 5 рублей, 2-й гильдии – 3 рубля, 3-й гильдии – 1 рубль серебром. Недостаток всех этих сборов можно было, по мнению общества, компенсировать частью городских доходов.

Большую помощь создающемуся училищу оказал городской голова Михаил Иванович Кардаков. В 1858 г. купец объявил, что до формального учреждения училища он обязуется содержать его за свой счет и с этой целью жертвует училищу собственный дом, а также выделяет деньги на оплату работы школы в течение первого года [265]. Помимо этого, супруга купца Надежда Дмитриевна Кардакова выразила желание в случае, если ее изберут почетной попечительницей училища, ежегодно жертвовать в его пользу 100 рублей серебром [266].

Открытие второразрядного училища, однако, задержалось из-за того, что оно не могло набрать учениц. Для многих жителей Котельнича плата за обучение в 10 рублей серебром казалась неподъемной. Для того чтобы ускорить начало женского образования в городе, городской голова купец М.И. Кардаков предложил открыть первоначально бесплатное приходское училище. Все необходимые расходы он взял на себя. На средства купца оплачивалась квартира, в которой разместилось училище, была закуплена мебель, выплачивалось жалованье наставнице и преподавателям. Бедных учениц М.И. Кардаков снабдил учебными книгами и всеми другими классными принадлежностями. Занятия в приходском училище открылись 26 декабря 1859 г. В первые недели в школу пришло 37 учениц. Среди них 7 (18,9 %) происходили из числа дворян и чиновников, 2 (5,4 %) – из духовенства, 27 (73 %) – из купечества и мещанства, 1 (2,7 %) – из разночинцев или сельских сословий [267].

Через год, 12 декабря 1860 г., приходская школа была преобразована во второразрядную. Почетной попечительницей второразрядного женского училища в Котельниче была избрана На-

дежда Дмитриевна Кардакова, начальницей – Александра Лебедева. Преподавали здесь, как и в других уездных женских школах, учителя местного уездного училища. С начала учебного года 1 сентября до официального открытия второразрядного училища 26 декабря 1860 г. все они работали бесплатно. Разместилась школа в наемном доме. Расходы по найму оплачивал сначала купец М.И. Кардаков, а затем городское общество [268].

В первые дни работы в женскую второразрядную школу пришли 26 учениц, подготовленных в приходском училище [269]. К 1864 г. их число увеличилось до 32. Среди них 5 (15,6 %) происходили из дворян и чиновников, 4 (12,5 %) – из духовенства, 21 (65,6 %) – из купечества и мещанства, 2 (6,3 %) – из разночинцев и сельских сословий.

Приходское женское училище в Котельниче после открытия второразрядного училища продолжало свою работу. В 1863 г. в нем учились 24 девочки. Среди них 1 (4,2 %) происходила из числа чиновников, 2 (8,3 %) – из духовенства, 20 (83,3 %) – из купечества и мещанства, 1 (4,2 %) – из городских сословий. Городское общество переводило на содержание приходской женской школы ежегодно 252 рубля. Располагалось оно в одном доме с второразрядным женским училищем [270]. Помимо Вятки и Котельнича, к началу школьных реформ 1864 г. приходские женские школы были созданы в Сарапуле (1860 г.) и Глазове (1863 г.). Сарапульское общество еще в 1858 г. выразило готовность жертвовать в пользу женской школы ежегодный взнос с купцов 2-й гильдии – по 4 рубля серебром, с купцов 3-й гильдии – по 3 рубля, а с мещан – по 18 копеек [271]. Женское приходское училище в Сарапуле начало свою работу 10 мая 1860 г. [272]. К 1 января 1864 г. в нем числилось 46 учениц. Из них 6 (13 %) происходили из дворян и чиновников, 2 (4,3 %) – из духовенства, 35 (76,1 %) – из купечества и мещанства, 3 (6,6 %) – из разночинцев или сельских сословий. На свое содержание Сарапульское училище получало 552 рубля из городской думы.

Глазовское приходское училище, открытое в 1863 г., к началу 1864 г. было совсем небольшим. В нем учились всего 7 девочек: 1 – из семьи чиновника, 4 – из купечества и мещанства, 2 – из сельских сословий. Разместилась женская школа в одном помещении с мужской приходской школой. Городское общество положило отпускать на ее содержание по 150 рублей серебром в год [273].

Корреспонденты "Вятских губернских ведомостей" с удовлетворением отмечали, что благодаря инициативе и помощи городских обществ их губерния намного опережает своих соседей по развитию женского образования. Редактор Н. Золотницкий писал по этому поводу в 1860 г.: «Мы скажем только, что этот факт относится к числу неоспоримых доказательств того, что современное общество в краткий период времени ушло далеко вперед от того состояния, когда оно все заботы о своем благосостоянии слагало с себя на плечи Правительства, когда передовые капитальные люди среднего сословия, проникнутые своекорыстными интересами, были далеки от сознания потребности не только общественного, но и собственного своего умственного и нравственного развития» [274].

В Оренбургской губернии активное участие в развитии женского образования приняло местное дворянское общество. После обращения губернатора о содействии в открытии женского училища крупные заводовладельцы и золотопромышленники (А.И. Коссаковская, Д.Е. Бенардаки, Н.И. Пашков, И.Ф. Базилевский и др.) пожертвовали в пользу учреждавшегося в Уфе женского училища денежные средства. Базилевский перевел сюда 1 тысячу рублей серебром, Бенардаки – 500 рублей, Пашков – 300 рублей, Коссаковская – 200 рублей. Не остались в стороне и местные купцы. Бирский бургомистр Кузнецов пожертвовал женской гимназии 247 рублей, челябинский купец Мотовилов – 250 рублей. Самым крупным жертвователем создающегося училища в то время стал статский советник Шипов. Для заведения женской гимназии он перевел 2 тысячи рублей серебром. К 1859 г. благотворительные сборы жертвователей составили 4773 рубля серебром. Эти деньги вошли в состав экономического капитала училища. Он был отдан в рост под проценты [275]. Единовременные благотворительные пожертвования поступали в пользу женской гимназии и позднее.

Помимо этого, училище имело постоянные источники доходов. Ежегодную помощь Уфимскому женскому перворазрядному училищу согласились оказывать дворяне уфимского предводительства. На собрании дворянского общества они выразили готовность ежегодно в течение 10 лет переводить на содержание училища по 1 копейке с десяти десятин владеемой ими земли. К этой инициативе присоединились дворяне стерлитамакского и бирского предводительства. Небольшое, но постоянное пожертвование переводил школе местный помещик полковник

Е.Е. Афанасьев. Купив в 1860 г. в Оренбургской губернии 3200 десятин земли, он обязался ежегодно вносить на содержание Уфимской женской гимназии по полкопейки серебром с десятины (16 рублей серебром) [276]. Золотопромышленник И.Ф. Базилевский ежегодно переводил в пользу женской гимназии 100 рублей серебром.

Проценты с пожертвованных капиталов и дворянские взносы давали школе ежегодно около 1 тысячи рублей серебром. Этих средств, однако, было недостаточно для ее стабильного существования. Ежегодное содержание перворазрядного училища, по смете, должно было уложиться в сумму 3750 рублей [277].

Большую надежду организаторы гимназии возлагали на помощь городских обществ. Предполагалось, что города губернии предоставят в пользу женского перворазрядного училища по 1% с рубля запасных городских капиталов. Этот источник ежегодно мог давать училищу 2022 рубля серебром. Уфимское купечество, помимо этого, согласилось отдавать школе по полкопейки с рубля объявленных гильдейских капиталов, что составляло около 600 рублей в год, а приказ общественного призрения – ежегодное пособие в 429 рублей.

События, однако, стали развиваться несколько иначе. Самые крупные города Оренбургской губернии (Оренбург, Мензелинск, Бирск, Челяба, Троицк) предпочли использовать свои средства на создание собственных женских училищ. Уфимское перворазрядное училище, таким образом, лишилось самого главного источника содержания. Для экономии расходов губернской администрации пришлось временно сократить штаты училища и число преподаваемых в нем предметов. Сокращено было и число классных дам. Вместо положенных шести классов здесь создавалось три. В первом и втором дети учились по одному году, в третьем – три года. Надзирала за девочками в первом классе учительница рукоделия, во втором – классная дама, в третьем – инспектриса. Как и во многих других женских школах, часть учителей в Уфимском женском училище согласилась работать бесплатно [278].

Открылось Уфимское женское училище I разряда 18 декабря 1860 г. 15 июня 1865 г. оно было переименовано в Мариинскую женскую гимназию [279]. В первые недели работы училище приняло 35 учениц. К 1864 г. их число возросло до 69. Среди них 48 (69,6 %) происходили из дворян и чиновников, 1 (1,5 %) – из духовенства, 13 (18,8 %) – из купечества и мещан-

ства, 7 (10,1 %) – из разночинцев или сельских сословий [280]. В круг образования девочек были включены Закон Божий, русский, французский и немецкий языки, история, география, арифметика, физика и рукоделие. Начала геометрии и естественной истории, положенные для преподавания в женских гимназиях, в Уфимском училище I разряда первоначально не преподавались.

На содержание училища в 1863 г. поступало 429 рублей из Приказа общественного призрения, 798 рублей – из взносов за образование, 2240 рублей 54 копейки – из пожертвований. Оренбургское общество не оставляло женское училище без внимания. С августа 1861 г. по апрель 1863 г., судя по отчету попечительницы, дворянское общество передало сюда 738 рублей 50 копеек, заводовладельцы – 550 рублей, уфимское купечество – 281 рубль 25 копеек, оренбургское купечество – 511 рублей. Поступали на нужды училища и частные пожертвования. В 1861 – 1863 гг. училище получило 950 рублей от статского советника Шипова, 300 рублей – от почетного гражданина В.Н. Рукавишникова, 100 рублей – от троицкого городского головы В.М. Пупышева. В 1864 г. 456 рублей было переведено сюда золотопромышленником И.Ф. Базилевским, 100 рублей – оренбургским и самарским генерал-губернатором А.П. Безаком [281].

Своеобразный способ материальной помощи гимназии нашла его попечительница Софья Александровна Аксакова. По ее инициативе в Уфе был построен театр. Здание театра стало собственностью женского училища. Строительство театрального здания было достаточно затратным мероприятием. Попечительному совету оно обошлось в 9562 рубля 93 копейки. Однако уже весной 1864 г. театр стал приносить прибыль. Светское общество с удовольствием посещало его представления. Спектакли и балы, данные в здании уфимского театра, принесли женской гимназии зимой 1862–1863 гг. 3145 рублей 40 копеек, зимой 1863-1864 гг. – 3011 рублей 60 копеек [282].

Не менее активным в развитии женского образования было общество Оренбурга. Женское училище II разряда здесь было открыто 17 марта 1860 г. Основные средства оно получило от городских сословий. Купцы Оренбурга обязались в течение 12 лет жертвовать в пользу женского училища по 10 % с цены торгового свидетельства, а также платить своеобразный налог с торговых доверенностей приказчикам: при выдаче с них взималось в пользу женского училища по 1 рублю 50 копеек. Мещане

Оренбурга обещали ежегодно жертвовать училищу по 10 копеек с каждой ревизской души. Ежегодные купеческие пожертвования по расчетам, должны были составить около 1368 рублей, мещанские – 282 рубля.

Программа Оренбургского женского училища II разряда включала Закон Божий, краткую русскую грамматику, русскую историю и географию, первые четыре действия арифметики, чистописание и рукоделие. Курс обучения был рассчитан на три года. Как и остальные женские учебные заведения этого ранга, оно находилось под управлением попечительного и педагогического советов. Дети купцов и мещан в училище обучались в нем бесплатно. Разночинцы и другие сословия платили по 12 рублей серебром в год. При этом от оплаты освобождались сироты и дети бедных родителей. Положение об училище ограничивало их число: пособие на обучение могли получать лишь 15 девочек [283]. Финансирование училища осуществлялось в основном за счет средств городского общества и благотворительных пожертвований. В 1863 г., например, училище получило в качестве платы за учение всего 174 рубля. Городское общество перевело на его содержание в этом году 1939 рублей [284].

Попечительницей женского училища была избрана супруга городского головы Прасковья Ефимовна Деева. Помимо руководства попечительным советом, она возложила на себя заботу о 30 самых бедных воспитанницах училища. За свой счет она покупала им одежду и школьные принадлежности. В день открытия училища П.Е. Деева одела в форменные платья 50 девочек. Не раз поступали от купчихи в училище и припасы материалов для рукоделия. В 1860/1861 учебном году она перевела сюда также 100 рублей серебром для покупки подарков отличившимся ученицам [285].

Большую помощь училищу оказывала супруга генерал-губернатора Варвара Ивановна Катенина. С просьбой о покровительстве учебному заведению к благородной даме обратились представители городского общества. Внимание высшей власти, с их точки зрения, повышало авторитет учебного заведения в обществе. Оренбургская женская школа скоро стала очень популярной в городе. В первый день занятий в нее поступили 50 девочек [286]. К 1864 г. их число увеличилось до 101. Из них 14 (13,9 %) происходили из дворянства и купечества, 83 (82,2 %) – из городских сословий, 4 (3,9 %) – из разночинцев и сельских сословий [287].

Богатые горожане предпочитали обучать своих дочерей в закрытом Николаевском институте для воспитания девиц. Уровень образования в нем существенно отличался от городского второразрядного женского училища «для приходящих девиц». К 1861 г. Институт входил в число женских учебных заведений II разряда Ведомства учреждений императрицы Марии, дававших неполное среднее образование. Преподавали в нем Закон Божий, русский, немецкий и французский языки, всеобщую и российскую историю и географию, арифметику, чистописание, рисование, рукоделие, а также пение, танцы и кулинарное искусство. Курс обучения был рассчитан на шесть лет [288].

Контингент учениц в Оренбургском Николаевском институте благородных девиц составлял к 1861 г. 75 человек (из них: 20 «казеннокоштных» и 35 «своекоштных» воспитанниц, 10 пансионерок Оренбургского казачьего войска, 5 пансионерок Уральского казачьего войска, 2 пансионерки линейных оренбургских батальонов, 3 пансионерки императорской семьи). Закрытый институт был рассчитан на воспитание дворянок и детей богатых горожан. Обучение в нем стоило 130 рублей серебром (более чем в десять раз дороже второразрядного женского училища). В 1861 г. ученицами института были 70 дочерей личных и потомственных дворян (93,3 %), 2 дочери потомственных граждан (2,7 %), 3 девочки из семей духовенства (4 %) [289].

В конце 1850-х гг. институт претерпел значительные перемены. Здание учебного заведения, тесное и неудобное для проживания, было расширено. В 1861 г., после визита в Оренбург главного начальника женских училищ Петра Ольденбургского, для женского института были приобретены и отремонтированы два дома, при них разбили небольшой сад. Изменилась и система управления учебным заведением. Оно было изъято из ведения Неплюевского кадетского корпуса и подчинено собственному коллегиальному управлению. Программу преподавания разбили на три класса с общим шестилетним сроком обучения: подготовительный, нижний и верхний [290].

В уездном Мензелинске женское училище II разряда было отрыто 15 августа 1860 г. Училище это не получило щедрых пожертвований от небогатых мензелинских купцов. Министр внутренних дел разрешил ежегодно отпускать в пользу женского училища по 1 % запасного городского капитала. Из этого источника училище могло получать около 525 рублей. Помощь училищу оказывал также Приказ общественного призрения. С разре-

шения губернатора, он переводил сюда 142 рубля 85 копеек. Этих средств все же было недостаточно для нормального функционирования училища. Частные пожертвования также были невелики.

Для того чтобы найти необходимые средства, попечительный совет училища решил обратиться через своих выборных членов к купеческому и мещанскому обществу города. Общество согласилось поддерживать училище из городских доходов. Ежегодно на нужды училища решено было отпускать по 1300 рублей (100 рублей помимо того было выделено единовременно на обзаведение училища). Городские доходы стали главным источником существования женского учебного заведения. В 1860/1861 учебном году, например, судя по отчету попечительного совета, эта статья бюджета женского училища составила 1231 рубль 34 копейки. Сюда же было переведено из Приказа общественного призрения 142 рубля 85 копеек и 52 рубля из пожертвований горожан [291].

Пожертвования горожан в пользу училища были невелики. В первые годы существования училища одним из самых щедрых его жертвователей был уездный предводитель дворянства Е.М. Пальчиков. В 1860 г. он подарил женской школе почти всю классную мебель и часть учебных принадлежностей (2 шкафа, 6 парт, классную доску, линейки, чернильницы, песочницы, пяльца и пр.). От него же школа получила и основную часть своей библиотеки. В 1860 г. Е.М. Пальчиков передал ей 20 экземпляров краткой священной истории, 20 экземпляров учебника русской грамматики Востокова, 20 экземпляров учебника арифметики, 10 экземпляров учебника географии Ободовского, 20 экземпляров упражнений в чтении по методу Золотова, 44 таблицы на картоне для упражнений в чтении, 10 прописей и пр.

Крупное пожертвование поступило и от почетного гражданина Василия Никитича Рукавишникова. По просьбе выборного члена попечительного света училища Ильи Казанцева он перевел в 1862 г. в Мензелинск из Москвы 1 тысячу рублей серебром [292]. Деньги эти были отданы в рост под проценты в Елабужский Александринский банк [293].

С середины 1860 г. хозяйственными делами училища управлял попечительный совет. Попечительницей учебного заведения была избрана супруга уездного предводителя дворянства Елизавета Пальчикова. Сам Евграф Минеевич Пальчиков тоже некоторое время входил в совет и был его председателем. В январе 1861 г.

Е.М. Пальчиков умер, его место занял титулярный советник Павел Товарищев. Кроме того, в попечительный совет училища входили штатный смотритель уездного училища Владимир Курбатов, бургомистр Яков Кравцов, начальница училища Марья Кузнецова. Выборными членами от купечества и дворянства были купец Александр Попков и коллежский асессор Илья Казанцев.

В день открытия в Мензелинское женское училище прибыли 40 учениц [294]. В 1863 г. их число почти не увеличилось. К 1 января 1864 г. здесь числилось 43 воспитанницы. Из них 18 (41,9 %) происходили из семей дворян и чиновников, 2 (4,7 %) – из духовенства, 20 (46,5 %) – из купечества и мещанства, 3 (6,9 %) – из разночинцев и сельских сословий. Размещалось училище в наемном деревянном доме [295].

В Бирске женское училище II разряда начало работать 9 апреля 1861 г. Основу ему составила бесплатная женская школа, действовавшая при местном уездном училище. Школа была открыта обществом 5 сентября 1860 г. Почти все ее ученицы после начала занятий перешли в новое учебное заведение. В день открытия второразрядного женского училища на занятия пришли 42 ученицы (из них 33 девочки были воспитанницами бесплатной женской школы) [296]. Новое училище быстро завоевало популярность среди горожан. К 1864 г. число его учениц возросло до 75. Из них 4 (5,3 %) происходили из семей дворян и чиновников, 9 (12 %) – из духовенства, 24 (32 %) – из купечества и мещанства, 38 (50,7 %) – из разночинцев и сельских сословий [297].

Основную поддержку второразрядное женское училище получило от местного городского общества. Бирское купечество согласилось ежегодно переводить в пользу школы по 10 % с цены торгового свидетельства и по 2 рубля с доверенностей, выдаваемых приказчикам. Мещане стали вносить в пользу училища по 5 копеек с ревизской души. Приговоры обществ, утвержденные в 1860 г., дали женской школе уже в следующем 1861 г. 430 рублей. Помимо этого, министр внутренних дел разрешил ежегодно для пополнения капиталов женского училища отчислять по 1 % из запасного городского капитала (эта сумма составила в 1861 г. 122 рубля 65 копеек). Приказ общественного призрения выделял на нужды женского училища ежегодно по 142 рубля 82,5 копейки. Поступали сюда и частные пожертвования. К началу работы школы они составляли около 600 рублей. 200 рублей из них были выделены на первоначальное обзаведение и покупку мебели.

Разместилось женское училище в собственном деревянном доме с флигелем и службами. Дом был пожертвован учебному заведению титулярной советницей Авдотьей Никитичной Юдиной. Для пополнения доходов женского училища попечительный совет решил временно проводить занятия во флигеле, корпус же дома сдавать внаем за 120 рублей местному приходскому училищу. Первой попечительницей женского училища была избрана М.М. Топорнина [298].

Челябинское женское училище II разряда начало работу 4 июля 1861 г. Для обучения в него в первые недели явились 41 человек. Через несколько лет их число не увеличилось. К 1 января 1864 г. здесь числилось 40 воспитанниц. Из них 16 (40 %) происходили из семей дворян и чиновников, 7 (17, 5%) – из духовенства, 16 (40 %) – из купечества и мещанства, 1 (2,5 %) – из разночинцев и сельских сословий [299]. Содержалось училище, как и многие другие женские школы, на городские средства. В 1862/1863 учебном году, например, в казну училища поступили 412 рублей 80 копеек из городской думы, 141 рубль 44 копейки – из Приказа общественного призрения, 117 рублей 5 копеек – в качестве пожертвований от частных лиц, 278 рублей 50 копеек – от сбора с учениц за обучение.

Образование в Челябинском женском училище было платным. С родителей собиралось от 3 до 12 рублей, в зависимости от их материального состояния. 20 девочек из бедных мещанских семей, согласно решению городского общества, обучались бесплатно. Разместилось Челябинское женское училище первоначально в наемном деревянном доме [300].

Городскому обществу было обязано своим появлением и Троицкое женское училище. Занятия в нем начались 21 ноября 1861 г. Попечительский совет училища отмечал, что особые заслуги в создании училища имел городской голова купец 2-й гильдии Василий Михайлович Пупышев. Благодаря его настояниям, городское общество согласилось ежегодно выделять на нужды женского училища по 1145 рублей серебром. Небольшое ежегодное пожертвование (50 рублей серебром) переводила в училище и его попечительница Матрена Васильевна Агрова.

В первый год работы училища в него пришли 52 ученицы. Через несколько лет их число практически не изменилось. К 1 января 1864 г. здесь числилось 57 девочек. Из них 19 (33,3 %) происходили из семей дворян и чиновников, 3 (5,3 %) – из духовенства, 33 (57,9 %) – из купечества и мещанства, 2 (3,5 %) – из

разночинцев и городских сословий [301]. Разместилось училище в собственном деревянном одноэтажном доме. Он был приобретен в 1861 г. за 2100 рублей, выделенных по решению городского общества из средств запасного городского капитала [302].

Дореволюционные историки давали самую высокую оценку организации образования и воспитания в Мариинских училищах. «Эти учебно-воспитательные женские заведения, организованные на самобытных русских началах, согласно тем требованиям, которые предъявляются к русским девицам как правительством, так и семейною и общественной русской жизнью, дают учащимся в них то воспитание, которое основано на религиозно-нравственных чувствах, и то умственное развитие и образование, которое необходимо для ожидающих их обязанностей как членов семьи и общества ... вполне понятна та любовь, с которой относятся ученицы к воспитавшему их заведению, и те чувства уважения их родителей, которыми они проникнуты к этим учреждениям, дающим им возможность воспитывать и образовывать своих дочерей», – писал В.В. Григорьев [303]. К началу школьных реформ 1864 г. в уральских городских женских учебных заведениях ведения министерства народного просвещения обучалось около 1200 человек.

СОСТАВ И ПОЛОЖЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ГОРОДСКИХ ШКОЛ

Педагогические кадры для учебных заведений в стране готовили педагогические институты, открытые еще в начале XIX в. при университетах, и Санкт-Петербургский Главный педагогический институт. В конце 1850-х гг. решено было прекратить работу этих учебных заведений и создать вместо них двухгодичные педагогические курсы, посещать которые могли только выпускники университетов. По мысли авторов этой реформы, в ходе обучения на курсах студент университета, готовившийся в учителя, мог получать знания по одному из шести разделов, на которые делились предметы гимназической учебной программы, а также слушать специальные дисциплины по педагогике и дидактике. Теоретические занятия для слушателей курсов проводили профессора университетов.

Помимо этого, для слушателей курсов организовывались практические занятия: они посещали уроки в гимназиях, знакомились с методами работы лучших преподавателей, учились са-

мостоятельно преподавать выбранные предметы. Практическими занятиями руководили специальные педагогические комитеты, состоявшие из членов попечительного совета учебного округа, профессоров педагогики и директоров гимназий. В подготовке слушателей курсов участвовали наиболее опытные учителя гимназий. Для того чтобы привлечь студентов университетов к посещению педагогических курсов, будущим учителям назначались стипендии, а время их обучения на курсах засчитывать в срок действительной службы [304].

Причину этих преобразований в системе подготовки учителей исследовавшие данную проблему советские историки видели в недовольстве властей деятельностью Главного педагогического института. Закрытый вуз был одним из главных общественных центров столицы. В конце 1850-х гг. здесь учились Н.А. Добролюбов, Д.Ф. Щеглов, М.И. Шемановский, А.П. Златовратский и другие студенты, примыкавшие к революционно настроенным кругам общества [305]. Несколько иначе объясняли необходимость перемен чиновники министерства народного просвещения той эпохи. В дискуссии о судьбе института многие из них высказывали мнение, что Главный педагогический институт не обеспечивает уровень подготовки, необходимой будущим учителям гимназии. Сторонники этой точки зрения были уверены, что для преподавания в средней школе необходима университетская база [306]. Мнение сторонников университетской подготовки педагогов поддержали ученый совет министерства. 15 ноября 1858 г. Главный педагогический институт прекратил свое существование. Позднее закрылись и другие педагогические институты.

Организационные замыслы министерства страдали многими недостатками. Прежде всего крайне ограниченным было число слушателей создаваемых курсов. Если в Главном педагогическом институте и педагогических институтах при университетах ежегодно готовилось 210 учителей, то на курсах план их приема составлял всего 67 человек. Уже через год после утверждения Устава гимназий и прогимназий обнаружилось, что число учительских вакансий более чем в два раза превышает число окончивших курсы. Крайне неопределенной была и организация педагогической подготовки слушателей курсов, что вызывало критику данной ситуации со стороны многих видных педагогов того времени [307].

Восполнить недостаток учителей слушателями курсов не было возможности. На Урале, например, к началу школьных ре-

форм именные списки учителей не зафиксировали ни одного выпускника педагогических курсов. Главную роль в подготовке уральских учителей в это время, как и прежде, играл Казанский университет. Среди преподавателей гимназий его выпускники составляли 41,1 %. Были здесь и выпускники других высших учебных заведений (табл. 29). Следует заметить, что в целом уровень профессиональной подготовки преподавателей уральских гимназий к 1863 г. по сравнению с 1855 г. несколько снизился. Число преподавателей с высшим образованием составляло в 1855 г. – 77,2 %, в 1863 г. – 72,5 %. Количество работающих преподавателей с домашним образованием, напротив, увеличилось. В 1855 г. их было 2,3 % от общего состава учителей, в 1863 г. – 7,8%.

Увеличилось в гимназиях и число незаполненных мест. В 1855 г. в них отсутствовал лишь один учитель, в 1863 г. – шесть (в Пермской гимназии в это время вакантными были места учителя русской словесности, второго учителя математики, учителя законоведения; в Вятской гимназии – второго учителя математики и французского языка; в Оренбургской гимназии – учителя рисования, черчения и чистописания). Заполнялись вакантные должности обычно преподавателями той же гимназии, закон разрешал совмещение учительских должностей с выплатой дополнительного жалованья. Повышение нагрузки конечно же отрицательно сказывалось на качестве преподавания.

Еще более заметное снижение качества подготовки учителей произошло в уездных и приходских училищах. В 1855 г. 21,4 % преподавателей уездных училищ имели высшее образование, в 1863 г. – 14,8 % Среднее образование в уездных училищах в 1855 г. имели 74,6 %, в 1863 г. – 67,8 % (табл. 30). Подобный же процесс шел и в приходских училищах. В 1855 г. 82,1 % их учителей имели среднее образование, в 1863 г. – лишь 68,9 % (табл. 31).

Недостаток подготовленных преподавателей объяснялся прежде всего увеличением количества действующих школ. Сложившаяся система педагогического образования не в состоянии была удовлетворить их потребности. С особой остротой вставал вопрос и о качественном составе преподавателей начальной школы, которая развивалась особенно быстро. На Урале для подготовки учителей приходских училищ существовало лишь одно учебное заведение – педагогические курсы при Бирском уездном училище, которые были созданы в 1863 г. и, как отмечалось в отчете Оренбургской дирекции, «принялись весьма успешно» [308].

Таблица 29

Численность и состав (по образованию) учителей уральских гимназий в 1863 г.*

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя гимназий	Численность учителей	
		чел.	%
Пермская	Казанский университет	4	33,4
	Главный педагогический институт	3	25,1
	Горный институт	1	8,3
	Санкт-Петербургская академия художеств	1	8,3
	Гатчинский сиротский институт	1	8,3
	Берлинская гимназия	1	8,3
	Рязанская семинария	1	8,3
	Итого:	12	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	9	75
	средним светским	2	16,7
	средним духовным	1	8,3
Екатеринбургская	Казанский университет	5	41,9
	Санкт-Петербургский университет	1	8,3
	Главный педагогический институт	1	8,3
	Казанская духовная академия	1	8,3
	Полоцкая духовная академия	1	8,3
	Ревельская гимназия	1	8,3
	Московское училище живописи	1	8,3
	Домашнее образование	1	8,3
	Итого:	12	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	7	58,4
	средним светским	1	8,3
	высшим духовным	2	16,7
	начальным светским	1	8,3
	домашним	1	8,3
Вятская	Казанский университет	5	41,9
	Санкт-Петербургский университет	1	8,3
	Дерптский университет	1	8,3
	Киевская духовная академия	1	8,3
	Казанская духовная академия	1	8,3

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя гимназий	Численность учителей	
		чел.	%
	Вятская гимназия	1	8,3
	Казанская гимназия	1	8,3
	Домашнее образование	1	8,3
	Итого:	12	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	7	58,3
	средним светским	2	16,7
	высшим духовным	2	16,7
	домашним	1	8,3
Оренбургская	Казанский университет	7	46,6
	Московский университет	1	6,7
	Главный педагогический институт	1	6,7
	Киевская духовная академия	1	6,7
	Казанская гимназия	1	6,7
	Оренбургская семинария	2	13,3
	Домашнее образование	2	13,3
	Итого:	15	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	9	60
	средним светским	1	6,7
	высшим духовным	1	6,7
	средним духовным	2	13,3
	домашним	2	13,3
	Всего учителей по всем гимназиям:	51	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	32	62,7
	высшим духовным	5	9,8
	средним светским	6	11,8
	средним духовным	3	5,9
	начальным светским	1	2,0
	домашним	4	7,8

* Источники: Именные списки учителей и чиновников Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ за 1863 г. (НАРГ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 102–111, 179–88, 226–243, 420–428).

Таблица 30

Численность и состав (по образованию) учителей уездных училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей	
		чел.	%
Пермская	Казанский университет	6	11,6
	Институт Корпуса горных инженеров	1	1,9
	Казанская духовная академия	1	1,9
	Пермская гимназия	12	23,2
	Нижегородская гимназия	1	1,9
	Вятская гимназия	3	5,9
	Казанская гимназия	2	3,8
	Симбирская гимназия	1	1,9
	Пермская семинария	6	11,6
	Симбирская семинария	1	1,9
	Рязанская семинария	2	3,8
	Казанская семинария	2	3,8
	Санкт-Петербургское коммерческое училище	2	3,8
	Кеслинская учительская семинария (Пруссия)	1	1,9
	Уральское горное училище	1	1,9
	Пермское уездное училище	4	7,8
	Чебоксарское уездное училище	1	1,9
	Симбирское уездное училище	1	1,9
	Ставропольское уездное училище	1	1,9
	Арзамасская школа живописи А.В. Ступина	1	1,9
	Новоусольское приходское училище князя Голицына	1	1,9
	Домашнее образование	1	1,9
	Итого:	52	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	7	13,5
	средним светским	23	44,2
	высшим духовным	1	1,9
	средним духовным	11	21,2
	начальным светским	9	17,3
	домашним	1	1,9
Вятская	Казанский университет	6	9,4
	Вятская гимназия	23	36,5
	Пермская гимназия	1	1,6

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей	
		чел.	%
	Казанская гимназия	2	3,2
	Пензенская гимназия	1	1,6
	Оренбургская гимназия	1	1,6
	Вятская духовная семинария	18	28,5
	Оренбургская семинария	1	1,6
	Гатчинский сиротский институт	1	1,6
	Вятское уездное училище	2	3,2
	Елабужское уездное училище	1	1,6
	Глазовское уездное училище	1	1,6
	Котельническое уездное училище	2	3,2
	Арзамасская школа живописи А.В. Ступина	1	1,6
	Домашнее образование	2	3,2
	Итого:	63	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	6	9,5
	средним светским	29	46,0
	средним духовным	19	30,2
	начальным светским	7	11,1
	домашним	2	3,2
Оренбургская	Казанский университет	5	14,8
	Главный педагогический институт	1	2,9
	Казанская духовная академия	2	6
	Оренбургская гимназия	8	23,6
	Нижегородская гимназия	1	2,9
	Вологодская гимназия	1	2,9
	Вятская гимназия	3	8,9
	Симбирская гимназия	1	2,9
	Оренбургская семинария	5	14,8
	Уфимское уездное училище	1	2,9
	Бузулукское уездное училище	1	2,9
	Мензелинское уездное училище	1	2,9
	Санкт-Петербургское приходское училище	1	2,9
	Новгородский батальон военных кантонистов	1	2,9
	Арзамасская школа живописи А.В. Ступина	1	2,9
	Домашнее образование	1	2,9

Окончание табл. 30

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя уездных училищ	Численность учителей	
		чел.	%
	Итого:	34	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	6	17,6
	средним светским	14	41,3
	высшим духовным	2	5,9
	средним духовным	5	14,7
	начальным светским	6	17,6
	домашним	1	2,9
	Всего учителей по всем губерниям:	149	100
	В том числе с образованием:		
	высшим светским	19	12,7
	высшим духовным	3	2
	средним светским	66	44,3
	средним духовным	35	23,5
	начальным светским	22	14,8
	с домашним	4	2,7

* Источники: Именные списки учителей и чиновников Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 102 – 111, 179 – 188, 226 – 243, 420 – 428).

Молодых людей отталкивало от преподавательской работы крайне тяжелое материальное положение, особенно ухудшившееся в конце 1850-х гг., когда резко увеличились цены на продукты питания, отопление, освещение, одежду, обувь и другие предметы первой необходимости. Жалованье преподавателей далеко отставало от прожиточного минимума. Недовольство службой ощущали даже высшие чиновники местной учебной администрации. Директор Вятской гимназии Иван Михайлович Глебов, уволенный в 1866 г. в отставку, писал: «Из памяти моей не выходят слова, сказанные мне и на мой счет одной особой – есть люди, которым ничего не удается. Правда, и сущая правда. Кажется, я работал, как вол, старался о лучшем для себя и для других, имея в виду истинность и справедливость на первом плане. И что я приобрел? До упадка сил тянул я служебные обязанности, кое-как добился до места директора тогда, когда силы упали, деятельность исчезла и вовсе отупел от влияния всех неблагоприятных обстоятельств. Служу более 26 лет и не нажил ничего, даже полдюжины столовых ложек, нет шубы, ни поря-

Таблица 31

Численность и состав (по образованию) учителей приходских училищ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний в 1863 г.*

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя приходских училищ	Численность учителей	
		чел.	%
Пермская	Пермская гимназия	5	18,5
	Пермская семинария	13	48,2
	Рязанская семинария	2	7,4
	Пермское уездное училище	3	11,1
	Шадринское уездное училище	1	3,7
	Соликамское уездное училище	1	3,7
	Астраханское уездное училище	1	3,7
	Рязанское духовное училище	1	3,7
	Итого:	27	100
	В том числе с образованием:		
	средним светским	5	18,5
	средним духовным	15	55,6
	начальным светским	6	22,2
	начальным духовным	1	3,7
Вятская	Вятская гимназия	7	30,5
	Вятская семинария	11	47,8
	Вятское уездное училище	5	21,7
	Итого:	23	100
	В том числе с образованием:		
	средним светским	7	30,5
	средним духовным	11	47,8
	начальным светским	5	21,7
Оренбургская	Оренбургская гимназия	1	4,2
	Оренбургская семинария	10	41,6
	Рязанская семинария	1	4,2
	Тамбовская семинария	1	4,2
	Уфимское уездное училище	3	12,4
	Оренбургское уездное училище	4	16,6
	Мензелинское уездное училище	1	4,2
	Троицкое уездное училище	1	4,2
	Челябинское духовное уездное училище	1	4,2
	Домашнее образование	1	4,2
	Итого:	24	100
	В том числе с образованием:		
	средним светским	1	4,2

Окончание табл. 31

Губерния	Учебные заведения, в которых получили образование учителя приходских училищ	Численность учителей	
		чел.	%
	средним духовным	12	50,0
	начальным светским	9	37,4
	начальным духовным	1	4,2
	домашним	1	4,2
	Всего учителей по всем губерниям:	74	100
	В том числе с образованием:		
	средним светским	13	17,6
	средним духовным	38	51,3
	начальным светским	20	27,0
	начальным духовным	2	2,7
	с домашним	1	1,4

* Источники: Именные списки учителей и чиновников Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 102 – 111, 179 – 188, 226 – 243, 420 – 428).

дочной шинели ... Получать 850 рублей пенсии при 500 рублях долга и оставить необразованную семью – вот мое будущее при самом грустном, плачевном настоящем. Тяжело болит сердце при постоянной ипохондрии, и делать, и думать, и читать нет сил, ни желания. Да, есть люди, которым ничего не удается, и к ним принадлежу я» [309].

Для абсолютного большинства преподавателей единственным источником дохода был их труд. Г.Н. Вульфсон проанализировал данные формулярных списков о «состояниях» 656 учителей Поволжья и Урала, преподававших в 1859–1862 гг. Из них 606 (92,4 %) были неимущи [310]. Как следует из данных именных списков учителей уральских школ, на первом месте по количеству стояли выходцы из духовенства, на втором – из мещан (табл. 32).

В 1859 г. учебное начальство добилось повышения учительских окладов (табл. 33). Именной указ, данный Сенату 17 апреля 1859 г., увеличил штатные ассигнования государственным школам почти в полтора раза. Жалованье директоров и разных категорий учителей возросло на 25–60 %, а заработная плата учителей рисования, особенно низкая – на 180 %. Но и этих денег учителям едва хватало на содержание семьи. Продукты и прочие «жизненно важные предметы» дорожали быстрее, чем росла за-

Таблица 32

Сословный состав преподавателей городских общеобразовательных учебных заведений в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях в 1863 г.*

Наименование учебного заведения	Сословное происхождение										Общая численность, чел.
	с I по XI										
Пермская губерния											
Гимназии:											
Пермская	3	2	–	4	–	1	–	1	–	–	1	12
Екатеринбургская	3	3	–	1	1	2	1	–	–	–	1	12
Училища (уездные):											
Пермское	–	1	–	2	1	2	–	–	–	–	–	6
Кунгурское	1	–	–	1	1	1	–	–	1	–	–	5
Соликамское	–	1	–	1	–	1	–	–	2	–	–	5
Чердынское	1	1	–	1	–	2	–	–	–	–	–	5
Екатеринбургское	2	3	–	2	–	1	–	–	–	–	1	9
Шадринское	–	2	1	1	–	1	–	–	–	1	–	6
Ирбитское	–	1	–	2	1	2	–	–	–	–	–	6
Камышловское	1	2	–	1	–	–	–	–	1	–	–	5
Верхотурское	–	–	–	2	–	1	–	–	1	–	1	5
Училища (приходские):											
Пермское первое	–	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	2
Пермское второе	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Оханское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Осинское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Кунгурское первое	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2
Кунгурское второе	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1
Красноуфимское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Соликамское	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Чердынское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2
Екатеринбургское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	2
Шадринское	–	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	3
Ирбитское	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Камышловское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2
Верхотурское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Итого, чел.	11	18	3	34	4	19	1	1	6	2	4	103
%	10,7	17,5	2,9	33,0	3,9	18,4	1,0	1,0	5,8	1,9	3,9	100
Вятская губерния											
Гимназии:											
Вятская	1	4	–	4	–	2	–	–	1	–	–	12
Училища (уездные):											
Вятское	1	1	–	2	–	2	–	–	–	–	–	6
Глазовское	–	1	–	1	–	2	–	–	–	–	–	4

Продолжение табл. 32

Наименование учебного заведения	Сословное происхождение											Общая численность, чел.
	с I по XI											
Вятская губерния												
Елабужское	1	2	–	2	–	1	–	–	–	–	–	6
Котельническое	–	1	–	2	2	1	–	–	–	–	–	6
Мамыжское	–	1	–	1	1	3	–	–	–	–	–	6
Нолинское	–	–	–	3	–	3	–	–	–	–	–	6
Орловское	–	2	–	1	–	3	–	–	–	–	–	6
Сарапульское	–	–	–	2	2	1	–	–	–	–	–	5
Слободское	1	–	–	2	1	1	–	–	–	1	–	6
Уржумское	1	1	–	2	–	2	–	–	–	–	–	6
Яранское	1	1	–	2	–	2	–	–	–	–	–	6
Училища (приходские):												
Вятское первое	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Вятское второе	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Глазовское	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Елабужское	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
Котельничское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Малмыжское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	2
Нолинское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Орловское	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
Сарапульское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Слободское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Уржумское	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Яранское	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
Царево-Санчурское	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1
Итого, чел.	6	15	–	34	9	31	–	–	1	2	–	98
%	6,1	15,3	–	34,7	9,2	31,7	–	–	1,0	2,0	–	100
Оренбургская губерния												
Гимназии:												
Оренбургская	4	–	–	6	3	1	–	–	–	1	–	15
Училища (уездные):												
Уфимское	1	1	–	2	1	–	–	–	–	–	–	5
Бирское	–	–	–	2	1	2	–	–	–	–	–	5
Мензелинское	2	–	–	2	1	–	–	–	1	–	–	6
Челябинское	1	–	–	1	–	4	–	–	–	–	–	6
Троицкое	1	–	–	1	–	3	–	–	–	–	1	6
Оренбургское	1	–	1	1	–	1	1	–	–	1	–	6
Училища (приходские):												
Уфимское первое	–	–	–	1	–	–	–	–	1	–	–	2
Уфимское второе	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Стерлитамакское	–	–	–	1	–	–	1	–	–	–	–	2

Наименование учебного заведения	Сословное происхождение											Общая численность, чел.
	с I по XI											
Белебеевское	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
Бирское	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	2
Мензелинское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Челябинское	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	2
Троицкое	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Оренбургское первое	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	–	2
Оренбургское второе	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	2
Оренбургское третье	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Верхнеуральское	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	2
Итого, чел.	10	1	1	28	8	17	2	–	2	3	1	73
%	13,7	1,4	1,4	38,4	10,9	23,3	2,7	–	2,7	4,1	1,4	100
Всего по всем губерниям, чел.	27	34	4	96	21	67	3	1	9	7	5	274
%	9,9	12,4	1,4	35,0	7,7	24,5	1,1	0,4	3,3	2,5	1,8	100

* Источники: Именные списки учителей и чиновников Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Оренбургской дирекций училищ за 1863 г. (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 102–111, 179–188, 226–243, 420–428).

В подсчетах учитывались директора и инспекторы гимназий, старшие и младшие учителя гимназий, штатные смотрители уездных училищ, учителя уездных и приходских училищ, законоучители.

Сословное происхождение учителей учтено по категориям:

I –дворяне
II –обер-офицеры
III –приказнослужители
IV –духовные
V –купцы
VI –мещане
VII –государственные крестьяне
VIII –питомцы Воспитательного дома
IX –вольноотпущенные и временнообязанные крестьяне
X –солдатские дети, однодворцы, казаки, колонисты и прочие разночинцы
XI –иностранцы.

работная плата. Современники, люди разных профессий и положения в обществе, отмечали, что цены на продукты питания, дрова, свечи, одежду и обувь в начале 1860-х гг. увеличились по сравнению с 1856 г. почти вдвое [311]. Г.Н. Вульфсону удалось обнаружить любопытную рукопись современника событий, вятского учителя М. Шемановского, изучившего материальное положение и быт учителей Нижнего Новгорода, Казани, Вятки, Уфы и других городов Поволжско-Уральского края. Учитывая реальные рыночные цены на продукты питания и стоимость квартиры с отоплением и освещением, М. Шемановкий писал в

Таблица 33

Штаты 1859 г. о финансировании гимназий и уездных училищ*

Наименование учебных заведений	Штатные должности	Численность служащих, чел.	Штатное жалованье, на 1 чел. в год (рублей серебром)		Другие статьи расходов	Общая сумма расходов в год, (рублей серебром)	
			губернии первого разряда (Пермская)	губернии второго разряда (Вятская, Оренбургская)		губернии первого разряда (Пермская)	губернии второго разряда (Вятская, Оренбургская)
Губернская гимназия	Директор	1	900	850		900	850
	Инспектор	1	800	750		800	750
	Старшие учителя	7	700	650		4900	4550
	Младшие учителя	3	550	550		1650	1650
	Учитель рисования	1	400	400		400	400
	Законоучитель	1	400	400		400	400
	Письмоводитель	1	300	300		300	300
	Канцелярский служитель	1	180	180		180	180
					Директору на разъезды	250	250
					На канц. припасы	80	80
					На библиотеку и собрание инструментов	350	350
					На награды ученикам	60	60
					На содержание дома, служителей и пр.	900	900
Итого:						11 170	10 720
Уездное училище	Штатный смотритель	1	450	400		450	400
	Учителя наук	3	350	330		1050	990

Наименование учебных заведений	Штатные должности	Численность служащих, чел.	Штатное жалованье, на 1 чел. в год (рублей серебром)		Другие статьи расходов	Общая сумма расходов в год, (рублей серебром)	
			губернии первого разряда (Пермская)	губернии второго разряда (Вятская, Оренбургская)		губернии первого разряда (Пермская)	губернии второго разряда (Вятская, Оренбургская)
	Законоучитель	1	200	200		200	200
	Учитель рисования	1	200	200		200	200
					На разъезды смотрителю	60	60
					На награды ученикам	15	15
					На библиотеку и учебные пособия	85	85
					На содержание дома, служителей и пр.	400	350
Итого:						2460	2300

* Источник: ПСЗ–II. 1859 г. Т. 34. Отделение 1. № 34 386.

Штат гимназий не включал служащих, положенных при пансионах. Учитывая это, штатные расходы гимназий, имеющих пансионы, несколько урезались. Из штатного положения Пермской и Оренбургской гимназий исключалось жалованье одного старшего учителя, так как при пансионах имелись особо определенные старшие учителя. Общее штатное положение Пермской и Оренбургской гимназий по штату 1859 г. поэтому составляло сумму, уменьшенную по сравнению с общим штатом: по Пермской гимназии оно равнялось 10 770 рублям, по Оренбургской – 10 070 рублям.

этом исследовании, что ежегодный прожиточный минимум семейного учителя в начале 1860-х гг. должен составлять 1500 рублей серебром [312]. Этого уровня не достигала заработная плата даже некоторых высших чиновников местных учебных ведомств.

Директор Пермской гимназии И. Грацинский получал в 1863 г. 2379 рублей 72 копейки серебром (1129 рублей основного жалованья, 1000 рублей 72 копейки пенсии и 250 рублей разъездных), директор Вятской гимназии И. Глебов – 1700 рублей (850 рублей основного жалованья и 850 рублей пенсии) и казен-

ную квартиру, директор Оренбургской гимназии А. Савин – 1529 рублей (850 рублей основного жалованья, 229 рублей за присмотр над пансионом, 200 рублей за руководство землемеротаксаторскими классами, 250 рублей разъездных) и казенную квартиру, директор Екатеринбургской гимназии А. Крупенин – 900 рублей и казенную квартиру. Все директора были людьми преклонного возраста, средний возраст их составлял 54 года [313].

Достаточно хорошо оплачиваемой категорией служащих в учебном ведомстве считались инспекторы гимназий. Заработная плата их в 1863 г. составляла в Пермской гимназии 1322 рубля (основное жалованье 972 рубля плюс оплата уроков математики в низших классах гимназии); в Екатеринбургской гимназии – 800 рублей, в Вятской гимназии – 750 рублей; в Оренбургской гимназии – 922 рубля (750 рублей основное жалованье и 172 рубля за присмотр над пансионом). Все инспекторы пользовались казенной квартирой. Это были уже достаточно зрелые люди, их средний возраст равнялся 37 годам.

Старшие учителя гимназий (их средний возраст 35 лет) получали в это время от 650 до 1240 рублей, младшие учителя (средний возраст 38 лет) – от 550 до 1480 рублей. Жалованье штатных смотрителей уездных училищ (их средний возраст 41 год) составляло от 400 до 960 рублей, учителей уездных училищ (средний возраст 29 лет) – от 214 до 700 рублей. Добавление к основному штатному жалованью они получали за совмещение преподавательских ставок, исполнение обязанностей надзирателей и работу в женских школах. Работающие пенсионеры получали дополнительно к жалованью полную пенсию.

Заработная плата учителей приходских училищ намного отставала от показателей школ, финансировавшихся государством. В отличие от гимназий и уездных училищ, приходские школы не имели штатного регулирования оплаты труда. Жалованье учителей целиком зависело от воли обществ и лиц, содержавших школу. В городских приходских училищах уральских губерний учителя (их средний возраст – 31 год) получали от 60 до 200 рублей в год, законоучители (средний возраст – 37 лет) – от 20 до 140 рублей [314].

Сложившаяся в стране школьная система не могла обеспечить широкого распространения массового образования. К середине XIX в. российский город намного отставал по показателям грамотности от западноевропейского. По подсчетам Б.Н. Миронова, в среднем по России уровень грамотности составлял к се-

редине XIX в. 49,6 % среди мужского и 27,9 % среди женского населения городов. В Австрии в это время показатели грамотности всего населения страны составляли 33 % у мужчин и 19 % у женщин; в Великобритании – 72 % у мужчин и 45 % у женщин; в США – 81 % у мужчин и 76 % у женщин; в Германии 86 % у мужчин и 84 % у женщин; во Франции 69 % у мужчин и 46 % у женщин [315]. Точных сведений о распространении грамотности в уральских городах нам обнаружить не удалось. Можно предположить, что оно соответствовало общероссийским показателям. Средние цифры распространения образования среди городских сословий Урала, как указывалось выше, уже к 1854 г. составляли около 30 %.

Отставание показателей грамотности российского города от западноевропейского историки объясняют и субъективными, и объективными причинами. Б.Н. Миронов вполне справедливо заметил, что потребность в грамотности среди широких слоев населения была низкой в связи со сложившимися в России установками философского и обыденного сознания. Православному человеку того времени было свойственно недоверие к знанию и рассуждению. Русские люди были убеждены, что высшие истины познаются не через знание, а через веру и нравственный подвиг. Важным психологическим фактором также была уверенность в том, что все русское имеет превосходство над иностранным [316].

Широкое распространение образования на Урале тормозилось, помимо этого, относительно низким уровнем развития городской промышленности. Металлургическое производство концентрировалось, по большей части, вне городов [317]. Его состояние практически не влияло на рост городского образования. Подготовка кадров для горнозаводских предприятий осуществлялась в ведомственных училищах, расположенных в заводских поселках. Исключение составляли, пожалуй, лишь екатеринбургские школы.

Тем не менее нельзя оспорить активное влияние школы на развитие культурного потенциала уральских городов. К середине XIX в. в городах явственно наметились тенденции быстрого развития образования. Популярность систематического образования среди горожан росла, чему во многом способствовала деятельность дореформенных учебных заведений. Городское общество было готово к решительным шагам в сторону распространения грамотности и знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исторической динамике становления и развития российской школы конец XVIII – первую половину XIX в. можно рассматривать в качестве особого достаточно автономного этапа формирования механизмов распространения системного образования, начало которому положили еще петровские реформы. Своеобразие выделенного периода определили институциональные преобразования 1782–1786 гг., существенно усилившие роль государства в развитии просвещения. Несмотря на различия в национальных и культурных традициях, с конца XVIII в. система образования в России стала развиваться в общеевропейском русле. Промышленно развитые страны в XIX в. почти повсеместно установили светское образование под контролем государства.

Новая идеология и новая политика России в области образования была выработана в период правления Екатерины II, получивший в литературе определение «просвещенный абсолютизм». Базой мировоззрения и практической деятельности императрицы были европейские идеи философов-рационалистов и просветителей, что заложило основу для новых тенденций государственно-политического и правового развития российского общества, его новой политической и общественной культуры. Оценка степени и существа этих видоизменений пока неоднозначна, до сих пор остается предметом принципиальных научных дискуссий [1]. Не вдаваясь в подробности этих споров, можно утверждать, что само признание просветительных идей (пусть и в трансформированной для России в соответствии с местными культурными и общественными традициями форме) неизбежно должно было изменить отношение власти к проблеме воспитания и образования. Начиная со второй половины XVIII в. понятие «просвещение» стало одним из приоритетных для верховной власти.

Границы просвещения, однако, каждым из монархов очерчивались по-своему. Либеральная модель образовательной системы, намеченная законодательными актами Екатерины II и Александра I, предусматривала создание в России бесплатной и общедоступной начальной народной школы, преемственно свя-

занной со средним и высшим образованием. Полностью в нашей стране эта система так и не была реализована. В трех уральских губерниях к 1825 г. было создано лишь две гимназии (в Вятке и Перми). Уездными училищами к концу первой четвери XIX в. на Урале было обеспечено 54 % уездных городов, приходскими – 29 %. В гимназиях и начальных школах ведения министерства народного просвещения обучались лишь горожане, и то весьма небольшой процент (в Пермской губернии численность учащихся к 1825 г. составляла 607 человек, в Вятской – 950, в Оренбургской – 267).

Гораздо больших успехов в распространении образования министерство народного просвещения добилось во второй четверти XIX в., совпавшей с царствованием Николая I. Общее направление образовательной политики этого периода определили принципы строгой сословности и бюрократической централизации, что нашло свое воплощение в школьном Уставе 1828 г. Надо отметить, что напряженные отношения между либеральными и консервативными тенденциями в российском образовании сложились еще ранее, почти с самого начала существования государственной школы. Влияние консерваторов в школьной политике проявлялось до воцарения Николая I. В 1824 г. во главе министерства духовных дел и народного просвещения был поставлен адмирал А.С. Шишков, крайний националист и враг «французского вольномыслия». Свою главную задачу Шишков видел в искоренении «разврата общества», пришедшего с Запада, и укреплении основ православной веры и императорской власти.

Разработанный под руководством А.С. Шишкова Устав 1828 г. сохранил трехзвенную систему светской общеобразовательной школы (приходские училища–уездные училища–гимназии), но ликвидировал преемственность между ее ступенями. Каждая школа теперь давала законченное образование, соответствовавшее, по мысли авторов реформы, социальному положению и будущим занятиям учащихся. Сословно-ограничительные меры николаевского правительства мотивировались как педагогическими соображениями, так и политическими опасениями. Восстание 14 декабря 1825 г. утвердило правящие круги в мысли о «ложном» направлении существовавшей прежде учебной системы. Страх перед революционизирующим действием просвещения заставил власти уточнить концепцию образования и воспитания юношества.

Наиболее четко цель новой официальной идеологии сформулировал один из высших служащих министерства народного просвещения С.С. Уваров. Его знаменитая триада «православие, самодержавие, народность» подчеркнула мысль о превосходстве православной и самодержавной России перед гибнущим либеральным Западом. Именно в этом плане – неприятии иноземного воспитания и европейских идей – и было поручено С.С. Уварову руководство образованием. В 1833 г. он возглавил министерство народного просвещения. Либеральные начала в образовательной системе полностью не были подавлены. Гимназии, предназначенные для образования дворянства, в провинции так и не стали строго сословными учебными заведениями. В уральских губернских гимназиях, например, к 1855 г. около 1/3 воспитанников составляли представители городских сословий и разночинцы.

Для уральских губерний вторая четверть XIX в. стала периодом подлинного становления средних общеобразовательных учреждений. Численность их воспитанников, по сравнению с 1825 г., выросла в 4,6 раза. Уважение и доверие к гимназиям вызывала деятельность их просвещенных и энергичных руководителей. Много лет отдали делу образования в Пермской, Вятской и Оренбургской губерниях И.Ф. Грацинский, И.В. Базилев, М.В. Полиновский и другие педагоги. Благодаря им к середине XIX в. уральские гимназии вошли в число лучших учебных заведений Казанского учебного округа. Заметно изменилось к этому времени и состояние дел в начальном образовании. К 1855 г. уездными училищами было обеспечено уже 78 % уральских уездных городов, приходскими – 94 %. Численность учащихся в начальных школах ведения министерства народного просвещения в 1854 г., по сравнению с 1825 г., увеличилась в 2 раза. В городских начальных школах ведения министерства народного просвещения на Урале в 1854 г. обучалось 3615 чел., в том числе: в Пермской губернии – 1477, в Вятской губернии – 1258, в Оренбургской – 880 человек.

Историки до сих пор спорят о том, благодаря режиму Николая I или вопреки ему развивалось во второй четверти XIX в. просвещение. По нашему мнению, роль осознанной политики в этом процессе бесспорна. Важным фактором развития образовательной системы стало существенное увеличение государственных расходов на школу. Устав 1828 г. увеличил штатное финансирование гимназий, по сравнению с законодательством на-

чала XIX в., в 4 раза, уездных училищ – почти в 3,5 раза. Благодаря этому к 1855 г. уральские гимназии разместились в новых достаточно удобных зданиях. Удовлетворительные условия работы получили и уездные училища. Почти все они переехали из съемных помещений в собственные дома.

Качественно улучшился в государственных учебных заведениях и состав преподавателей. Если в 1828 г. в гимназиях Пермской, Вятской и Оренбургской губерний число высококвалифицированных кадров (с высшим образованием) составляло всего 62,4 %, то к 1855 г. оно выросло до 77,2 %. Штаты уральских гимназий были почти полностью укомплектованы. Среднее и даже высшее светское образование имели к этому времени и многие учителя уездных училищ: в Пермской губернии в 1854 г. светское высшее или незаконченное высшее образование получили 23,4 % учителей уездных училищ, среднее светское – 38,3 %; в вятских уездных школах светское высшее или незаконченное высшее образование получили 8,2 % учителей, среднее светское - 63,3 %; в оренбургских уездных школах светское высшее или незаконченное высшее образование получили 33,3 % учителей, среднее светское – 30 %. В 1828 г. эти показатели были значительно ниже: в пермских уездных училищах первой четверти XIX в. учителей с высшим образованием не было, учителя со средним светским образованием составляли лишь 25 %; в вятских уездных училищах того времени учителя со светским высшим или незаконченным высшим образованием составляли 8,2%, со светским средним образованием – 29,2 %; в оренбургских уездных училищах учителя со светским высшим или незаконченным высшим образованием составляли 15,8 %, со средним светским – 21 %.

Благодаря правительственной политике, общественный статус педагогического труда во второй четверти XIX в. заметно вырос. Училищная служба стала более привлекательной для выходцев из всех сословий. Заработная плата преподавателей государственных училищ Уставом 1828 г. по сравнению с 1804 г. была увеличена в 2–3 раза. Все учителя, подведомственные министерству народного просвещения (включая учителей приходских училищ) получили в это время права государственной службы и по завершении работы необходимое пенсионное обеспечение. Учительскую профессию в качестве жизненного пути в провинции выбирали уже не только дети духовенства, но и дворяне, чиновники, мещане и другие представители городских сословий.

Особенно велико число выходцев из привилегированных сословий было в преподавательском составе гимназий. В Пермской гимназии в 1854 г. дети дворян и обер-офицеров составляли 46,7 % всех преподавателей, в Вятской – 46,1 %, в Оренбургской – 37,5 %. Но преподавательский состав приходской школы по-прежнему комплектовался в основном за счет выходцев из среды духовенства. В Пермской губернии в 1854 г. дети духовнослужителей составляли 73,9 % от состава учителей приходских школ, в Вятской – 60 %, в Оренбургской – 46,7 %.

К середине XIX в. приходская школа оставалась пасынком в учебном ведомстве. Финансировались училища этого ранга на средства городских обществ и благотворителей, что обрекало их на постоянные материальные затруднения. Многие из приходских училищ не имели необходимых условий для работы. В Пермской губернии к 1855 г. из 12 учебных заведений этого ранга в собственных домах размещались лишь 4, остальные – в домах уездных училищ (5 школ) или в наемных деревянных домах (3 школы). В Вятской губернии собственное здание имело лишь 1 приходское училище, остальные размещались в домах, принадлежащих обществу (6), зданиях уездных училищ (1) или съемных домах (5).

В особенно сложных условиях работали приходские училища Оренбургской губернии. Городские общества здесь долгое время отказывались от их финансирования, ссылаясь на крайнюю бедность жителей. Согласия городов на участие в содержании образования училищному ведомству удалось добиться лишь в 1839 г., после того как было получено разрешение министерства внутренних дел на выделение средств для этих целей из городских доходов. Собственных домов к концу николаевского правления приходские училища Оренбургской губернии не имели. В 1855 г. все они располагались либо вместе с уездными училищами, либо в деревянных наемных домах.

Недостатки работы массовых приходских училищ стали одной из основных причин недовольства общества политикой правительства в школьном деле. Не устраивали передовых деятелей просвещения и методы воспитания в школе. Устав 1828 г. вводил достаточно жесткие дисциплинарные меры для учащихся. Телесные наказания были обычными и распространенными в николаевские времена не только в низших учебных заведениях, но и гимназиях. Верховная власть строго контролировала морально-нравственное состояние как школьников, так и педагогов. Окру-

женные системой слежки и провокаторства, преподаватели были крайне осторожны и консервативны. Многие из них не желали обновлять учебный материал и использовать в преподавании новейшие наработки и педагогические теории. Обучение велось по большей части схоластически, по официально утвержденным учебникам, часто без самых необходимых наглядных пособий.

После неудачного завершения Крымской войны необходимость и важность развития системы образования была осознана и обществом, и властными верхами. Начальные училища ведения министерства народного просвещения в губернских и крупных торговых городах в начале 1860-х гг. были переполнены. Общая численность воспитанников уездных и приходских школ в городах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний быстро росла. К 1864 г. она увеличилась по сравнению с 1855 г. на 26,7 % и составила 4582 чел. (в Пермской губернии – 1496 чел., в Вятской – 1576 чел., в Оренбургской – 1510 чел.). Для того чтобы удовлетворить стремление горожан к образованию некоторые городские общества пошли на открытие дополнительных приходских училищ. В 1851 г. в Оренбурге было открыто второе приходское училище, в 1859 г. – третье. В 1860 г. второе приходское училище начало работу в Уфе, в 1861 г. – в Перми, в 1863 г. – в Кунгуре.

Развитие школьного дела явственно свидетельствовало о том, что к началу 1860-х гг. образование, формирующее мировоззрение населения, уже играло в российской глубинке заметную роль. Границы образованного общества расширялись, просвещение становилось необходимым элементом городской жизни. Министерство народного просвещения не успевало за этим процессом. Для развития образования у него не хватало ни помещений, ни учителей. Статистические данные свидетельствуют о том, что уровень подготовки преподавателей к 1864 г. по сравнению с 1854 г. снизился как в гимназиях, так и в начальной школе. В гимназиях в 1854 г. число преподавателей с высшим образованием составляло 77,2 %, в 1863 г. – лишь 72,5 %. В уездных училищах в 1855 г. 21,4 % преподавателей имели высшее образование, в 1863 г. – только 14,8 %. Среднее образование в уездных училищах в 1855 г. имели 74,6 %, в 1863 г. – только 67,8 %. Подобный же процесс шел и в приходских училищах. В 1855 г. 82,1 % их учителей имели среднее образование, в 1863 г. – лишь 68,9 %.

Негативные тенденции в развитии государственной образовательной системы в уральских городах свидетельствовали о не-

обходимости внесения в нее коренных изменений. Уже в начале 1860-х гг. либерально настроенные чиновники министерства и местные деятели просвещения высказывали мысль о том, что к проблеме развития образования нужно привлечь силы и средства общественности. Следует сказать, что именно общественная деятельность, преимущественно в земствах, позволила позднее сделать решительные шаги в сторону распространения грамотности и знаний в самых широких слоях народа.

Предпосылки для распространения школьного образования в пореформенной России, несомненно, сложились уже в первой половине XIX в. Роль школы в общественной и культурной жизни провинции не ограничивалась привлечением к очагу знаний все большего числа жителей. В дореформенной России государственные учебные заведения были не только источниками распространения знаний, но и «культурными гнездами», оказывавшими гуманизирующее влияние на все слои общества. Исследователи отмечают, что население уральских городов, воспитанное на псалтыри и часослове, встретило первые правительственные попытки создания светских государственных школ весьма настороженно. Лишь благодаря административному нажиму в конце XVIII в. губернаторам удалось добиться активности местных филантропов и сословных корпораций в распространении школьного образования и обеспечении материальной поддержки народных училищ. Временное охлаждение власти к вопросам просвещения привело к резкому оттоку учащихся из государственных учебных заведений. В период правления Павла I их число в уральских городах сократилось почти вдвое.

Постепенно отношение к просвещению в среде простых горожан изменилось. Заметным фактором культурного развития провинции стал учительский корпус общеобразовательной школы. В первой четверти XIX в. в составе учителей появились высококвалифицированные люди, выпускники педагогических институтов и университетов. Их усилия, как и меры местной администрации, способствовали распространению просвещения. Преподаватели привлекали к себе наиболее талантливых и активных учеников, прививали им любовь к чтению и самообразованию. В пользу школьного образования начинала работать и семейная традиция. У горожан, получивших школьное образование, не было предубеждения против казенных учебных заведений. Они охотно посылали своих детей в училища и гимназии. Мода на ученость проникала не только в среду дворянства, но и в семьи купцов и ме-

Схема 1

Численность учащихся гимназий в Пермской (1), Вятской (2) и Оренбургской (3) губерниях

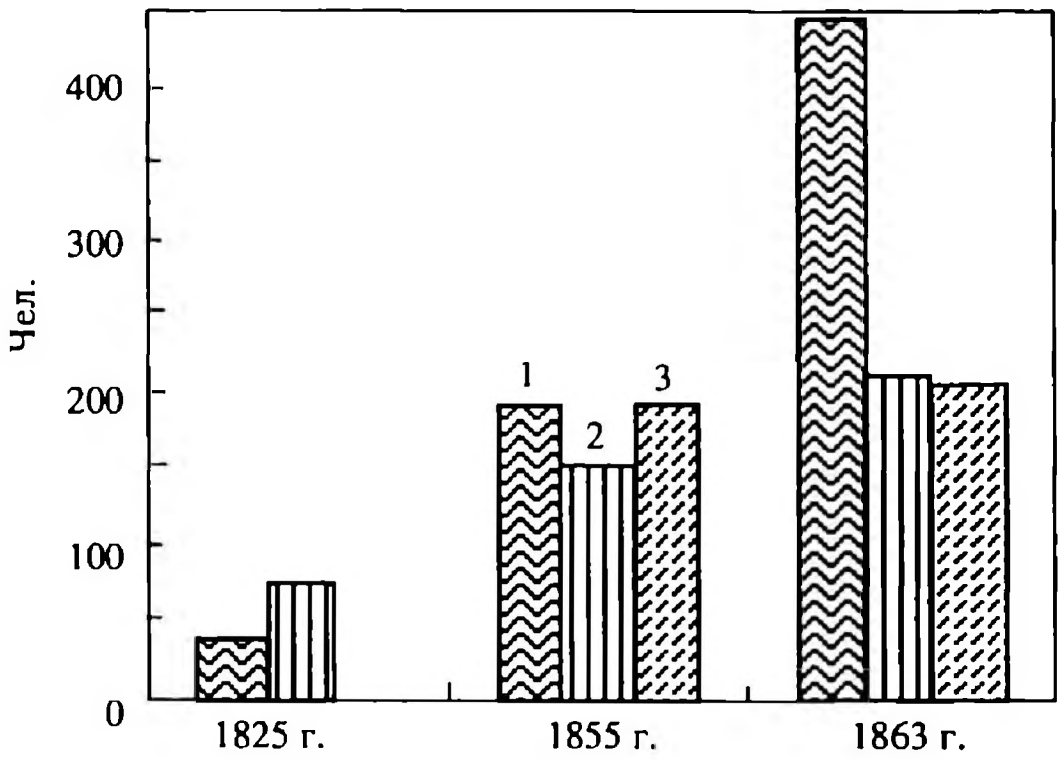
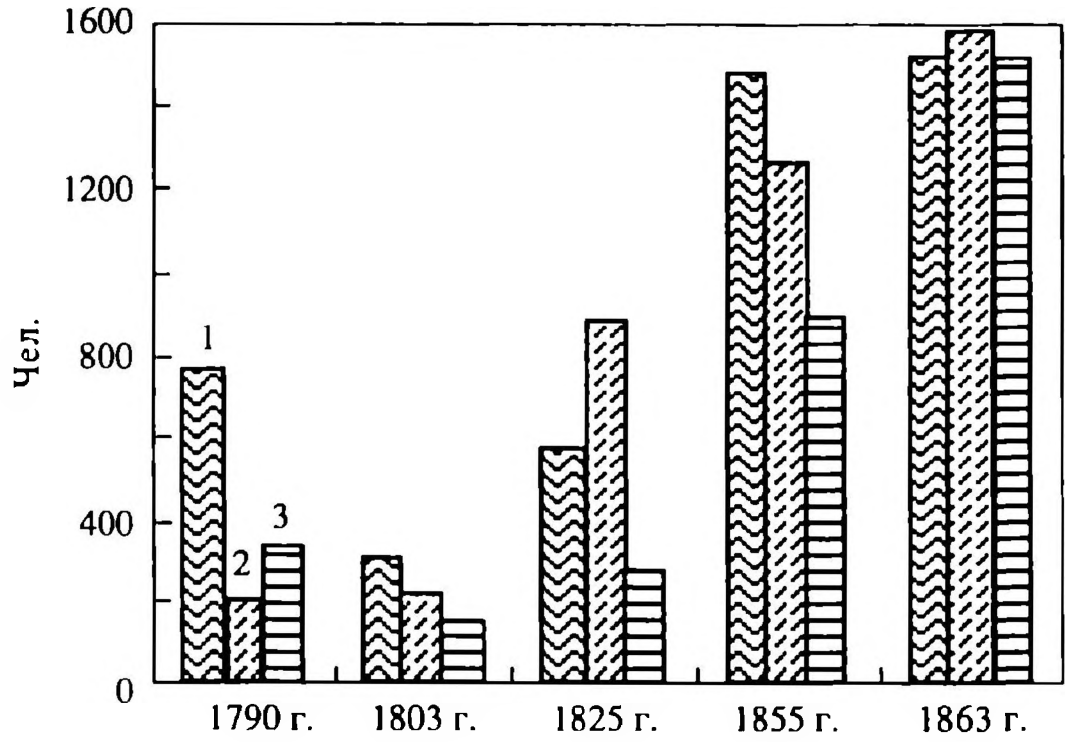

Схема 2

Численность учащихся начальных училищ в городах Пермской (1), Вятской (2) и Оренбургской (3) губерний

щан. Судить об общем уровне грамотности городского населения Урала трудно из-за отсутствия сводных источников. При этом, основываясь на ведомственной статистике, можно вполне определенно сказать, что к 1855 г. почти все дворяне и около 1/3 купеческих и мещанских семей отдавали своих детей в государственные общеобразовательные учебные заведения.

Наибольшую популярность государственная школа имела в городах Вятской губернии. В ее государственных школах обучались в середине XIX в. около 40 % купеческих и мещанских детей школьного возраста. Школьная администрация отмечала особую приверженность жителей древних вятских городов к просвещению. В Пермской губернии обучалось в это время лишь около 30 % купеческих и мещанских детей школьного возраста, в Оренбургской – около 15 %. Города Оренбургской губернии существенно отставали от городов соседних Пермской и Вятской губерний по общей численности обучающихся в начальных школах. Изменить положение удалось лишь благодаря особой правительственной поддержке школ колонизуемого Оренбургского края и мерам местной администрации. К началу школьной реформы 1864 г. количественные характеристики распространения общеобразовательных школ в городах всех уральских губерний выровнялись (схема 2). В целом они примерно соответствовали показателям уровня школьного дела в городах Европейской России.

Плоды достаточно широкого для того времени распространения школьного обучения сказались на представлениях горожан о ценности образования. Директор Пермской гимназии Иван Флорович Грацинский писал по этому поводу в 1850 г.: «В настоящее время потребность образования сделалась всеобщею, необходимость просвещения сознается всеми» [2]. Свидетельством тяги народа к образованию стало массовое движение поддержки воскресных школ. В губернских и уездных городах в предреформенные годы работало около десятка воскресных школ. Важным социокультурным явлением городской жизни стало также создание школ для девочек. К началу школьных реформ 1864 г. в уральских городских женских учебных заведениях ведения министерства народного просвещения обучалось около 1200 человек. Воскресные и женские школы работали почти исключительно на средства благотворителей.

Благотворительная поддержка стала заметным подспорьем и для государственной общеобразовательной школы. Следует от-

метить, что законодательное разграничение сословного предназначения школ сыграло в пользу народного образования. Богатое купечество охотнее поддерживало «собственные» уездные и приходские училища, чем дворянские гимназии. Во второй трети XIX в. частные пожертвования в пользу училищ в уральских городах стали обычным явлением. Списки жертвователей содержали сотни фамилий.

Полностью преодолеть антиобразовательный стереотип среди горожан училищным властям в первой половине XIX в. так и не удалось. Потребность в грамотности в городах оставалась низкой, чему способствовала в определенной степени слабость местной промышленности и торговли. В городских семьях дореформенного Урала образование детей ограничивалось по большей части начальным уровнем, что объяснялось прагматическими соображениями. Для всех уральских городских училищ в первой половине XIX в. был характерен широкий отсев учащихся, выбывавших до окончания обучения. Тем не менее школа оставляла заметный след в душах своих воспитанников. Плоды ее влияния для распространения культуры нового времени и формирования качественно иной общественной среды сказались вскоре после Великих реформ 1860–1870-х гг., когда в уральских городах усилиями самого населения и правительства была создана широкая сеть школ. Основанием для их успешной деятельности стал приобретенный ранее культурный капитал.

ПРИМЕЧАНИЕ

Введение

1. *Матвеева Н.А.* О соотношении инерционности и субъектности в образовании // Социологические исследования, 2002. № 3; Современная социология образования: Учебное пособие. Ростов н/Д, 2005.
2. См. подробнее: *Карнишина Н.Г.* Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50–80-е годы XIX века): Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 53–54.
3. *Козляков В.Н., Севастьянов А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 126.
4. См., например: *Мурзина И.Я.* Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003.
5. *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореволюционной системе управления (1775–1861): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Свердловск, 1991. С. 3.
6. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. акад. РАН Г.В. Осипова. М., 1995. С. 464.
7. *Алексеев В.В., Побережников И.В.* Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник, 2000. № 5–6. С. 33.
8. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформация. Екатеринбург, 1998. С. 5.
9. *Оболенская С.В.* История повседневности в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. М., 1990; *Леви Д.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.
10. *Артамонова Л.М.* Просвещение, власть и общество в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России): Дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2002. С. 12.
11. *Коган Л.Н.* Теория культуры: Учебное пособие. Екатеринбург, 1993. С. 70.
12. *Михайлова Л.И.* Социология культуры: Учебное пособие. М., 1999. С. 169.
13. Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.
14. Там же. С. 7.
15. Очерки истории русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001.
16. Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в. Очерки / Под ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 2002. С. 8.
17. *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб., 1865; *Арсеньев К.И.* Историко-статистический очерк народного образования в России конца XVIII века. Б. м., 1872; *Отто И.К.* Материалы для истории учебных заведений министерства народного просвещения. СПб., 1865; *Алешинцев И.Л.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века). СПб., 1912; *Князьков С.А., Сербов Н.И.* Очерк истории народного образования в России до

эпохи реформ Александра II. М., 1910; *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. СПб., 1909; *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII – XIX веках. Т. 1. СПб., 1912; *Он же.* Сословный вопрос в русских университетах в первой четверти XIX века. СПб., 1907; *Он же.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб., 1909; *Толстой Д.А.* Взгляд на учебную часть в России с XVIII столетия до 1872 года // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1886. Т. XXXVIII. № 4.

18. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902.
19. *Греков Ф.В.* Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. 1700–1910. М., 1910; История министерства внутренних дел. СПб., 1858; Столетие военного министерства. СПб., 1902; *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных главному их управлению от основания в России военных школ до исхода первого 25-летия благополучного царствования Государя императора Александра Николаевича. 1700–1880. Ч. 1. СПб., 1880; *Лоранский А.М.* Исторический очерк Горного института. СПб., 1873; *Селезнев И.Я.* Пятидесятилетие IV отделения собственной его императорского величества канцелярии. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии. 1828–1878. СПб., 1879.
20. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в городе Перми в двух частях. Ч. 1–2. Пермь, 1804.
21. *Фирсов Н.А.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858.
22. *Сафронова А.М.* К истории народных училищ Урала второй половины XVIII века // Вопросы истории Урала. Сб. 13. Екатеринбург, 1975. С. 35.
23. *Фирсов Н.А.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии... С. 3.
24. *Фирсов Н.А.* Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник. Кн. 1. Отд. 1. М., 1859.
25. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908; *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Тюмень, 1871; *Гурвич Н.* Пятидесятилетний юбилей Уфимской мужской гимназии. Уфа, 1878; *Поликарпов А.* Краткий исторический очерк 75-летия Уфимской мужской гимназии (1828–1903). Уфа, 1904; *Хохлов И.* Столетие Оренбургского городского трехклассного училища. 1789–1889 (Историческая записка). Оренбург, 1892; *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ея существования (с 1859 по 1909 год) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Вятка, 1909. С. 1–181; *Юрьев В.П.* Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II // Материалы к истории Вятской гимназии, по поводу ее столетия (1786–1886). Вятка, 1887; *Юрьев В.П.* Вятская гимназия (1811–1819) // Календарь Вятской губернии на 1888 год. Вятка, 1887. С. 232–249; *Лаврентьев К.В.* Слободское городское училище за 100 лет его существования (1786–1886): Исторический очерк // Календарь Вятской губернии на 1888 год. Вятка, 1887. С. 250–284.
26. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911; *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 53–130; *Спицын А.А.* Преподаватели

русского языка и словесности Вятской гимназии в 1811-1865 гг. // Календарь Вятской губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 316–339.

27. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881). Екатеринбург, 1898; *Удинцев С.А.* Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии. Ирбит, 1892; *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890; *Диомидов Н.* Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии (1861–1886). Оренбург, 1887; *Федосеев С.В.* Иван Иванович Панаев, первый директор Пермских училищ // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1893 год. Пермь, 1892. С. 70–75; *Будрин В.И.* Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1911 гг. Краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911; *Семченков В.К.* Краткий исторический очерк народного образования в Соликамском уезде Пермской губернии. Пермь, 1899.
28. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879.
29. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 613–655; *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 659–738.
30. *Черемшанский В.Н.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1959. С. 242–249.
31. *Дмитриев А.* Очерки из истории губернского города Перми. Ч. 1. С основания поселения до 1812 года. Пермь, 1886; *Он же.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. Пермь, 1889; *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913; Пермский сборник. Повременное издание. Кн. 1. М., 1859; Кн. 2. М., 1860; *Смышляев Д.* Материалы для истории города Перми // Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891; Оренбург (Историко-статистический очерк) // Оренбургские губернские ведомости, 1845. № 45; *Ильин В.Ф.* Троицк // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа. Б. г. С. 1–20; *Игнатьев Р.* Город Верхнеуральск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа. Б. г. С. 130–132; *Орлов А.* Челябинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа. Б. г. С. 83–102; *Шевич В.* Уфа // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 1865. С. 23–50; *Спасский Н.* Постепенное развитие внешняго вида города Вятки и занятий его населения. Историко-статистический очерк // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 101–155; *Столпянский Н.П.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908.
32. *Гаврилова Н.И.* Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. С. 3.
33. *Пиксанов Н.К.* Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. СПб., 1913; *Он же.* Два века русской литературы. М., 1923; *Он же.*

Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. М.; Л., 1928.
34. *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение, 1926. Т. III. № 4. С. 487–508; *Он же.* Очередные задачи краевого культуроведения // Краеведение, 1928. Т. V. № 6. С. 368–376; *Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение, 1928. Т.V. № 6. С. 321–328.
35. *Гревс И.М.* История в краеведении // Краеведение, 1926. Т.III. № 4. С. 502.
36. *Кошман Л.В.* Русский город в XIX веке: социокультурный аспект исследования: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 14.
37. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 207–463.
38. *Иванов А.В.* Милюков Павел Николаевич // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды / Под ред. П.В. Алексеева. Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2002. С. 631.
39. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. С. 279.
40. *Медынский Е.Н.* История русской педагогики до Великой Октябрьской социалистической революции: Учебник для педагогических вузов. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1938. С. 106.
41. *Константинов Н.А., Струминский В.Я.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953; *Ганелин Ш.И.* Очерки по истории средней школы. М., 1947; *Шабаева М.Ф.* Школа и учительство России в первой четверти XIX века: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1955; *Соловков А.И.* Педагогическая мысль в России в эпоху позднего феодализма и зарождения капиталистических отношений // Антология педагогической мысли в России XVIII века. М., 1985; *Белявский М.Т.* Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987.
42. *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; *Он же.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988; *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.
43. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 342.
44. *Быков В.М.* За двести лет // Екатеринбург за двести лет (1723–1923). Екатеринбург, 1923. С. 17–76; К двухсотлетнему юбилею города Перми // Пермский краеведческий сборник, 1924. Вып. 1.; *Савич А.А.* Прошлое Урала. Свердловск, 1927; Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга–Свердловска. Свердловск, 1947; Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга–Свердловска (26–29 мая 1948 года). Свердловск, 1950; *Горловский А.М.* Горный город Екатеринбург. 1807–1863. Краткий очерк. Свердловск, 1948; Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1958; *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII вв. Киров, 1956; *Луппов П.Н.* История города Вятки. Киров, 1958; *Иофа Л.Е.* Города Урала. Ч. 1. Феодальный период. М., 1951.
45. *Анимица Е.Г.* Города Среднего Урала. Свердловск, 1975; *Горловский М.А.* Города Урала в первой половине XIX века // Вопросы экономической истории и экономической географии: Сб. статей / Под ред. М.А. Горловского. Свердловск, 1964. С. 5–18; Очерки истории Свердловска (1723–1973). Свердловск, 1973; *Бердников Н.Н.* Город в двух измерениях (Екатерин-

бург–Свердловск). Изд. 2-е. Свердловск, 1979; *Герштейн Я.Л., Смирных А.И.* Ирбит. Свердловск, 1981; Камышлов. Свердловск, 1968.; Красноуфимск. Свердловск, 1970.
46. *Мосин А.Г.* Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII – середина XIX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1986; *Он же.* Круг чтения крестьян, горожан и мастеровых Вятского края XVII – первой половины XIX вв.: общие и специфические черты // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия: Сборник науч. трудов. Свердловск, 1986. С. 117–130.
47. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 422–436.
48. Очерки истории Кировской области. Киров, 1972.
49. См. подробнее: История педагогики на пороге XXI века: Историография, методология, теория / Под ред. Г.Б. Корнетова, В.Г. Безрогова. Ч. 1. Историографические и методологические проблемы историко-педагогической науки. М., 1999. С. 150–159.
50. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX века / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Вторая половина XIX века / Отв. ред. А.И. Пискунов. М., 1976.
51. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII в.–1861 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1977; *Она же.* Развитие горнотехнического образования на Урале в дореформенный период // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 112–115.
52. *Вольфсон М.М.* Из истории школы в Оренбургском крае в XVIII веке // Педагогический сборник. Оренбург, 1960. С. 200–215; *Вильданов А.Х., Кунафин Г.С.* Башкирские просветители-демократы XIX века. М., 1981.
53. *Горовой Ф.С.* Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Пермь, 1952; *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974; *Сергеев В.Д.* Общественно-политическая борьба в Вятском крае в середине 1950–конце 1870-х гг: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978; *Линков Я.И.* Революционная борьба А.И. Герцена и Н.П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964; *Рабинович Я.Б.* Круг Н.Г. Чернышевского и разночинцы Урала в период первой революционной ситуации в России: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1983; *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей // Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг. Казань, 1985.; *Литвина Ф.А.* Пермские литературно-музыкальные вечера 60-х годов XIX века (организация, программы) // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Вып. 2–3. Казань, 1969. С. 112–129; *Шпилева Н.С.* Воскресные школы Поволжья и Урала в 60-х годах XIX века // А.И. Герцен, Н.П. Огарев и общественное движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1964; *Орлова С.А.* Деятельность М.Д. Муравского в период создания «Земли и воли» 1860-х годов // Исследования по истории Урала. Пермь, 1972. Вып. 2.
54. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Михайлова С.М.* Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья (XIX век). Казань, 1978.
55. *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII – начала XIX в.: Учебное пособие. М., 1983.

56. *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974. С. 137.
57. *Lincoln W.B.* In the Vanguard of Reform: Russia¢s Enlightened Bureaucrats 1825–1861. Illinois, 1982.
58. История педагогики на пороге XXI века: Историография, методология, теория / Под ред. Г.Б. Корнетова, В.Г. Безрогова. Ч.1. Историографические и методологические проблемы историко-педагогической науки. М., 1999.
59. См., например: *Okenfuss M.J.* Education and Empire: School Reform in Englightened Russia // IGOE, 1979. V. 27. № 1. P. 48; *Dukes P.* Catherine the Great and the Russian Nobility. A Studi Based on the Materials of the Legistative Comission of 1767. Cambridge, 1967; *Flynn J.T.* The Universities in the Russia of Alexander I: Patterns of reform and reaction. Michigan, 1964; *Raeff M.* Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N.Y., 1966; *Исабель де Мадариага.* Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М., 2002.; *Элис К.* Виртшафтер. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. Т.П. Вечериной; Под ред. А.Б. Каменского. М., 2002.
60. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 1999; *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в начале XIX века. М., 1989.
61. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. 2. ... С. 226.
62. Очерки русской культуры XIX в. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001.
63. *Бокова В.М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003.
64. *Шевченко М.М.* Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 90; *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. С. 160, 164.
65. *Карпачев М.Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX в. Т. 4. Общественная мысль... С. 201.
66. *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998.
67. Уральский город XVIII – начала XX в.: История повседневности / Под ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 2001. 143 с.; Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в.: Очерки / Е.Ю. Аппкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко / Под ред. докт. ист. наук, проф. Н.А. Миненко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 128 с.; Уральский город XVIII – начала XX в.: проблемы социальной истории: Сб. науч. статей / Под. ред. докт. ист. наук, проф. Н.А. Миненко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 160 с.; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. 288 с.; *Ершов М.Ф.* Уездные города Зауралья в конце XVIII – начале 60-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1995. 329 с.; *Корепанов Н.С.* В провинциальном Екатеринбурге

(1781–1831 гг.). Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 188 с.; *Андреев Н.В.* История Пермского городского самоуправления последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2003. 276 с.; *Шилов А.В.* Чердынь в конце XVIII – начале XIX в. // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999; Энциклопедия земли Вятской. Т. 1. Города. Киров, 1994].

68. *Ларионова М.Б.* Дворянская усадьба на Среднем Урае (вторая половина XVIII – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.
69. *Дашкевич Л.А., Бугаева С.Я.* Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997.
70. *Ермаков В.В.* Торгово-промышленная и благотворительная деятельность елабужского купечества // Вопросы истории, 2005. № 8. С. 148–152; *Алеврас Н.Н.* Челябинское купечество в первой половине XIX века // Челябинск неизвестный. Краевед. сб. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 11–22; *Байдин В.И.* Эволюция социально-культурного облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII – начале XX в. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Уральский сборник. История. Культура. Религия: Сб. статей. Екатеринбург, 1997. С. 17–27; *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998; *Баяндина Н.П.* Пермь купеческая. Пермь, 1997.; *Банникова Е.В.* Купечество Южного Урала в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000; Купечество вятское: Исторический сборник / Ред.-сост. М. Судовиков, Т. Николаева. Киров, 1999.
71. *Шкерин В.А.* Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998; *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999; *Мерзлякова Л.В.* Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997; Культура провинциального чиновничества первой половины XIX века (по материалам Южного Зауралья) // Вопросы социальной и экономической истории Сибири XVII – начала XX в.: Сборник науч. статей. Омск, 2002. С. 120–135.
72. *Семенов В.Л.* Мировоззрение Д.Д. Смышляева (Идейное наследие и судьба пермского либерала). Пермь, 2001.
73. *Шкерин В.А.* В.А. Перовский. Глинка и развитие системы народного образования на Урале // Известия Уральского государственного университета, 2005. № 34. Вып. 17. С. 56–62.
74. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в.: В 2 ч. Екатеринбург, 2000; *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.): Учебное пособие. Пермь, 1992; *Она же.* Пермская гимназия и Д.Д. Смышляев // Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 70–73; *Она же.* Приказ общественного призрения и развитие народного образования в Пермской губернии (конец XVIII – начало XIX в.) // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995. С. 55–69; *Она же.* Школы города Кунгура (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.) // Архивы, вузы, школы: Тезисы докладов и выступлений межотраслевой научно-практ. конференции. Пермь, 1997. С. 53–57; *Она же.* Из истории начального образования города Верхотурья // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практ. конф. Екатеринбург, 1998; *Она же.* На-

родное образование в Чердынском крае. 80-е гг. XVIII – первая половина XIX в. // Исторический опыт российских регионов. Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 217–223; *Она же.* Организация гимназического образования в Пермской губернии в первой четверти XIX в. // Путь в историю, пути истории...: Сб. статей и воспоминаний / Перм. ун-т. Пермь, 2002. С. 90–101; *Михащенко А.Л.* Становление и развитие образования в российской провинции в 1719–1917 гг. (На материалах Южно-уральского региона и Западной Сибири). Курган, 2004; *Алеврас Н.Н., Конюченко А.И.* Начальное образование на Южном Урале в конце XVIII – начале XX в. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в.: Сборник науч. трудов. Свердловск, 1990.

75. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001.
76. *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.
77. *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002.
78. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1–45. СПб., 1830 (далее – ПСЗ-I); Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 1–39. СПб., 1830–1864 (далее – ПСЗ-II).
79. ПСЗ-I. Т. 22. № 16421; ПСЗ-I. Т. 27. № 21501; ПСЗ-II. Т. 3. № 2502.
80. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. В 3 т. СПб., 1866–1867; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 3 т. СПб., 1864–1865.
81. *Кеппен П.* Опыт хронологического списка учебным заведениям, состоящим в ведении Министерства народного просвещения. СПб., 1827.
82. Таблицы учебных заведений всех ведомств Российской империи с показанием отношения числа учащихся к числу жителей. СПб., 1838.
83. Состояние учебных заведений, не подведомых министерству народного просвещения // Журнал министерства народного просвещения, 1837. Апрель. С. 69–92.
84. Статистические таблицы Российской империи за 1856 год, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1858.
85. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. СПб., 1840; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, составленные в статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. СПб., 1842; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в статистическом отделении министерства внутренних дел. СПб., 1852.
86. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. В.П. Семенова Тянь-Шанского. СПб., 1914; Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии. СПб., 1848; Обзор современного состояния Оренбургской губернии в статистическом и географическом отношении // Оренбургские губернские ведомости, 1847. № 26; 1848. № 2; 1848. № 13; 1848. № 20; 1848. № 50; 1848. № 52; Оренбург (Историко-статистический очерк) // Оренбургские губернские ведомости, 1845. № 45. Неоф. часть.

87. *Мозель Х.* Материалы географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. II. СПб., 1864. С. 418–492.
88. Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 198–200; Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка, 1860. С. 218–219.
89. Памятная книжка Оренбургской губернии за 1865 год. Уфа, 1865.
90. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1281. Оп. 6. Д. 48, 79; Оп. 7. Д. 44.
91. *Банникова Е.В.* Купечество Южного Урала в первой половине XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2000. С.24.
92. Национальный архив республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 92. Оп.1. Д. 6, 15, 18.
93. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956.
94. Там же. Д. 6883.
95. Там же. Д. 8308.
96. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225; Ф. 92. Оп. 1. Д. 2506.
97. *Румянцева М.Ф.* Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII века // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 64–74; *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.; *Щетинина Г.И.* Послужные списки как исторический источник. О составе профессоров в пореформенной России // История СССР, 1970. № 6. С. 154–172.
98. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–5; Д. 15. Л. 23; Д. 18. Л. 13–16; Д. 92. Л. 16; Д. 95. Л. 50, 147–150; Д. 6883. Л. 127–398; Д. 8308. Л. 102–111, 179–188, 226–243, 420–428; Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 256–306; 407–451.
99. *Фирсов Н.А.* Спектакли в канцелярском училище в нынешние святки (письмо к Н.Н. Пенну) // Пермские губернские ведомости, 1860. № 3; Историко-статистическое описание города Ирбити // Пермские губернские ведомости, 1860. № 4; *Пенн С.С.* Сведения о ходе образования в течение академического 1860–1861 года в учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости, 1861. № 40; *Глебов И.М.* Несколько слов в пользу библиотек в уездных городах при училищах // Пермские губернские ведомости, 1859. № 2; Извлечения из отчета Чердынского приходского уездного училища // Пермские губернские ведомости, 1864. № 5; Извлечение из отчета Вятского уездного училища за 1860–1861 учебный год, читанного на акте штатным смотрителем // Вятские губернские ведомости, 1861. № 29; О пожертвовании елабужских жителей // Вятские губернские ведомости, 1858. № 39; Об открытии в городе Нолинске уездного училища // Вятские губернские ведомости, 1861. № 35; О библиотеке при Котельническом уездном училище // Вятские губернские ведомости, 1862. № 44; *Золотницкий И.* Несколько слов об Елабуге и Николаевском приходском училище в селе Икском Устье // Вятские губернские ведомости, 1860. № 48; Краткие сведения об основании в Вятской епархии учебного заведения для духовного юношества и об учителях и начальниках сего заведения до преобразования его в 1818 году // Вятские губернские ведомости, 1859. № 27; О народном образовании в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 43; Обзор современного состояния Оренбургской губернии в статистическом и географическом отношении // Оренбургские губернские ведомости, 1848. № 2; Краткий исторический взгляд на развитие духовного образования в Оренбургском крае // Оренбургские губернские ведомости, 1851. № 22–26;

Отчет Оренбургской дирекции училищ за 1857–1858 учебный год, читанный на акте гимназии секретарем Совета П. Чоглоковым // Оренбургские губернские ведомости, 1858. № 47; Об открытии в городе Бирске публичной библиотеки при уездном училище // Оренбургские губернские ведомости, 1859. № 44; План частного училища для девиц в городе Уфе, составленный титулярным советником Иваном Круглополевым // Оренбургские губернские ведомости, 1847. № 47; О частном учебном заведении в городе Уфе // Оренбургские губернские ведомости, 1844. № 32; *Золотницкий Н.* По поводу открытия частных школ в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости, 1861. № 47; Глазовская частная школа // Вятские губернские ведомости, 1862.№ 25; Орловская частная школа // Вятские губернские ведомости, 1862. № 26.

100. Протокол заседания педагогического совета Пермской гимназии // Пермские губернские ведомости, 1860. № 40; Открытие женского училища и 50-летний юбилей и новоселье уездного училища // Вятские губернские ведомости, 1860. № 42; *Золотницкий Н.* Несколько слов о Вятском женском приходском училище // Вятские губернские ведомости, 1860. № 50; Отчет о состоянии Вятского женского училища первого разряда за 1860–1861 учебный год // Вятские губернские ведомости, 1861. № 34; Извлечение из отчета о состоянии женских училищ в городе Котельниче // Вятские губернские ведомости, 1861. № 33; Об открытии в городе Слободском женского училища // Вятские губернские ведомости, 1860. №4; Извлечение из отчета о состоянии Слободского женского училища второго разряда // Вятские губернские ведомости, 1861. № 37; Об открытии в городе Котельниче второразрядного женского училища // Вятские губернские ведомости, 1861. № 2; По поводу открытия женских школ // Вятские губернские ведомости. 1859. №30; Об открытии в Вятке женского приходского училища // Вятские губернские ведомости. 1860. №40; Об открытии женского училища в городе Сарапуле // Вятские губернские ведомости. 1860. №24; Заметки о необходимости женских училищ в Вятке и Вятском крае // Вятские губернские ведомости, 1858. № 27; Еще несколько слов о женских учебных заведениях в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости, 1860. № 51; Извлечение из отчета о состоянии Елабужского женского училища второго разряда за 1860–1861 учебный год // Вятские губернские ведомости, 1861. № 41; Пожертвование в пользу предполагаемой к открытию Уфимской женской гимназии // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 26; Открытие Мензелинского женского училища второго разряда // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 38; О возможности скорого открытия женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1859. № 9; Об учреждении женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 18.

101. Проект воскресной школы в городе Перми, составленный учениками VII класса Пермской гимназии, изъявившими свою готовность преподавать в этой школе разные предметы // Пермские губернские ведомости, 1860. № 42; Открытие воскресной школы в городе Перми // Пермские губернские ведомости, 1860. № 46; Об открытии в Перми и Верхотурье воскресных школ // Пермские губернские ведомости, 1860. № 46; Отчет о состоянии первой женской воскресной школы в Перми // Пермские губернские ведомости, 1861. № 50; *Островский Д.П.* Женское училище, воскресная школа и литературно-музыкальные вечера в Перми // Пермские губернские ведомости, 1860. № 48; Открытие в городе Камышлове воскресной

школы // Пермские губернские ведомости, 1860. № 41; *Карнаухов И.* Несколько слов о школе и библиотеке для арестантов при Соликамском тюремном замке // Пермские губернские ведомости, 1863. № 8; Об открытии в Вятке воскресной школы // Вятские губернские ведомости, 1861. № 3; Вятская воскресная школа // Вятские губернские ведомости, 1862. № 9; О состоянии Вятской воскресной школы в 1861 году // Вятские губернские ведомости, 1862. № 13; Положения о Вятской воскресной школе, принятые преподавателями в происходивших между ними совещаниях // Вятские губернские ведомости, 1861. № 28; *Зарецкий Н.* О состоянии Вятской воскресной школы в первое полугодие ее существования // Вятские губернские ведомости, 1861. № 30; *Усольцов В.* Школа и библиотека в Вятском тюремном замке // Вятские губернские ведомости, 1866. № 5.

102. *Пенн С.С.* Отрывок из нашей современной летописи // Пермские губернские ведомости, 1860. № 17; *Книзе В.* На дороге (из заметок учителя) // Пермские губернские ведомости, 1864. № 26; Челяба // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 46; *Максимов А.* Взгляд на уездный город Стерлитамак // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 8; Взгляд на уездный город Бирск // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 4; Курбатов В. Мензелинск // Оренбургские губернские ведомости, 1865. – Уфа. Б.г. С. 55–77; Несколько слов о Троицке // Оренбургские губернские ведомости, 1849. № 23; *Житков М.* Еще несколько слов о Троицке // Оренбургские губернские ведомости, 1849. № 34; Оренбург. Из письма редактору // Оренбургские губ. ведомости, 1860. № 7; Оренбургская летопись // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 1, 10; Общественная жизнь в провинции // Вятские губернские ведомости, 1859. № 10; Орлов // Вятские губернские ведомости, 1869. № 32; Мысли о чтении книг вообще и в нашей губернии в особенности, по поводу открытия в Вятке частной библиотеки для чтения // Вятские губернские ведомости, 1859. № 6; Отчего беднеют уездные города // Вятские губернские ведомости, 1858. № 35; *Кузнецов А.* Местная причина упадка некоторых уездных городов Вятской губернии // Вятские губернские ведомости, 1859. № 9; Из Яранска // Вятские губернские ведомости, 1865. № 80; Вятка в настоящее время // Вятские губернские ведомости, 1857. № 15; Вести из Елабуги // Вятские губернские ведомости, 1860. № 38; *Шестаков В.* Описание уездного города Уржума //Вятские губернские ведомости, 1865. № 17; Вятская хроника // Вятские губернские ведомости, 1866. № 9.

103. *Гра А.* Материалы к истории Оренбурга. Оренбург 40-х годов XIX столетия // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Выпуск XI. Оренбург, 1903. С. 1–10; *Мельников (Печерский) П.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки, 1840. № 3, 4, 8, 10; *Свиньин П.П.* Картина Оренбурга // Отечественные записки, 1828. № 9; *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев / Под общей ред. Г.П. Лобановой. Екатеринбург, 2000.

104. *Смышляев Д.* Из прошлого. О старых временах и людях // Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 151–154.

105. *Жакмон П.П.* Из воспоминаний Оренбургского старожила // Гостиный двор, 1997. № 4. С. 132–147.

106. Воспоминания Н.Я. Афанасьева // Исторический вестник, 1890. Т. XLI. С. 23–32; *Мухачев Е.* Нечто о Феонове // Пермский сборник. Кн. 1. М., 1859. С. 49–50.

107. *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Ч. 1. М., 1926. С. 18–20.

108. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1907. Вып. XVIII.
109. См., например: *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 29; *Марасинова Е.Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999. С.4.
110. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Губернские очерки. Устинов, 1985.
111. См., например: *Луппов П.Н.* А.И. Герцен в вятской ссылке // Вятская жизнь, 1923. №2 . С. 44–65; *Соболев В.А.* А.И. Герцен в вятской ссылке (Исторический очерк). Киров, 1962; *Путинцев В.А.* Герцен-писатель. М., 1963; *Гай Г.Н.* Роман и повесть Герцена 30–40-х годов. Киев, 1959; *Петряев Е.Д.* Люди, рукописи, книги. Киров, 1970; *Изергина Н.П.* Писатели в Вятке: Литературно-краеведческие очерки. Киров, 1979.
112. А.И. Герцен в Вятке. Киров, 1940.
113. *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Старая Пермь. Путевые очерки // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. В 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12; *Он же.* Из далекого прошлого // Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч. в 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12; *Он же.* На рубеже Азии. Очерки захолустного быта // Мамин-Сибиряк Д.Н. Полн. собр. соч. Екатеринбург, 2002. Т. 1; *Он же.* Город Екатеринбург. Исторический очерк // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1899.

Глава I

1. *Белявский М.Т.* Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века / Под ред. акад. Б.А. Рожкова. Ч. 2. М., 1987. С. 258; *Вишленкова Е.А.* Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1998. С. 41.
2. *Смирнов А.В.* Русская школа в первой четверти XVIII века // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX в. М., 1973. С. 23, 25; Антология педагогической мысли в России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С. 10, 11, 26, 449; *Белявский М.Т.* Школа и образование... С. 259–260.
3. ПСЗ-I. Т. V. № 2762, 2778.
4. *Фруменкова Т.Г.* Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // Вопросы истории, 2003. № 7. С. 136.
5. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. С. 249.
6. *Нечаев Н.В.* Горнозаводские школы Урала (К истории профессионально-технического образования в России). М., 1956. С. 38.
7. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 139.
8. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. СПб., Т. 1. С. 137, 138.
9. *Фруменкова Т.Г.* Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века... С. 136–143.
10. *Исабель де Мадариага.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 774.
11. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. С. 254, 257; *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 30.

12. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. Ярославль, 1874; *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912.
13. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб., 1912. С. 195.
14. *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. Вып. 3. СПб., 1877. С. 330.
15. ПСЗ-I. Т. 17. № 12 103.
16. *Фруменкова Т.Г.* Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. Сб. науч. работ. СПб., 2003. С.273–275.
17. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Ст. 350.
18. *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 178.
19. *Исабель де Мадариага.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 779; *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках... Т. 1. С. 305.
20. *Рождественский С.В.* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках... Т. 1. С. 328.
21. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 64.
22. Очерки истории школы и педагогики за рубежом. Ч. 2. (XVIII–XX вв.): Экспериментальное учеб. пособие. М., 1989. С. 25–26; *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб., 1909. С. 40, 41.
23. *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II... С. 4.
24. Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И.А. Соловков. М., 1985. С. 234–235.
25 См., например: *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб., 1909; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX века / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973; *Моряков В.И.* Русское просветительство второй половины XVIII века. (Из истории общественно-политической мысли России). М., 1994.
26. *Каменский А.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 253.
27. ПСЗ-I. Т. 22. № 16 421. Ст. 96.
28. *Фирсов Н.А.* Открытие народных училищ в Пермской губернии... С. 194.
29. ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 об., 29.
30. *Калинина Т.А.* Приказ общественного призрения и развитие народного образования в Пермской губернии (80-е годы XVIII – начало XIX в.) // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала: Межвузовский сборник науч. трудов. Пермь, 1995. С. 56–57.
31. *Фирсов Н.А.* Открытие народных училищ в Пермской губернии... С. 196.
32. *Смышляев Д.* Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 59–65.
33. *Спешилова Е.* Старая Пермь. Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. Пермь, 1999. С. 410.

34. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в городе Перми. Ч. 1. Пермь. 1804. С. 129.
35. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 77. Л. 9; *Смышляев Д.* Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1981. С. 65.
36. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX в.): Учебное пособие. Пермь, 1992. С.12.
37. *Спицын А.* История Вятского главного народного училища // История Вятской гимназии за сто лет ея существования. Вятка, 1911. С. 92.
38. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 239.
39. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; *Спицын А.* История Вятского главного народного училища. С. 127–128.
40. *Спицын А.* История Вятского главного народного училища... С. 128.
41. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 616.
42. *Юрьев В.П.* Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II // Материалы к истории Вятской гимназии по поводу ее столетия (1786–1886). Вятка, 1887. С. 31, 34.
43. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2002. С. 122.
44. Там же. С. 177, 241.
45. Там же. С. 316.
46. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 74. Л. 4.
47. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 96.
48. *Фирсов Н.А.* Открытие народных училищ в Пермской губернии... С. 147.
49. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период... С. 14.
50. *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II. СПб., 1909. С. 46.
51. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 21.
52. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период... С. 14.
53. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 77.Л. 9.
54. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в городе Перми в двух частях. Ч. 1. Пермь, 1804. С. 210.
55. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 239.

56. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 667.
57. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 670.
58. Там же. С. 668.
59. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. В 2 ч. Ч.1. Екатеринбург, 2000. С 23–24.
60. Там же. С. 25.
61. ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1577. Л. 4–4 б.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1319. Л. 7.
62. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-Восточные губернии Европейской России)... С. 324–325.
63. Там же. С. 236.
64. *Смышляев Д.* Сборник статей о Пермской губернии... С. 59.
65. ПСЗ-I. Т. 22. № 16 421. Ст. 108.
66. *Рождественский С.В.* Из истории учебных реформ императрицы Екатерины II... С. 32–33.
67. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2... С. 271.
68. *Спицын А.* История Вятского главного народного училища. С. 120.
69. Челябинск. Энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 917.
70. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России)... С. 234.
71. Цит. по: *Рождественский С.В.* Основы социальной организации педагогического труда в XVIII-XIX веках // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 8. С. 41.
72. *Смышляев Д.* Сборник статей о Пермской губернии... С. 152.
73. Там же. С. 153–154.
74. *Спицын А.* История Вятского главного народного училища... С. 109.
75. *Исабель де Мадариага.* Россия в эпоху Екатерины Великой... С. 799.
76. ПСЗ-I. Т. 22. № 16 421. Ст. 54.
77. ПСЗ-I. Т. 23. № 16 930. Ст. 4.
78. *Рождественский С.В.* Основы социальной организации педагогического труда в XVIII–XIX веках... С. 43.
79. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России)... С. 245.
80. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–5; Д. 15. Л. 23; Д. 18. Л. 13–16; Д. 92. Л. 16; Д. 95. Л. 50, 147–150.
81. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 119.
82. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России)... С. 242, 323.
83. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ея существования. Вятка, 1911. С. 94.
84. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 623.
85. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.
86. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 15.

87. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2000. С. 23.
88. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России)... С. 111.
89. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2 ... С. 276.
90. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. В 2 ч. Ч. 1. С. 28.
91. *Бокова В.М.* Беспокойный дух времени // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 23.
92. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в городе Перми. Ч. 3. СПб., 1913. С. 113.
93. *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России)... С. 326.
94. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4687. Л. 46.
95. *Берлин И.* История свободы. Россия. М., 2001. С. 17.
96. Цит. по: *Лосиевский И.* С пером и скипетром // Екатерина II. О величии России. М., 2003. С. 6.

Глава II

1. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 270.
2. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века). СПб., 1912. С. 17.
3. ПСЗ-I. Т. 27. № 20 597.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. М., 1875. Т. 1. С. 21–22.
5. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 169.
6. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича. СПб., 1904. Изд. 2-е. Ч. 1–2. С. 483.
7. ПСЗ-I. Т. 27. № 20 597. Ст. 21.
8. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 22.
9. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1912. Ч. I. С. 78.
10. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 27.
11. ПСЗ-I. Т. 28. № 21 501. Ст. 83.
12. ПСЗ-I. Т. 28. № 21 501. Ст. 119.
13. ПСЗ-I. Т. 27. № 20 597. Ст. 24.
14. *Сысоева Е.К.* Народная школа // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 16.
15. ПСЗ-I. Т. 27. № 20597. Ст.48.
16. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.). Екатеринбург, 1898. С. 68–69.
17. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4687. Л. 12.

18. *Чепурнов Н.И.* Наградные медали Государства Российского. Энциклопедическое иллюстрированное издание. М., 2002. С. 204.
19. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 124.
20. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 91.
21. *Сухомлинов М.И.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. Ч. 1. СПб., 1865. С. 121.
22. Там же.
23. См., например: *Артамонова Л.М.* Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2002. С. 233.
24. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 35.
25. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX в.)... С. 11.
26. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 95. Л. 149.
27. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 422.
28. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 123.
29. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 175. Л. 1, 5, 7, 10, 13.
30. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 977. Л. 20.
31. НАРТ. Ф. 92. Оп 1. Д. 1220. Л. 1–2.
32. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908)... С. 33.
33. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 5.
34. Там же. С. 6–7.
35. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии... С. 623.
36. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 645. Л. 3 об.
37. Там же. Л. 17.
38. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский* Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества... С. 346, 358, 359.
39. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 11.
40. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича... С. 494.
41. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX век. Ч. 1... С. 29, 70.
42. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича... С. 504–505.
43. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1... С. 71.
44. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 832. Л. 2–3.
45. В эту сумму, очевидно, вошли 10 тысяч рублей, пожертвованные дворянством Оренбургской губернии в 1805 г. на устройство в Казани военного

училища. После того как власти отказались от создания училища, деньги были перечислены в Оренбургский приказ общественного призрения. В 1820 г. Правление императорского Казанского университета обратилось к попечителю округа М.А. Салтыкову с просьбой ходатайствовать перед правительством о переводе этих денег на нужды вновь учреждаемой гимназии (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 832. Л. 4).

46. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1019. Л. 18.
47. Там же. Д. 832. Л. 4.
48. Там же. Д. 2071. Л. 40.
49. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век)... С. 43.
50. Там же. С. 55.
51. *Pinter W.M.* The Social characteristics the early nineteenth century Russian buracrasy // Slavic Review. American Quorterly of Soviet and East Europenian Studies, 1970. V. 29. № 3. P. 429–443.
52. *Карнишина Н.Г.* Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х–80-е годы XIX века): Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 63.
53. *Мерзлякова Л.В.* Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. (Приложение. Табл. 13).
54. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 69.
55. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881). Екатеринбург, 1898. С. 79.
56. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225. Л. 8.
57. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2121. Л. 2–4.
58. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881)... С. 79.
59. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Тюмень, 1871. С. 18, 25.
60. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 978. Л. 10.
61. Там же. Д. 4202. Л. 1–3, 105, 142.
62. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870)... С. 11.
63. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 575. Л. 1–2.
64. Там же. Л. 4.
65. *Шалин П.А.* Историческая записка о Екатеринбургском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 63.
66. *Корепанов Н.С.* В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 123; НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1354. Л. 1–3 об.
67. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1354. Л. 9.
68. Там же. Д. 583. Л. 17.
69. Там же. Д. 645. Л. 5.
70. Там же. Д. 1226. Л. 2.
71. Там же. Д. 1434. Л. 26.
72. Там же. Д. 980.
73. Там же. Л. 4–5.
74. Там же. Д. 1434. Л. 26.
75. Там же. Л. 26.
76. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 4.

77. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 28–29.
78. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 74, 75.
79. Там же. С. 4, 68.
80. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в... С. 28–29.
81. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 679.
82. Вести из Елабуги // Вятские губернские ведомости, 1860. № 42. С. 289.
83. *Ермаков В.В.* Род Ушковых и народное образование в г. Елабуге // Вопросы истории, 2003. № 10. С. 138.
84. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 645. Л. 3.
85. Там же. Д. 1658. Л. 21 об., 49, 68.
86. Там же. Д. 1766. Л. 40.
87. Вести из Елабуги // Вятские губернские ведомости, 1860. № 42. С. 289.
88. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 679.
89. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 645. Л. 17.
90. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 681; *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества... С. 358.
91. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1766. Л. 35, 39.
92. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 681.
93. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1219. Л. 27; Д. 1766. Л. 35 об., 39.
94. Д. 1658. Л. 68; Д. 1766. Л. 35 об., 39.
95. Там же. Д. 731. Л. 4, 5.
96. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 683, 684; *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества... С. 358.
97. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Л. 22.
98. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 689, 690.
99. Там же. С. 680.
100. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам Н. Булича... С. 505.
101. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 29, 30.
102. Там же. С. 22.
103. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1434. Л. 26.
104. Там же. Д. 977. Л. 7.
105. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 22.
106. НАРТ. Ф. 92. Оп .1 Д. 6883. Л. 189.
107. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 30.
108. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 684.
109. Там же. С. 685.
110. Там же. С. 693.
111. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1599. Л. 27, 51.
112. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества... С. 358.

113. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 683.
114. Там же. С. 692.
115. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 21.
116. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 41, 94.
117. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 111.
118. *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 134.
119. Там же. С. 139.
120. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 42.
121. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX век)... С. 100; *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 59–60.
122. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества... С. 363.
123. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 16.
124. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества... С. 369–370.
125. *Добронравов К.* Российское библейское общество // Странник, 1869. № 8. С. 57–59.
126. *Гросул В.Я., Итенбург Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 86.
127. *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 159.
128. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902... С. 110.
129. Из записок Д.П. Рунича // Русская старина, Т. 105. СПб., 1901. № 3. С. 626.
130. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. № 96.
131. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 81.
132. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902... С. 145.
133. Там же. С. 146.
134. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 49.
135. Там же. С. 51.
136. Там же. С. 54.
137. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1956. Л. 44.
138. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 51.
139. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии... С. 627.
140. *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам Н. Булича. СПб., 1904. Изд. 2. Ч. 1–2. С. 490.
141. Там же. С. 498.
142. Там же. С. 500.

143. О Феонове // Пермский сборник. Кн.2. М., 1860. С. 24.
144. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 407.
145. *Мухачев Е.* Нечто о Феонове // Пермский сборник. Кн. 1. М., 1859. С. 49–50; Дополнение к заметке г. Мухачева // Пермский сборник. Кн. 1. М., 1859. С. 50–54.
146. *Смышляев Д.* Материалы для истории города Перми // Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 68–69.
147. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225. Л. 221 об.
148. Там же. Л. 15.
149. Там же. Л. 215 об.
150. Там же. Л. 217.
151. Там же. Д. 1241. Л. 412.
152. Там же. Д. 1225. Л. 257.
153. *Бердинских В.А.* Уездные историки. М., 2003. С. 330.
154. Там же. С. 330–349.
155. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 24, 31.
156. Там же. С. 27,33.
157. Там же. С. 34.
158. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225. Л. 63.
159. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 56.
160. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии... С. 627.
161. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865)... С. 54, 56.
162. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. С. 233–235.
163. Там же. С. 830.
164. *Рождественский С.В.* Основы социальной организации педагогического труда в XVIII-XIX веках // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 8. С. 46.
165. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX в. / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973. С. 279.
166. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1241. Л. 284, 412.
167. Там же. Л. 414.
168. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902... С. 135.
169. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2506. Л. 33.
170. Там же. Л. 34.
171. Там же. Л. 35.
172. Там же. Л. 36.
173. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 31.
174. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1225. Л. 73.
175. Там же. Л. 73 об.
176. Там же. Л. 215.
177. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902... С. 67.

178. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 121.
179. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902... С. 138.
180. Там же. С. 68.
181. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 121.
182. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902... С. 139.
183. Там же. С. 136.
184. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870)... С. 7.
185. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 44.
186. Там же.
187. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 14.
188. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). С. 3, 49.
189. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 687. Л. 640 об.
190. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870)... С. 23.
191. Там же. С. 4.
192. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С.55.
193. *Фирсов Н.А.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858. С. 35–70.
194. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 36.
195. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 712.
196. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870)... С. 5, 24.
197. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 35.
198. *Нурминский С.А.* Народные училища в Вятской губернии... С. 713.
199. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 76.
200. Воспоминания Н.Я. Афанасьева // Исторический вестник, 1890. Т. XLI. С. 25.
201. *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. Общественно-культурная среда. М., 1998. С. 140.

Глава III

1. См., например: *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990. С. 261; *Гершензон М.* Николай I и его эпоха. М., 2001.
2. *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города... С. 140.
3. Цит. по: *Рудницкая Е.Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С.177.

4. *Зорин А.Л.* Идеология «православия–самодержавия–народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 108, 128.
5. *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А. и др.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 90.
6. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. С. 166.
7. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2.... С. 293.
8. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902 ... С. 179.
9. *Рудницкая Е.Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. С. 216.
10. *Эйдельман Н.* Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 114.
11. Цит. по: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. ... С. 294.
12. Цит. по: *Рудницкая Е.Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. С. 83.
13. Восстание декабристов. М., 1980. Т. XVII. С. 253.
14. *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика... С. 120.
15. Цит. по: *Гершензон М.* Николай I и его эпоха. М., 2001. С. 147–148.
16. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века). СПб., 1912. С. 143.
17. ПСЗ-II. Т. 20. № 19094.
18. ПСЗ-II. Т. 24. № 23113.
19. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902 ... С. 197.
20. Там же. С. 198.
21. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 46.
22. Там же. Ст. 134.
23. Там же. Ст. 225, 226.
24. Цит. по: *Бокова В.М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX века // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. М., 2003. С. 129.
25. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902... С. 199.
26. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 144.
27. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 146.
28. ПСЗ-II. Т. 24. № 23113.
29. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2... С. 194.
30. Журнал министерства народного просвещения, 1847, Февр. С. 35.
31. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М., 1985. С. 43.
32. Там же. С. 47.
33. *Гросул В.Я., Итенбург Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика... С. 168.
34. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. С. 226.

35. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2... С. 302.
36. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 171.
37. ПСЗ-II. Т. 26. № 25627.
38. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 183.
39. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). С. 46.
40. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования. Вятка, 1911. С. 107.
41. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 78.
42. Там же. С. 77.
43. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 175, 176, 178.
44. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 158.
45. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 195.
46. Министерские распоряжения // Журнал министерства народного просвещения, 1834. №. 3. Ч. 1.
47. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 160.
48. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 207, 211, 212, 219.
49. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 208.
50. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII–первая половина XIX века / Отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973. С. 211.
51. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 272.
52. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 283; *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVII и XIX века)... С. 145.
53. ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. № 8262.
54. ПСЗ-II. Т.10. № 8262.
55. *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 162.
56. Журнал министерства народного просвещения, 1838. № 5.
57. *Рождественский С.В.* Основы социальной организации педагогического труда в XVIII–XIX вв. ... С. 51.
58. Министерские распоряжения // Журнал министерства народного просвещения, 1842, сент.
59. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 340.
60. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2.... С.301.
61. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 144.
62. *Сергеев В.Д.* Поборники просветительского служения. Из истории Вятки. Киров, 2000. С. 9.
63. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 79, 184.
64. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902.... С. 201.
65. Цит. по: *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 122.

66. *Сысоева Е.К.* Народная школа // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 37.
67. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902... С. 202.
68. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века). С. 128.
69. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 182.
70. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). Пермь, 1908. С. 39.
71. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5346.
72. Там же. Л. 18.
73. Там же. Л. 20.
74. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). С. 43.
75. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5485. Л. 16.
76. НАРТ. Ф.92. Оп.1. Д.5485. Л.16; Пермские губернские ведомости, 1843. № 20.
77. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1852 год // Журнал министерства народного просвещения, 1853. № 4–6. Ч. 78. С. 87.
78. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4989. Л. 70.
79. Там же. Д. 5485. Л. 16–17, 60.
80. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1846 год // Журнал министерства народного просвещения, 1847. № 4–6. Ч. 54. С. 52; 1846. № 7–9. Ч. 51.С. 31; 367; *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808-1908)... С. 43.
81. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 222.
82. Отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1833 год // Журнал министерства народного просвещения, 1834. № 3. Ч. 1.
83. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 361.
84. ПСЗ-II. Т. 17. № 15895.
85. Оренбургские губернские ведомости, 1847. № 36. Часть официальная.
86. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3934. Л. 5.
87. Там же. Д. 4519. Л. 1; Д. 4687. Л. 2; Д. 5134. Л. 1-4.
88. Оренбургские губернские ведомости, 1850. № 20. Часть официальная.
89. Там же. № 4. Часть официальная. С. 16.
90. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. 1. Екатеринбург, 2000. С. 83.
91. Журнал министерства народного просвещения, 1845. № 4–6. Ч. 46. С. 37.
92. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX в. Ч. 1... С. 82.
93. Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 43. С. 514.
94. Журнал министерства народного просвещения, 1848. Июнь. С. 161–167.

95. Журнал министерства народного просвещения, 1850. № 4–6. Ч. 66. С. 6; 1851. № 4–7. Ч. 70. С. 95; 1852. № 5. Ч. 74. С. 82.
96. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 231.
97. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 28.
98. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 16.
99. *Андриевский А., Бехтерев Н.П., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества, 1780–1880... С. 476.
100. *Шестаков В.* Описание уездного города Уржума // Вятские губернские ведомости, 1865. № 17. С. 94.
101. *Андриевский А., Бехтерев Н., Спасский Н.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества, 1780–1880... С. 401.
102. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 213.
103. Прибавления к Оренбургским губернским ведомостям, 1844. № 39. С. 493.
104. *Максимов А.* Взгляд на уездный город Стерлитамак // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 8. С. 78.
105. Взгляд на уездный город Бирск // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 4. С. 38.
106. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 46, 47, 49.
107. Там же. Ст. 52, 127, 128.
108. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. XXIV. СПб., 1898. С. 790.
109. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 57, 58, 69.
110. Министерские распоряжения // Журнал министерства народного просвещения, 1836. № 3.
111. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 198.
112. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1843 год // Журнал министерства народного просвещения, 1844. № 4–6. С. 32.
113. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1845 год // Журнал министерства народного просвещения, 1846. № 4-6. Ч. 50. С. 38, 39; № 7-9. Ч. 51. С. 31.
114. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1847 год // Журнал министерства народного просвещения, 1848. № 4-6. Ч. 58. С. 63.
115. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1848 год // Журнал министерства народного просвещения, 1850. № 4–6. Ч. 66. С. 78.
116. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 217.
117. ГАОО. Ф. 6. Л. 6. Д. 13140/9. Л. 3–12.
118. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.), 1898.

119. Оренбургские губернские ведомости, 1848. № 34. С. 227.
120. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6191. Л. 1682.
121. Там же. Д. 3930. Л. 1–4.
122. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1838 год // Журнал министерства народного просвещения, 1839. № 4–6. Ч. 22. С. 48.
123. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 189.
124. НАРТ. Ф.977. Оп. «Училищный комитет». Д.1156. Л.73.
125. Открытие и преобразование учебных заведений по Казанскому учебному округу // Журнал министерства народного просвещения, 1835. № 12. С. 575.
126. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1850 год // Журнал министерства народного просвещения, 1851. № 4–7. Ч. 70. С. 95.
127. Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1851 год // Журнал министерства народного просвещения, № 5. Ч. 74. С. 82.
128. Журнал министерства народного просвещения, 1854. № 1–3. Ч. 81. С. 28.
129. Журнал министерства народного просвещения, 1845. № 5. Ч. 46. С. 120.
130. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1844 год // Журнал министерства народного просвещения, 1845. № 4–6. Ч. 46. С. 37.
131. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5485. Л. 17 об.
132. НАРТ. Ф. 977. Оп. «Училищный комитет». Д. 1156. Л. 73.
133. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1845 год // Журнал министерства народного просвещения, 1846. № 4–6. Ч. 50. С. 39; 1846. № 7–9. Ч. 51. С. 31.
134. Журнал министерства народного просвещения, 1852. № 4. Ч. 74. С. 24.
135. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1845 год // Журнал министерства народного просвещения, 1846. № 4–6. Ч. 50. С. 38, 39; ЖМНП. 1846. № 7–9. Ч. 51. С. 31.
136. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 27.
137. Там же. С. 93.
138. *Корепанов Н.С.* В провинциальном Екатеринбурге (1781–1831 гг.). Екатеринбург, 2003. С. 30.
139. Там же. С. 171.
140. Цит. по: *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев / Под общ. ред. Г.П. Лобановой. Екатеринбург, 2000. С. 233.
141. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2506. Л. 38.
142. Там же. Л.41 об.
143. *Калинина Т.А.* Развитие горнотехнического образования на Урале в предреформенный период // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск, 1982. С. 66.
144. *Коротков Е.Н.* Материалы к истории Уральского горного училища в связи с возникновением горнотехнического образования на Урале. Екатеринбург, 1913. С. 70.
145. *Калинина Т.А.* Развитие горнотехнического образования на Урале в предреформенный период... С. 66.
146. Журнал министерства народного просвещения, 1836. № 6.

147. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище. Екатеринбург, 1890. С. 51.
148. *Диомидов Н.* Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1886. Оренбург, 1887. С. 3. В 1835 г. изъявили желание слушать все дополнительные предметы: Константин Буевский, Виктор Ярутин, Наркиз Чупин, Евграф Крезов, Никандр Милетинский и Геннадий Шипов.
149. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 52.
150. Цит. по: *Гомельская С.З.* Н.К. Чупин. Свердловск, 1982. С. 7.
151. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1839 год // Журнал министерства народного просвещения, 1840. № 5. С. 51
152. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 52, 56.
153. *Коротков Е.Н.* Материалы к истории Уральского горного училища в связи с возникновением горнотехнического образования на Урале... С. 74.
154. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 22.
155. Там же. С. 123.
156. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4827. Л. 8.
157. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1835 год // Журнал министерства народного просвещения, 1836. № 4.
158. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 19, 20.
159. Там же. С. 22.
160. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4989. Л. 7–8.
161. Там же. Д. 5343. Л. 45;Там же. Д. 5229. Л. 42.
162. Там же. Д. 5346. Л. 1–2.
163. Там же. Д. 5229. Л. 42, 56.
164. Там же. Д. 6883. Л.1 89.
165. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1842 год // Журнал министерства народного просвещения, 1843. № 5. С. 54.
166. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1841 год // Журнал министерства народного просвещения, 1842. № 4–6. Ч. 34. С. 34–35.
167. Журнал министерства народного просвещения, 1845. № 5. С. 123.
168. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1844 год // Журнал министерства народного просвещения, 1845. № 4–6. Ч. 38. С. 38.
169. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 189.
170. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 218.
171. Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1852 год // Журнал министерства народного просвещения, 1853. № 4–6. Ч. 78. С. 88.
172. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Историческая записка. Тюмень, 1870. С. 283.

173. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 218.
174. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Историческая записка. С. 290.
175. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3488. Л. 1.
176. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1847 год // Журнал министерства народного просвещения, 1848. № 4–6. Ч. 58. С. 63.
177. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1854 год // Журнал министерства народного просвещения, 1855. № 4. Ч. 86. С. 65.
178. Журнал министерства народного просвещения, 1837. № 3; Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1836 год // Журнал министерства народного просвещения, 1837. № 4.
179. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1849 год // Журнал министерства народного просвещения, 1850. № 4–6. Ч. 66. С. 76.
180. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 189.
181. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 216.
182. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1839 год // Журнал министерства народного просвещения, 1840. № 5. Ч. 26. С. 52.
183. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1847 год // Журнал министерства народного просвещения, 1848. № 4–6. Ч. 58. С. 63; 1849. № 4-6. Ч. 62. С. 191.
184. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4989. Л. 48 об.
185. Там же. Д. 4687. Л. 64.
186. Там же. Д. 5345. Л. 44.
187. Там же. Д. 4687. Л. 64.
188. Там же. Д. 5345. Л. 45.
189. Там же. Д. 5229. Л. 56.
190. Там же. Д. 4687. Л. 11.
191. Там же. Д. 4989.
192. Там же. Д. 5345. Л. 45.
193. Там же. Д. 5485. Л. 17 об.
194. Там же. Д. 5345. Л. 44.
195. Там же. Л. 44, 51.
196. Там же. Д. 4827. Л. 42.
197. Там же. Л. 59.
198. Там же. Д. 4989. Л. 48.
199. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Историческая записка. Тюмень, 1870. С. 149.
200. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5229. Л. 42.
201. Там же. Д. 4827. Л. 42.
202. Там же. Л. 59.
203. Там же. Д. 4989. Л. 7.

204. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1838 год // Журнал министерства народного просвещения, 1839. № 4. С. 49.
205. Журнал министерства народного просвещения, 1836. № 6; Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1836 год // Журнал Министерства народного просвещения, 1837. № 4.
206. *Шестаков В.* Описание уездного города Уржума // Вятские губернские ведомости, 1865. № 17. С. 94.
207. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1836 год // Журнал Министерства народного просвещения, 1837. № 4.
208. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 225.
209. Общий отчет, представленный Его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1836 год // Журнал Министерства народного просвещения, 1837. № 4.
210. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1837 год // Журнал министерства народного просвещения, 1838. № 4.
211. Вести из Елабуги // Вятские губернские ведомости, 1860. № 42. С. 290.
212. *Ермаков В.В.* Род Ушковых и народное образование в г. Елабуге // Вопросы истории, 2003. № 10. С. 138.
213. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 225.
214. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1.... С. 58.
215. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 402.
216. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 319.
217. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1... С. 58.
218. *Орлов А.* Челябинск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 1864. С. 94.
219. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4519. Л. 23–30.
220. Там же. Д. 4687. Л. 24.
221. Там же. Д. 4047. Л. 1.
222. Там же. Л. 4.
223. Там же. Л. 26, 31.
224. Там же. Л. 96, 101.
225. Там же. Л. 42.
226. Там же. Д. 6683. Л. 402.
227. Там же. Д. 4989. Л. 39.
228. Там же. Д. 5229. Л. 17.
229. Там же. Д. 5485. Л. 70.
230. Журнал Министерства народного просвещения, 1849. № 10–12. Ч. 64. С. 58.
231. Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1845 год // Журнал Министерства народного просвещения, 1846. № 4–6. Ч. 50. С. 39.
232. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного образования за 1852 год // Журнал Министерства народного просвещения, 1853. № 4–6. Ч. 78. С. 88.

233. Оренбургские губернские ведомости, 1850. № 20. Официальная часть. С. 56.
234. Оренбургские губернские ведомости, 1850. № 4. Часть официальная. С.1 6.
235. Общий отчет, представленный его императорскому величеству по министерству народного просвещения за 1838 год // Журнал Министерства народного просвещения, 1839. №4–6. С. 48.
236. Извлечения из всеподданнейшего отчета министра народного образования за 1852 год // Журнал министерства народного просвещения. 1853. № 4–6. С. 88.
237. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4989. Л. 17.
238. Там же. Л. 39.
239. Там же. Д. 6683. Л. 402.
240. Там же.
241. Там же. Л. 153–177.
241а. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 1999. С. 180.
242. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6891. Л. 48.
243. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. С. 360.
244. *Фирсов Н.А.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии. СПб., 1858. С. 35.
245. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2239. Л. 18 об., 50 об.
246. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 312.
247. Там же. Ст. 317, 318.
248. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 142.
249. Там же. С. 169.
250. Журнал министерства народного просвещения, 1836. № 1. С. 15.
251. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 170.
252. Там же.
253. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. С. 173.
254. Там же. С. 199.
255. *Фирсов Н.А.* Очерк воспитания девиц в Пермской губернии... С. 33.
256. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 51.
257. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 228, 235, 236; *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 59, 78, 80.
258. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.). ... С. 81.
259. ПСЗ-I. Т. 27. Ст. 46.
260. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 112.
261. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 81.

262. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 106 об.
263. *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Пермская губерния. Ч. II. СПб., 1864. С. 491.
264. *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Ч. 1. М., 1926. С. 18.
265. *Мерзлякова Л.В.* Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (Опыт социально-политической характеристики): Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 109.
266. Там же. С. 111.
267. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6883. Л. 197–198.
268. Еще несколько слов о женских учебных заведениях в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости, 1860. № 51. С. 374.
269. Заметки о необходимости женских училищ в Вятке и Вятском крае // Вятские губернские ведомости. 1858. № 27. С. 175.
270. Там же.
271. *Малыхин П.* О воспитании девиц // Оренбургские губернские ведомости, 1850. № 9. С. 39.
272. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 63.
273. О народном образовании в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1846. № 43. С. 515; *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 63.
274. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 402.
275. Оренбургские губернские ведомости, 1856. № 28. С. 123.
276. О частном учебном заведении в Уфе // Оренбургские губернские ведомости, 1844. № 32. С. 406.
277. О народном образовании в Оренбургской губернии... С. 515.
278. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6683. Л. 368–371.
279. *Хорошилова Л.Б.* Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 308–364.
280. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 88.
281. ПСЗ-I. Т. 37. № 28207.
282. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 88.
283. ПСЗ-II. Т. 7. № 5304.
284. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11367. Л. 28.
285. *Селезнев И.Я.* Пятидесятилетие IV отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Хроника Ведомства учреждений императрицы Марии. 1828–1878. Спб., 1879. С. 65–66.
286. Там же. С. 66.
287. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XVIII. Оренбург, 1907. С. 120.
288. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 297.
289. Об учреждении девичьего училища в Оренбурге // Оренбургские губернские ведомости, 1848. № 20. С. 80–81.
290. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города... С. 298.

291. По приглашению военных губернаторов, владельцы золотосодержащих дач отдавали в то время в пользу края по 1 % с цены добываемого ими металла.
292. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12979/11. Л. 1.
293. Там же. Л. 10 об.
294. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 94.
295. Там же.
296. *Жакмон П.П.* Из воспоминаний оренбургского старожила // Гостиный двор, 1997. № 4. С. 132–133.
297. Там же. С. 133.
298. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13415/11. Л. 5.
299. ПСЗ-II. Т. 23. № 22060.
300. *Жакмон П.П.* Из воспоминаний оренбургского старожила... С. 134.
301. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 92.
302. *Жакмон П.П.* Из воспоминаний оренбургского старожила... С. 139.
303. Журнал министерства народного просвещения, 1856. № 9. Ч. 91. С. 154.
304. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 148, 231.
305. Там же. Ст. 35, 131.
306. Там же. Ст. 214, 295, 298, 299, 301.
307. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII–первая половина XIX в. ... С. 281.
308. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). С. 40.
309. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 128.
310. Журнал министерства народного просвещения, 1855. № 1–3. Ч. 85. С. 29.
311. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1994. С. 199.
312. Там же. С. 200–201.
313. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 52
314. Там же. С. 52–53.
315. Там же. С. 51.
316. Журнал министерства народного просвещения, 1838. Август.
317. См.: *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1.... С. 79.
318. Журнал министерства народного просвещения, 1843. № 10–12. Ч. 40. С. 75; 1851. № 4–6. Ч. 70. С. 26; 1855. № 11. Ч. 88; 1856. № 9. Ч. 91. С. 54.
319. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 6191. Л. 1380.
320. ПСЗ-II. Т. 3. № 2502. Ст. 203, 204, 205.
321. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811-1865) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. Вятка, 1905. С. 59.
322. Там же. С. 63.
323. Там же. С. 93, 123.
324. Там же. С. 63.
325. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 202.

326. О состоянии Вятской воскресной школы в первое полугодие ее существования // Вятские губернские ведомости, 1861. № 30. С. 251.
327. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 164.
328. Там же. С. 200.
329. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 68, 77, 81, 110, 111.
330. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 70.
331. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1.... С. 79; *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII – первая половина XIX в.)... С. 70.
332. Цит. по: *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев... С. 238.
333. *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев... С.271.
334. *Карнишина Н.Г.* Столица и провинция в России: управление, контроль, информационная среда (середина 50-х–80-е годы XIX века): Дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. С. 89.
335. *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 201.
336. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова... С. 82.
337. *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания / Пер. с немецкого О.И. Жигалиной и Э.Ф. Шмидта. М., 1978. С. 266–267.
338. *Курочкин Ю.М.* Из театрального прошлого Урала. Заметки собирателя. Свердловск, 1957. С. 87.
339. *Шкерин В.А.* Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 313.
340. *Костерина-Азарян А.Б.* Театральная старина Урала. Екатеринбург, С.137.
341. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Историческая записка... С. 84, 148.
342. Оренбургские губернские ведомости. 1849. № 22. С.67.
343. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 93.
344. Оренбургские губернские ведомости. 1850. № 4. С. 16.
345. *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг. Казань, 1985. С. 89; *Павлов В.А.* Очерки истории журналистики Урала. Т. 1. 1760–1860. Екатеринбург, 1992. С. 192.
346. Цит. по: *Павлов В.А.* Очерки истории журналистики Урала. Т. 1. 1760–1860. С. 192.
347. *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг. ... С. 89.
348. Там же. С. 97.
349. *КозляковВ.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города... С. 156–157.
350. *Верхоланцев В.* Город Пермь, его прошлое и настоящее: Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913. С. 148.
351. Несколько слов о Троицке. Извлечено из писем к Р. // Оренбургские губернские ведомости, 1849. № 23. С. 130.

Глава IV

1. См., например: Апогей самодержавия? Нехрестоматийные размышления об императоре Николае I // Родина, 1997. № 2. С. 55.
2. Цит. по: *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 13.
3. Цит по: *Козляков В.Н., Севастьянова А.А.* Культурная среда провинциального города... С. 162.
4. Цит. по: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостнической к России капиталистической. М., 1985. С. 106.
5. Цит. по: *Бастракова М.С., Павлова Г.Е.* Наука: власть и общество // Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 358.
6. Там же. С. 361.
7. *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 172.
8. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической... С. 240.
9. Там же. С. 242.
10. *Карпачев М.Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX века. Т. 4 Общественная мысль. М., 2003. С. 227.
11. Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 7. С. 30.
12. Там же. С. 283.
13. *Кимбел Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху Великих реформ. 1859-1863 // Великие реформы в России. 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 261.
14. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 212.
15. *Кандаурова Т.Н.* Гимназии // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 95.
16. *Колесников Л.Ф.* Эффективность образования. М., 1991. С. 12–28.
17. *Лушников А.М.* История педагогики: Учеб. пособие для студентов педагогических высших учебных заведений. Изд. 2-е. Екатеринбург, 1995. С. 85.
18. *Сысоева Е.К.* Народная школа // Очерки истории русской культуры. Т. 3. Культурный потенциал общества. М., 2001. С. 40.
19. ПСЗ-II. Т.39. Отделение первое. № 41068.
20. *Шкерин В.А.* Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 232.
21. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 687. Л. 655.
22. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 372; *Коротков Е.Н.* Материалы к истории Уральского горного училища в связи с возникновением горнотехнического образования на Урале. Екатеринбург, 1913. С. 92.
23. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 372.
24. Пермские губернские ведомости, 1861. № 50. С. 770.

25. *Будрин В.И.* Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1911 гг. Краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911. С. 15.
26. Сто лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948. С. 53.
27. *Злоказов Л.Д., Семенов В.Б.* Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. С. 272.
28. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 79. Л. 35.
29. ПСЗ-II. Т. 32. № 32524.
30. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8370. Л. 14.
31. *Лапин Н.А.* Революционно-демократическое движение в Западной Сибири. Свердловск, 1967. С. 57; *Кривоногов В.Я., Козлов А.Г.* Революционные традиции // Среднее специальное образование, 1957. № 11. С. 42.
32. Цит. по: *Рабинович Я.Б.* Ревнители прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х – начале 80-х годов XIX века. Пермь, 1989. С. 12.
33. *Семенов В.* Мировоззрение Д.Д. Смышляева. Идейное наследие и судьба пермского либерала. Пермь, 2001. С. 42.
34. *Ленин В.И.* От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 505–550.
35. *Павлов В.А.* Очерки истории журналистики Урала. Т. 1. 1760–1860. С. 213.
36. *Семенов В.* Мировоззрение Д.Д. Смышляева. Идейное наследие и судьба пермского либерала... С. 30.
37. *Дмитриев А.* Памяти Н.А. Фирсова // Пермские губернские ведомости, 1896. № 95. С. 2.
38. *Семенов В.* Мировоззрение Д.Д. Смышляева. Идейное наследие и судьба пермского либерала... С. 30.
39. *Зверев А.В.* Старейшее учебное заведение города Перми: К столетию Пермской мужской гимназии (1808–1908). С. 51.
40. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 272.
41. Там же. С. 131.
42. Там же. С. 132.
43. Извлечение из Отчета министерства народного просвещения за 1856 год // Журнал министерства народного просвещения, 1857. № 7–9. Ч. 95. С. 86.
44. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 132.
45. *Пенн С.С.* Сведение о ходе образования в течении академического 1860-1861 года в учебных заведениях, подведомственных министерству народного просвещения в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости, 1861. № 40. С. 577.
46. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 93.
47. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 112–113.
48. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865). С. 61.
49. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 113.
50. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909. Л. 47.

51. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 115.
52. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865). С. 106.
53. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 135.
54. Там же. С. 136.
55. Там же. С. 136, 148.
56. *Спицын А.А.* Из истории Вятской гимназии. Преподаватели русского языка и словесности Вятской гимназии в 1811–1865 гг. // Календарь Вятской губернии на 1892 год. Вятка, 1891. С. 332.
57. Там же.
58. Цит. по: *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки. Петропавловск-Камчатский, 1994. С. 35.
59. Там же. С. 40.
60. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865)... С. 91.
61. *Васильев М.Г.* История Вятской гимназии за сто лет ее существования... С. 115.
62. *Спицын А.А.* Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии (1811–1865)... С. 89.
63. *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки. С. 43.
64. Оренбург. Из письма редактору // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 7. С. 31.
65. Оренбургская летопись // Оренбургские губернские ведомости. 1860. № 1. С. 47.
66. *Шевич В.* Уфа // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 1865. С. 45.
67. *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг. ... С. 120.
68. Оренбургские губернские ведомости, 1858. № 47. С. 200.
69. Там же. С. 201.
70. Там же. С. 202.
71. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 79.
72. *Поликарпов А.* Краткий исторический очерк 75-летия Уфимской мужской гимназии (1828–1903). Уфа, 1904. С. 11.
73. Журнал министерства народного просвещения, 1858. № 10–12. Ч. 100. С. 18.
74. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 415.
75. Там же. Д. 7907. Л. 517.
76. Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 2. С. 9.
77. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 416.
78. Там же. Д. 7908. Л. 306.
79. Там же. Д. 7907. Л. 517.
80. Там же. Д. 8308. Л. 416.
81. ПСЗ-II. Т. 32. № 32524.
82. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820–1870). Историческая записка... С. 211.
83. Там же. С. 218.

84. Там же. С. 291.
85. *Пенн С.С.* Сведение о ходе образования в течение академического 1860-1861 года в учебных заведениях, подведомственных министерству народного просвещения в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости, 1861. № 40. С. 577.
86. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8070. Л. 3.
87. Там же. Д. 7907. Л. 190.
88. Там же. Д. 8308. Л. 222.
89. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 121.
90. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881). С. 39; Извлечение из отчета Министерства народного просвещения за 1858 год // Журнал министерства народного просвещения, 1859. № 7–9. Ч. 103. С. 89.
91. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881)... С. 80.
92. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 104.
93. Там же. Л. 230–231.
94. Там же. Л. 179–185.
95. Отчего беднеют уездные города // Вятские губернские ведомости, 1858. № 35. С. 224.
96. *Кузнецов А.* Местная причина упадка некоторых уездных городов Вятской губернии // Вятские губернские ведомости, 1859. № 9. С. 63.
97. Цит. по: *Судовиков М.* Машковцевы. Купцы и общественные деятели // Купечество вятское: Исторический сборник / Ред.-сост. М. Судовиков, Т. Николаева. Киров, 1999. С. 23.
98. *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки. С. 43.
99. Об открытии в городе Нолинске уездного училища // Вятские губернские ведомости, 1861. № 35. С. 288.
100. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 174.
101. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 271.
102. Извлечение из отчета Вятского уездного училища за 1860–1861 учебный год, читанного на акте штатным смотрителем 5 июля 1861 г. // Вятские губернские ведомости, 1861. № 29. С. 240.
103. *Ермаков В.В.* Род Ушковых и народное образование в г. Елабуге // Вопросы истории, 2003. № 10. С. 138.
104. *Петров В.* Капитон Яковлевич Ушков (некролог) // Вятские губернские ведомости, 1868. № 20. С. 8.
105. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909. Л. 111.
106. Вести из Елабуги // Вятские губернские ведомости, 1860. № 38. С. 258.
107. Вести из Елабуги // Вятские губернские ведомости, 1860. № 42. С. 291.
108. *Ильин В.Ф.* Троицк // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 1865. С. 20.
109. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 415.
110. Там же. Л. 420–425.
111. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881 гг.)... С. 29.
112. Из Яранска // Вятские губернские ведомости, 1865. № 80. С. 342.
113. *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом. Ч. 1. М., 1926. С. 15.
114. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881). С. 57–58.
115. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 323.

116. *Попов В.Е.* Шадринское уездное училище (1812–1881). С. 37.
117. Извлечение из отчета Вятского уездного училища за 1860-1861 учебный год, читанного на акте штатным смотрителем 5 июля 1861 г. // Вятские губернские ведомости, 1861. № 29. С. 240.
118. Об открытии в городе Бирске публичной библиотеки при уездном училище // Вятские губернские ведомости, 1859. № 44. С. 253.
119. *Глебов И.М.* Несколько слов в пользу библиотек в уездных городах при училищах» // Вятские губернские ведомости, 1859. № 2. С. 11.
120. О библиотеке при Котельничском уездном училище // Вятские губернские ведомости, 1862. № 44. С. 316.
121. *Иконников В.* Пятидесятилетие Ирбитского уездного училища (1820-1870). Историческая записка... С. 210.
122. Там же. С. 7, 8.
123. Цит. по: *Павлов В.А.* Очерки истории журналистики Урала. Т. 1. Екатеринбург, 1992. 1760–1860. С. 233.
124. *Сысоева Е.К.* Народная школа // Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. М., 2001. С. 51.
125. *Шалин А.П.* Историческая записка о Екатеринбургском городском четырехклассном училище... С. 18.
126. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 218.
127. ПСЗ-II. Т.39. Отделение первое. № 41068. Ст. 8.
128. Об учреждении женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 18. С. 76.
129. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII–первая половина XIX вв.). С.78; *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образований в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 270.
130. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7908. Л. 170.
131. Там же. Д. 7909. Л. 106.
132. Там же. Д. 7914. Л. 25.
133. Оренбургские губернские ведомости, 1859. № 28.
134. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века. Ч. 1. С. 97.
135. Оренбург // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 7. С. 31.
136. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7914. Л. 23.
137. Там же. Д. 7908. Л. 298.
138. Из Яранска // Вятские губернские ведомости, 1865. № 80. С. 342.
139. *Слудковская И.А.* Народное образование в Пермском крае в конце XIX – начале XX вв. Пермь, 1998. С. 22.
140. ПСЗ-II. Т.39. Отделение первое. 1864. № 41068.
141. Журнал министерства народного просвещения, 1861. № 7–9. Ч. 111. С. 72.
142. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 272, 278.
143. *Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1864. С. 451; *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 280, 281.

144. *Удинцев С.А.* Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии. Ирбит, 1892. С. 8.
145. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 282.
146. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 221 об.
147. ПСЗ-II. Т. 34. № 35076.
148. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 107–111, 232–243.
149. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 283.
150. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 161–188.
151. Там же. Л. 435.
152. Там же. Д. 7907. Л. 517; Д. 8308. Л. 425.
153. *Гросул В.Я.* Русское общество XVII–XIX веков: Традиции и новации М., 2003. С. 327.
154. Воскресная школа в Нытвинском заводе // Журнал министерства народного просвещения, 1860. № 7. С. 17.
155. *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 6.
156. Статистические известия о воскресных училищах в США // Журнал министерства народного просвещения, 1844. Май. С. 18.
157. Общество распространения полезных знаний в рабочих классах народа // Журнал министерства народного просвещения, 1844. Декабрь. С. 19.
158. *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее... С. 7.
159. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909. Л. 62.
160. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 271; Пермские губернские ведомости, 1860. № 42; 1861. № 40; 1860. № 51; 1861. № 50.
161. Пермские губернские ведомости, 1860. № 42.
162. Там же. № 49.
163. О состоянии первой воскресной школы в городе Перми (с 6 ноября 1860 г. по 5 июля 1861 г. // Журнал министерства народного просвещения, 1861. № 10. Ч. 112. С. 35.
164. Пермские губернские ведомости, 1860. № 48.
165. Там же. №49.
166. *Рабинович Я.Б.* Ревнители прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале. Пермь, 1989. С. 18.
167. См., например: *Горовой Ф.С.* Революционно-демократическое движение в Пермской губернии в 60-х годах XIX века. Пермь, 1952; *Хотяков Я.И.* Нелегальная работа библиотек А.И. Иконникова (1859–1862) // Советская библиография: Сб. статей и материалов. Вып. 2. М., 1952. С. 49–59; *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974; *Линков Я.И.* Революционная борьба А.И. Герцена и Н.П. Огарева и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964.
168. *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале... С. 222.
169. *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической... С. 283.
170. Пермские губернские ведомости, 1860. № 51.

171. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7908. Л. 107.
172. Пермские губернские ведомости, 1861. № 50.
173. *Пенн С.С.* Сведения о ходе образования в течении академического 1860–1861 года в учебных заведениях, подведомственных Министерству народного просвещения в Пермской губернии // Пермские губернские ведомости, 1861. № 40. С. 580.
174. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7908. Л. 111.
175. Пермские губернские ведомости, 1860. № 41.
176. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7907. Л. 166.
177. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 332. Л. 1–7.
178. *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки... С. 44.
179. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909. Л. 62.
180. Вятские губернские ведомости, 1860. № 37.
181. *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки... С. 45.
182. О состоянии Вятской воскресной школы в 1861 году // Вятские губернские ведомости, 1862. № 13 С. 97.
183. Вятская воскресная школа // Вятские губернские ведомости, 1862. № 9. С. 66.
184. Положение о Вятской воскресной школе, принятое преподавателями в происходивших между ними совещаниях // Вятские губернские ведомости, 1861. № 28. С. 229–233.
185. О состоянии Вятской воскресной школы в первое полугодие ее существования // Вятские губернские ведомости, 1861. № 30. С. 248–252; *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки. С. 46.
186. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909. Л. 62.
187. О состоянии Вятской воскресной школы в первое полугодие ее существования // Вятские губернские ведомости, 1861. № 30. С. 251.
188. *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее... С. 73.
189. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 48. Л. 65.
190. *Шевич В.* Уфа // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 1865. С. 47.
191. *Сергеев В.Д.* Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки... С. 45; *Рабинович Я.Б.* Ревнители прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х – начале 80-х годов XIX века. Пермь, 1989. С. 50; *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале. Казань, 1974. С. 207.
192. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 332. Л. 8.
193. *Абрамов Я.В.* Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее... С. 66.
194. *Гончаров Ю.М.* Родители и дети в семьях провинциальных горожан середины XIX – начала XX в. // Пятые Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 47.
195. *Хорошилова Л.Б.* Женское образование и воспитание // Очерки русской культуры XIX века. Культурный потенциал общества. М., 2001. С.309.
196. Рабинович Я.Б. Ревнители прав народных. Очерки по истории революционно-демократического движения на Урале... С. 23–43.
197. ПСЗ-II. Т. 33. Отделение 1. № 33221.
198. ПСЗ-II. Т. 35. Отделение 1. № 35780.

199. *Хорошилова Л.Б.* Женское образование и воспитание... С. 342.
200. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 279, 281.
201. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7908. Л. 105.
202. Там же. Д. 7911. Л. 88 об.
203. *Верхоланцев В.С.* Город Пермь. Его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1994. С. 90.
204. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7911. Л. 84. Источником для этих сведений служит отчет Попечительного совета Пермского женского училища попечителю Казанского учебного округа. В.Н. Шишонко в своем исследовании приводит иную фамилию начальницы. Судя по его данным, начальницей Пермского женского училища первого разряда была назначена вдова чиновника М.В. Колюбякина (См.: *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. С. 266). Очевидно, В.Н. Шишонко имеет в виду вторую начальницу, получившую этот пост после ухода М.Ф. Ильиной в отставку в июне 1861 г.
205. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7911. Л. 84–91.
206. Там же. Д. 7907. Л. 190.
207. Там же. Д. 7908. Л. 178.
208. Пермские губернские ведомости, 1860. № 40.
209. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7911. Л. 84–91.
210. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 267.
211. РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. 1869 г. Д. 44. Л. 7 об.
212. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 273.
213. Пермские губернские ведомости, 1860. № 40.
214. Там же. № 47.
215. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7911. Л. 84–91.
216. Там же. Д. 7908. Л. 166.
217. Протокол заседания педагогического совета Пермской гимназии // Пермские губернские ведомости, 1860. № 40.
218. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 226.
219. Там же. Д. 7911. Л. 84–91.
220. Пермские губернские ведомости, 1860. № 34.
221. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7911. Л. 22.
222. Там же. Д. 8308. Л. 123.
223. Там же. Д. 8101. Л. 38.
224. Там же. Д. 7911. Л. 23.
225. *Калинина Т.А.* Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.)... С. 61.
226. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8101. Л. 39 об.
227. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 274, 286.
228. Извлечение из отчета Чердынского приходского училища. // Пермские губернские ведомости, 1864. № 5. С. 28.

229. *Удинцев С.А.* Очерк развития народного образования в Ирбитском уезде Пермской губернии. Ирбит, 1892. С. 8.
230. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 129.
231. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений... С. 285.
232. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 234.
233. Там же. Л. 129.
234. Вятские губернские ведомости, 1859. № 42. С. 205.
235. По поводу открытия женских школ // Вятские губернские ведомости, 1859. № 30. С. 200.
236. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
237. *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1910 год. Вятка, 1909. С. 58.
238. Там же. С.57.
239. Там же.
240. Там же. С. 56.
241. Там же.
242. Там же. С. 178.
243. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии // Столетие Вятской губернии. 1780-1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 2. Вятка, 1881. С. 652.
244. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
245. Отчет о состоянии Вятского женского училища первого разряда за 1860-1861 учебный год // Вятские губернские ведомсти, 1861. № 34. С. 280.
246. *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год)... С. 30.
247. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии... С. 652.
248. *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год)... С. 106.
249. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии. С. 654; *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год)... С. 35.
250. Вятские губернские ведомости, 1859. № 42. С. 205.
251. Отчет о состоянии Вятского женского училища первого разряда за 1860/1861 учебный год // Вятские губернские ведомости, 1861. № 34. С. 281.
252. *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год)... С. 3, 10.
253. Там же. С. 29.
254. Историко-статистические сведения об учебных заведениях Вятской губернии. С.6 51.
255. Об открытии в Вятке женского приходского училища // Вятские губернские ведомости, 1860. № 40. С. 274.
256. Еще несколько слов о женских учебных заведениях в Вятской губернии // Вятские губернские ведомости, 1860. № 51. С. 374.
257. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
258. Об открытии в городе Слободском женского училища // Вятские губернские ведомости, 1860. № 4. С. 19–20.

259. Извлечение из отчета о состоянии Слободского женского училища второго разряда // Вятские губернские ведомости, 1861. № 37. С. 303.
260. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
261. Извлечение из отчета о состоянии Елабужского женского училища второго разряда за 1860-1861 учебный год // Вятские губернские ведомости, 1861. № 41. С. 336–337.
262. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
263. *Ермаков В.В.* Род Ушковых и народное образование в городе Елабуге // Вопросы истории, 2003. № 10. С. 139.
264. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
265. Местные известия // Вятские губернские ведомости, 1858. № 46. С. 298–299. Обещанный к пожертвованию со стороны М.И. Кардакова дом в пользу школы, очевидно, так и не поступил. В 1863 г., судя по отчету дирекции, она размещалась в деревянном двухэтажном доме, нанимаемом на градскую сумму (НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196).
266. Местные известия // Вятские губернские ведомости, 1858. № 50. С. 329–330.
267. Местные известия // Вятские губернские ведомости, 1860. № 9. С. 51–52.
268. Извлечение из отчета о состоянии женских училищ в городе Котельниче // Вятские губернские ведомости, 1861. № 33. С .272.
269. Об открытии в городе Котельниче второразрядного женского училища // Вятские губернские ведомости, 1861. № 2. С. 16.
270. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 196.
271. Местные известия // Вятские губернские ведомости, 1858. № 51. С. 337.
272. Об открытии женского училища в городе Сарапуле // Вятские губернские ведомости, 1860. № 24. С. 159.
273. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 197.
274. Местные известия // Вятские губернские ведомости, 1860. № 9. С. 53.
275. О возможности скорого открытия женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1859. № 9. С. 58.
276. Пожертвование в пользу предполагаемо к открытию Уфимской женской гимназии // Журнал министерства народного просвещения, 1860. № 7. Ч. 107. С. 6.
277. О возможности скорого открытия женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1859. № 9. С. 59.
278. Об учреждении женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 18. С. 76–82.
279. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13885. Л. 9.
280. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 437.
281. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13885. Л. 2.
282. Там же. Л. 1–5.
283. Об учреждении женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 30. С. 79.
284. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 438.
285. Там же. Д. 7911. Л. 28.
286. Об учреждении женских училищ в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1860. № 30. С. 78.
287. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 438.
288. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города... С. 298.
289. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 96.

290. *Столпянский П.Н.* Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города... С. 298.
291. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7911. Л. 98.
292. Там же. Д. 8070. Л.2 4.
293. Там же. Д. 8101. Л. 65.
294. *Мирсаитова С.Г.* Народное образование на Южном Урале в первой половине XIX века... Ч. 1. С. 99.
295. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 437.
296. После начала работы второразрядного училища бесплатная женская школа прекратила свои занятия.
297. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 437.
298. Новости по народному образованию в Оренбургской губернии // Журнал министерства народного просвещения, 1861. № 4–6. Ч. 110. С. 120.
299. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 438.
300. Там же. Д. 8312. Л. 17–20.
301. Там же. Д. 8308. Л. 438.
302. Там же. Д. 8101. Л. 61.
303. *Григорьев В.В.* Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 549.
304. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 263.
305. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX в.... С. 287.
306. *Алешинцев И.А.* История гимназического образования в России (XVIII и XIX века)... С. 263.
307. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Отв. ред. А.И. Пискунов. М, 1976. С. 195.
308. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л.4 13.
309. Цит. по: *Спасская Л.* Краткий исторический очерк Вятской Мариинской женской гимназии за 50 лет ее существования (с 1859 по 1909 год)... С. 165.
310. *Вульфсон Г.Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации... С. 116.
311. Там же. С. 81.
312. Там же. С. 117.
313. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 8308. Л. 102, 179, 226.
314. Там же. Л. 102–110; 179–188; 226–243; 420–428.
315. *Миронов Б.Н.* Ученость – вот чума, ученость – вот причина. Культурный капитал России за 1000 лет // Родина, 2006. № 6. С. 5–7.
316. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 331–342.

Заключение

1. Обзор литературы, посвященной данной теме, см. в кн.: *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. М., 1999. С. 315–329.
2. *Шишонко В.Н.* Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений. Екатеринбург, 1879. С. 231.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Основание государственной системы просвещения 35

Образовательная политика Екатерины II. Устав народных училищ 1786 г. 35
Реализация реформы учебного дела на Урале. Первые городские школы 46
Школа в культурной среде провинциальных городов конца XVIII – начала XIX в.Учителя и учащиеся 58

ГЛАВА II. Образовательная реформа начала XIX в.: замыслы и реальность 72

Реформа 1803–1804 гг. Новая структура образования в провинции 72
Взаимодействие власти и общества в становлении и развитии новой школы 79
Изменения в преподавательском корпусе уральской городской школы 112
Школа в повседневности уральского города первой четверти XIX в. Усилия власти и образовательные стратегии провинциалов 134

ГЛАВА III. «Время страха и трепета...»: городская школа в период правления Николая I 143

Консервативные изменения в российской системе образования. Школьный устав 1828 г. 143
Общее состояние и динамика развития среднего и начального образования в уральских городах 161
Состав и общественный статус педагогического персонала городских училищ 221
Культурное движение в провинции. Рост влияния школ на общественную и культурную жизнь уральского города 238

ГЛАВА IV. Школа и общество перед Великими реформами 246

Подготовка демократических преобразований системы российского образования. Городские школы Урала перед реформой 1864 г. 246
Развитие частной и общественной инициативы в народном образовании. Участие горожан в поддержке воскресных школ и женских училищ 295
Состав и положение педагогических кадров городских школ ... 339

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 356

ПРИМЕЧАНИЕ 366

Научное издание

Дашкевич Людмила Александровна

ГОРОДСКАЯ ШКОЛА В ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ УРАЛА (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории
и археологии и НИСО УрО РАН

ЛР № 020764 от 24.04.98 г.

Редактор **Аллаярова В.С.**
Корректор **Гукаленко В.А.**
Компьютерная верстка **Гусевой Е.О.**

НИСО УрО РАН № 54(06)–251.
Сдано в набор 11.08.06. Подписано в печать 10.11.06.
Формат 60×84 1/16 Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,75. Уч.-изд. л. 26. Тираж 300. Заказ 219.

Оригинал-макет изготовлен в РИО УрО РАН.
620219, Екатеринбург, ГСП-169, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано в типографии
"Уральский центр академического обслуживания".
620219. Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.